А.А. Каздым

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ БЫЛИ

Москва
2012

А.А. Каздым

Геологические были

ISBN 978-590183756-6
УДК 56:504
ББК 28.1

Эта книга – про то, что автор слышал, видел, испытал и написал сам. Кое-что досужий и любопытный читатель, и даже критик, может быть читал на страницах небольшого сборника «Рассказы научного бродяги», увидевшего свет в 2010 году.

В этой книге - и то, что было написано ранее, исправленное и отредактированное, и то, что было написано позже.

Автор не претендует на литературные лавры, он пишет скорее для себя, но, всё же надеется, что некоторые его рассказы, воспоминания и заметки заинтересуют читателя.

© А.А. Каздым, текст
© А.А. Каздым, фотографии

Тираж 300 экз.
Типография «ЧП Скороходов В.А.»

Москва, 2013

КАЗДЫМ АЛЕКСЕЙ АРКАДЬЕВИЧ

Кандидат геолого-минералогических наук (Doctor of geology), автор и соавтор более 800 научных, научно-популярных, популярных публикаций и интернет-публикаций, в том числе ряда учебных пособий и учебных программ, а также 10-и книг и монографий (**лично** и в соавторстве).

Автор литературного сборника «Рассказы научного бродяги» (2010).

Сотрудничал с журналами: «Экология и жизнь», «Discovery», «Тайны XX века», «Навигатор Ювелирной торговли», «Ювелирное обозрение», «Бизнес-Обозрение», «История науки и техники», «Москвоведение», «Государственное управление ресурсами», «Путешествие по России», «Наука в России», «Почвоведение», «Уральский геологический журнал», «Экологические системы и приборы», «Прикладная аналитическая химия», «Прикладная токсикология», «Жизнь без опасностей. Здоровье. Профилактика. Долголетие», «Общие вопросы химической технологии», «Маркшейдерия и Недропользование», «Вестник РУДН», «Вестник ЧелГУ», «Вестник МГУ», «Вестник молодых ученых. Серия «Прикладная математика и механика», «Известия ВУЗов. Геология и разведка», «Геоэкология», «Альтернативная энергетика и экология», «Психология для руководителя», «Психология для всех», «Мастер продаж», «Секретарское дело», «Вісник ХДАУ», «Вісник ХНАУ», «Science in Russia», «Eurasian Soil Science», с газетами «Литературная Россия», «Экономическая и философская газета», «Время Чеховское», «Обзор» (Чикаго), а также публиковался в многочисленных российских и зарубежных научных сборниках.

- *Академик Международной Академии наук (МАН);*
- *Академик Международной Академии наук по экологии и безопасности жизнедеятельности (МАНЭБ);*
- *Советник Российской Академии Естествознания (РАЕ);*
- *Действительный член Охотинского общества грунтоведов;*
- *Член-корреспондент Московского Общества испытателей природы (МОИП)*
- *Член Академии изящной словесности и семи свободных искусств (Германия)*
- *Действительный член Российского минералогического общества и член кристаллографического общества России.*
- *Обладатель Сертификата «Выдающиеся учёные России»*

Часть 1

РАССКАЗЫ НАУЧНОГО БРОДЯГИ

П Р Е Д И С Л О В И Е

Автор более 15 лет проработал в геологических экспедициях и почти 10 лет в экспедициях с почвоведами и археологами.

*Автор **предупреждает**, что все события в его рассказах основаны на реальных событиях, и всё что описано - где-то, когда-то и с кем-то произошло.*

*Автор **предупреждает**, что все его рассказы частично автобиографичны, но читателю не следует думать, что то, о чем написано, произошло именно с автором. Одни истории автор слышал, свидетелем и участником других событий был сам.*

*В рассказах описаны **реальные события, реальные пейзажи и реальные люди**. Естественно, как и в любых литературных произведениях, есть место вымыслу, а некоторые герои приукрашены, кто-то в лучшую, а кто-то, к сожалению, и в худшую сторону.*

Автор отнюдь **не претендует** на высокохудожественность своих рассказов, и понимает, что всегда есть место для критики и критиков, а критики для того и существуют, чтобы критиковать.

Автор ***не является профессиональным литератором***, **нигде и никогда не учился** писать художественные произведения.

И вообще учился плохо…

События, описанные автором, происходили в период с конца 70-х по начало 90-х годов XX века. Но автор слышал рассказы людей, начинавших работу в геологии в начале-середине 50-х годов XX века, и ещё заставших времена Дальстроя, плана, бичей-уголовников, сплавы по бурным неведомым рекам, караваны лошадей, оленей или ишаков, и сложнейшие, тяжелейшие пешие маршруты по тайге, степям и горам.

Досужий читатель, и уж тем более критик, может сказать, что автор «романтизировал» героев, но это не совсем так. «Романтика» дальних пеших маршрутов, лошадей и оленей, тяжелейших условий заброски и работы на далёких, оторванных от всего мира участках, да и многое другое, в общем-то, закончилась в семидесятых годах XX века, и уже в конце семидесятых - начале восьмидесятых началась обычная рутинная работа – отбор проб, рисование карт, оконтуривание месторождений, описание керна и прочее.

В тех краях, где раньше было «зеленое море тайги» или бескрайние и безводные степи, выросли посёлки и даже города, рудники, комбинаты, карьеры и шахты, и куда раньше приходилось добираться неделю, а то и две, теперь можно добраться за час-другой.

На смену собачьим упряжкам, оленям и лошадям пришли УАЗы, ГАЗы, «Уралы» и МАЗы, вездеходы, самолёты и вертолёты, и в маршруты уже обычно не ходили, а ездили или летали.

К сожалению, та «геология», которую ещё застал автор, фактически закончилась в 1991 году после развала СССР, немного теплилась до 1993 года, и окончательно развалилась в конце 90-х. На смену **профессиональным** геологам–полевикам, ученым-геологам, геологам–производственникам пришли некомпетентные управленцы, жадные «менеджеры от геологии», и всё, что можно было продать, было продано за бесценок, разгромлены геологические институты, многочисленные геологические управления и экспедиции на местах; брошены и разрушены геологические базы и посёлки, сдано в металлолом оборудование, буровые станки и техника, выброшены миллионы шлифов, проданы за границу уникальные образцы, а секретная документация, карты и отчеты исчезли «неизвестно куда».

Впрочем, об этом можно и не говорить, ведь тем, кто работал и работает до сих пор (что удивительно!) в геологии, и так всё это хорошо известно, и главное (к сожалению!) – это продолжается и сейчас.

Нет, будем справедливы, автор ещё застал и сводящие с ума тучи гнуса в тайге, безжалостное солнце и пыльные бури казахских степей, раскалённые пески пустынь Туркмении и Узбекистана, непрекращающиеся дожди Приполярного Урала, снег в июле на Четласском Камне, комариные болота Западной Сибири, мокрые палатки, неподъемные рюкзаки с пробами и образцами, тяжёлые пешие маршруты и многодневное ожидание вертолета.

Поэтому автор, принадлежа к «полевому братству» и проработав почти 25 лет «в поле», считает, что имеет право описывать события *так, как они происходили, или так, как они могли бы произойти*. *И каждый читатель узнает в героях рассказов своих друзей, знакомых, а может даже и себя самого!*

В добрый путь!

....КАК ВЬЮГОЙ ЗАМЕТАЛО НА БЕЛЫХ ПЕРЕВАЛАХ,
НО ПАРУСА ПАЛАТОК ОТКРЫТЫ ВСЕМ ВЕТРАМ,
ТЫ ПОМНИШЬ ЛИ ГИТАРА, КАК НАС С ТОБОЙ МОТАЛО,
С ЧУКОТКИ ДО ЯМАЛА, ПО КРАЙНИМ СЕВЕРАМ....

И ПУСТЬ ГОРЬКИ УТРАТЫ, НЕ ВЕРЬ НИ СНАМ, НИ ДАТАМ,
А ТОЛЬКО ВЕРЬ В ДОРОГУ, ЧТО ПРОЛЕГЛА ВДАЛИ,
И НАМ ЛИ ЖИТЬ В ПЕЧАЛИ, ЧТО ГОДЫ РАЗМЕНЯЛИ,
МЫ НЕ МЕНЯЛИ ДУШИ НА ДЛИННЫЕ РУБЛИ....

В. Туриянский

Для несведущего читателя, незнакомого с «романтикой дальних странствий», и наблюдающего мир по «телеящику», из окон квартиры, отеля или с пляжного лежака, автор решил составить небольшой толковый словарь, хотя автор и не уверен, что эта книга попадёт в руки именно такого читателя.

Краткий толковый словарь терминов

Вертолёт (он же «вертак» и «борт») – некий летающий «транспорт», то, что геолог (см. геолог) всегда ждет неделями.

Геолог – человек не от мира сего, который ходит с рюкзаком (см. рюкзак) и с молотком (см. молоток) по тайге (см. тайга) и чего-то ищет, а чего не видно. «Первый певец геологии» Олег Куваев (см. Куваев О.) писал, что геолог - это «помесь вьючного животного с человеком». Такого рода мутанты вымерли к концу 70-х годов XX века.

Гнус – то, что всегда кусает геолога (см. геолог) в поле (см. поле) и маршруте (см. маршрут)

ГРЭ - геологоразведочная экспедиция – место работы геолога (см. геолог)

Девушка – та, кто ждет геолога (см. геолог) из маршрута (см. маршрут) или поля (см. поле). Или уже не ждет…

Дом – место, где геолога (см. геолог) ждет девушка (см. девушка). Или уже не ждет…

Золото – то, что по мнению рядового обывателя, ищет геолог (см. геолог).

Колыма – река, где геологи (см. геолог) ищут золото (см. золото)

Куваев, Олег – писатель и геолог (см. геолог), первый написал про геологов (см. геолог); певец, он же акын геологии, воспел золото (см. золото) Колымы (см. Колыма).

Маршрут – многодневная пешая прогулка геолога (см. геолог) с молотком (см. молоток) и рюкзаком (см. рюкзак) по тайге (см. тайга).

Медведь – животное, постоянно сопровождающее геолога (см. геолог) и часто служащее источником пищи для него. И наоборот…

Молоток – некий инструмент, необходимый для отбивания образцов (см. образец), пальцев и для фотографирования на фоне скал и девушек (см. девушка).

Тайга – густой, темный и непроходимый лес, где ходят геологи (см. геолог) и медведи (см. медведь).

Тушёнка – еда.

Образец – невзрачный кусочек камня, очень ценимый геологом (см. геолог), отбиваемый молотком (см. молоток) и тщательно спрятанный в рюкзак (см. рюкзак). Обычно выбрасывается по приезду домой (см. дом).

Палатка – брезентовый переносной дом (см. дом), где живут геологи (см. геолог). Палатка обычная дырявая, сырая и в ней не ждут писем.

Поле, полевой сезон – время работы геолога (см. геолог). Длится обычно с весны по осень. Но как писал Олег Куваев (см. Куваев О.), поле заканчивается тогда, когда из него возвращаются домой (см. дом), поэтому для некоторых геологов (см. геолог) поле длится почти круглый год или почти всю жизнь.

Погода – то, чего никогда нет.

Рюкзак – некий объемный и тяжелый предмет в виде мешка, привешенный к геологу (см. геолог) сзади. Служит для хранения образцов (см. образец), спирта (см. спирт) и тушёнки (см. тушёнка).

Спальный мешок – то, в чем спит геолог (см. геолог). Обычно мокрый и драный (имеется ввиду мешок).

Спирт – то, что пьёт геолог (см. геолог).

Шлих, шлиховое опробование – бессмысленно перебирание камешков в ледяной воде ручьев и речек. Необходимо для получения артроза, артрита и радикулита.

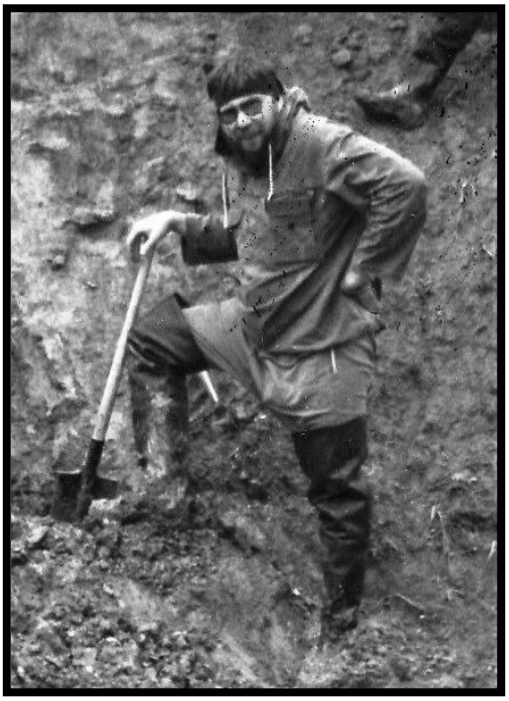
Чукча, якут, эвенк – местный житель, абориген.

Энцефалитка – любая одежда, обычно рваная, одеваемая геологом (см. геолог) через голову. По непроверенным слухам защищает от гнуса (см. гнус).

P.S. Любые совпадения имен, отчеств и даже прозвищ случайны!

...МОЙ ДОБРЫЙ ГЕНИЙ ПОЛЕВОЙ,
ХРАНИ МЕНЯ ОТ БЕД СЛУЧАЙНЫХ,
ОТ ЗЛОГО ГЛАЗА, СЛЕЗ ПЕЧАЛЬНЫХ,
И РАЗГОВОРОВ ЗА СПИНОЙ,
ОТ ВЕТРОВ СТЫЛЫХ НА ТРОПЕ,
В ПУТИ ЗАСТИГНУТОЙ МЕТЕЛИ,
И ЧТОБЫ ПЕСЕН МНЕ НЕ ПЕТЬ,
ГДЕ ПЕСЕН СЛУШАТЬ НЕ УМЕЛИ.
МОЙ ДОБРЫЙ ГЕНИЙ ОГРАДИ,
ОТ ДРУЖБЫ ГРУБОЙ И ФАЛЬШИВОЙ,
И ПУСТЬ ВСЕГДА, ПОКА МЫ ЖИВЫ,
НЕ БУДЕТ ХОЛОДНО В ГРУДИ....
...И ПУСТЬ НЕ БУДЕТ НАС С ТОБОЙ,
СРЕДИ ЗАЖРАВШИХСЯ И СЫТЫХ,
НЕ ЗАБЫВАЙ МЕНЯ В МОЛИТВАХ,
МОЙ ДОБРЫЙ ГЕНИЙ ПОЛЕВОЙ...

В. Туриянский



ВСПОМИНАЯ ОБ УРАЛЬСКИХ ГОРАХ

Интересное это дело - читать старые полевые дневники и путевые заметки. За многие годы что-то забывается, стирается из памяти, а открыл дневник в потертой обложке, с потрепанными краями страниц, сразу возникают воспоминания… Раздавленный комар, какой-то стебелек, замазанный глиной лист (явная попытка установить цвет). Записи, сделанные карандашом, иногда почти стерлись, почерк торопливый, не всегда разборчивый…

Мое первое знакомство с Уралом и Уральскими горами – это события 25–летней давности. В 1985 году, я, в очередной раз бросив институт, устроился работать в ИГЕМ, и чтобы поскорее свалить из надоевшей Москвы, в середине мая поехал сопровождающим машины в Северный Казахстан, в Кустанайскую область.

Да этого у меня уже был некоторый опыт полевых работ – работал с геофизиками на Балтийском море, сплавлялся по рекам и озерам Карелии, отработал полевой сезон в Хакасии, а потом, сопровождая машину на базу, проехал всю Южную Сибирь – от Абакана до Кокчетава. Однако Уральских гор никогда не видел, и мне коренному москвичу, типичному горожанину все было внове. Ну, Башкирские степи и Предуралье не произвели нового сильного впечатления, тем более что в 1983 году я насмотрелся на сопки и степи Хакасии и Сибири… А вот когда машина стала карабкаться вверх и вверх по трассе, вот тогда я был поражен в первый раз. Урал просто очаровал, покрытые лесом горы, и рассекающая, пробитая между ними дорога, отвесные многометровые обрывы, а в долинах кажущиеся игрушечными домики город и поселков. Особенно запомнился перевал около Сима… Груженный под завязку экспедиционным барахлом, с двумя полными двухсотлитровыми бочками и кучей канистр бензина (про запас!), ГАЗ-52, натужно ревя и перегреваясь, на второй передаче вползал на перевал. Шофер тихо матерился и нервно курил, проклиная горы, перевалы и все экспедиции вместе взятые… Правда, настроение его резко улучшилось, когда перевал был преодолен и вниз можно было ехать на холостом ходу.

Второе впечатление – это географическая граница Европы и Азии. Ну как же, можно одной ногой стоять в Европе, а другой в Азии. Так сказать, в раскоряку.

Сама граница правда, не оставила должного впечатления, так оказалась всего-навсего довольно ржавым простреленным щитом, на котором было начертано на одной стороне «Европа», а на другой «Азия». Но фотография осталась, как же на память–то и не сфотографироваться. Долго после этого в Москве хвастался…

Дальше была трасса через хребет, далекие озера, тайга на склонах, Челябинск, Троицк, Кустанай…

Второй раз я уже поехал на Урал в поле, в августе 1986 году, правда, через Северный Казахстан и отработав месяц на Тиманском Кряже, в Коми. Прилетел в Кустанай, оттуда под Лисаковск, а потом с отрядом на машине в Екатеринбург (тогда еще Свердловск). В дневнике написано «...Новоильиновка – Рудный - Комсомолец – Троицк – Южноуральск – ночевка не доезжая км 25 от Челябинска… Весь день моросит дождь, холодно... Потом Верхний Уфалей – Сысерть – Свердловск…».

Далее события развивались не по плану, так как бензина было в обрез (начало перестройки!), и, оставив машину в Свердловске под охраной шофера и поварихи, и я со своим начальником поехал на поезде в Североуральск. Яркое впечатление от ночной поездки – огни слева, на склонах Уральского хребта и полная темнота справа, на Западно-Сибирской низменности. От Североуральска в Волчанск из Волчанска в Карпинск, из Карпинска в поселок Веселовка. Работали в основном на кернохранилище, работа скучная, рутинная – ящик вынул, керн описал, все записал, ящик поставил на место, и так весь день…Моросил дождь, сыро, холодно. Потом поехали в Ивдель, там машиной от ГРП в Полуночное, карьер, работа на кернохранилище, а через неделькy с помощью местных геологов машиной обратно уже через Краснотурьинск в Серов, и поездом в Свердловск. Такие поездки, конечно впечатляют, каждый день новые места, но и устаешь от впечатлений, не успеваешь присмотреться, а уже на новое место… И снова дорога, уральская тайга, горы, перевалы…. Удалось все-таки по Уральским горам поездить – от Южно-Уральска до Ивдели, по всему хребту почти!

От Свердловска уже на машине через Касли, Кыштым, Аргаяш и через Челябинск поехали в район Бакала, в поселок Рудничный на сидеритовые руды. Лагерь разбили в леске, километрах в трех от поселка…

Впечатление третье – раннее утро, синие горы в дымке и клубящийся туман в долине… Вот это я запомнил навсегда… Слайды, к сожалению, давно потеряны, негативы тоже, а фотографий найти так и не удалось, но хоть в памяти что-то осталось… Погода особо не баловала, чаще всего моросящий дождик, сыро, холодно, и постоянные утренние туманы... Помнится, именно там впервые в

жизни воспользовался гужевым транспортом – после работы какой-то местный мужичок подбросил на телеге по дороге к лагерю…

Потом поехали в Магнитогорск (это уже начало сентября), озеро Банное (по преданию в нём Стенька Разин купал свою рать), Чебачье, Соленое… Помню по ночам, с фонариком, раков ловили… Был уже сентябрь, и леса стали вспыхивать (как это не тривиально звучит) разными красками – желтая береза, красная осина, темно-зеленые ели… Погода великолепная, яркое солнце, настоящее «бабье лето»…

Потом работал в Магадане, в Казахстане, в Средней Азии, на Памире, в Европейской части России, и как-то до Урала добраться не получалось.

Но, начиная с 2001 года, стал сотрудничать с Музеем-заповедником «Аркаим», и, по крайне мере, на Южном Урале, стал бывать каждый год. В том же 2001 году впервые поехал на Урал зимой, в Миасс, на семинар «Минералогия техногенеза-2001», посмотрел на заснеженный Ильмень-Тау.

А в 2003 году забрался и на сам Ильмень-Тау, на смотровую вышку, и это было здорово. Как на ладони – бескрайняя тайга (с вырубками и гарями, однако), далекие поселки…

И еще одно воспоминание, – когда в 1985 году подъезжали к Троицку, не доезжая немного, был террикон, я его хорошо запомнил, он издалека был виден, я уж и не помню, что там добывали, и ночевали мы в леске, метрах в 300 от дороги. А в 2003 году с Аркаима ехали через Троицк в Челябинск той же дорогой, и я узнал, увидел тот же террикон, правда уже заросший зеленой травой… Узнал и лесок в стороне, и ту грунтовку через поле (а может и не она, показалась…). Такое ощущение, что встретил старого, хорошего знакомого, с которым не виделся много лет…

Сопки Южного Урала, уральские и зауральские степи, степи, которые я безумно люблю (10 сезонов отработал в степях и пустынях), чистые степные речушки с кувшинками и кубышками, ветер на сопках, раздолье, тихие березовые колки… А главное простор, и пусть жара, марево над сопками и долинами, желтая, выгоревшая на беспощадном солнце степь, но запах, запах пыли и полыни, курганы, с неизменными сурками-сторожами на вершине, ветер, несущий какие-то странные воспоминая, возникающие из глубин подсознания... Вот-вот покажется всадник с изогнутым луком, или промчится конница, тревожа степь…..А в сумерках, когда солнце уже скрылось за сопку и степь освещают красноватые, подсвеченные заходящим солнцем облака, в полумраке видятся молчаливые темные фигуры на лошадях, моментально появляющиеся и так же моментально исчезающие… А ночью черное звездное небо, а в августе еще и метеоритный поток, вспыхивающие в черном небе сгорающие метеоры…

Вот такие воспоминания… Пишите, друзья, ведите путевые заметки, отмечайте на картах те города, поселки, реки и горы, на которых были. Через много лет вспомнится что-то хорошее (плохое забывается), посмотрите на потрепанную карту со стершиеся значками, и вновь увидите палатки, горы, тайгу, услышите звон вездесущих комаров, вспомните километры дорог и троп… И как-то плечи снова заболят от тяжести рюкзака и ноги загудят при воспоминании о маршрутах, а старые фотографии (к сожалению не все сохранились, и негативов не осталось), еще больше освежат воспоминания.

И пусть пройдет много лет, первые впечатления о посещении Уральских гор, тайги и степей, да и любых гор и степей, рек и озер, городов и поселков, тайги и пустыни останутся в памяти навсегда…

КОЛЕЯ

Он проснулся от дождя… Точнее не проснулся, а выпал из некого небытия, в котором провел холодную и светлую ночь…

Над серой тундрой стлался туман, не было видно ни реки, ни сопок, ни и так почти всегда низкого и серого неба… Оно редко бывало голубым, только когда дул сильный и холодный северо-восточный ветер, продирающий через засаленную и рваную штормовку и такой же свитер, если не до костей, до уж до мяса точно…

И он понял, что это был не дождь, а просто тяжёлый, холодный и липкий, мокрый туман… Пытаясь согреться, стал махать руками, но силы быстро оставили, и в он изнеможении опустился на влажную траву. Оставалось ждать, пока туман хоть немного рассеется, разводить костер в такую сырость тяжело, да и бессмысленно, готовить всё равно нечего, а спичек осталось всего несколько штук, была ещё правда зажигалка, но она, как это всегда бывает, работала через раз…

Вообщем-то удивительно, что он еще жив, уже прошло более двух недель… И две недели он почти ничего не ел…

Что ж, организм человека может выдержать много, человек может голодать 40 дней, а то и больше, но это если не тратить энергию… А он энергию тратил – путь по тундре, по кочкам и речкам, по болотам – не самый удачный способ экономить калории.

И странно, с одной стороны - были тупые мысли и некая даже легкость духа, мол, всё равно, что со мной будет. А с другой стороны – некая «жажда жизни», почти по Джеку Лондону, когда сопротивляешься из последних сил. Ладно, мистера Джека оставим в покое, он не был в такой ситуации, все его рассказы написаны по словам очевидцев. А вот кто был …

Он вспомнил случай, рассказанный кем-то из стариков…

В 1958 году на реке Оленёк потерялся рабочий одной из партий. Бригаду рабочих крупной геологоразведочной партии, где был и этот бедолага, послали на заготовку леса. Вечером, нагрузив дровами тракторные сани, бригадир велел сидеть ему до утра и охранять оставленный лес, правда, не сказал от кого. Но так тогда полагалась, сторож должен был быть. Оставили ему ружье с двумя патронами, чай, банку тушенки, хлеб. Он поел, попил чаю, покурил, но через несколько часов заскучал, и решил вернуться на

базу. Но дороги он не знал, и пошел по колее от трактора. Только через несколько часов он сообразил, что колея-то эта не та, колея-то старая… Искали его месяц, был составлен акт о гибели, всем начальниками объявили выговор. А он не плутал на одном месте, а упрямо шел на север, ушел далеко, где его искать-то и не предполагали, искали его немного южнее, а он и сам удивлялся, что лес кончился, а началась тундра. Ему попадались следы людей – брошенные стоянки, но ничего съестного там не было, одни пустые консервные банки, один раз нашел пачку соли, но солить было нечего, другой раз убил куропатку, а чуть позже и поморника (а поморник – это кости, сухожилия и весьма малое количество жесткого как резина, мяса), больше патронов не было. А потом из последних сил выкопал нору в песчаном откосе и лег умирать… Но удивительно, как ему повезло, по речке, абсолютно случайно, проходил геолог с рабочим и они наткнулись, фактически наступили на его ружье, а потом нашли и забившийся в нору скелет в лохмотьях. Есть он первые дни не мог, его кормили с ложечки разведенным сгущенным молоком, но потом он выл, плакал и постоянно требовал еды…

Вот так я скоро, вырою нору и лягу умирать… Короткое северное лето шло к своей второй половине, и если пойдет снег – это всё, хана, амба, вообщем полный кирдык… Надо вставать, надо идти, но постоянно мокрые ноги, стертые до крови… Хоть сапоги не разваливаются, потому что резиновые, но и им недолго осталось…

А как он вообще потерялся… Глупость… Мальчишество…

Ну, пошел, точнее, убежал как мальчишка, без спросу в маршрут, нарушив все мыслимые и немыслимые правила и инструкции по техники безопасности, рюкзак и молоток утопил успешно уже на второй день, когда еще что-то соображал. И «вышел за карту», как говорят. И знал, понимал, что ищут его, надо было бы на месте сидеть, а он самонадеянно решил сам найти дорогу… А сейчас и искать его бесполезно, вертолет в таком тумане не взлетит, да и где его разглядеть, на тысячах километров речных проток, озер, тундры и туманных скалистых сопок, одного, грязного, обросшего, худого, еле передвигающего ноги геолога. Да и хватились, что он ушел, только к вечеру, думали, что спит… И ведь сам во всём виноват, поругался с начальником отряда, обложил радиста, вообщем всем досталось… И ушел, якобы спать, в свою, в отдалении стоящую палатку…

А потом вышел потихоньку и пошел, куда хотел идти, туда, где видел это обнажение, о котором рассказывал, и был поднят на смех всем отрядом… «…Студент – твое дело – образцы носить и заворачивать, а уж геологией мы сами займемся…». Какой он

студент – уже второй год как техник–геолог. Понятно, что рядом с этими зубрами, прошедшими пешком половину Сибири, Чукотку и Камчатку, всю тундру и горы Полярного Урала, особенно рядом с начальником отряда, весьма уважаемым человеком, лучшим геологом Управления, доктором наук, ростом под два метра, и объемов невероятных, с бородой как у Карла Маркса, он казался щупленьким подростком… Да и познания его в области наук геологических оставляли желать лучшего, и иногда, точнее почти каждый вечер, ему устраивали такие безжалостные экзамены, такой мозговой штурм, что голова шла кругом… И он понимал, что его знаний настолько мало, что вообще чудо, что сюда попал, в одну из самых лучших и интересных партий Управления.

«Ну-ка, покажи на карте, где обнажение видел…» - начальник расстелил топоснову на столе. При всеобщем молчании он долго ползал пальцем по карте, и, в конце концов, вытянул из себя фразу, что не помнит, но если ему дать вездеход, он найдет по памяти… «…Карту надо уметь читать, студент, а вездеход не наездится, если каждый шкет будет из себя Обручева строить…», процедил сквозь чубук трубки и облако пахучего табачного дыма радист, бывший, по слухам, нач. связи на АПЛ, зимовавший в Антарктиде, всегда гладко выбритый и пахнущий одеколоном пижон, в наглаженной рубашке и с массивной золотой визиткой на пальце.

Вообщем разговоров и «учёбы» хватило на полвечера…

Он только потом понял, что был это не снобизм, не желание корифеев выделится, а его так учили, натаскивали, как гончую собаку… «…Геолога, студент, как и волка – ноги кормят…», повторял каждое утро радист. «…Ноги ногами, а про и молоток не забывай…», острил зам. начальника партии, по внешнему виду почти полная противоположность начальнику, длинный и тощий, похожий на лысого и плохо выбритого Дуремара. Остальные геологи участия в «разборках полета» обычно не принимали, с усмешкой глядя, как он барахтался в терминах или пытался что-то вспомнить из стратиграфии этого района… Они сами прошли эту школу, и, несмотря на молодой возраст, были весьма уважаемыми специалистами… Лишь водитель вездехода Лёша, по прозвищу «Горелый», лохматый, молчаливый, со шрамами от ожогов на лице, с ног до головы перемазанный соляркой и смазкой, хмыкал, услышав какой-нибудь заковыристый геологический термин.

Прошёл это неказистый с виду мужичок «огонь, воду и медные трубы»… Водил танк в Афганистане, горел, попал в плен, умудрился бежать в ту же ночь …угнав БТР, был награждён и комиссован подчистую, отсидел (за то, что раскидал «экипаж машины боевой» - милицейского «козла», «попутно» сломав одному из «членов экипажа»

челюсть - вступился, когда «бравые» сотрудники МВД хотели затащить в «козла» какую-то девицу), работал механиком сухогруза на Енисее от Красноярска до Дудинки, гонял большегрузы по всей стране, тянул трассу газопровода, а потом, как здесь говорят, «ушел в тундру», пристроился в Управление, и уже пять лет был бессменным вездеходчиком отряда. Работать мог сутками, механик был от Бога, технику знал до винтика, мог из любой кучи металлолома воссоздать всё что угодно – от велосипеда до вертолёта. «В голове у него компас» – уважительно говорили геологи, он умудрялся держать чёткое направление без карты, несмотря на все протоки Реки и чудачества тундры. Мечтал было поехать в Антарктиду, но как радист за него не хлопотал – врачи не пустили… Да и Первый отдел конечно… В конце концов обосновался в Поселке, и кажется, не жалеет ни о чём - зимой промышлял немного охотой или возился с утра до вечера с техникой в ангаре на окраине, летом возил партию по участкам да ловил рыбу.

Вот это люди, а я что - школа, институт, да практика на Урале…. Он споткнулся и мысли исчезли… Он увидел колею… Колею, с примятой тундровой травой, колею явно свежую, и кажется пахнущую до сих пор соляркой… Но присмотревшись он понял, его опыта следопыта явно не хватает для определения, куда эта колея ещё приведёт… Вроде прошел вездеход или трактор, а вот потом более свежий след колес – скорее всего ГАЗ-66… А куда идет, и куда выведет, и выйдет ли на «тракт», так называли здесь колею, по которой раз сутки или реже мог проехать вездеход на буровую или стойбище… А вот ГАЗ - это уже признак посёлка или буровой… Ура, спасен, надо идти…

Он с трудом встал на колени, попил воды из лужи, живот резко свело голодной болью… Несколько ягод морошки заглушили боль… Это фикция, и он знал, что через несколько часов, можно опять впасть в полузабытье…

И как он вообще умудрился заблудиться? Стал обходить протоку, чтобы не идти почти по пояс в холодной воде, но брода не нашел, полез наобум, течением сбило с ног, пока выбирался, пока сушился, прошло время, решил идти обратно и понял, что не помнит куда идти, не узнает местности в спустившемся тумане… Горный компас, висевший по-пижонски, на шнурке на шее, при его падении в воду так шваркнуло о камни, что стекло разбило и стрелку унесло. Он его выбросил, несколько дней назад, как бесполезную и тяжелую для него игрушку…

А на следующий день, вновь пытаясь переправится, был сбит с ног, течение потащило его, рюкзак пришлось бросить, молоток тоже, и

когда он вылез, мокрый и дрожащий, на каменистый берег, то понял, что заблудился окончательно.

Оставалось одно - прикинуть направление и идти, лучше на север, в сторону Океана, там проще найти стойбище, но Река разливалась на сотни протоков и озерков, пройти через которые было невозможно, приходилось взбираться на сопки и корректировать путь. Это отнимало последние силы… И он шёл уже просто так, так как ещё мог идти…

Мысли опять закрутились о еде, а что можно найти из съедобного, здесь, сейчас, в тундре? Без ружья, без снасти… Немного ягод, все птенцы уже встали на крыло, и гнезда брошены, один раз он подбил камнем молодого куличка, и съел фактически живьем, но мяса, мяса, там было слишком мало… И это практически всё, за две недели-то. Ягоды не в счёт, они только растравляли аппетит, а рыбу ему поймать так и не удалось, да и чем ловить, ни блесны, ни крючка, ни лески, руками-то не поймаешь… Хотя рыбы в тех местах полно, голодный хариус иногда брал просто на пустой крючок… Потратив полдня на попытку поймать хоть кого-то, вымокнув с головы до ног, он впал в тихое отчаяние…

Им было проще, у них хоть собаки были, вспоминал он про первооткрывателей Севера и Антарктиды, ружья… А что у него, складной нож и пять спичек… Пять спичек…

А вот у Фёдора Хилкова и того не было… Да был такой случай, давно, мало кто о нем знает, прочитал как-то в книге «Год на Севере» этнографа XIX века С. Максимова.

В 1860-х годах архангельские поморы («Федор Хилков со товарищи») в количестве шести человек вышли на промысел «зверя морского» во льды близ островов Груманта (Шпицбергена). Сойдя на берег небольшого островка, и переночевав в крохотной избушке, поутру обнаружили, что их коч унесло в море льдами. Ни продуктов, ни оружия у них не почти не было (котелок, нож, топор, ружье, немного пороха и пуль), одежда, что на себе. И прожили они 8 лет…

Остров кишел живностью – олени, лисы, песцы, полярные зайцы, куропатки, заходили белые медведи. В плавнике, прибитым к берегу, были и обломки судов, из которых надергали скоб и гвоздей, перековали их и ружье при помощи топора на наконечники копий. Охотились, мяса ели вдоволь, летом собирали в тундре ягоду, сшили из шкур обувь и одежду. От цинги спасались тем, что пили свежую кровь оленей (лишь один умер от цинги, так и не смог преодолеть отвращение). С острова их спас скандинавский корабль, взяв в качестве оплаты за проезд (ни один русский, кстати, так бы

не поступил!!!) «мягкой рухлядью» – шкурами. Оставшиеся в живых пять «робинзонов» были доставлены в Архангельск, где их давно уже похоронили. Сойдя на берег, они поразили встречающих шубами из песца и черно-бурых лис стоимостью (по тем временам) в несколько тысяч рублей.

У них копья были… И кой чёрт занес его в эту тундру… Ведь предлагали место в Управлении Центральных Районов, средняя полоса, тепло, от дома недалеко… Романтика, что ли взыграла… Да и не только романтика, ещё и заработок приличный, и опыт работы… Да и похвалится можно, вот мол, в тундре работал, на самом Полярном Урале. И некий спортивный азарт первооткрывателя… Первооткрыватель… Допервоткрывался… Он почему-то вспомнил «гонку» за Южный полюс, соревнование ученого и романтика Роберта Скотта и жесткого, целеустремленного спортсмена Руала Амундсена.

Руал Амундсен, будучи профессионально подготовленным спортсменом, лыжником и каюром, неоднократно ходивший во льды Антарктики, совершил уникальный марш-бросок, его цель была одна – Южный полюс. Шли на собаках, ели собак, кормили собак собакам. Специальное судно, испытанное во льдах Арктики, и во время плавания к берегам Антарктиды тщательно подгоняли снаряжение, особенно обувь и лыжи.

Роберт Скотт, романтик и ученый, его цель не только полюс, но и научные исследования. Были допущены серьезные ошибки при подготовке, недостаток финансирования, странная надежда на мотосани и пони (которые не оправдали себя), и даже неумение большинства членов экспедиции ходить на лыжах! (В экспедиции Скотта был специальный инструктор по лыжам!). До полюса и обратно шесть человек (вместо пяти, хотя продукты были рассчитаны на пятерых) шли пешком, таща на себе сани, погибнув на обратном пути в нескольких километрах от склада. Гибель связана и с психологическим стрессом, когда экспедиция обнаружила, что Амундсен опередил их на целый месяц. Больше повезло Северной партии экспедиции Р. Скотта под командованием лейтенанта В. Кемпбелла. Шесть человек были вынуждены зазимовать и почти полгода жили в выкопанной ими ледяной пещере, питаясь в основном полусырой тюлениной и пингвинятиной, да и то не досыта. Удивительно, что выжили все, весной в продранной, пропитанной ворванью одежде дошли до базы (правда, самый сильный из них, унтер-офицер Джон Эббот, через несколько месяцев после возвращения в Англию сошел с ума).

Ладно, пока он ещё жив, организм, хотя и ослаблен, но ещё борется… Но сил для борьбы осталось немного… Хорошо хоть не пустыня и не открытое море, пресной воды – полно… «…Вас убило не море, вас убил страх…», вспомнил он слова Алена Бомбара. А я и не боюсь…

Ален Бомбар, врач, в 1953 году попытался доказать, что человек способен долгое время оставаться в море без пищи и воды, он был убежден, что в море убивает не голод и жажда, а в первую очередь страх. А. Бомбар был готов и физически и психологически, но, тем не менее, находился на краю гибели. За время плавания А. Бомбар похудел на 25 килограммов, от постоянного пребывания во влажной среде, от соленой воды и непривычной пищи, на теле появились гнойники, причинявшие сильную боль, малейшие царапины начинали гноиться и долго не заживали. Под ногтями рук и ног также образовались гнойнички, которые он сам вскрывал без анестезии, кожа на ногах стала сходить клочьями, выпадали ногти. 65 дней провел А. Бомбар в Атлантическом океане, совершив путь от Танжера (Марокко) с заходом в порт Лас-Пальмас (Канары) до о. Барбадос на крохотной лодке «Еретик», сумел преодолеть страх, голод и жажду, ел пойманную им рыбу, пил добытый из неё сок, смешанный с морской водой и доказал возможность выживания в открытом море без воды, пищи и специальных рыболовных снастей. И умер в Париже в почтенном возрасте 79 лет!

Несколько дней провел в Ливийской Сахаре, после крушения самолета, Антуан де Сент-Экзюпери со своим напарником… Без воды, лишь пол-литра кофе и пол-литра вина из разбитых термосов, кисть винограда и апельсин, немного росы с лопастей самолета… И почти 200 км пешком по Сахаре, где человек без воды не выдерживает более 20 часов… От смерти их спас проходивший с караваном ливийский бедуин.

И всё равно им было проще - и подготовка была, и опыт жизненный, и пешком особо не ходили, на собаках разъезжали, а здесь плетешься как последний… Последний… Последний шанс у него дойти по этой колее хоть куда-нибудь… И какая у меня была цель, и что поперся не зная броду?

Вот у Г.Г. Ушакова, воспитанника самого К.А. Арсеньева, была цель, сначала остров Врангеля осваивал, потом Северную Землю… И Тур Хейердал всем доказал свою теорию возможных миграций. А он,

что он пытался доказать, что самый умный, что тоже знает… Вот теперь и ползи, и подыхай с голоду…

Четыре человека (Г. Ушаков, Н. Урванцев, В. Ходов и С. Журавлев) несколько лет прожили на неизвестном тогда еще острове Северная Земля, составили подробную карту, фактически подарив остров Советской России. Но у них были боеприпасы, ездовые собаки, теплый дом, большой запас продуктов. С. Журавлев, помор, профессиональный охотник, проведший в Заполярье в общей сложности почти 15 лет, был в своей стихии, да и Г. Ушаков до этого провел несколько лет на острове Врангеля.

Тур Хейердал и еще пять человек в 1947 году совершили путь через Тихий океан от Кальяо (Перу) до архипелага Туамоту на бальсовом плоту, и, судя по впечатлениям и описаниям, для них это было что-то вроде загородной прогулки, все остались живы и здоровы, а плот теперь в музее Т. Хейердала в Осло. Дальнейшие путешествия Тура Хейердала были не столь удачны - папирусная лодка Ра-1 затонула посреди Атлантического океана, но Ра-2 удалось его пересечь, жертв не было.

В 1954 году, возрасте 62 лет (!!!) Уильям Уиллис в одиночку (!) повторил путь Тура Хейердала - от гористых берегов Перу к островам Полинезии на бальсовом плоту «Семь сестричек», и через три с половиной месяца, успешно преодолев почти семь тысяч миль, достиг островов Самоа. А 1963 году, в возрасте 70 лет (!!!), У. Уиллис на собственноручно собранном металлическом плоту, не без юмора и с вызовом названном «Возраст не помеха», предпринимает путешествие от берегов Перу к Австралии длинной почти в 11 тысяч миль. Ему не везло - он остался почти без пресной воды и по методу Алена Бомбар пил сок пойманной рыбы, временно ослеп, от физических нагрузок образовалась грыжа, но смог выдержать все испытания, пройдя по просторам величайшего Тихого океана.

Он чуть не упал, споткнувшись о… бутылку с подсолнечным маслом… Люди, значит где-то люди… И масло, и что сейчас важнее - искать людей или поесть, заглушить сосущий, выворачивающий голод. Дрожащими руками отвинтил пробку, понюхал… Да, это масло явно несколько лет лежало на складе, много раз промерзало и явно прогоркло… Что с ним делать, пить его как воду? Он сделал глоток - горьковато, противно, но питательно… Но какой-то червячок в голове завертелся, выпьешь, совсем пропадешь, желудок не выдержит…

Надо что-то сделать, типа салата или супа, тогда будет лучше… А из чего сделать и где сварить… Он огляделся, и понял, что здесь была буровая, причём недавно, кругом брошенные железки, ветошь, разлитая по тундре солярка, консервные банки, ржавая бочка из-под горючего, обломки керновых ящиков, куча выброшенного керна… Вот куда колея его привела… Что ж отдохнем, покурим и подумаем. Он свалился на мокрую траву…

Надо бы костер, вскипячу воду в консервной банке, погреюсь, авось что-то придумается… Он с трудом поднялся, прижимая к себе бутылку с маслом как величайшую ценность, набрал обломков досок, промасленной ветоши, выбрал консервную банку побольше… Расщепил несколько досок ножом, сложил костерок, полез во внутренний карман рваной штормовки за спичками… Коробок тщательно был завернут в промасленный пергамент и замотан в несколько слоев полиэтиленового пакета... Вроде спички целы и не промокли… Дрожащими руками чиркнул, влажная спичка зашипела и потухла… Осталось еще 4… Подул на спичку, потёр куском более менее сухой ветоши, что ж, попробуем ещё раз. Маленькое пламя затрепетало на ветерке, он быстро сунул спичку под сложенные доски, ветошь загорелась коптящим пламенем, занялись доски… Что ж, костёр готов... А вот что будем готовить?

Он налил из лужи воды, поставил банку у огня… Надо что-то сварить… Огляделся, трава, карликовая ива, карликовая береза, ягель… О, ягель! Как он мог забыть! Это же лишайник, почти гриб, олени только его и едят! А чем он хуже оленя! Уже ничем… Набрал несколько пучков ягеля, нащипал молоденьких листочков полярной ивы и березки. Походил, с трудом передвигая ноги, вокруг бывшей буровой…. Ничего нет, один мусор несъедобный, все вытоптали и слопали «братья-буровики». А уж после них мыши и лисы всё подъели подчистую… Полпригорошни морошки, и то сойдет…

Вода закипела, он нашинковал ножом на доске всю эту оленью зелень, бросил в импровизированный котелок, помешал щепкой, густота была как у каши, плеснул масла, еще раз размешал, еще плеснул, бросил ягод… Они придали хоть какой-то оттенок тошнотворно выглядевшей зеленоватой пенистой массе. Подцепил щепкой, облизнул, гадость, но есть хочется, да и горячее… Отвыкший от еды желудок опять отозвался тягучей болью, но потом успокоился, приняв некоторое количество горьковатого, пресного, припахивающего соляркой, варева…

С банкой «супа из топора» он справился быстро, появилось некое ощущение сытости и комфорта, и даже соображать стал лучше… Поставил на костёр ещё одну банку, заварил листочки брусники… Вот и чай… Сейчас бы закурить, но размокшие сигареты он давно

выбросил. С трудом поднялся, надо всё-таки искать дорогу… От буровой отходило много следов, и надо было выбрать одну колею, которая могла привести его к людям. Вот большая колея явно от трактора с волокушей, надо бы идти по ней… Чтобы не забыть направление, выложил стрелку из досок, повалился у костра и впал тяжелый сон. В сон между сном и забытьём…

…Он шёл потом еще три дня, выбился из сил окончательно, его случайно обнаружил проезжавший тракторист, причем буквально в паре километрах от буровой. Он лежал почти без сознания на колее, которую правильно выбрал, вытянул счастливый билет, интуиция не подвела, и сжимал в руках почти пустую бутылку подсолнечного масла. Это масло, вообщем-то, и спасло ему жизнь…

Дальнейшая судьба нашего героя проста… Месяц провёл в больнице, но из Управления его не выгнали, объявив строгий выговор с занесением, и что самое странное, начальник оставил его в отряде… Только много позже, он узнал, что начальник надавил всем своим авторитетом, фактически взял часть его вины на себя, и упросил начальство оставить его и в Управлении, и в отряде…

Только вот подсолнечное масло он несколько лет не мог есть…

дождь

Дождь моросил вторую неделю, перемежаясь с густым туманом - «гороховым супом», как его называли старожилы.

Облака на сопках, мокрая тайга на склонах, все было серым, даже казалось, что воздух так пропитан влагой, что его можно было выжимать. Все обычные ориентиры - и отдельные скалы – «жандармы», и вершины сопок, с кое-где еще лежащими снежниками, и отдельные корявые, торчащие на склонах лиственницы – исчезли. Даже звонкий, обычный шум ручьев маскировался тяжёлым, мокрым туманом, и привычных шумовых ориентиров также не было слышно.

В избушке, несмотря на жарко натопленную печурку, было сыро, от пола тянуло влажным холодом, с потолка, в подставленные консервные банки, звонко брякала капель…

Как писал Брет-Гарт, если вы ходите довести людей да взаимного убийства, заприте их в хижине размером 20 на 30 фунтов…

До ссор ещё не доходило, но из-за систематического безделья настроение портилось с каждым часом. Да и вся работа летела в тартарары, прошла уже почти половина сезона, а не было опробовано ещё и половины территории, и сроки поджимали…

Серьезная проблема была и с продуктами… То ли из-за бестолковости снабженцев, то ли из-за банального разгильдяйства, вместо тушенки умудрились выдать ящики …с гвоздями, но почему-то упакованных в ящики именно из-под тушенки, половина гречки оказалось просто шелухой, перемешанной с мышиным помётом, а горох отказывался развариваться даже после замачивания в воде в течение нескольких дней. Несмотря на гомерический хохот и уникальные гастрономические предложения различных блюд из гвоздей и мышиного помёта, чтобы потом угостить начснаба Базы, это могло стоить, если и не жизни, то неприятностей.

Ладно, придём на Базу, разберемся… По рации, конечно передали о проблемах, радист на Базе долго хихикал, но что сейчас там могли сделать? Вертолет не прилетит, туман, а уж гидроплан – тем более, кроме того, до широкой протоки, где он мог приводниться – 20 километров по валунам и каменистому руслу ручью. Да и батареи рации быстро садились, такое ощущение, что тоже подсунули разряженные. В конце концов, виноват именно он, надо было все проверить лично, но как всегда - начало сезона, «быстрее-быстрее,

план сорвём», обычные проблемы с заброской, не хватало «бортов», а их участок был самый дальний.

Приходилось специально заниматься продовольствием, ловить рыбу, но это во-первых, занимало много времени, отвлекая от работы, а во-вторых, как всегда бывает – когда кончаются продукты – исчезает всё живое, рыба в такой мороси почти не ловилась, не найдешь даже грибов, моментально появляющихся и почти тут же сгнивающих на этом несносном дожде… Старая «тулка» годилась лишь на отпугивание медведей, да и патронов было в обрез, а с «ТТ», полагающемуся ему как начальнику отряда, не поохотишься…

Вообщем не весело… Невыполнение сроков грозило большими неприятностями, причем всем, а его уж точно погонят с начальников, не успев назначить. Многие были против на Базе, молод ещё, не оправдает…

Два геолога, забравшись с ногами на топчан, мрачно куря, наблюдали, как он смотрел карту… Настроение было тяжелое, любое слово могло привести к конфликту… Обстановку надо было разряжать…

- Вот что ребята, - он окинул взглядом хмурые, бородатые, знакомые до отвращения физиономии. - Давайте начнем работать, хотя и дождь, но надо…

- Как это «надо»? Ни черта не видать, выйдем, тут же заблудимся, - воскликнул Володя, его одногруппник и друг.

- А компас тебе на что, или после практики в Крыму разучился пользоваться?

- Да, в Крыму сейчас хорошо, - мечтательно просипел техник Лёня, - там тепло, девушки, вино… Вот я помню, дело было на реке Яне, что в Якутии, точнее не самой Яне, а на её притоке… И была там студентка, Яной звали, и значит…

- Тебе бы только до девочек и вина дорваться, - огрызнулся Володя.

- Тихо-тихо, давайте решать, что будем делать? Предлагаю – надо нам с Володькой разделиться и идти параллельно, опробование проводить не через 100 метров, а через 200, а потом, когда погода наладится, можно быстро пробежаться и добрать.

- Ага, «наладится», а если не наладится? Такое «болото» может ещё на месяц, до снега висеть, – раздражённо почти прокричал Володя.

- Вовчик, всё же что-то будет, а не будет вообще опробования, не будет плана, не будет плана, будет нагоняй из Министерства, не будет премии всей Базе, и Главный нас тут же выкинет с позором и никуда больше возьмут! Только если шурфы копать, и то вряд ли! А если аномалии есть - сразу увидим!

- Ладно, это-то решаемо, - уныло сказал Володя, - а вот…

- А вот-то что мы жрать-то будем, - подхватил, просипев Леня…

Он был по возрасту самый старший, в этом районе работал уже давно (хотя где он только не работал – от Чукотки до Кольского), да и на Базу попал гораздо раньше. Образования не имел, был «вечным техником», как он сам говорил - «у меня незаконченное низшее геологическое», был выгнан в своё время за прогулы и несдачу сессий, кажется из всех геологических вузов страны, но азы геологии, да и отдельные «проблемы современной геологической науки» знал, пожалуй, лучше базовских «корифеев», и даже Главного Геолога, старой, ещё дальстроевской закалки, иногда прямо-таки ставил в тупик своими вопросами. Но звёзд с неба не хватал, по жизни был «хроническим пофигистом», неуклюжим «лохматым-бородатым бродягой-романтиком», охоту особо не жаловал, любил ловить рыбу (если клевала), попить винца (но в меру), посидеть у костерка, бесконечно распивая чай, бренча на гитаре, покуривая и рассказывая бесконечные геологические байки, которые знал в великом множестве.

«…Тебе бы, Лёня, вуз закончить, хоть заочный, ты же геолог от Бога, ходячая диссертация!», говорили ему. «…Бога нет, это ещё Гагарин сказал, да и не могу я книжки умные читать, скучно… А диссертация моя – она на маршрутах от острова Большой Ляховский и Новой Земли до залива Креста разбросана – уже не соберешь! Да и куда мне учиться, голова уже лысеет, скоро на пенсию!».

Таких классических «бродяг от геологии» уже почти не осталось, Лёня был «вымирающим» представителем не бичей-сезонников, успешно пропивающих заработанное, не любителей-туристов, собирающих впечатления и зарабатывающих себе за месяц-другой поля на очередной турпоход на байдарках, а именно бродяг-романтиков «от геологии» времен шестидесятых - семидесятых.

Свой сиплый голос он «приобрел» лет десять назад, встретив давнего друга-«дальнобойщика» и глотнув зимой в столовой на Трассе промороженной загустевшей водки, запив её почти кипящим чаем. Полууголовная кличка «Лёня Сиплый» уже настолько приклеилась к нему, что даже Главный Геолог часто иначе и не называл.

Сколько ему было лет, знали, пожалуй, только в отделе кадров, так как свой день рождения он устраивал при каждом удобном случае, особенно когда на Базе появлялись молоденькие студентки-практикантки, которые все были от него без ума. Ни семьи, ни дома у него не было, всех вещей – потрепанный, видавший виды рюкзак, две пары сапог да гитара, говорил, есть сестра где-то в Твери, с мужем

живет и детьми, он даже деньги ей иногда отсылал, но всегда жил одиночкой, хотя друзей-приятелей у него было полно.

Мужик он был добрейший души, отзывчивый, мастер на все руки, но …невероятно ленивый, заставить его что-либо сделать было крайне трудно, и только угроза, что «уйдем без тебя и будешь сидеть весь сезон на Базе» как-то могла повлиять… Если послать его на кернохранилище – обязательно завернет в другу-приятелю и проболтает полдня за чаем, или пойдет к рыбакам поговорить об улове, и начнет делиться бесконечными воспоминаниями как, где и какую рыбу он ловил.

Но, несмотря на все чудачества, на любовь к «пойду, поброжу, мир погляжу», что выражалось в его исчезновении на неделю, а то и две, и когда уже собирались объявлять поиск, как вдруг на Реке, издалека, слышался хорошо узнаваемый чудовищный рёв двух «Буранов», собранных им непонятно из какого железного хлама, и из-за поворота, «на рыдване», бешено выносилась ярко-красная «казанка», его искренне любили все и очень ценили как специалиста - равного ему промывальщика, пожалуй, не было не только на Базе, да и во всем Районе, описание керна он выполнял безупречно (если конечно добирался до кернохранилища), да и таскать шестидесятикилограммовый рюкзак в долгие и скучные маршруты по геохимическому опробованию, желающих было не так много.

Естественно, за самовольный уход ему объявляли очередной выговор, обещали урезать премию, ругали, грозили увольнением, но он только мотал лысеющей головой, и, наматывая на палец лохматую бороду, сипел: «Ну, ладно, ладно, в последний раз, предупрежу…». И тут же выдавал какую-то информацию, да так, что все геологи, как гончие собаки, «делали стойку». Многие не верили, - «Мы ж там сто раз были, не было этого!».

«Вчера не было, а сегодня берег подмыло, посмотрите, проверьте! Всего-то по Реке с пятьдесят километров…».

Обычно такие «проверки» заканчивались нагоняем от Главного, что «…нечего казённый бензин тратить зазря, что есть план, данный нам страной и Министерством, а всё остальное – ерунда и наука! Хотя это и перспективно! А тебя Лёня, я в последний раз предупреждаю, не «пудри мозги» молодежи, голова уже, лысая, как колено, а всё успокоиться не можешь!».

Лёня что-то сипел в оправдание, наматывал бородищу на палец, а потом начинал рассказывать бесконечную историю про некое уникальное месторождение, которое он и нашел, и что вот из-за этого самого «…злосчастного плана и косности начальства, страна так и не получила очень нужный ей металл…».

В отряд он напросился сам, так как это был самый дальний участок, «…дальше только океан…», привычно ходил в маршруты, таскал неподъемные мешки с пробами, мыл шлихи, ловил рыбу, травил бесконечные байки, и казалось, что ничего его не брало, ничего не интересовало, ни проблема с продуктами (хотя поесть он любил), ни мерзкая погода, ни план по опробованию.

- Что ж, давайте о грустном... При самом скромном разделе, жратвы у нас ребята, на десять дней - пару недель, плюс «НЗ»… Ну и рыбка есть, несколько штук - сказал он.

- А что «НЗ»? – встрепенулся Володя.

- Сгущенки шесть банок и кофе консервированного со сгущенным молоком - три.

- Сгущенка - это здорово, я помню, в одна тысяча, одна тысяча семьдесят…, – начал свой очередной рассказ Лёня.

- Да погоди, Лёнь! Потом расскажешь, давай о деле сначала…

- Завтра я и Вовка уходим на трое суток, работать будем часов по 16-18, до упаду, берём с собой только спальники и пленку от дождя, и что можно быстро сготовить - тушенку, чай, сахар... Я иду на восток, он на запад, до начальных точек, потом идём параллельно друг другу, потом поворачиваем обратно и встречаемся здесь, – он ткнул в карту карандашом. Встречаемся, оставляем пробы, идем вниз, к избе, оклемаемся и снова, и дальше! А ты, Лёня, идёшь вверх, забираешь пробы, здесь, в условленной точке, там тригапункт старый. Его видно отсюда…

- Было видно, - просипел Лёня, - а сейчас там только «суп гороховый», да есть его нельзя! Вот помню, нашел я раз в зимовье мешок гороха…

- Лёня, Лёня, потом! Ну, ты же старше нас, опытней, пойдешь по азимуту!

- По азимуту… Это можно! Начальник, дай сгущеночки баночку, для поддержания сил! - радостно просипел Лёня, предвкушая дни, полные блаженного одиночества.

- Это когда мы придем! А пока - по ручью вверх, и по левому притоку, делаешь шлиховку через каждые 50 метров, вешки там стоят, и насколько сил хватит!

- Дашь сгущенки - хватит надолго! – ухмыльнулся в бороду Лёня.

- Ладно, одну оставлю, как НЗ!

- Но это же нарушение инструкции и техники безопасности - воскликнул вдруг Володя. - В одиночку запрещено!

- А забрасывать нас втроём – не нарушение? Всё «план, план, план», будь он неладен! Закрыли глаза, и сам Степаныч подписал! Кто виноват, что Сергей ногу сломал?

Их должно было быть четверо – два геолога и два техника, ходить в одиночные маршруты категорически запрещалось, но в последний день, «отмечая» начало сезона, второй техник, из «недоучившихся студентов», умудрился сломать ногу, и его, костеря на все лады, отправили первым же «бортом» в Поселок, в больницу. Заменить было уже некем и начальство решило рискнуть, отправить троих, чтобы уж совсем не срывать работу, а если будет возможность, то забросить им человека… Но прошел почти месяц, висевший туман не вызывал иллюзий, да и скорее всего, о них просто забыли. Приходилось работать втроём, в нарушение ходить в одиночные одно-двухдневные маршруты, но в такую погоду уходить одному было очень рискованно… Курумники, бесчисленные расщелины, горная труднопроходимая тайга, отвесные склоны… И в хорошую-то погоду иногда приходилось ходить связкой, а уж в таком тумане…

Утром погода немного улучшилось, даже чуть просветлело и после скромного пития чая, двое ушли в туман. Лёня постоял, что-то просипел вслед, помахал рукой, закурил, обречённо вздохнул, взял лоток, мешочки и побрел к ручью…

Работа промывальщика ему нравилась, можно было думать о чём-то своем, смотреть периодически по сторонам, любоваться струйками воды, огибающей камни. Он по привычке не обращал внимание ни на гнус, забивающийся в уши, ни на ледяную воду ручья, ни на опухшие от воды пальцы. Как хорошо налаженный механизм, зачерпывал со дна ручья грунт, привычно осматривая, выбрасывал крупную гальку, тщательно промывал шлих, ссыпал в мешочек, шел ещё выше по ручью, автоматически отмечая по вешкам с белыми тряпочками каждые 50 метров. Опомнился он только через несколько часов, и понял, что гнуса-то давно нет, а дождь резко усилился. Да, ребятам сейчас нелегко, подумал он, надо было бы ему пойти - и сил побольше, и выносливости, опыта… Но против начальства, тем более молодого, не пойдешь, а промывку шлихов квалифицированно мог сделать только он, а это уже почти полдела.

Что ж, надо пойти посушиться, перекусить, а потом снова за работу. Через час он добрался до избушки... Дождь уже не шёл, а лил…

«Да, много я пропахал, сегодня, однако…», Лёня критически осмотрел груду шлиховых мешочков, подвесил их около печки, просушиться. «…Можно сегодня и отдохнуть, всю работу всё равно не переделаешь…». Подкинул дрова в печурку, угольки ещё тлели, раздул огонь, поставил свой личный огромный и закопчённый медный чайник невесть каких времен (в свое время обменял у чукчи–оленевода на лично выкованный нож), снял мокрые насквозь брезентовый плащ, энцефалитку, свитер, штаны, выжал досуха,

повесил сушить над печуркой. Переоделся в сухое, закурил и по обыкновению, наматывая бороду на палец, погрузился в мысли о ребятах. Как идут, как опробование, как там погода, не было бы беды - и что-то волновало его, обычно спокойного, не теряющегося ни в каких ситуациях, прошедшего сотни тысяч километров по тайге и тундре, тонувшего в бурных сибирских реках.

Он вытаскивал, по пояс в болоте и грязи, завязшие и застрявшие машины и вездеходы, тушил лесные пожары, и чуть сам однажды не сгорел, спасал себя и других, падал вместе с загоревшимся вертолетом в тайгу, прошёл однажды почти 200 км по кочковатой тундре, таща на себе и на волокуше товарища, сломавшего обе ноги…

Но мало кто знал, что за внешним спокойствием, неким несерьёзным, даже детским отношением ко всему, к жизни, к людям, крылся точный, интуитивный расчёт в любой ситуации, и именно поэтому, несмотря на постоянные разъезды и «брожения», он ни разу не попадал впросак.

Шипение чайника вернуло к его реальности… Бросив в огромную, помятую и закопченную алюминиевую кружку (ее называли «Лёнина бочка») добрую пригоршню заварки и несколько кусков сахара, он опять закурил, отрезал от свежепосоленного чира хороший шмат, и с наслаждением принялся чаевничать…

…На сопках клубился туман, и Володя, тяжело дыша, карабкался вверх по склону, периодически сверяясь с компасом - держать направление можно было только по азимуту. Ему надо было пройти ещё всего несколько километров, прежде чем он дойдет к начальной точке опробования. Три дня... Три, три дня одиночества, именно того, чего Володя и боялся больше всего! Но как можно было показать свой страх перед другом, с которым вместе учился в школе, потом ещё и пять лет геологоразведочного, вместе попросились в этот Район, вместе отработали уже два года на Базе… Да и Лёня, несмотря на всё свое спокойствие, не так уж прост, стыдно было показать ему свой страх…

Ноги скользили по мокрым камням, приходилось быть крайне внимательным и осторожным, чтобы не соскользнуть вниз, на огромные остроугольные глыбы, и, помогая себе молотком как ледорубом, Володя вскарабкался на вершинку сопочки... «Туман, туман, густая пелена, мы к земле прикованы туманом…», - вспомнились ему слова песни из фильма про войну… Он попытался прикурить, но сигареты сразу промокли…

Так, первый прокол… «…Мы к земле прикованы туманом…»… И дождем… Дождь, противный, моросящий, мелкий, холодный, заливал через штормовку.

«…Так, вот с этой точки, вниз, и по ложбинке, и опробование каждые 200 метров, это часа 3-4, потом опять вверх, и опять вниз…». Было светло, стояли белые заполярные ночи, солнце лишь скатывалось к горизонту, а потом долго висело над черной тайгой угрюмым желто-красным шаром, окрашивая небо в сюрреалистические красновато-черные тона. Но это в редкую, хорошую погоду, а сейчас, ни солнца, ни неба, с сопки не было видно даже Реки и ручьев… Только клубящийся туман и только неумолчный шум дождя.

…Бодрым спортивным шагом, не думая ни о чем, лишь мельком посматривая на компас, он шел вверх по склону. Прилаженный рюкзак, удобные сапоги, выверенная по росту, самолично выточенная ручка молотка, нож на поясе, в кобуре «ТТ»… Как всегда в начале маршрута, не ощущая ещё гнетущей усталости, он был счастлив. Он начальник отряда, пистолет, ответственность, от него зависит план Базы, участок его самый дальний и по некоторым косвенным данным самый перспективный.

Его называли «спортсменом» и «пижоном», энергии было много, он организовывал волейбольные и футбольные матчи, к нему пристально присматривалось начальство, но почему-то большинство «населения» Базы относилось к нему скорее нейтрально, а многие считали выскочкой - то ли из-за его уверенности в себе и своих знаниях во всем, что касалось геологии (и не только), то ли из-за некого лихого полевого пижонства, любви к хорошим вещам и комфорту. Бороду он принципиально не отращивал, и тщательно брился каждое утро, испытывая терпение Володи и Лёни, ждущих его к завтраку.

На Базе как-то не было принято «красоваться», большинство мужского «населения» отращивало бороды различной длины и формы, и весь сезон носило грязные, прожженные телогрейки, штормовки и энцефалитки, исключение составлял лишь подтянутый, всегда гладко выбритый Главный, да ещё Нач. Спецотдела, но им по рангу было положено. Даже его друг, увалень, трусоватый, вечно неуверенный ни в чем Володя, и тот периодически пытался бурчать, что, мол, «вырядился как на свадьбу».

Так, вот и начало маршрута… Он уже не думал о друге, об оставшемся Лёне, только работа, работа, пробы и цифры на карте. Он не думал о том, что это нарушение ради работы, ради плана может кончиться печально, и для него и для Володи, его интересовал лишь результат, точки, значки и линии на карте, его жгла неуёмная слава первооткрывателя, «добро» от начальства, и кто знает, может его имя ещё окажется на карте, как мечтал Баклаков из «Территории» Олега Куваева, его кумира, любимого автора. Он как-то «заикнулся» при

Главном о Куваеве, с которым оказывается, тот был знаком лично, но Главный скептически и как-то очень уж небрежно отозвался о его кумире…

…К ночи дождь почти прекратился, но туман стал еще гуще, и буквально в 10 метрах вообще ничего не было видно. Володя скинул тяжелый мокрый рюкзак, отвязал пленку, растянул в виде тента. Теперь бы надо костер, осушиться, обогреться. Он в последние дни не совсем себя хорошо чувствовал, знобило, побаливала голова. Но подать виду, что заболевает, не мог, стеснялся и друга, который сразу бы начал читать мораль и пичкать разными лекарствами, так как считал, что очень хорошо разбирается в медицине (как-никак папа - врач, профессор), и Лёню, которого почему-то побаивался. Да и срывать работы было нельзя, «Главное – план» - твердили на Базе,- «а всё остальное – лирика и наука!».

Весь валежник был мокрый, сушняка было не найти и Володя, борясь со сном и усталостью, решил перекусить холодной тушенкой, попить воды с сахаром, а потом залезть в спальник и заснуть.

…Охотничьи спички, непромокаемые и негаснущие на ветру, сделали свое дело, мокрый валежник разгорелся, можно было вскипятить чай, разогреть тушенку, поесть, подумать, даже помечать. А мечтать он любил - видел себя маститым ученым, даже академиком, «светилом геологической науки», «первооткрывателем месторождений». Поэтому и напросился при распределении сюда, в глушь, в непроходимые дебри тайги и гольцов, в край гнуса и комаров, короткого холодного дождливого лета и суровой зимы. Хотя была возможность остаться дома, тихо пристроиться в тихий академический институт, папа бы помог, у него полгорода лечится. А там аспирантура, степень… Но он хотел именно туда, где можно себя проявить, показать, а через несколько лет, собрав уникальный материал и получив навыки не академического исследователя, а именно полевика-производственника, он смог бы рассчитывать на лавры. А вдруг и открыл что-нибудь, месторождение, например! Слава, слава, неуёмная слава двигала им, и под шум дождя он незаметно уснул у догорающего костра.

…Лёня проснулся среди ночи, привычно нашарил сигареты и спички, закурил… Что-то тревожило его, что-то или случилось, или что-то должно было случиться, но как он не старался отогнать тревожные мысли, какая-то гнетущая тяжесть сидела внутри. «Или я старею, или что-то с ребятами» - подумал он, хлебнул остывшего чая, выкурил еще сигарету и опять заснул.

Проснулся Лёня очень рано, не как обычно, хоть и был любитель поспать, ночная тяжесть тревоги не исчезла, она сидела где-то внутри, и что-то тупо долбило в мозгу - «Опасность, опасность,

опасность!» Такое у него бывало и раньше, он чутко чувствовал опасность, однажды не полетел, не сел на рейс, долго пытался уговорить летчиков подождать, от него отмахнулись, опять мол, чудит, а вертолет разбился, в тумане налетев на скалу, погибли все; в другой раз, вплоть до страшной ругани с начальником и всем отрядом, отказался ставить лагерь в намеченном месте, настоял на своём, и оказался прав – ночью обвал снес половину горы, чудом не зацепив палатки, которые он, по мнению всех, поставил в «самом неудобном месте». Но сейчас он «чувствовал» не за себя, а за этих двух пацанов, затерявшихся в дожде и тумане.

…Володя с трудом поднял голову, было очень холодно, его знобило, он стал шарить по карманам рюкзака, ища аспирин (незаметно от других взял из аптечки), но неупакованные, второпях засунутые в карман таблетки, совершенно размокли. Грустно посмотрев на месиво обертки и аспирина, Володя все-таки решился проглотить это «лекарство», запив невкусной дождевой водой. С трудом поднявшись, он понял, что заболел окончательно, ноги были ватные, голова кружилась, бил озноб. Кряхтя и морщась от боли в мышцах, вдел лямки рюкзака, и тяжело опираясь на молоток, пошел по склону к первой точке опробования…

…Он проснулся бодрым, развел костер, вскипятил чай. Даже непрекращающаяся морось дождя не могла испортить его рабочего настроя, сегодня третий день, опробуем максимальное число точек, а завтра можно и домой, к избе, передохнуть день, и снова за работу… Если таким темпами, то всё успеем в срок… Вот только бы Володька не подвел, увалень, спит на ходу, всё по два раза надо повторять, всё проверять, всего боится, всегда не уверен. Хоть и знает его много лет, с детства, со школы, и жили в одном подъезде, и именно он уговорил его идти в геологоразведку, но в последнее время Володя его просто раздражал, и он уже жалел, что затащил его с собой, в этот Район, на Базу, вынужден был нянчиться с ним, решать вопросы с начальством, которое весьма косо смотрело на этого «молодого специалиста», ничем себя не проявившего за почти два года работы. «…И где ты выкопал это «столичное чудо», из рук всё валится, спит на ходу…», - частенько шептали ему. Он как мог, пытался помочь другу, который постоянно ничего не успевал - ни написать отчет, ни сделать карты, да и просто разобрать образцы.

Ладно, подумал он, сейчас работа, а вся остальная «лирика» потом. Работа пошла, привычный, быстрый, механический отбор проб, где возможно он проводил опробование даже через 50 метров, хотя это и не входило в планы, дождь почти перестал, да и туман рассеялся, стало светлее, корявые стволы лиственниц стали из черных коричневыми, а кедровый стланик, приобрел, наконец,

весёлый зеленый цвет, яркими красными шариками светился шиповник. Через пару часов он вкарабкался на каменистую вершину сопки, с ещё лежащим снежником, снял рюкзак, разогнул усталую спину, и огляделся… Внизу, из тумана, торчали лишь верхушки деревьев, но погода явно налаживалась. Ветерок отгонял надоедливого гнуса, и ему стало весело - работа шла как надо, натренированный спортом (как-никак кандидат в мастера по скалолазанию!) организм не давал сбоев, дышалось легко. Он не думал о Володе и Лёне, разберутся и без него, не маленькие, надо спешить, спешить, во имя плана, во имя славы и удачи!

Надо было пройти через снежник, спуститься в лощинку, но «путь к славе» перегородила небольшая расщелина, её можно было бы обойти, он самоуверенно прикинул расстояние, отошел на один шаг, оттолкнулся и прыгнул, нога соскользнула, он понял что падает, привычно попытался сгруппироваться, однако тяжелый рюкзак перевесил, он даже не почувствовал удара, только красная вспышка в глазах. Оставляя за собой следы крови из пробитой головы, он ещё несколько десятков метров катился по каменистому склону.

…Лёня вздрогнул, выпрямил затекшую спину и огляделся. Тяжесть тревоги стала непереносимой, явно что-то случилось, и надо было идти выручать ребят. Он положил мешочки в рюкзак, взял лоток и почти бегом направился к избушке, сбросил пробы, быстро собрался, взял компас, карту, повесил на плечо «тулку», сунул в карман патроны, подпер дверь бревном, чтобы росомаха не забралась, закурил, и быстрым шагом пошел по направлению к тригапункту.

…Володя с трудом брел по склону, болезнь брала свое, застилала глаза, он чудовищным усилием воли заставлял себя работать, ему хотелось одного - лечь на холодные мокрые камни и уснуть. Рюкзак неимоверно давил плечи, он ковылял, опираясь на молоток, с трудом держа направление по компасу. «…Главное не сбиться, главное не сбиться…»,- повторял он как заклинание. Туман рассеивался на глазах, дождь прекратился, но Володя даже не заметил этого, он автоматически отбирал и отбирал эти злосчастные пробы, он не мог, не мог подвести друга, Лёню, геологов, аналитиков, начальство, Главного. Дойдя до последней, намеченной на сегодня точки, Володя свалился на землю и потерял сознание…

…Леня почти бегом добрался до старого, покосившегося тригапункта. «Уф, дыхалка уже ни к чёрту, надо бы курить поменьше, и куда ж теперь идти? Ребят ещё нет, и явно что-то случилось...». Он подумал, привычно намотал бороду на палец, закурил, ухмыльнувшись мысли, что надо бросать курить, и направился налево, вверх от тригапункта. Он шёл интуитивно, не зная, куда идет,

но зная, что идет правильно, шёл, и почти не сверяясь с компасом, держал направление, обходя заросли кедрового стланика, поваленные стволы лиственниц, скользя и спотыкаясь на скользких камнях курумника... И чем дальше шел, тем больше становилось чувство тревоги, но приходила и уверенность, что путь он выбрал правильно.

…Володя очнулся, с трудом сел, не понимая где он. Туман опять начал сгущаться, заморосил дождь. Он не мог вспомнить, как дойти, как спуститься к месту встречи, как дойти до избы, какой азимут был, решил посмотреть на компас, но его… не было, видимо ремешок порвался. Отчаяние охватило его, он болен, совсем без сил, не знает, не помнит куда идти. Володя упал на мокрую землю и заплакал.

…Боль была во всем теле, больше всего в голове, он попытался открыть глаза, но увидел лишь красно-черные пятна. Неужели ослеп? Он протер лицо и глаза, попытался ощупать голову и взвыл от боли, волосы были слипшиеся, вся рука в крови. Разодранный рюкзак валялся неподалёку, пробы рассыпались, молоток исчез, вдоль склона по камням темнели пятна крови…. Здорово меня шандарахнуло, допрыгался, «спортсмен», одна секунда решила всё, перевернула всю жизнь... Он попытался встать, но боль пронзила тело и голову, дышать было больно, видимо были сломаны ребра. Руки сильно разбиты, в ссадинах, щегольская энцефалитка превратилась в лохмотья, даже сапог умудрился порвать. Хорошо еще ремень выдержал, хороший офицерский ремень, цел и нож, и «ТТ». Послышался шорох, он с трудом оглянулся - из зарослей стланика и шиповника показалась бурая туша. «Медведь!» - подумал он и потерял сознание.

…Лёня скинул с плеча «тулку» и выстрелил… Подождал несколько минут, прислушался… Тайга и сопки молчали... Он сделал второй выстрел, и уже собрался идти дальше, как вдруг, почти рядом, в небо взлетела ракета… Лёня бросился на звук и буквально через несколько десятков метров увидел лежащего на земле, плачущего Володю, с ракетницей в руке, по его грязному лицу текли слёзы. Он лишь шептал: «…Лёня, Леня, я все пробы отобрал, все… Компас потерял, меня ругать будут, не знаю куда идти, заблудился…»

Лёня приложил руку к Володиному лбу.

- Да на тебе, парень, можно чайник кипятить, за сорок у тебя… Как же ты шёл-то?

- Заболел я, ещё позавчера, но все пробы отобрал, как велели…

- Вот что ты за дурак, надо было домой, в избу идти сразу, тоже мне герой–производственник!

- А план, а работа?

- И далась вам эта работа, здоровье свое гробить! А где друг твой, начальник?

- Не знаю, я компас потерял, пробы, пробы в рюкзаке, я отобрал, я не подвёл…

Видимо Володя стал бредить, и надо было бы тащить его вниз, но Лёня чувствовал, что с начальником совсем беда. Володя-то полежит пару часов, разведем костер, напоим шиповничком, оживет.

Он привычно и быстро развел костер, пошарил в Володином рюкзаке – одни мешочки с пробами, на дне лежали банки с тушенкой, размокший сахар и чай, мокрые коробки́ со спичками. «Так он ещё и ел ничего три дня! Вот герой-производственник! И кружки у него нет, потерял, ладно, чай с тушенкой посытнее будет, однако!».

Лёня быстро вскрыл две банки, вытряс тушенку на пустой мешочек из-под проб, набрал воды в лужице, поставил кипятить, и пока вода быстро закипала, нарвал ягод шиповника.

Отвар был готов, он поставил немного остудить, походил, присмотрелся, нашел и приволок пару здоровенных бревен, положил в костер… Так, этого надолго хватит… Растормошил Володю, приподнял ему голову.

– Давай чай пить, однако, три дня не пил, не ел, герой!

Володя с трудом открыл глаза.

- Где я?

- На Земле ты, на Земле! Земля - это такая планета, третья от Солнца! Пей отвар, лучше будет!

Володя с трудом улыбнулся шутке, глотнул горячий отвар с запахом жира и тушенки, закашлялся, но выпил всё варево, потом и вторую банку…

- Что, легче стало? Значит так, чую я - с начальником нашим беда совсем! Ты здесь полежи, я быстро сбегаю, он точно где-то недалеко… Костёр у тебя есть, сейчас ещё заварю пару банок, если хочешь - вот «тушеночка в мешочке».

- Лёня не уходи, я… Я боюсь, боюсь остаться один…

- Кого ты боишься, ты трое суток по тайге ходил, в одиночку, не боялся, да здесь на двести километров ни одной живой души! И привидений здесь тоже нет, так что боятся некого! Если что – пали из ракетницы, ещё пара ракет осталась. А главное сиди на месте, и никуда, понял? Я скоро буду!

Лёня нарубил лапника, расстелил на него «спальник», уложил Володю, прикрыл рваной полиэтиленовой пленкой от дождя, поправил бревна в костре, вскинул «тулку» на плечо, и, махнув рукой, быстро ушел…

…Медведь был совсем молодой, ни разу не видевший человека, ему было и страшно от незнакомого запаха, и любопытно, да запах

крови будоражил. Потихоньку, крадучись, подойдя к неподвижному телу, он еще раз понюхал, и уже вытянул длинный язык, чтобы лизнуть, но в это время ветерок донес еще один запах… Медведь оглянулся и рявкнул с перепугу – на склоне сопке стояло что-то напоминавшее его сородичей, вот только запах был странный – незнакомый запах дыма и железа.

«…Ёлки–палки, этого ещё не хватало, час шёл и пришёл, и если это труп, то всё, скандал неимоверный, достанется всем, однако… А может всё-таки жив? И медведь этот некстати, хорошо молодой, сейчас пуганем, должен убежать, видно, что и сам боится…». Лёня уже приготовился постучать ножом о ствол «тулки», как вдруг раздался треск кустарника, и на поляну вылезла огромная чёрно-коричневая туша с седым загривком.

«…Вот так дела, вот не повезло, сам хозяин пожаловал, однако!...».

Молодой медведь видимо случайно забрел на территорию «старика», и тот, учуяв запах чужака, стерпеть не мог. Тем более запах крови, добычи… Седогривый гигант громко рявкнул, но молодой, то ли по глупости, то ли с перепугу, ответил тем же… «…Если будет драка, они ж его затопчут, надо что-то делать!...».

Он осмотрел патроны – два жакана, а остальное так, птичья дробь, но можно пугануть молодого, вреда не будет, он убежит, а старый за ним, вдогонку. Он зарядил «тулку» патроном с самой мелкой дробью и выстрелил молодому в зад… Тот присел от неожиданности, дико заорал и опрометью пустился наутек. Но матёрый «старик» лишь рявкнул вслед, он совсем не хотел уходить от неподвижной добычи…

Леня заметил, что матёрый прихрамывал на заднюю лапу… Не тот ли это «трехлапый», о котором рассказывали промысловики, и которого обвиняли в нападении на собак и даже на людей? Если медведь-людоед, то совсем плохи дела, эти ничего не бояться… И из «тулки» эту тушу не возьмешь, тут карабин нужен… И тут он с ужасом увидел, что рука лежащего потянулась к кобуре «ТТ»!

«Вот дурак, с этим-то пугачом на медведя, верная смерть, один выстрел и точно бросится!».

Лёня быстро вставил в ствол жакан, он понимал, у него был только один шанс и если промажет, медведь разорвёт обоих.

…Его чуть не обожгло выстрелом, «спортсмен» в беспамятстве палил почём зря, но, по-видимому, абсолютно случайно пуля попала медведю в позвоночник, тот дико взревел и осел на задние лапы, попытался сделать прыжок, но Лёня сбежал вниз и почти не целясь, выстрелил. Огромная туша с ревом упала и затихла.

- Ну, ты даешь начальник, чуть меня не убил, но смотри-ка, завалили мишку, удачно, если бы не ты, нам всё, хана! Да отдай ты пистолет, - Лёня с трудом разжал закоченевшие пальцы, - всю обойму выпустил, ковбой!

- Лёня, что у меня с головой, я плохо вижу, дышать тяжело, всё болит, ребра, вероятно, сломаны, нога сильно болит…

- Как ты умудрился грохнуться-то?

- Хотел перепрыгнуть, поскользнулся, наверное…

- Вот спортсмен, пижон, чёрт тебя раздери! Как же я тебя тащить буду, до избы добрые 15 километров? Ладно, сейчас решим, и надо бы поскорее, а то мне этот «медвежий заказник» что-то совсем не нравится, не дай бог ещё ихняя бабушка пожалует!

- А что Володя?

- Заболел твой Володя, лежит у костра, с температурой высокой, километрах в трех отсюда, напоил его шиповником… Лежит, нас ждёт! Ох, чуял я, что-то случится, чуял, не надо было вам идти! Всё план, план…

- Лёня, дорогой, не ворчи, посмотри, что у меня с головой…

- Разбил ты её, разбил здорово, но вроде череп цел, хорошо еще лбом приложился, а вот если затылком или виском, был бы медвежьим обедом. Вот я помню, случай у меня был…

- Лёня, пожалуйста, мне очень плохо, голова кружится, тошнит, пить хочу…

- Сотрясение у тебя, благо есть чего сотрясать, не было б мозгов, не было бы сотрясения… Ничего, череп крепкий, выдержал…

Лёня задрал ему энцефалитку - вся левая сторона тела была сплошным красно-синим пятном, но крови не было, кожа была целой, снял рваный сапог, ступня была синяя и опухшая… «Так, ещё и вывих, идти он точно не сможет… Надо делать волокушу и тащить, на себе нельзя, да и тяжеловат он…».

Лёня напоил «пижона» из его же фляжки, разыскал в шикарном, сшитом на заказ рюкзаке щегольский импортный туристический топорик, свалил две молодые лиственницы, со вздохом сожаления отрезал у рюкзака лямки и ремни, связал каркас волокуши… Пришлось разрезать и рюкзак на широкие ленты, соорудив опору.

- Так начальник, привяжу я тебя, чтобы дорогой не потерять, а ты держись крепко, прости уж, карета без рессор! Ну всё, поехали, - Лёня с натугой приподнял ручки волокуши и пыхтя потащил её вверх по склону…

…Володя то засыпал, то просыпался, после отвара шиповника стало немного легче, но начался кашель, и он пытался сообразить, что же с его другом, почему Лёня так разволновался, побежал,

оставив его? Но голова кружилась, и мысли путались. Он засыпал под шум дождя, опять просыпался от кашля, прислушивался…

Раздался шорох, шаги, тяжелое пыхтение, и до боли знакомый голос просипел:

- Вот, принимай напарника твоего, живой, слава Богу!

- Что с ним? - спросил Володя, оглядывая стонущего друга…

- Головой твой кореш приложился и крепко, ребра сломаны, вывих… А ты-то идти сможешь, а то вас двоих не дотащу!

- Я попробую, я дойду...

- Сейчас перекурю, чайку глотну и пойдем…

Володя с трудом поднялся и стал собирать рюкзак.

- Да оставь ты эти пробы! Еле ходишь!

- Лёня, это наша работа. Мы обязаны…

- Жить вы обязаны, а не подохнуть здесь, в тайге, из-за того, что какому-нибудь чинуше, который никогда и поля-то не нюхал, в Москве, в Министерстве, премию дадут! До избы ещё надо дойти, и с Базой связаться, пусть «вертушку» срочно высылают, с врачом! У «спортсмена» явно температура повышается… Пока его тащил, он то орал, то стонал, сознание потерял, бредил, и всё как и ты - про пробы, про геологию, про славу… А я потом вернусь, всё заберу, там ещё пробы остались и медведь лежит, 300 килограмм чистого мяса!

- Медведь, откуда?

- Кореш твой из «ТТ» умудрился повалить, ну и я добавил. Повезло, палил ведь в белый свет как в копеечку, ковбой, но если бы не он, были б мы медвежьим обедом… Потом расскажу…

Через полчаса, Лёня, пыхтя и сопя, тащил волокушу, за ним опираясь на молоток, пошатываясь, брел Володя…

Через несколько часов, с многочисленными остановками для отдыха и перекуров, они наконец-то добрались до избы. Лёня был вымотан, чудовищно устал, но надо было растопить печку, поставить чай, разобраться с ребятами…

Володя, надрывно кашляя и шатаясь, вошел в избушку, повалился на свой топчан и тут же уснул.

Лёня с трудом доволок стонущего от боли начальника до топчана, уложил, снял сапоги, «энцефалитку», осмотрел еще раз рану на голове. Кровь уже не шла, но образовалась огромная гематома, и явно резко подскочила температура.

«Вот лазарет-то, «больница имени Сиплого», Вовка кашляет, похоже на воспаление легких, а антибиотиков нет, лекарств толковых нет, один анальгин с аспирином и уголь активированный. Бинтов и тех нет, извели на вешки… Надо «вертак» вызывать, срочно!».

Он взял рацию, забросил провод антенны на дерево, щелкнул тумблером, батареи быстро садились…

- База, База, я «пятнадцатый», я «пятнадцатый», приём…

Через шорох помех он услышал голос Юрика, радиста Базы, и его закадычного друга.

- Сиплый, ты что ли? Чего не в урочный час, и ты на связи, а не пижон? Соскучился?

- Юрик, у нас ЧП, поднимай «летунов», всех кого можно… У меня один пацан с воспалением легких, второй с пробитой головой! Срочно нужен врач и лекарства!

- Лёня, плохо слышно! Что случилось? Приём!

- Ещё раз – у нас ЧП, срочно «вертак», врача с пенициллином, батареи садятся! Приём!

- Понял… ЧП… Врач нужен… Батареи…

Рация заглохла… «Вот невезуха, и батареи сели… Когда «борт» прилетит, ещё неизвестно и вообще может и не скоро, туман опять сгущается, дождь…».

Лёня растопил печурку, поставил чайник, порылся в аптечке. Володя спал плохо, периодически просыпаясь, сухой кашель раздирал ему грудь, начальник стонал и бредил.

Ночь прошла беспокойно, Лёня почти не спал, ухаживая за больными, в перерывах умудрился немного восстановить батареи рации, проколов шилом отверстия и залив солёную воду, смог связаться с базой и услышать от дежурного радиста неутешительные новости, что «вертака» пока нет, на Базе такой туман, что «носа не видно», но «...все в курсе, Главный в ярости, девушки в печали, врач наготове…». Надо было идти за пробами, да и туша медведя пропадала.

Он быстро собрался, засунул в рюкзак полиэтиленовую пленку, оселок и два ножа, поставил перед каждым «болящим» по кружке с чаем, наматывая бороду на палец, осмотрел «лазарет», вздохнул, закурил и быстрым шагом пошел по ручью, решив немного сократить дорогу.

Дождь моросил как обычно, и всё было серым и скучным. Он шёл и думал о своей жизни, что всё-таки прошла не зря, что она была интересной, удалась, только вот устал он что-то от постоянных приключений и разъездов, всё время кого-то то спасал, то искал, то тащил, то ухаживал за больными, прямо-таки «добрый доктор Айболит». Что ж, «делай добро и бросай его в воду», вспомнил он армянскую пословицу. А вообще надо бы уже думать о доме, уютной избе где-нибудь в Поселке, прибиться к рыбакам, и потихоньку жить дальше, хватит бродяжить, полстраны пешком прошёл, ноги стоптал.

Туша медведя лежала на месте, нетронутая, но уже кружили вòроны, он собрал рассыпанные мешочки с пробами, освежевал тушу, забрав только два окорока и немного жира, больше не унести… Что ж,

пусть и таежное зверье полакомится, такова жизнь - или медведь нас, или мы медведя. И лапа у него явно деформирована, потому и хромал; вероятно, это и есть «трехлапый», гроза поселковых собак и ужас промысловиков, шатун.

Лямки тяжелого рюкзака резали плечи, и надо было торопиться, он дошёл до места встречи с Володей, догрузил его пробы, рюкзак и спальный мешок оставил, «…спишем как сгоревшие, не в первой, что эту мокроту тащить, спина своя, не казённая…».

В избе было всё также, но в воздухе витал запах болезни и …смерти. «…Плохи дела, если через сутки – двое «вертака» не будет – хана…» - подумал Лёня.

Володя поднял голову: - Ты где был, я звал, звал, плохо мне, дышать трудно.

- За пробами я бегал, принес, сейчас и медвежатинку сварю, окорок, поешь, и жиром медвежьим тебя намажу, легче станет… Что начальник наш?

- Стонет, без сознания, бредит, пытался его напоить чаем, не получается, нарыв у него на голове, большой. А что за медведь, ты обещал рассказать!

Лёня поставил ведро с медвежатиной на печку, растопил жир, натер им Володю, напоил чаем, закурил, и в красках, как хорошо умел, рассказал и про молодого медведя, как тот, вопя от страха, удирал, почувствовав удар дроби в зад, и про матерого «трехлапого», и как начальник палил из «ТТ», чуть не попав в него, и про свой единственный удачный выстрел…

Несмотря на невероятную усталость, ведь пройдено было почти 30 километров по ручью, тайге и курумникам, и смертельное желание поспать, Лёне надо было ухаживать за больными, опять связаться с Базой, и придумать, чем лечить гематому «пижону», нарыв был огромный и пульсировал, надо было вскрывать… «Мало того, что я им сиделка, я ещё и хирург. И швец, и жнец и на дуде игрец!».

Лёня налил в миску горячей воды, порылся в своем рюкзаке, нашел всё-таки стрептоцид, пузырёк с йодом, упаковку бинта, накалил нож на свечке, продезинфицировал спиртом, и, зажмурившись, ткнул в нарыв. Хлынул гной, «пижон» громко застонал. «Всё, всё, начальник, терпи начальник, теперь всё!». Выдавил как смог, гной, промыл тёплой водой, залил йодом, засыпал стрептоцидом, наложил повязку. Что ж, остается только ждать, ждать «борта», ждать врача, ждать, ждать, опять ждать… За свою почти 40-летнюю бродячую полевую жизнь он привык ждать, был бы чай да курево, ждать погоды, вездехода, вертолета, самолета, продуктов, ждать людей из многодневных маршрутов... Лёня незаметно уронил лохматую лысеющую голову на

стол и тут же уснул… - «Лёня, Лёня», услышал он сквозь сон: «Пить, пить!».

- О, начальник очнулся, живой, разговаривает! Попей, попей, родной, и анальгин съешь, и спи, спи, тебе сейчас сон – лучшее лекарство, скоро окорок сварится, ещё часик, накормлю медвежатиной, оживешь! И Володьке вроде легче стало, кашляет меньше! Помог наш медведь-то, не зря завалили!

Он вызвал Базу, сообщил что ситуация уже лучше, что нарыв он вскрыл, но «борт» и врач по-прежнему нужны срочно. Радист ответил, что как только малейший просвет, «борт» вылетит, что «доктор сидит на своём чемодане со шприцами и клизмами и всегда готов», а Главный «всех разогнал, и велел лично и каждый день сообщать обо всём, что творится в отрядах».

Следующая ночь прошла беспокойно, Володя надрывно кашлял, и, похоже, ему снова стало хуже, медвежий жир и варёный медвежий окорок особо не помогли, правда, сам Лёня наелся до отвала. Начальник стонал, температура у него была явно высокой, а утешительных вестей с Базы не было. «Погоды нет», «летуны» готовы, но начальник аэродрома «добро» не давал, не имел он права рисковать жизнями экипажа и врача. А метеосводки были неутешительны - дождь и туман, туман и дождь…

Измученный Лёня заснул… Сквозь сон ему почудился знакомый шум лопастей, он поднял голову… «Приснится же такое…». Однако шум лопастей становился все слышней, и Лёня понял, что это вертолёт ищет место для посадки…

Посадочной площадки здесь не было, сесть было сложно, тайга и скалы, единственное место - метрах в пятистах от избы, где ручей широко разливался, было мелко и «борт» смог бы «приводнится» на камни плёса. Лёня схватил ракетницу и опрометью выбежал из избушки, добежал до ручья, выпустил подряд две ракеты. Вертолёт развернулся, посадке мешал туман, но увидев падающую ракету и машущего руками человека, экипаж виртуозно «приводнился» на ручей. Открылась дверь, и из ещё не успевшего коснуться колесами камней вертолёта, выскочил базовский доктор по прозвищу «Шприц» со своим знаменитым чемоданчиком, потом лихо соскочили два молодых небритых парня в ещё необмятых, новёхоньких энцефалитках, видимо новоприбывшие студенты-практиканты, они аккуратно, под руки вынесли медсестру Варечку, «Рыжее Солнце», в которую было влюблено больше половины всего мужского населения Базы. А потом - Лёня даже обомлел от неожиданности, и, пригибаясь от ветра лопастей, побежал к вертолёту. По лесенке не торопясь, на камни ручья, вышел сам Главный, потом Нач. Спецотдела, Главный

инженер и даже бессменный Секретарь и Помощник Главного, однорукий Михал Афанасьевич.

- Так, веди к больным! - тут же приказал доктор.

- Что за высокая комиссия, смотрю, всё начальство здесь! А если что случись, так и все сразу, в тайгу, в гольцы?

- Привет, Сиплый, всё остришь? Что у тебя здесь, что случилось? Почему ЧП? Голову сниму! – Главный явно был не в духе, но это можно понять, ЧП, раненый, поэтому и притащил с собой почти всё базовское начальство, для подстраховки, если что, делить ответственность будут вместе - «дальстроевская закалка» давала себя знать.

Лёня вкратце рассказал, утаив, что начальник по глупости прыгнул, сказал лишь, что тот упал, обороняясь от медведя, что они были в маршруте вдвоем, а Володя мыл шлихи и простудился после возни в ледяной воде. Он скрыл, не стал говорить про одиночные маршруты, про то, как Володя больной, рискуя здоровьем ради плана, отбирал пробы, про нарушение всех инструкций, незачем Главному об этом знать, а то ребятам достанется, а может и выгнать.

- А где начснаб-то? Я б его угостил гвоздями с мышиным дерьмом!

- Не волнуйся, с ним разобрались, в Городе уже, отправили, показания в прокуратуре дает. У своих же воровать! - Главный даже выругался. - Не у Вас одних проблемы оказались, чуть все полевые работы не сорвались!

Доктор вышел из избы, вытирая руки…

- Тебе, Лёня надо было бы не в геологи, а во врачи идти! И диагноз поставил правильно, и даже нарыв вскрыл! Иди ко мне в медчасть, медбратом!

- Так, доктор, что с ребятами? - спросил Главный строго.

- У «спортсмена» сотрясение сильное, месяца два полежит, ребра сломаны кажется, ну рентген покажет, вывих ноги… Но уже ничего угрожающего, и если бы не Лёня, всё могло бы плохо кончиться! У Володи пневмония, вколол пенициллин, всё нормально будет. Всё-таки медвежий жир помог! Где взял-то, Сиплый?

- А «трехлапый» объявился, пришлось поговорить! Так что больше некому собачек кушать!

- Так, студенты, быстро носилки и грузите больных, сводки погоды плохие. Дождь сильный идет, – распорядился Главный. - Что ж, Лёня спасибо тебе, опять всех спас, собирайся быстро, полетели домой!

- Нет Степаныч, я, пожалуй, останусь. Надо работу доделать, план же, да и избу бросить нельзя, надо всё убирать, консервировать. Сам же её строил, помнишь, лет пять назад, жалко!

- Ты с ума сошел, оставаться одному, я не позволю, категорически, хватит с меня этих двух пацанов!

- Степаныч, ты же меня почти 10 лет знаешь! Ничего со мной не случиться, я чую! Доделаю работу, хоть шлихи домою, работы-то на недельку, а погода наладится - пришлешь людей, вот хоть этих двух студентов, доберём пробы. А не выйдет, закрою всё, приберу, да пойду. Здесь до реки-то всего 20 километров по ручью, а там бережком до Базы всего-то километров 200, дойду потихоньку, не впервой… План, план, Степаныч, сам твердишь всё время! Ребята из-за этого плана чуть концы не отдали!

- Ладно, Леонид, - подумав, сказал Главный, - нарушу я инструкции, которые сам писал и подписывал, и под мою личную ответственность!

- Спасибо, Степаныч! Вот только проблема, курево кончается, махра-то у меня есть в заначке, но у меня от неё голос сохнет! - Лёня сипло рассмеялся…

- Курить тебе меньше надо, хрипишь и сипишь, как тюлень! И далеко не уходи, если что - сообщай, срочно, а как только погода будет, я тебе людей пришлю, продукты.

- И батареи для рации, и курево, курево! И чай, и сгущеночки бы!

Прибежал студент: - Товарищ Главный, командир ругается, дождь идет, надо срочно возвращаться!

Они дошли до вертолёта, уже вовсю раскрутившего лопасти, командир экипажа что-то гневно кричал и махал рукой. Главный хлопнул Лёню по плечу, потом неожиданно обнял, пробормотал «Держись, Леонид!», прыжком нырнул в вертолёт, лесенка исчезла, дверь на ходу закрылась.

Лёня долго стоял, курил и смотрел вслед улетающего «борта», потом не торопясь дошел до избы, глотнул остывшего чая, посидел, покурил, взял лоток, положил в маршрутный рюкзак мешочки и пошел к ручью…

Дождь усиливался…

РЕКА

Мотор заглох ровно на середине пути… От Старой Фактории до избушки на побережье, откуда их должен был дней через пять забрать вертолёт, было около 400 километров по Реке и её протокам.

Оставалось пройти чуть меньше 200 километров «по карте» и неизвестно сколько на самом деле, аэрофотоснимки устаревали ещё до выхода в печать - Река ежегодно разливалась по Низменности, прорывая себе новое русло, и многочисленные протоки, озерки, мысы и отмели не были обозначены ни на одной карте.

Все попытки реанимировать мотор (второй, также сломанный, за ненадобностью и для уменьшения веса протекающей лодки был оставлен на Фактории), ни к чему не привели… Сутки прошли в бессильной ругани, неоднократной разборке и сборке «проклятой железяки», но мотор категорически отказывался заводиться, да и продукты заканчивались…

После долгих размышлений, массы выкуренных трубок и литров выпитого чая, было принято решение – сломанный мотор, канистры с бензином (кроме одной, маленькой, для примуса), рюкзак с ненужными вещами, оставить на высоком берегу, на месте бывшего стойбища. С собой взяли лишь тяжеленный мешок со шлихами и образцами, ружье и ракетницу, продранную палатку, спальные мешки, чайник да котелок, тощий мешок с остатками продуктов, и самый ценный груз - карты с отметками опробования, полевые дневники, кроки и схемы (всё было тщательно упаковано и завернуто в несколько слоев полиэтилена, оленью шкуру и брезент). Именно ради них и была затеяна вся эта работа, более чем двухмесячный маршрут по Реке, с её перекатами, протоками и притоками, ежедневной изнуряющей работой в тучах гнуса, под дождем, а иногда и снегом, шлиховка в ледяной воде, отбор проб, составление карт.

Идти на веслах 200 километров в протекающей лодке, даже вниз по течению, совсем не просто, и хотя на Старой Фактории лодку чуть подлатали, но через несколько часов пути она опять дала течь. Они постоянно менялись - один сидел на веслах, второй был вынужден постоянно вычерпывать воду котелком и кружкой.

Надо было спешить, до назначенного срока оставалось всего четыре дня, вертолёт ждать не будет, а рация, естественно, не работала. Радист на Фактории, толстый и «рыжий как осень»,

одуревший от сна, рыбы и безделья, рьяно принялся ремонтировать рацию, рылся в многочисленных ящиках и коробочках с деталями, паял, крутил-вертел, но без особого эффекта – рация лишь шумела, трещала и шуршала помехами, где-то слышались голоса и писк морзянки, но наладить связь с Посёлком так и не удалось…

В Партию сообщили, что они на Старой Фактории, что всё в порядке, живы-здоровы, что будут в назначенном месте в назначенный срок, потом долго пили чай и прощались с немногочисленным «населением» – заведующим факторией, продавцом всякой всячины и приёмщиком пушнины в одном лице, невесть как попавшим в эти края хантом Афанасием Терентьевичем да радушным рыжим радистом Сашей. Сезон кончался, скоро зима, и Факторию должны были закрыть до весны… Вдалеке виднелись два чума чукчей-оленеводов, да и они должны были скоро перекочевать…

Так что на все добрые 400 километров Низменности, Тундры, Реки и побережья Океана они бы остались вдвоем. Может где-то и «аргишили» чукчи, да оленей видно не было…

Две фигурки долго стояли на берегу и смотрели им вслед – маленькая и худая, ханта Афанасия, большая и толстая - радиста Саши… Дымок от их трубок разносился по-над Рекой.

Грести короткими веслами было крайне неудобно, периодически лодка садилась на мель, они спрыгивали в холодную воду, снимать её с отмелей, иногда приходилось отталкиваться шестом или «идти бечевой». С Океана стал задувать сильный ветер, несколько раз лодку ставило боком и переворачивало. Приходилось вытаскивать утопленные вещи, особенно проклиная неподъёмный мешок с пробами, к которому, в конечном итоге, как поплавок, привязали полупустую канистру с бензином. Чуть не утопили ружье, почти час, дрожа от холода, искали его, вымокли с ног до головы, и, в конечном итоге, утопили мешок с остатками продуктов.

За двое суток до срока они умудрились заблудиться в бесчисленных протоках, пришлось «идти бечевой» против течения, постоянно выгружать лодку, протаскивать её через мели и песчаные мысы, перенося вещи на себе.

Ориентиров не было видно, Река да плоская как стол, Низменность, и ни одной возвышенности, чтобы подняться и оглядеться. За полдня до «часа Х», измученные, вымотанные, промокшие и голодные, они увидели стоящую на намытом песчаном мыску крохотную избушку. Метрах в трехстах виднелся остов балка, на вросших в песок санях-волокуше, сваренной из буровых труб, да несколько ржавых железных бочек. Стены и крышу балка запасливый тундровый люд давно разобрал, а шторма и зимние вьюги довершили остальное… Покосившийся железный «скелет» с клочьями

трепещущей на ветру стекловаты, напоминал выброшенный на берег остов корабля…

Избушка была построена в незапамятные времена из плавника и обломков досок, попадались даже доски от корабельной обшивки с почти стершейся надписью, низкая крыша поросла мхом и берёзками. С одной стороны избушка была подперта бревнами и выбеленными лютыми ветрами огромными китовыми ребрами. В избушке был лишь очаг-каменка, с прогоревшим алюминиевым котлом да короткий топчан, явно не рассчитанный на высокого человека. Дверь еле держалась на ременных петлях, крохотное окошко было забито ржавым, продырявленным листом железа. Около избушки, под навесом, на камнях, стояла тщательно упакованная железная бочка, накрытая продранным и выцветшим толстенным корабельным брезентом и обмотанная проволокой.

Прошел день, и прошла ночь… Вертолёта не было… Прошли ещё сутки… Порывшись в рюкзаке, они набрали неполную кружку смеси продела, риса и пшена, полпачки промокшего чая, а в просоленном насквозь мешочке из-под проб - с чайную ложку соли.

Обед и ужин был весьма скуден, рыба не ловилась, стая гусей, после двух неудачных выстрелов, маячила вдалеке, но к себе близко не подпускала, патронов почти не оставалось, да и те через один давали осечку, порох подмок после многочисленных пребываний в воде. Нерпы высовывали головы из воды и долго смотрели любопытными блестящими глазами за двумя странными существами, которые бегали по берегу и что-то кричали. Даже глупый выстрел из ракетницы и несколько осечек из ружья не испугали их, они не боялись, понимая, что эти люди не причинят вреда.

Всё же было решено вскрыть бочку, и, к их удивлению и радости, бочка оказалась «под завязку» набита ...макаронами «Соломка», «высший сорт» в красных пачках по килограмму!

Прошел ещё день, и ещё, и они ели несолёные макароны без масла. Вертолёта не было...

Прошла ещё почти неделя томительного ожидания, и уже одна мысль о том, что сегодня опять будут макароны, настроение не улучшала.

Пару раз по Океану, вдалеке, прошло какое-то судно, а однажды над Тундрой пролетел самолёт, не заметив ни пущенных ракет, ни прыгающих на песке и орущих фигурок. Вдали виднелось стадо диких оленей, но все попытки подойти к ним были безуспешны, стадо уходило всё дальше в тундру.

Положение было угрожающее, в Поселке про них или просто забыли, или поселковый радист что-то перепутал, и их ожидали совсем в другом месте… Конечно, можно было бы оставить пробы

здесь, и, взяв только материалы, идти налегке по побережью более 200 километров до Поселка. Но прошагать 200 километров против пронизывающего сильного ветра, в продранной и заношенной за два месяца поля одежде и рваных сапогах, через болотца, увязая в мокром песке, пересекать чуть ли вплавь протоки многочисленных ручьев и речушек! Решение пока было одно - приходилось сидеть и ждать «борта» или …удачи! Могли пройти вдоль берега пограничники или рыбаки на катере, подойти к избушке могли и оленеводы. Недаром кто-то так тщательно упаковал бочку макарон, скорее всего, на зиму, для стойбища.

Делать было абсолютно нечего, резко похолодало, начались дожди, иногда и со снегом, ночевать в избушке можно было лишь по одному, свернувшись на коротком топчанчике, почти упираясь ногами в печку. Оставалась надежда на лучшее, палатка, через которую в хорошую погоду, ночью, можно было изучать звездное небо, мокрые и свалявшиеся спальные мешки и …макароны без масла и соли, уже вызывающие отвращение одним своим видом.

Они всё-таки решили идти, но не к Поселку, а в противоположном направлении, там, всего в 100 с небольшим километрах, должно было быть большое кочевье, да и идти туда было попроще, но вот чего не было – не было уверенности, не было гарантии, что оленеводы ещё там.

Утром, тем утром, когда они уже решились уйти, послышался шум мотора… Над побережьем, как бы с ленцой, почти над водой летел оранжевый толстобрюхий самолёт, судя по всему, с биологами из Посёлка, из Заповедника, в последний раз, перед снегом, осматривающими свои «владения». Но не только две прыгающие и машущие руками фигуры, да выпущенные пара ракет, наконец-то привлекли внимание экипажа. Не только… На песчаной косе, метровыми буквами, красными пачками из-под макарон (набитыми песком, чтобы не унёс ветер) была выложена надпись … «Позор Аэрофлоту»!

Самолёт сделал круг, потом еще один, снизился, как только можно, из открытой дверцы высунулась лохматая и бородатая голова и что-то весело прокричала. Вниз полетели две банки сгущенки, самолёт покачал крыльями и скрылся.

Через два часа прилетел вертолет… Бортмеханик хмуро сбросил лесенку, что-то пробурчал под нос, но увидев глаза и лица двух грязных, худых, оборванных геологов, решил промолчать…

ЗИМА

Снег в этом году выпал рано, на две недели раньше обычного… Ещё вечером была обычная осенняя морось, а утром - слепящая глаза белизна… Тайга резко изменилась, хлопья снега лежали на лапах елей, тишина была удивительной и непривычной после шума обычных осенних дождей, не было слышно звона капель и шума воды.

Кромка воды у берега подёрнулась тончайшим, прозрачным слоем ледка, но река еще не встала, и можно было пойти ставить сети.

Запас рыбы на зиму был, две с лишним бочки, да ещё вяленая, но «запас карман не тянет», и, сняв сохнущие сети, он встряхнул их от снега, загрузил в лодку и не спеша стал выгребать на серединку плеса.

Река здесь широко разливалась, но было глубоко, течение было очень слабым, и рыбы бывало много, сети можно было бы даже зимой ставить, если лёд не будет слишком большим, а долбить лунки в почти двухметровом льду занятие не самое привлекательное.

Напротив, вдалеке, в прозрачном снежном воздухе синели скалы высокого обрывистого берега с торчащими тут и там черными, корявыми елями и лиственницами…

Напарника не было уже неделю, почему-то задержался в Посёлке. Он уже стал беспокоиться - вода спала, и тот мог запросто налететь на камни, перевернуться… А до Посёлка можно было добраться лишь по воде летом, тайга была малопроходима, мари да скалы, гольцы да расщелины... Зимой ещё можно попробовать дойти на лыжах, напрямик чуть больше ста километров, или по реке, но с её поворотами - все триста, по льду, на «Буране».

Напарник-то и был отправлен за запчастями для старенького, вечно барахлящего «Бурана», а также за бензином, керосином для лампы, кой-какими продуктами, чаем, сахаром, конфетами.

Этот участок, самый дальний, самый глухой, оторванный от всех, он выбрал несколько лет назад. В течение лета лишь однажды, по высокой воде, прошли мимо плотовщики, помахав рукой, а уж люди посетили его всего дважды – один раз на лодках к Посёлку прошли геологи, переночевали, поели ухи и рыбки свежего посола, оставили несколько банок сгущёнки, рассказали, что творится в мире, передали привет от знакомых, подивились одинокому «Робинзону», отсутствия у него радио, рации, да и вообще какой-либо связи с внешним миром. Да ещё недели три назад специально заехал из Посёлка его «друг-

начальник» из леспромхоза, посмотреть, как и что, как живет, не нужна ли помощь.

А он всегда хотел жить один, бирюком, одиночкой, «дикарём», «Робинзоном», и не потому, что не любил людей, нет, просто он всегда хотел быть и жить именно один. Напарника-то ему навязали, как он не сопротивлялся, что мол, нельзя одному жить-зимовать так далеко, что случится – погибнешь. Но напарник на удивление оказался для него идеальным, мастер на все руки, не мешал, молчал и работал, ловил рыбу, готовил на зиму дрова, собирал шиповник, травы и ягоды, сушил и замачивал, они «притерлись» за короткое лето, так что вполне годились для совместной «зимовки». Вдвоём починили крышу избы, утеплили чердак, построили баньку, просмолили лодки, перебрали моторы, приготовили капканы на лису и плашки на соболя, обшили лыжи камусом.

Он привычно поставил сети, подгреб к берегу, осмотрелся. С севера шла снежная туча, сдал задувать холодный, пронизывающий ветерок… И где он шатается, этот напарник, так скоро и шуга пойдет, потом лёд, на моторке не пойдешь, у какой крали поселковой застрял, или впрямь что случилось?

Раньше он был геологом, почти двадцать лет отработал и в этих краях, да и почти по всему Северу, его считали перспективным, пророчили ученую степень и высокие чины, но несколько лет назад он неожиданно для всех уволился из Партии, прибился к рыбацкой артели, проработал несколько путин с рыбаками, научился профессионально ставить и чинить сети, ловить, разделывать, вялить и солить рыбу, три зимы проходил в подручных у дяди Миши, знаменитого местного охотника-промысловика, научился выслеживать лосей, ставить капканы, петли и плашки, выделывать шкурки. Купил себе две лодки, моторы, старенький «Буран», карабин, пристроился в леспромхоз вроде как лесником, выправил промысловое разрешение, построил себе здесь, у Реки, добротную большую избу, и решил обосноваться, если и не навсегда, то уж точно надолго.

Все в Посёлке удивлялись: «интеллигент, учёный, из самой Москвы, и как так можно - всё бросить и уйти в тайгу?!». Но поговорили, да забыли, мало ли по тайге чудаков бродит.

А он просто устал, устал от людей, от работы и вечной суеты, от шума городов, от ответственности и обязательств, полей, партий и заброcок, от карт, отчётов, проб, керна и вездесущего плана. В Город ехать категорически не хотел, возвращаться домой, в Москву - тем более, и даже Посёлок с его несколькими десятками домов был для него слишком шумный и суетливый.

И он решил уйти, уйти от суеты, уйти от людей, жить один, как мечтал всю жизнь, зависеть только от себя, от своей работы, от удачи,

«фарта», удачного лова и удачного выстрела. Он знал, верил, чувствовал, что не пропадет в глуши, в одиночестве, хотя это и была его первая зимовка вдали от людей, и от неё многое зависело - выдержит ли он физически и морально это испытание, полгода снега и пурги, полной оторванности от цивилизации и полного одиночества.

…Он не знал, что разбитую лодку напарника найдёт через несколько недель охотник-эвенк: вероятно на обратном пути, тот, всего в нескольких десятках километров от Поселка, на тяжелогружёной моторке налетел на камни, пробил днище и утонул, а разбитые моторы, канистры и мешки унесло на километры по течению бурной Реки…

Он ждал ещё неделю, потом понял, что больше ждать не имеет смысла: «Или испугался, или загулял, или лучше не думать», - в Посёлок он всё равно не пойдет, надо было готовиться к зиме, к сезону, снег непрерывно шёл уже три дня, резко похолодало, река вот-вот встанет, уже пошла шуга, и вряд ли стоило кого-либо ждать и на кого-то надеяться.

Он остался один, только собака Альма, промысловая лайка, выращенная им еще со щенков, верная и преданная, понимающая с полуслова.

Дрова в печке весело трещали, за порогом стояла темень, выл ветер, керосинка освещала избу… Он пил чай, курил любимую трубку, стругал плашки на соболя, проверил ещё раз капканы, лыжи, патроны, ружье и карабин, и по привычке разговаривал с Альмой: «Вот видишь, псина, снег, пурга, за соболем не пойдешь, а у нас тепло, отдыхаем пока, и всё у нас есть - и рыба, и ягоды, хоть чаю и мало, а мы траву заварим, а сахар вообще вреден, да и сгущёнки чуть-чуть от «геологии» осталось, а скоро и на охоту, глядишь, и сохатого возьмем, с мясом будем». Альма, развалившись на полу и разомлев от тепла, пыхтела, сопела, преданно смотрела в глаза, даже кивала в ответ лобастой умной головой.

Утро было тихим, снега навалило по колено, он быстро собрался, взял плашки, капканы, приманку, карабин, свистнул Альме, которая с удовольствием, повизгивая, валялась в снегу, надел лыжи и пошел в тайгу.

В первый день промысла он решил далеко не уходить, присмотреться, прислушаться. Следов было много, по свежему снегу они легко читались, вот петлял заяц, вот явно мышковала лиса, попадались и соболиные следы. Он поставил несколько петель на зайца, капканы на лису, плашки на соболя, и в середине дня пошел обратно. Река ещё «курилась», лёд встал не по всему руслу, изба издалека выглядела совсем нежилой, занесенной снегом, следов, кроме его лыжни и Альмы, не было видно…

Следующим утром день выдался пасмурным, шёл снежок. Он проверил петли и плашки, снял одного зайца и пару соболей, капканы были пусты. Жить промыслом он не собирался, но не сидеть же в избе всю зиму! Шкурки можно будет потом сдать, купить патроны, да и зайчатина лишней не будет.

К середине дня снег перестал, в тайге было необыкновенно тихо, только скрип снега под лыжами, да шорох его дыхания. Он остановился, снял шапку, прислушался… Тишина была необыкновенной, успокаивающей, и он долго стоял, слушая её.

С ели посыпался снег, застрекотала белка, Альма подняла голову, залаяла.

- Тихо, тихо, собака, белковать не будем, нам добыча побольше нужна, нам сохатый нужен!

…В избе было тихо, пахло смолой, дымом, уютом. Он сам её строил. Три года назад ему пригнали по высокой воде солидные бревна, год они сохли, прошлой весной, как только сошел лёд и установилась Река, он привез из Посёлка двух плотников, они за пару недель собрали избу, поставили крышу, прорубили дверь и окошки, срубили сени, сложили печку.

Ещё загодя он запас мох и паклю, тщательно проконопатил все щели и утеплил углы избы, сколотил стол и топчан, навесил полки, вогнал деревянные колышки для всякой всячины. Окошки были невелики, одно выходило на Реку, а второе, поменьше, в тайгу, двери была низкие и обиты войлоком, чтобы держать тепло.

Живи, зимуй - холод не страшен, летом прохладно, он уже оценил, а сейчас тепло, хотя настоящих морозов ещё и не было. Печка не дымила, грела равномерно, запас дров был хороший, так что беспокоиться было не о чем. Он остался один, ему было хорошо и комфортно, и мысли его были спокойны и безмятежны…

Надо было бы натаскать воды, он взял два ведра, дошёл до реки… Изба смотрелась в сумерках, светясь крохотным окошком, как пряничный детский домик. Тихо шуршали хлопья крупного снега, и даже привычного шума реки почти не было слышно.

- На днях сети надо бы поставить, в последний раз, авось кто и попадется, - сказал он увязавшейся за ним Альме, - три дня назад, помнишь, неплохой улов был, хороших щук взяли. А сейчас-то рыбку и заморозим, а то река-то вот-вот встанет. -

Альма завиляла хвостом-бубликом, чихнула, и радостно побежала впереди, как бы показывая в быстро опускающихся сумерках дорогу к дому.

…Свечка, вставленная в консервную банку, догорала, надо попить чаю, да пораньше ложиться, завтра он хотел уйти в тайгу ещё затемно, на весь день, надо было искать лося или изюбра. Он

осмотрел избу – на полках в строгом порядке расставлены металлические коробки, цинки от патронов и ракетниц, банки - с крупой, чаем, сигаретами, табаком и махоркой, всё, что могло пострадать от мышей, было тщательно упаковано, на колышках развешены пучки трав и мешочки с сухим шиповником.

- Что ж собака, пора спать, завтра день трудный. -

Он залез в спальный мешок и по привычке тут же уснул.

…За окном была темень, и в избе почти ничего не было видно. В темноте, чтобы не тратить свечей, он растопил печь, попил чаю при отблесках огня, собрался в дорогу. Альма, предвкушая охоту, вертелась под ногами, скулила, и не успел он открыть дверь, как она прошмыгнула в щель, вылетела из избы на улицу и стала радостно прыгать в снегу.

- Ну всё, всё, хватит баловать, пошли, день сегодня длинный и тяжелый.

Тайга синела в предрассветных сумерках, было почти темно, но белый, необычайно белый таежный снег был светел и как бы показывал путь. Он не торопясь прошел около пяти километров, стало рассветать, снег стал серым, лиственницы из черных стали коричневыми, а черные лапы елей – темно-темно-зелеными.

Затрещала сойка, Альма встрепенулась, и стала принюхиваться…

- Ты кого учуяла, Альма? Ищи, ищи!

Альма заскулила, завертелась, и, утопая по брюхо в снегу, побежала в сторону. Сойка трещала ещё сильнее, и тут Альма ткнулась носом в снег, тихо тявкнула, и он увидел свежий лосиный след… Похоже, что лось прошел не больше чем час назад, и имело смысл пойти за ним.

По следу он шел часа полтора, устал, и уже хотел прекратить следовку, как вдруг Альма залаяла. Вдалеке мелькнула бурая туша, голенастые ноги, и Альма, утопая в снегу и заливаясь лаем, бросилась к зверю… Лось остановился, пораженный наглостью маленького существа, явно не пахнущего волком, а Альма лаяла, крутилась около морды сохатого, интуитивно не подходя сзади, так как один удар задней ногой лося мог запросто размозжить ей голову.

Лось явно не замечал охотника, поскольку был занят Альмой, и он, аккуратно прицелившись, выстрелил… Зверь вздрогнул, зашатался, второй выстрел свалил его…

- Подожди, подожди, Альма, а то как копытом двинет!

Он подождал минут десять, осторожно подошел. Лось был мёртв, уроки дяди Миши не прошли даром, и теперь предстояла тяжелая и кровавая работа - надо было свежевать тушу и тащить в избу.

Всё сразу было не уволочь, он срубил два деревца, наладил что-то типа санок, освежевал и разделал тушу, часть мяса со спины и ноги

завернул в шкуру, привязал к саням, между несколькими лиственницами соорудил что-то типа лабаза, с трудом закинул туда сверток с остатками туши, прикрыл лапником, и так как уже начинало смеркаться, потащил добычу к избе. Альма пробиралась в снегу впереди, и видимо, предвкушая сытный ужин, периодически взлаивала…

- Тихо, тихо, Альма, не шуми, зверье не беспокой.

К избе он вернулся уже затемно, вымотавшийся, уставший, но довольный. Накормил Альму, отрезал хороший шмат лосиного мяса, поставил вариться, а часть лосятины, мелко покрошив, положил жариться на огромную сковородку. Отдельно поставил варить и царский деликатес - лосиные губы… Теперь можно было и отдохнуть, попить чай, покурить, подумать…

«…Что ж, мясо теперь есть, завтра притащу остаток, что-то присолю, что-то заморожу, хватит надолго, много ли нам с Альмой надо? Будет оказия - и еще сохатого возьмем, а нет, так и пусть ходит зверь, что лишнее-то брать…».

Он любил охоту не за добычу, хотя именно она сейчас была ему нужна, иначе не выжить, не прозимовать одному в тайге, он любил охоту за то, что можно было часами идти по тайге, видеть как ходил, петлял разный зверь, как кричит сойка, предупреждая, что в тайге чужак, как падает снег с веток от прыжков белки, как прячется любопытный и пугливый соболь. Он не понимал (и так учил его старый охотник-промысловик дядя Миша), как можно ходить на охоту, на зверя, на лося, оленя, кабана большой компанией; ведь охота - это когда ты один выслеживаешь зверя, пытаешься его понять, «обмануть», перехитрить, когда ты с ним один на один… И только ты, зверь, тайга и тишина… И есть вероятность, что в этой битве со зверем победишь не ты, и охота нужна не для того, чтобы «запросто так», ради «отдыха», развлечения «взять» добычу, как это принято у городских охотников, а для того, чтобы была еда, пища, возможность выживания.

Пока ужин шкворчал и варился, он сходил за водой, прикинул, что делать с оставшейся лосятиной, приготовил и промыл бочонок для засолки мяса, проверил санки, сделанные ещё летом.

Трапеза его затянулась, и было уже заполночь, а завтра опять в тайгу – надо проверить капканы, забрать мясо, разделывать, солить, морозить, работы много. Он подкинул дров в печку, лег на топчан и моментально уснул.

Следующий день его порадовал, в капкан попала лисица, снял ещё двух соболей и двух зайцев, да и мясо в «лабазе» оказалось не тронуто, росомаха не добралась. Вторую половину дня он возился с разделкой, заморозкой и засолкой мяса, убрал до весны на чердак

сети, река уже стала замерзать, натаскал воды и не заметил, как наступил вечер. Часов у него не было, он специально их не взял, да и не нужны они здесь, где живешь без времени, точнее вне его, от утра до вечера, от сумерек до сумерек, в постоянной работе. Сегодня не сделаешь, а завтра поздно будет.

На следующий день надо было обезжирить и обработать шкурки и шкуру лося; он провозился с непривычки целый день, но всё сделал, проскоблил, помыл в избе пол, шкуру лося растянул на стенке в сенях, и решил на следующий день устроить себе отдых, протопить баню. Зима брала своё, было уже холодно, морозы наступали.

- Надо же, ещё вроде октябрь, а уже холод такой, и что же дальше будет? Выдержим, Альма, не замёрзнем?

Альма тихо тявкнула, завиляла хвостом…

- У тебя-то «шуба» теплая, да и у меня доха найдется.

Он уже начал терять «чувство времени», не помнил, какой день недели, даже с трудом вспомнил, какой месяц. Но и это не имело значение, ему казалось, что он живет здесь уже очень давно, может даже несколько лет, а эта зима будет бесконечна, и до лета очень-очень далеко, но при этом чувствовал комфорт и спокойствие.

Вокруг никого, на почти триста с лишним километров непроходимой тайги и гор - ни единого человека, но тишина и одиночество его не угнетали, а наоборот, придавали силы, энергию, и он понимал, что его жизнь зависит только от него, и хотя случайности в жизни есть всегда, но сейчас, имея опыт выживания и жизни в глуши, в бескрайней тайге, всё зависит скорее не от воли случая, а лишь от себя самого.

Очередное утро - проверка ловушек и капканов, потом возня по хозяйству, лёд на реке окончательно встал, надо было продолбить прорубь, и постоянно её расчищать, топить баню раз в неделю, так что скучать было некогда.

Шли дни и недели, он настолько привык к одиночеству, что уже и забыл, что где-то есть Большой Мир, где-то живут Люди со своими вечными проблемами, ссорами и шумными разговорами, грязью, грохотом, теснотой и стрессом Города. А здесь - только он и собака, снег и тайга, и его избушка, затерянная в этой непроходимой тайге, в лиственницах, елях и кедрах, в зарослях стланика, в скалах, гольцах, и ручьях, и может случиться так, что весь Мир погибнет, и забудут про него, Отшельника, ушедшего от Людей, и он, до конца отведенного ему Судьбой срока, так и не узнает об этом, не увидит Людей, не поговорит ни с кем, кроме самого себя и Альмы. Но и это не трогало, не пугало, не волновало его душу, да и не хотел он встречи с Людьми, даже мог бы и испугаться этой встречи - настолько, за чуть более три месяца одиночества, он отвык от общения, от «цивилизации», от всего

того, что окружает Человечество, и даже небольшой Посёлок, где жил таежный люд - охотники, рыбаки да лесорубы - в его воспоминаниях казался ему огромным, шумным и несуразным.

Как-то ночью Альма вскочила, залаяла у дверей. Он зажег керосинку - шерсть на загривке собаки стояла дыбом, она злобно рычала и лаяла, но наружу не просилась, а за стеной избушки кто-то ходил, и явно это был не человек. Кто мог в такой мороз, стужу, пургу, подойти к избе, какой зверь? Россомаха, но они осторожны, да и по ночам не ходят, выжидают, когда все уйдут, чтобы влезть в избу и похозяйничать, мог быть ещё медведь-шатун, да волки. Он взял фонарик, которым пользовался редко, экономя батарейки, зарядил карабин, осторожно вышел в сени, приоткрыл дверь, посветил. В снежной круговерти метнулись несколько фигур, мелькнул отблеск зеленых глаз. «Волки, да как много, окружили избу, мясо в сенях чуют, хотят добраться, оголодали… Ну ничего, не войдут», - он закрыл дверь, тщательно запер на щеколду, и спокойно пошёл спать. Альма всю ночь ворчала и рычала - он прикрикивал на неё, мешала спать, а волки, вероятно, кружили у избы до утра.

Утро было тихим, на снегу виднелись полузасыпанные следы волков, Альма долго вынюхивала следы, рычала и взлаивала.

- Ничего, ничего, собака, если этой ночью опять придут, будем стрелять, это наше мясо, мы его добыли, тащили, и с волками делиться не собираемся!

Ночью волки опять бродили у избы, он постоянно просыпался из-за лая Альмы, а утром увидел, что стая вертелась неподалёку, явно не боясь ни человека, ни собаки. Для острастки он выстрелил в воздух, волки исчезли, но вскоре опять замелькали вдалеке. «Что ж, придется стрелять, а то не отвадишь». Он вспомнил, что в Посёлке зимой волки часто подходили к домам, на людей, правда, не нападали, но зазевавшуюся собаку вполне могли утащить.

Вечером он приготовил карабин и фальшфейеры, проверил ружьё, зарядив картечь, и стал ждать.

…Альма заворчала, навострила уши, шерсть на её загривке встала дыбом… «Так, пришли волки, пора…». Альму он привязал, чтобы не бросилась на волков – разорвут, приоткрыл дверь, шипящий фальшфейер осветил темень. Около избы бегало с десяток зверей, зеленые глаза отсвечивали, и ему даже стало жутко: один неверный выстрел, одна ошибка и всё, его одиночество закончится, так толком и не начавшись.

Волк, огромный, раза в два больше Альмы, бросился к нему, но выстрел картечи его свалил, стая остановилась в нерешительности, он снова выстрелил, свалив ещё одного волка, и увидел, что стая отступает.

Всю ночь он не спал, ожидая нападения, но видимо умные звери поняли, что его просто так не взять, и ушли…

Утром он посмотрел на убитых волков, один был просто огромен, таких он никогда не видел, матерый, с громадными клыками. Что ж, подумал он, вот и ещё две шкуры, можно будет себе и безрукавку сшить…

День он провозился со шкурами волков, ободранные туши погрузил в волокушу и на «Буране» отвез подальше, по Реке, чтобы не привлекать зверей. На обратном пути остановился и долго смотрел на тайгу, скалы, замерзшую Реку, слушая безграничную тишину.

Так шли дни, недели, он ходил проверять ловушки, где-то в середине зимы провел «ревизию» продуктов, был рад и удивлен, что использовал их даже меньше, чем ожидал, понял, что стал гораздо меньше курить; что припасенные им рис, гречку, пшено, да и сахар, он употребляет очень мало, вместо чая пристрастился к различным травам и ягодам, которые он засушил и заготовил летом, а ел в основном рыбу да лосятину, иногда зайчатину.

«Да, совсем «оробинзонился», как наши предки стал, рыбка, мясо, да трава в заварке!». Его порадовало то, что он не выживал, терпя лишения и трудности, а именно **жил, жил спокойно, неторопливо и размеренно**, дни были заняты то охотой, то выделкой шкурок и домашними хлопотами. Удача или точный расчёт, а может и главное - одиночество, мобилизация всех его сил, надежда только на себя, готовность к лишениям и испытаниям, да и заранее приготовленные, рассчитанные запасы, отсутствие нервозности и стресса, давали возможность спокойно жить одному. И это была не борьба с природой, не борьба за существование, а именно просто жизнь, жизнь одного человека в глуши, в тайге, в непролазном снегу, в пургу и снегопады.

Наступили сильные морозы, по ночам изба трещала от холода, но не промерзала, печка тянула исправно, запаса заготовленных, нарубленных дров хватало ещё надолго.

Он совсем забросил свой дневник, куда раньше по привычке ежедневно или раз в несколько дней заносил краткие сведения о том, что было им сделано, какая погода, что произошло.

Но теперь ему это было неинтересно, он открыл дневник, почитал ранее написанное, занёс несколько строчек, и с удивлением понял, что пальцы его огрубели, что держать карандаш тяжело и неудобно, да и писать было не о чем, мысли не просились на бумагу, они были сами по себе, и не нужно было изливать свою душу на белые листы бумаги, описывать события, чтобы потом их анализировать и не допускать ошибок. Да и если бы он сейчас ошибся, то это могло быть его последней ошибкой. Он закрыл дневник, положил его на полку, и вскоре забыл о нём.

Дела, дела, ежедневные хлопоты были важнее мыслей на бумаге, скучать было некогда; нет, он понимал, что не одичал в глуши и одиночестве, он помнил наизусть страницы книг, которые читал когда-то, иногда он про себя, да и вслух, декламировал стихи, разговаривал с Альмой, его интеллект за месяцы одиночества не пострадал, скорее наоборот, пришла некая философская уверенность в правильности выбранного им пути, и если перед зимовкой и были какие-то сомнения, то теперь они полностью исчезли…

Постепенно дни становились длиннее, но однажды, в феврале, пурга закрыла его в избушке на пять дней, мело так, что нельзя было отойти на несколько метров, дверь несколько раз приходилось откапывать, а один раз даже пришлось вылезать через люк в потолке и чердак.

Весна пришла незаметно, снег ещё лежал, но яркое солнце и длинный день, после зимней тьмы и снежной круговерти, радовали его, время снегопадов прошло, днём над снегом был наст и Альма резала лапы, да и ему на лыжах ходить стало трудно, наст ломался, а под ним - рыхлый снег с водой, однажды провалился чуть не по пояс, и он уже почти не ходил на охоту, тем более и сезон уже заканчивался.

За зиму он добыл пару десятков соболей и несколько куниц, взял в капканы пять лис, а в петли – с десяток зайцев, убил росомаху, которая несколько дней шаталась у его избы, добыл ещё одного лося. Из волчьих шкур он сшил себе безрукавку на зиму и осень, из заячьих – на весну и лето, из лисьей шкуры - шапку, и хотя были они пошиты немного кривовато, да и швы были не совсем ровные, он был очень горд своим портняжим искусством. Лосиную шкуру повесил над топчаном, другую бросил на пол, вместо ковра, а оставшиеся шкурки можно летом сдать, купить патроны, да и зарплата наверное за зиму в леспромхозе накопилась… Но когда он подумал о «цивилизации», о том, что придётся ехать в Посёлок, то даже расстроился, несколько дней ходил печальный, всё валилось из рук, но потом прикинул, что и керосин нужен, и бензин для моторов, свечи, батарейки и патроны, да и запчасти для «Бурана», именно то, что не привез прошлой осенью исчезнувший напарник. Он вспомнил о нём, и стало грустно, наверное, вдвоём было бы зимовать легче и веселей, но раз уж так вышло, раз он сам выбрал свою судьбу одиночки, «Робинзона», значит, так и должно было быть.

- Что ж, Альма, придётся всё же идти «в цивилизацию», что поделаешь, на следующий год сделаем запас побольше, да и не появимся в Посёлке года два-три, а там, глядишь, и забудут!

Он вполне бы мог остаться и на всё лето один, опять ловить и солить рыбу, запас грубой соли был большой, да и с прошлого года

ещё рыба осталась, была и лосятина, которую он провяливал на ярком весеннем солнце, остались запасы крупы и сахара.

Однажды утром он проснулся от грохота, выбежал из избы и увидел, что это пошел лёд; ломая и кроша льдины, грохотала Река, он понял, что наступила Весна, скоро, очень скоро можно будет заводить сети, да и съездить на пару-тройку дней в Посёлок, а может и готовиться к приходу гостей.

На лето дел было много, надо было заготавливать дрова, собирать, сушить и замачивать ягоды, сушить травы. Надо было проверить крышу избы, подправить оторванные лютыми зимними ветрами дранки, проконопатить кое-где щели. Так что Лето пройдет быстро и незаметно, а там снова короткая Осень и длинная снежная Зима, и снова яркая бурная Весна и снова Лето. И пройдут месяцы и годы, и он будет жить здесь, в своей избе, ходить в тайгу, охотиться, ловить рыбу, разговаривать с собакой, и ему не будет нужен Большой Мир.

Через две недели он спустился по реке вниз, в Посёлок, подивился шуму, лаю собак и человеческому разговору; на него смотрели как на некое чудо, надо же, и перезимовал один, и жив-здоров, да ещё и шкурки привёз. Расспрашивали, как жил-зимовал, приглашали на чай, угощали куревом… Он сначала больше молчал - отвык от разговоров, но рассказал - и про лосей, и про россомаху, и про волков, а безрукавку на нем видели все, щупали, цокали языком, хвалили. Узнал он и печальную, уже давнишнюю новость про напарника.

Он сдал шкурки, купил патроны, приобрёл кое-что из продуктов, с расчетом на пару-тройку лет, договорился, что привезут на днях бензин, керосин, свечки да гвозди.

Утром они с дядей Мишей долго сидели на берегу Реки, пили чай и молчали, тот только сказал:

- Ты, паря, тайгу любишь, поэтому она тебя и приняла, а так бы сгинул, многие сгинули, а ты лишнего не берёшь, ты не жадный, и сам живешь, своей головой… И живи, раз так решил… Наведаюсь-ка я к тебе летом-то, посмотрю, как живешь, однако. В гости-то ждешь?

- Да, конечно, приезжай дядя Миша, посмотри, как я устроился, может и сам так пожить захочешь!

- Да нет, старый я, кости болят, ползимы на печке пролежал, да и куда я от своей старухи… А ты, паря, молодец, не испугался, один перезимовал… Дай Бог тебе и дальше удачи!

Они попрощались, он завел мотор, вывел лодку на середину реки. Дядя Миша долго стоял и смотрел ему вслед слезящимися глазами,

пока не затих звук мотора… «Однако, парень настоящий таёжник… Удача ему будет!».

…Он добрался до избы уже поздно вечером, разгрузил лодку. Изба встретила его привычной тишиной, запахом жилья и дыма, это был его дом, его Маленький Мир, его Микрокосм. Он развел костер, чтобы не протапливать избу, вскипятил чай и поужинал.

Его Мир был таким, каким он сам его создал, и следующее Утро будет таким же, и День и Вечер, и много Месяцев, и даже много Лет, но это был именно его Мир.

И с этими мыслями он уснул в прохладной, пахнущей деревом избе, и завтра его ждали дела, сети и рыба, и послезавтра, и через несколько дней, но не было ничего одинакового, и дни не были похожи один на другой, они все были разные. Он спал, и спала тайга, спала, повизгивая во сне, собака Альма…

И разные были его Мысли и Сны, и он знал, что это и есть его Судьба, и это его Одиночество, и это его Жизнь, и его Удача.

И так будет всегда, и будет и тайга, и гольцы, и скалы, и тишина снега и вой зимних вьюг, и яркое лето, и трепещущая на дне лодки рыба, будет и соболь, и следы сохатого на снегу. И это не закончится никогда, пока не кончится его Мир, а его Мир бесконечен, бесконечен как Тайга, как вода в Реке и как сама Жизнь.

ВЕТЕР

Слышишь голос степи?
Этот голос пустынный,
Пусть поможет сплести
Ветру слов паутину.
…Видишь белый ковыль
встрепенулся под ветром,
Над дорогами пыль
подняла километры?
…И вот в этой тиши
Под убийственным солнцем
Проплывут миражи, проплывут миражи
К горизонту…

Было ещё раннее утро, но солнце уже нагрело палатку. Луч света, пробравшийся через дырку в крыше, играл с пылинками.

Лагерь живописно расползся в долинке между гранитными, кажущимися розовыми в лучах восходящего солнца, поросшими темно-зеленой арчой сопками, и глубоким сухим руслом, пробитым потоками воды.

Вдалеке, у крохотной, серебрившейся на ветру ольховой рощице, возле почти пересохшего ручейка, был чистейший родник и бочажок, откуда можно было брать пресную воду… Больше воды в округе, километров на 200, не было, за исключением полупересохших, мутных бочагов реки Сары-Су и немногочисленных грязных и солоноватых колодцев для скота, окруженных кольцом вытоптанной копытами овец и уплотненной до прочности бетона глиной.

Несколько выгоревших на безжалостном казахстанском солнце, почти белых палаток, трепыхались на утреннем ветерке…

Ветер здесь был всегда, он не преследовал, не надоедал, он просто был. Он был здесь и сотни, и тысячи лет назад, и это он, ветер, вылизал до гладкости эти красноватые гранитные скалы, перекрутил, перекорежил, высушил арчу. К нему можно было только привыкнуть, его можно было только бессильно ругать, когда неожиданный порыв легко смахивал палатки, выдирая полуметровые железные колья, вколоченные в трещины скал, и как нитки, лопались толстые веревки, трещал, разрываясь, толстый брезент. Ветер просто был, он был здесь всегда, он затихал на два-три часа ночью, и потом начинал

задувать снова и снова. То жаркий и знойный южный и юго-западный, то прохладный, северный…

А дождя не было, тучи проносились над сопками и степью, гремел гром, сверкали молнии, ветер дул всё с новой и новой силой, но на сухую землю, гранит сопок и скособоченную арчу падали лишь жалкие капли – дождь испарялся над раскаленным, прокаленным солнцем Казахским мелкосопочником.

Потрепанная жизнью, судьбой и тысячекилометровыми пробегами, машина, ГАЗ-66, названная шофером «Клавочка», сиротливо трепыхала выцветшим и рваным брезентом фанерной будки.

Сам шофер, чья грязная лохматая голова виднелась из-за поднятой кабины, ковырялся в моторе, по привычке разговаривая и с машиной, и с самим собой, периодически срываясь на истерический крик и матерщину, когда что-то не получалось…

Как он с такой издерганной психикой попал в шофёры - вообще загадка, и был он, вероятно, одним из самых невезучих водителей с автобазы. В поле он поехал в первый раз, машину ему дали старую, и по дороге от Москвы до «бескрайних степей Казахстана», его постоянно преследовали неудачи. То чуть не отваливался бензобак, то порвались приводные ремни и он чудом не «улетел» в кювет из-за заклинившего гидроусилителя руля, то грелся и постоянно глох двигатель, то отрывалась на ходу тяга привода газа, то спускало колесо… Поэтому ежеутренние и ежедневные «упражнения» с «Клавочкой» были так же обычны как ветер и длительное питье утреннего чая, под еще нежарким солнцем, под неспешные разговоры и обсуждения дел и поездок на сегодня.

Чай, горячий крепкий чай, печенье, разговоры… Торопиться вообщем-то было некуда, погода здесь была всегда, пешком взбирались только на сопки, а поездка в 30-50 километров по долине, много времени не занимала.

Чай уже был выпит, и надо было бы уже и ехать в маршрут, когда шофер, вытирая грязной тряпкой перемазанные машинным маслом руки, наконец-то «соизволил» подойти к столу. Он в некотором роде был «элитой», вторым, а то «первым» после начальника отряда, так как без него, без машины, не было бы маршрутов, остановилась бы вся работа, да и выбраться из этой глухомани, когда до ближайшего поселка, где был телефон, добрая сотня километров по ухабистым степным дорогам, было бы без машины крайне тяжело.

Где-то кочевали отары овец, где-то ютилась крохотная метеостанция, где-то были пустые, брошенные, полуразрушенные сараи - «отделения» неведомых колхозов со сторожем и обязательной небольшой отарой овец. Но что было делать, чем бы там могли

помочь, если шесть человек, вместе с двумя тоннами груза застряли бы здесь, в лощинке, у неведомого ручейка, у подножия неназванных сопок? Сообщить, да ждать машину в помощь с базы из Щучинска, почти за тысячу километров – а это не менее чем две недели…

Так что лохматому, явно пренебрегающему правилами гигиены шоферу многое прощалось - и его хамство, и матерщину, и грязные руки за столом. Он понимал, что его не любят, но и прекрасно видел, что все от него зависят, что без него не обойтись, что его надо просить и упрашивать, и поэтому старался держаться независимо-хамовато, что при его тщедушном телосложении выглядело часто забавно и комично.

Шофёр был постоянным объектом для насмешек и шуток рабочего-лаборанта отряда, здоровенного высокого парня, по прозвищу «Слоник», бродяги и туриста, бывшего студента, выгнанного за «систематическую неуспеваемость и прогулы». Он был в поле уже почти 5 месяцев и объездил половину Казахстана, «собираясь объездить и вторую».

«Слоник» славился тем, что в одиночку мог выкатить или вкатить в кузов машины 200 литровую бочку с бензином, двумя-тремя ударами пудовой кувалды откалывал от монолитных гранитных скал образцы весом в 15-20 килограмм и съедал за ужином тройную порцию первого и второго.

- Ты бы, Серёжа, руки хоть бы помыл, – неодобрительно и строго сказала повариха, - грязные же!

- Это техническая грязь, - важно заявил шофер.

- Ничего, ему с солидолом слаще, да глистов не будет, - встрял в разговор «Слоник», закуривая уже третью сигарету. - Всегда сидим и ждем «бортмеханика», пешком было бы дойти быстрее, через сопки! Всего-то напрямик, 10 километров…

- Вот и иди, - взвизгнул шофер, - я тебя не повезу! Пешком ходить будешь! Я машину ремонтировал!!!

- Ломать не надо, не будешь и ремонтировать. Когда руки из…

- Так, тихо, ребята без ссор и криков, – прервал начальник отряда. - Планы на сегодня… Едем далеко, по долине, километров сто, отбираем по профилю пробы, и едем на весь день! Воду и «сухпаёк» с собой! Инструменты и мешки готовы?

- Готовы, готовы, товарищ начальник, лишь бы «Клавочка» не чихала, а то простудилась видать на ветру… А «доктора» у нас сами знаете какие… «Айболиты»! Им бы клизмы ишакам ставить…

Шофер вскочил и, махая руками, хотел сказать что-нибудь обидное, но поперхнулся чаем, и закашлялся…

«Слоник» молча поднялся, треснул его ладонью по спине так, что шофер аж присел, и не спеша пошел к своей палатке за

инструментом. Фальшиво напевая «На пыльных тропинках далеких планет…» он с лязгом выволок связку полуметровых зубил, несколько кувалд, ломы, кирку, мешки для проб…

- Ох, и поработаю я сегодня, - и закрутил пудовой кувалдой на длинной ручке над головой, да так, что пошёл свист…

Был он «вечный студент», категорически не желавший учиться и бродяга по жизни… Как только наступала весна, у него, как он выражался, начинался «полевой зуд» и он спешил куда-нибудь уехать. Ранней весной, в начале марта, уезжал то с зоологами в Туркмению, «считать джейранов», то с орнитологами, кольцевать птиц, ездил с географами, с почвоведами, с геологами и геофизиками, ходил в маршруты, часами смотрел в бинокль за всякой живностью, рыл шурфы и почвенные разрезы, отбирал пробы, даже кашеварил. Впервые в «поле» он поехал ещё старшеклассником, с археологами, потом поступил, как он выражался, «сдуру в какой-то институт, в какой не помню», откуда его периодически выгоняли, объездил за несколько лет с экспедициями полстраны, набрался полевого опыта, нахватался кое-каких знаний и разных научных терминов, которыми очень любил щеголять.

Жил он один, в большой, «армейской» палатке, где был ещё и склад, устроился разумно, с комфортом, как всегда устраивался в «полях», со столиком из «вьючника», огарком свечки в фигурно обрезанной консервной банке, обязательной пачкой сигарет, спичками и кружкой с чаем. На раскладушку он подложил ещё пару запасных спальных мешков, и, вбив в несущий двухметровый кол массу гвоздей, развесил одежду, фляжки, полевую сумку и разную мелочь.

Ходил «Слоник» исключительно в стоптанных кирзовых сапогах, защищавших по его словам «от острых камней, скорпионов, колючек и змей», выцветшей потрёпанной «энцефалитке» и таких же штанах, подпоясываясь ремнем, на котором болтался устрашающих размеров нож, армейская фляжка и армейский же подсумок с разной мелочью, типа спичек и сигарет.

Но, несмотря на столь «грозный» полувоенный вид и выбеленную солнцем военную шляпу, в армии он «не служил и не собирался», и его любимой фразой были слова: «Я и Советская Армия - понятия несовместимые!». Вообщем-то призывами, весенним и осенним, частично и объяснялся его «полевой зуд», он просто удирал от военкомов, а когда являлся домой уже поздней осенью, а то и вообще в декабре - не открывал дверь и не подходил к телефону. Так он «тянул» уже несколько лет, и с нетерпением ждал, когда же ему наступит 27 лет и «можно будет начать новую жизнь». Таких «полевых бродяг» в 70-80-х годах в Москве было достаточно, и их охотно брали рабочими, лаборантами или техниками на сезон, опыт полевой

работы у них был, за «длинным рублем» они особо не гнались, а что хватало гонору и хвастовства, что мол «…и там я бывал, и помню, был случай…», так это «по молодости» и всегда прощалось.

Геологи позавтракав, разошлись по палаткам, собираться в дорогу, только водитель долго пил чай, хотя и видел, что ждут только его…

После томительного ожидания, все, наконец, расселись в машину… Стартер заскрежетал до зубной боли, мотор «чихнул» пару раз и заглох… Шофер стал истерически матерится…

- Лучше б нам ишаков дали… Или ещё лучше – верблюдов, - как бы ни к кому не обращаясь, громко сказал «Слоник». - С них хоть какой толк есть, работают хорошо, матом не вопят, да и шерсти можно настричь! А с этого «водителя кобылы» - никакой пользы, кроме вреда…

Шофер начал что-то орать в ответ, но в это момент, машина, «чихнув» ещё пару раз и выпустив шлейф черного дыма, завелась. Заскрежетала коробка передач, и «Клавочка», переваливая на камнях и гремя инструментами в кузове, выехала из долинки на дорогу… Точнее это была не дорога, а обычная колея, накатка, проложенная неизвестно когда, может и в годы войны, когда здесь добывали то ли вольфрамовую руду, то ли еще что-то. От тех времен остались развалины какого-то здания, сложенные из гранитных обломков, узкая глубокая канава и небольшая штольня.

В штольню «Слоник», вспоминая своё «спелеологическое прошлое», лазил раза три, ничего интересного не нашел, и потерял к ней всякий интерес, но с общего молчаливого одобрения отряда, и даже спокойного, быстро улаживающего любые конфликты начальника, Бориса Александровича, уверил шофёра, что там, в штольне, водятся летучие мыши-вампиры… Шофер поверил, и теперь спал исключительно в машине, плотно закрывая дверь и даже залатал брезент будки.

Он вообще боялся всех «летающих, ползающих, прыгающих» и прочую живность, при виде фаланги или скорпиона истерически орал, а любая безобидная ящерка приводила его в трепет. А уж щитомордники… Однажды он, отойдя в сухое русло «по делам», «неожиданно почувствовал, что на него кто-то смотрит». Обернувшись, увидел здоровенного, как он говорил, «с ногу толщиной» щитомордника, большую (до метра длиной), ядовитую, но довольно безобидную змею (если её не трогать), греющуюся на камнях… Бедный московский шоферюга совершил олимпийский прыжок с места вверх на почти два метра и дико крича «Змея, змея!», рискуя сломать ноги на камнях (а ходил он исключительно в домашних шлепанцах), помчался к лагерю. Его отпаивали валерьянкой,

начальник из личных запасов выделил «100 грамм полевых», и после этого водитель, перед тем как куда идти, бросал камни и громко кричал, пугая, как он выражался, «ползучих гадов», а в темноте и уж тем более ночью, вообще старался из машины не вылезать.

«Слоник», под дружный смех отряда, долго выяснял, куда его укусил щитомордник и не требуется ли ампутация, демонстративно натачивая на оселке свой огромный самодельный нож с ручкой из оленьего рога, и рассказывая всякие истории о змеях (проработал сезон с серпентологами в Каракумах), кого куда укусили, и как «умирали в страшных, нечеловеческих муках».

Выезд в долину реки, вдоль которой предстояло работать, был один – дорога шла через узкое ущельице, которое громко именовалось «Волчьими воротами», хотя кое-где фанерная будка ГАЗ-66 и шаркала по скалам.

Пробравшись через ущелье, исхлестанная ветками кустарника, машина вышла на простор, ветер загудел в будке, захлопал брезент. Набирая скорость «Клавочка» понеслась по степи, по долине реки Сары-Су, «Желтой воды». Мелькала серо-желтая, выжженная солнцем степь, ветер крутил пылевые смерчи, в жарком мареве розовели и белели сопки, сверкали небольшие бочаги, поросшие ивой и ольхой. В бочагах при желании можно было бы и порыбачить, и однажды «Слоник», отпросившись у начальника, сбегал как-то поутру за 10 километров к ближайшему бочагу и притащил двух здоровенных щук, поймав их в марлевый полог от палатки, чем вызвал безумную зависть шофёра и получил выговор от начальника «за порчу казённого имущества».

Кое-где на сопках зеленели сосны и вездесущая арча, а в долинках между сопок серебрились ольховые рощицы.

Неожиданно шофер «дал газа» и что-то крича, помчался в сторону от колеи, по степи, выжимая из машины всё. Впереди, в пыли, мчалось, наклонив рогатые и носатые головы, стадо сайгаков. Их здесь было очень много, они бродили по долинам, периодически кто-то их стрелял, браконьерствовал, и к ним в лагерь как-то приехал казах-егерь, попил чаю и водки, поспрошал, есть ли оружие, подозрительно осмотрел кухонную палатку. Но получив отрицательный ответ, бутылку спирта и две пачки чая, уехал восвояси и больше не появлялся…

…В штольне, в глубине, были спрятаны две 40 литровые фляги из-под воды с засоленной и переложенной крапивой сайгачатиной. Сговорившись с местными метеорологами, съездили ночью на охоту на машине, а добычу поделили… Так что теперь на ужин или обед всегда было свежее мясо.

Догнать, точнее, загнать сайгака в степи можно было только в одиночку на мотоцикле, а на машине просто бесполезно, стадо разделилось, крупный рогач увел самок и молодняк, а оставшиеся самцы, не спеша, отвлекая и, как бы дразнясь, бежали впереди машины. Потом они резко свернули в сторону и исчезли в пыли…

- И чего машину гробить, - пробурчал «Слоник», - всё равно не догонишь, да и мясо пока есть… Охотиться надо, когда пищи нету, а так это бойня! - И «Слоник», пользуясь случаем, стал выражать свои взгляды на охоту и «уменьшение численности животного мира». Слушали его с интересом, так многие факты он почерпнул не далее, как ранней весной этого года, поездив по заповедникам Средней Азии с зоологами.

В машине, в кузове (начальник сидел, по обыкновению, в кабине), был ещё пожилой геолог, Дим Димыч, зам. начальника отряда, «ответственный за финансы», молчаливый обладатель огромной и роскошной черной бороды, которую он по утрам, пока шофер пил чай, тщательно расчесывал перед зеркалом машины, приводя того в бешенство, что «…ему опять все зеркала посбивали, и он на заду ничего не видит!...» и студентка-дипломница из МГУ, Маша.

Она была, как говорили в отряде, «младшенькой», происходила из очень интеллигентной, профессорской семьи, чуть ли не музыкантов, её шокировали «шоферские выражения», хотя многих слов, она, судя по всему, просто не понимала. «Слоник» пытался за ней неуклюже и безуспешно ухаживать, «травил» бесконечные полевые байки, стараясь произвести хоть какое-то впечатление, всячески помогал, высаживал из машины и подсаживал, а если она уходила в небольшие самостоятельные маршруты, тут же вызывался её сопровождать, таскал её рюкзачок. Вообщем всё было как обычно и как всегда безуспешно…

- Да, её сердце принадлежит другому, и куда уж нам «с кувшинным рылом да в калашный ряд», - глядя вечерами на Луну и покуривая, философски вещал «Слоник». - Будем ждать лучших времён, да и мне вообще ещё женится рано, я ещё на Чукотке и Камчатке не был…

- Да куда тебе женится, ты из «полей» не вылезаешь, - смеясь, говорила повариха. - Тебя не одна жена ждать не будет! Да и на себя посмотри, бородища нечесаная, руки грязные, тельняшка сколько уж нестирана!

- Хорошая жена подождет – а плохая мне и не нужна, и дело не в форме, а в содержании! - философствовал «Слоник». - А пока я при кухне, мне вообще ничего не надо, был бы чай да сушки!

Повариха была художником, приехала «кашеварить» и писать картины в свободное время, а так как накормить 6 человек два-три

раза в день (уезжали обычно с утра и часов до 5-6 дня) – дело не хитрое, она за три недели успела написать уже пару картин и сделать несколько набросков и эскизов, всё местные пейзажи – сопки, степь, палатки в долинке. «Слоник», абсолютно не умевший рисовать и совершенно не разбиравшийся в живописи, был в восторге от её работ, наговорил кучу комплиментов, расспрашивал о художниках, помогал по кухне, за что и получал во всякое «неурочное» время крепчайший чай с его любимыми сушками.

Он в отряде был «ответственным за всё», не только за отбор проб и инструменты. Грузить и разгружать машину, съездить за водой, поставить палатки, зашить их после очередного порыва ветра, что-то носить, помогать… Ему нравилось быть «завхозом-грузчиком», хотя и был он лентяй, от работы старался отлынивать, любил посидеть, попить чаю, покурить, поболтать со студенткой или поварихой, или просто походить по близлежащим сопкам, забираясь повыше, любуясь пейзажем и фотографируя.

…Долина реки постепенно расширялась, сопки мельчали, уходили вдаль. А ещё дальше река почти пересыхала, теряясь в глинах и солончаках Великой Безводной Бетпак-Далы. Свернув к сопкам, и подъехав почти к их подножию, машина остановилась. Облако пыли быстро унесло ветром, «Слоник», первым выпрыгнув через борт, галантно подал руку Маше, и что-то по обыкновению фальшиво напевая, выгрузил из кузова инструмент, привычно вдел лямки рюкзака, закурил и быстрым шагом, неся на плече более 20 килограммов «железа», пошёл догонять шедших налегке геологов.

Дойдя до вершинки сопки, отряд остановился передохнуть. Здесь, наверху, жара чувствовалась гораздо меньше, ветер задувал намного сильнее, сушил кожу, заглушал разговор.

Начальник осмотрелся, постучал молоком по скале.

– Ну вот, отсюда и начнем. Давай, действуй, «каменотёс» - кивнул он «Слонику».

Тот не спеша, вразвалочку, подошел к монолитной гранитной скале, критически её осмотрел, вынул из подсумка защитные слесарные очки, одел их, и сильно размахнувшись, ударил пудовой кувалдой. Полетели искры и осколки камня. Нанеся несколько ударов, он взял полуметровое зубило, вбил в трещину, и несколькими ударами кувалды поменьше отвалил огромный блок гранита, после чего разбил его на несколько кусков. Остальные при этой процедуре старались держаться подальше, так как летящие со свистом осколки могли поранить.

- Вот, готово, товарищ начальник! Сегодня, так сказать, первый вклад в науку!

Задачей геологов был отбор проб гранита на определение абсолютного возраста, и работа «Слоника» было особенно тяжелой физически – он и отбирал эти пробы, для чего надо было отбить от скалы 10 - 20 килограмм гранита, отобрать чистые, невыветрелые куски, загрузить в мешки, взвесить, спустить вниз, к машине, опять подняться на сопку, взять инструмент и идти дальше… За день отбирали обычно 10 - 15 проб и за месяц работы «Слоник» «набил» себе хорошую мускулатуру, чем весьма гордился.

Но и это была ещё не вся работа... В лагере «Слоник», пока остальные рисовали карты, работали с образцами, ездили в регоносцировочные маршруты, или за 150 километров в поселок, за хлебом, дробил полупудовым пестом пробы в ступке, сделанной из половины кислородного баллона, просеивал их через огромное трехмиллиметровое сито, квартовал и отвешивал от измельчённой пробы один килограмм. Именно этот образец, в Москве, в лаборатории, после долгих физических и химических «мытарств» и превращался в абсолютный возраст породы.

Так что физической работы ему хватало, но «Слоника» это интересовало мало, парень он был здоровый, и главное, - он был счастлив, что «в поле», в любимых степях, он работал, смотрел, фотографировал, набирался впечатлений, чтобы потом, в Москве, ему было бы что вспомнить, рассказать по приезду за бутылкой портвейна таким же бродягам, как и он сам. Ежегодная встреча у кого-то на квартире 15 декабря была уже традицией… Но до этого было ещё далеко…

Пока геологи рассматривали пробу, отбирали образцы на химический анализ и шлифы, он сидел, отдыхал, курил, помогал Маше заворачивать образцы.

День давно перевали за полдень, жара усиливалась, знойный ветер дул с юго-запада, с Бетпак-Далы. Начальник предложил доехать до бочажка, попить чаю, перекусить, и если будет возможность, искупаться.

«Слоник» взвалил на себя тяжеленный рюкзак с пробами, на плечо инструмент и спустился к машине. Шофер как всегда спал в «будке», и «Слоник», оставив инструмент и пробы поодаль, подкравшись, гаркнул ему в ухо «Рота, подъем!», после чего стал фальшиво трубить сигнал побудки.

Водитель очумело вскочил, и, протирая опухшие от сна глаза, начал матерно ругаться.

- Хорошо водиле в поле! Спишь себе и спишь! Я, пожалуй, тоже так устроюсь!

- Да тебя не возьмут, и «прав» у тебя нет, и в армии ты не служил!

- Я и армия – понятия несовместимые, а что «прав» нет, то так как ты водишь - и без «прав» можно обойтись!

«Брэк, брэк», ребята! - сказал подошедший начальник. - Ну что такое, на десять минут оставить нельзя, опять сцепились!

- А что он в ухо орет, - тоном обиженного ребенка пожаловался шофер. - Так и оглохнуть можно!

- Всё в порядке, товарищ начальник, дорогой Борис Саныч, - тут же перевёл разговор на другое «Слоник», - образцы и инструменты погружены, личный состав на месте, можно ехать принимать пищу!

Он галантно подсадил Машу, прыгнул в кузов, закрыл дверцу, машина завелась, всем на удивление, сразу, и отряд отправился к глубокому бочажку, немного почище других.

Все расположились на травке, «Слоник» моментально «раскочегарил» паяльную лампу и чайник быстро вскипел. В теньке, на ветерке, после многочасового хождения по жаре, чай был особенно вкусен, «сухой паёк» - пара банок тушенки, хлеб и печенье долго не залежался.

- Ох, пойду-ка я окунусь, дам прошу не смотреть! - сказал «Слоник», быстро разделся, и нырнул в бочаг. – Ох, и хорошо!

Геологи также последовали его примеру, кроме Маши и шофера. Сергей принципиально не купался в бочагах, важно заявляя, что «вода там грязная», вызывая дружный смех, и советы посмотреться в зеркало.

Ранее водитель безуспешно пытался флиртовать с Машей, приглашал «покататься», норовил даже приобнять, но «Слоник» как-то отвел его в сторону и молча показал свой здоровенный кулак. Несмотря на всё свое хамство и наглость, Сергей был труслив, решил «не рисковать», и теперь демонстративно не обращал на Машу никакого внимания...

Выжимая бороду, из бочага вылез Дим Димыч, а за ним, отдуваясь и фыркая, выбрался и «Слоник».

- О, слоны с водопоя идут, - решил сострить водитель.

- Это ты про меня или Дим Димыча? - тут же отпарировал «Слоник», - ежели про меня - это одно, могу просто в глаз дать, а вот «зам. по финансам» обзывать… Премии лишиться можешь!

Водитель ещё в Москве был прельщён большим заработком, поэтому и поехал в «поле», деньги всячески экономил, всё время считал, сколько получит «по приезду», поэтому съёжился и молча нырнул в кабину.

Через полчаса отряд отправился дальше.

Были ещё сопки, и ещё отбор проб, но часам к четырем дня жара усилилась, жаркий юго-западный суховей из Бетпак-Далы просто жёг кожу. На солнце было под 60 градусов, и начальник решил ехать

обратно, работа была почти сделана, а отобрать ещё пару проб можно было и в более подходящий день, выехав пораньше. Он видел, что люди устали, и даже «Слоник» несмотря на свой могучий организм, сник, и молчал, измученный жарой...

«Слоник» повидал много начальников отрядов и экспедиций, плохих и хороших, но Борис Александрович был исключением из всех… Работать с ним было одно удовольствие. Доброжелательный, спокойный, рассудительный, опытный полевик, потомственный геолог, доктор наук, работал и в Африке, и в Индии, много рассказывал, и «Слоник» слушал его «открыв рот», даже не вставляя по обыкновению реплик.

Несмотря на его же слова, что «для меня нет авторитетов, кроме Амундсена и доктора Ливингстона», начальника он безмерно уважал и даже благоговел перед ним, расспрашивал о геологии, что-то записывал в дневник, который тщательно вёл каждый день, задавал вопросы, и, судя по всему, даже решил поступать в геологический институт, а начальник пообещал похлопотать и взять его на работу к себе в лабораторию.

Машина понеслась по степи, солнце било сзади, и в кузове было не так жарко. «Слоник» ожил, и начал рассказывать Маше какую-то очередную байку, но потом увидел, что та спит, привалившись к его плечу… Он замолчал, и сидел тихо, боясь пошевелиться и её разбудить.

Машину затрясло по камнях, Маша проснулась, открыл глаза и задремавший в свой бороде Дим Димыч.

- Всё подъезжаем, сейчас чайку, поспать часок, а там и ужин!

Повариха, как всегда встречала их у кухонной палатки, стол под тентом был накрыт, чай заварен. «Слоник» перетаскал пробы в свою палатку, отнёс инструмент, и, взяв ведро, весело напевая, пошел к бочагу, облился холодной водой и ещё принес в лагерь ведро воды.

- Вот, «товарищ кок», водички притащил! С тебя две сушки!

Отряд расселся по своим местам за столом, и началось долгое питье чая. После дня, проведенного на жаре, обезвоженный организм требовал не холодной воды, ей было просто невозможно утолить жажду, а именно крепкого горячего чая. Пять человек зараз выпивали два огромных чайника, и только потом шли отдыхать.

Наступил вечер, солнце скрылось за сопками, жара немного спала, хотя гранитные скалы ещё отдавали дневной жар. Наступило время ужина, «Слоник» ел за троих, как всегда похваливая и подшучивал над шофером, что мол «кто как работает, тот так и ест».

- Правда, говорят, приказ вышел, по отрядам, что за еду будут из полевых вычитать, поэтому, кто много ест – меньше получит!

Шофер вздрогнул и подозрительно посмотрел на «Слоника».

- Правда, правда, Дим Димыч подтвердит!

Дим Димыч шутку частично поддержал, пробурчав в бороду, что всё может быть, деньги могут и урезать.

- Да что ты его пугаешь, а то он совсем есть перестанет, - смеясь, вмешалась повариха.

Но, после ужина, шофер потихоньку подошел к Дим Димычу и что-то долго выяснял, после чего, счастливый, чуть ли не вприпрыжку, побежал к машине, мимоходом показав «Слонику» кулак.

«Слоник» долго хихикал, помогая поварихе по кухне и мимоходом жуя сушки и сахар - шутка на наивного и жадного шофера явно подействовала.

Ночь наступила быстро, ветер стал прохладным, геологи собрались за столом обсуждать сегодняшний маршрут и планируя дальнейшую работу. «Слоник» посидел, послушал, но ему стало скучно, и он пошёл в свою палатку, зажёг свечку, закурил, и, прихлебывая чай, стал записывать в дневник события дня.

Потом он, не раздеваясь, прилег на раскладушку, и сквозь трепыхающийся полог палатки долго смотрел на звездное небо, на огромные яркие звезды, о чём-то думал, курил, может и мечтал. Незаметно он уснул, ветер стих, была необыкновенная, непривычная тишина, лишь трещали цикады.

И прошла ночь, и наступило утро, снова был ветер, и утренний чай, и жара, и пыль дорог… И была обычная, рутинная, ежедневная работа - маршруты, километры степи, сопки и пробы.

И это было, и он был счастлив. Ибо счастье - когда у тебя есть то, что тебе надо сейчас, когда ты стоишь на вершине сопки, и твое лицо овевает ветер, и ты видишь, как там, внизу, в степи пробежит стадо сайгаков, как в вышине парит орел, как прячется в трещинах скал, блестя маленькими черными глазками любопытная пищуха.

И ветер, ветер, этот «Ветер Степи», пахнущий пылью и полынью, заполняет твой мир! И это мир твой, он принадлежит тебе, и только тебе, и ты молод и свободен!

И, главное, ты уверен - так будет всегда!

ГОРЫ

Горы были везде, они бы вверху, сбоку и даже внизу… Белоснежные слепящие глаз вершины уходили куда-то вверх, стеной поднимались отвесные скалы.

Машина, натужно ревя мотором, взбиралась вверх по серпантину на перевал. Слева была пропасть, и там же, внизу, синели и белели хребты, а справа прижимала стена. Дорога, бывшая караванная тропа, иногда сужалась так, что машина терлась бортом о скалы, а колеса чуть не повисали над пропастью, где зловеще шумел горный поток. Выручало только мастерство и спокойствие шофера, не одну тысячу километров намотавшего по горным дорогам.

От караванной тропы остались выдолбленные в скалах ниши в самых узких местах, а от еще более древних времён – вбитые в скалы, полусгнившие бревна. В незапамятные века дорога кое-где проходила по деревянному настилу над пропастью. В некоторых нишах зловеще белели черепа лошадей.

Серпантин причудливо извивался, и на чудовищных поворотах-разворотах, у края пропасти, стояли сложенные из камней гуры с прикрепленным искореженным рулем или колесом, и, как напоминание всем, кто проезжает по этой трассе, редкие таблички с именами, датами и полустёршимися надписями: «Володя Чумаков, поехал прямо» или «Миша Крюков, уснул за рулём».

Более четырех тысяч метров – это не шутка, даже если подниматься постепенно и не спеша, дыхание перехватывало на высоте и все судорожно глотали воздух. Мотор ревел от перегрузок, и тяжело груженный ГАЗ-66 с трудом вскарабкался на перевал, обозначенный гуром, увенчанным черепом архара.

От перевала дорога пошла вниз, и через полчаса дышать стало полегче. Шофер Володя, бывший флотский механик, спокойный, невозмутимый и молчаливый, привыкший за годы работы к разряженному воздуху Гор, даже закурил, и с облегчением вытер потный лоб.

Самая опасная часть пути была позади, и теперь вниз и только вниз. Как гласила местная, известная на все Горы шоферская поговорка: «От Хорога до Оши все дороги хороши, от Оши и до Хорога – ох, хреновая дорога!».

Можно конечно было ехать и по трассе, и попроще, и безопасней, но эта дорога была короче, и кроме того, этого требовала сама работа. Район был ещё слабо изучен геологически, и требовалось

сделать кое-какие уточнения для издания новейшей геологической карты. Несколько небольших, мобильных геологических отрядов были отправлены в разные районы Гор для отбора образцов и уточнения геологического строения

Ехать оставалось меньше сотни километров, там был большой кишлак, где можно было остановиться на отдых и ночлег, нанять пару-тройку ишаков, и начать пешую разведку.

Главное сейчас - чтобы не было обвала или осыпи, развернуться было просто негде, стоило опасаться и встречной машины, хотя в этих краях это и было маловероятно, здесь почти никто не ездил. Раз-два в неделю проезжали по забытым Богом и властями местным кишлакам «автолавки», да ещё мог попасться навстречу досужий «дальнобойщик», сокращающий путь или дехканин с арбой, запряжённой ушастым, худым, флегматичным ишаком. Вот тогда кому-то и пришлось бы пятиться назад, освобождая дорогу. Но время было раннее, выехали специально, как только посветлело, а по ночам по этой дороге вообще никто не ездил, это было очень опасно.

Дорога носила громкое и трагическое название «Тропа Смерти», и это название себя оправдывало - слишком много разбивалось на ней машин, гибли люди, случались обвалы и оползни. Её давно хотели закрыть, но в одном из высокогорных кишлаков родился один из «высших партийных чинов» республики, который раз-два в году приезжал на родину проведать могилы предков. Тогда дорогу закрывали недели на две, чистили, приводили в порядок, укрепляли склоны, и так до следующего года. Как раз с месяц назад, дорога и была приведена в порядок, и ехать можно было более-менее безопасно.

Через пару десятков километров дорога резко расширилась, и впереди показалось нагромождение камней. Это был последний сложный участок, переправа через реку, а точнее ручей, совершенно безопасный ночью и утром, до полудня, и превращающийся в ревущий поток во второй половине дня, когда там, наверху, в Горах, таяли ледники.

Было всего 6 часов утра, и вода еле струилась между камнями. Было решено дать немного передохнуть уставшему от серпантина и бесчисленных поворотов шофёру, попить чаю и через час двигаться дальше.

Вынесли «вьючник» с продуктами, газовую плитку, набрали воды из ручейка, добавив чуть-чуть соли, иначе вода с ледников была слишком «пресной» и безвкусной. На высоте почти двух километров вода закипела быстро, но кипятить её пришлось ещё долго, иначе местный плиточный чай был совсем уж невкусен. Попив чаю, отряд расселся на свои обычные места – начальник Борис Александрович

сел в кабину, а в кузов степенно, не торопясь залез зам. начальника Дим Димыч, потом «молодой специалист», вчерашний студент Валера, повариха Варя, последним запрыгнул рабочий Лёша, «ответственный за хозяйство», огляделся, всё ли взяли-погрузили и с грохотом захлопнул дверцу.

- Поехали! – весело крикнул он Володе.

Водитель придирчиво обошёл машину, по привычке пнул колесо, забрался в кабину. Машина завелась с «пол-оборота» и плавно тронулась с места…

Однако ровно посереди ручейка, машина жалобно чихнула и …заглохла. Все попытки завести окончились неудачей, шофер откинул кабину и полез в мотор. Он долго возился, чистил контакты, опять и опять пытался завести машину, но поворот ключа извлекал только шум стартера, да и аккумулятор стал садиться. Володя подошел к краю дороги, сел на камень, мрачно закурил и долго сидел, глядя в пропасть. Выкурив при общем молчании несколько сигарет, он извлек «кривой стартер» - заводную ручку, и стал крутить. Крутил он минут десять, потом в сердцах плюнул на радиатор, и опять сел на камень, тяжело дыша…

Через пятнадцать минут под «чутким руководством» шофёра все стали крутить по очереди - здоровый Лёша, щуплый Валера, начальник и черно-бородатый Дим Димыч… Только Варю освободили от этой «почетной обязанности», она сидела на камушке и тоскливо смотрела на с силой крутящих «кривой стартер» и что-то шептавших про себя мужчин.

Прошел час, и вода в ручье явно прибывала, а хорошее настроение резко убывало… Если через два – три часа не удастся завести или откатить машину хотя бы на три-четыре метра от ручья, они рисковали остаться на бывшей караванной тропе, а поток воды снёс бы машину в пропасть, за границу, в Афганистан, «на радость» моджахедам.

До ближайшего кишлака было около 60 километров, а если пешком по горным тропам – то километров 10, но кто знал эти тропы? Можно было забрести неизвестно куда, заблудиться и бесследно исчезнуть в Горах.

- Ребята, разгружаем машину, будем толкать, – распорядился начальник.

Лёша нырнул в кузов, стал быстро вытаскивать и подавать «вьюьчники», палатки, спальные мешки, рюкзаки, мешки с пробами, огромный газовый баллон, ящики с продуктами и посудой. Остальные хватали всё подряд и оттаскивали подальше от машины и ручья. Даже шофер, придя в себя, бросился помогать, хотя это и не входило в его обязанность, обычно при погрузке он придирчиво руководил, что бы

весь «груз был размещен равномерно и при бортовой качке не перемещался».

За рекордно короткий срок, всего за десять минут, машина была разгружена. Оставались только две двухсотлитровые бочки с бензином, намертво «принайтовленные» бывшим моряком Володей, но снять их сейчас не было, ни возможности, ни времени.

Ещё несколько попыток завести машину не привели к успеху, она категорически не хотела «заводится», мотор мертво молчал. Попытки сдвинуть ГАЗ-66 с места также почти ничего не дали.

Вода прибывала и была уже по щиколотку. Немного расчистив и выровняв дорогу для машины, убрали из-под колёс камни, и опять стали толкать. Через десять минут пыхтения и крепких выражений шепотом, удалось немного сдвинуть машину с места, но потом решились на более радикальную, «крайнюю меру» - водитель поставил машину на заднюю скорость и все стали вертеть ручкой по очереди.

Каждый поворачивал ручку по мере своих сил, делал, всё что мог, а остальные, уже почти по колено в ледяной воде, пыхтя, сопя и скользя по камням, толкали и толкали, и вот машина, под радостные крики и Варино хлопанье в ладоши, стала потихоньку, «пятясь задом», выбираться на берег. Под передние колеса тут же подкладывали камень, чтобы машина не скатилась обратно.

Часа через полтора тяжелейшей работы удалось сдвинуть ГАЗ-66 метра на два, осталось чуть-чуть и было уже попроще, но всё невероятно устали, вымокли до нитки и замёрзли, стуча зубами от ледяной воды ручья, поднимавшейся всё выше и выше. Поток стал уже не журчать, а зловеще шуметь. Начальник подумал, почесал в затылке, полез в свой «вьючник» и достал бутылку со спиртом.

- Варя, - распорядился он, - всем наливай, без ограничения, но по чуть-чуть! Для «сугрева»! И за работу! Времени у нас час, максимум полтора!

Лёша и шофёр переглянулись и первыми подбежали с кружками. Спирт обжигал, они запили его ледяной водой из ручья. Но даже неразведённый спирт не подействовал, настолько было велико напряжение и усталость…

Однако минут через пять, обычно спокойный шофер, уже мало стесняясь в выражениях, с остервенением крутил ручку, а Лёша и остальные толкали машину, вторя ему. Потом Лёша с шофёром поменялись местами. Варя покраснела, зажала уши и отошла подальше.

Резкий порыв привел к небольшому успеху, машина общими усилиями сдвинулась ещё почти на полметра…

- Варя, наливай! - крикнул шофёр, - Дело пошло! Борис Саныч, разрешаете?

- Ну, раз дело пошло! Главное не простудитесь! -

Они выпили ещё, и Лёша, уже почти по пояс в ледяной воде яростно крутил ручку «кривого стартера», остальные толкали, потом его менял Володя или высокий Дим Димыч. Варечка отошла как можно дальше…

Щуплый Валера, которому вода была уже выше пояса, поскользнувшись, упал в воду, его чуть не унес уже бурлящий поток, но начальник успел схватить за штормовку, подоспел и Дим Димыч.

- Во, - уже весело крикнул Лёша, - эмигрировать хотел, в Афган!

- Давай за спасение, - предложил шофёр, - осталось полметра, ещё по пятьдесят и всё в порядке!

- Варечка, ещё сто грамм и бутерброд со шпротами! - крикнул, дурачась, Лёша.

- А мне шампанского! «Вдову Клико»! - поддержал шофёр.

Вторая бутылка спирта подходила к концу, когда машина оказалась уже на безопасном расстоянии. Поток воды крутился вокруг колес, чуть не заливая кабину, но был уже не страшен, и, привязав для страховки (больше психологической) за задний крюк машины трос и прикрепив его к скале, шофер и Лёша, отдуваясь, мокрые с головы с ног, допивали остаток спирта прямо из горлышка и жадно курили.

Посередине русла бурлила белая пена, и по реке, сталкиваясь, покатились крупные камни, а потом и валуны.

- Успели, - сказал начальник и выпил.

Жгучее горное солнце согрело промокших, Варя быстро приготовила макароны с тушенкой, они выпили ещё фляжку спирта, «заначенную» Лёшей, расстелили спальники на дороге, на камнях и тут же уснули. Они спали весь день и всю ночь и проснулись рано утром, от рёва двигателя и воплей Володи.

- Завелась, завелась, - кричал он, - сам не знаю почему!

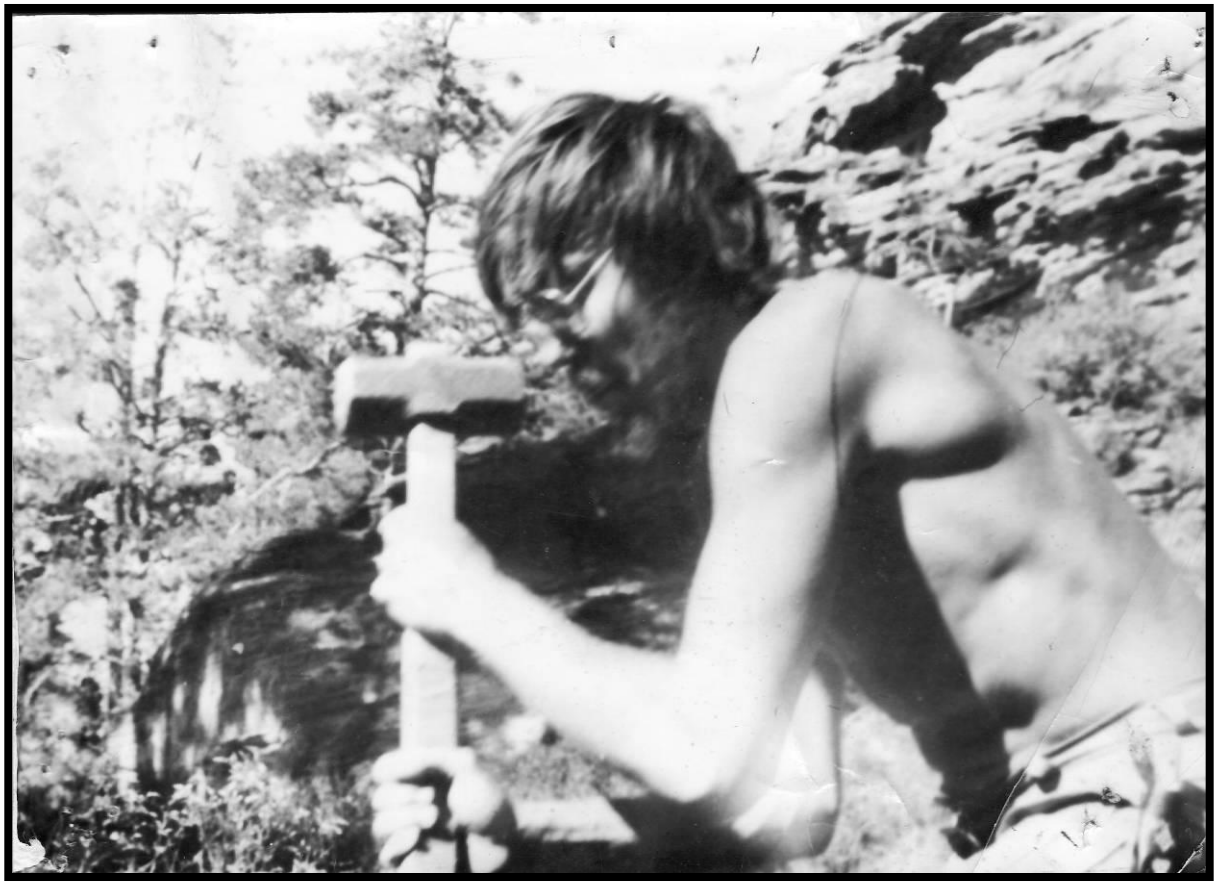
Далее последовал «шлейф» таких «военно-морских выражений», что даже Борис Саныч, в молодости работавший с бичами и старателями, открыл рот от удивления, а лицо Варечки стало ярко-пунцовым.

Воды в ручье почти не было, водитель отогнал машину подальше, «дал газа» и лихо перемахнул ручей. Мотор глушить не стали, перетаскали груз, погрузили в машину. Володя из кабины не вылезал, внимательно вслушиваясь в звук двигателя, но тот работал как обычно, без сбоев.

Через два часа они приехали в кишлак, разбили на окраине лагерь, поставили палатки. Начальник с Дим Димычем договорились с седобородым аксакалом-старейшиной об аренде ишаков и

проводнике, и, на следующий день, ранним утром, Борис Саныч, Дим Димыч, Валера и Лёша, в сопровождении трёх ишаков, нагруженных мешками, подростка-погонщика и пожилого таджика-проводника ушли по каменистой тропе в Горы.

Тропа вела и вверх, и вниз, то расширяясь, то сужаясь, и Горы были везде – они были и сверху, и слева, и справа, и даже внизу.



СТЕПЬ

Жара выматывала…. Хотелось пить, но теплая, даже почти горячая вода из фляжки жажду не утоляла, и была просто противной на вкус, отдавая железом. Найти бы тень, отдышаться, да и отдохнуть часок. Лямки рюкзака резали плечи, в зените раскаленным белым шаром висело обжигающее солнце Казахстана.

Степь была выжжена июльским солнцем, ветер гнал струйки пыли, вдалеке крутились маленькие пылевые смерчи. Жаркое марево искажало горизонт, и над красной и серой глиной, такырами и белыми солончаками плоской, как стол, Бетпак-Далы, возникали миражи – перевернутые колышущиеся деревья, горы и … вода.

Вдалеке, за несколько километров, виделись призрачно искаженные белые домики и ветряк метеостанции – единственного жилья на двести с лишним километров.

Он шёл вдоль узкого высохшего русла, с редкими лужицами грязно-бурой воды, поросшими выгоревшей травой. Надо было выйти на место старой буровой, где ещё сохранились несколько разбитых ящиков с керном, отобрать образцы и вернуться на метеостанцию, где и базировался отряд. Он уже обошел сегодня с утра, выйдя ещё на рассвете, несколько старых скважин, и отобрал образцы из куч рассыпанного керна. Машина капризничала и перегревалась на чудовищной жаре, поэтому решили не рисковать, шофер решил кое-что подремонтировать, «продуть шланги», как он выразился, начальник в прохладе домика метеостанции рисовал карты. А он решил походить, посмотреть на степь и отобрать образцы, так как делать было всё равно нечего, а на одном месте он долго сидеть не любил.

Когда несколько дней назад они приехали к метеорологам, те были несказанно рады и безмерно удивлены, так как уже месяца три вообще не видели людей. Жить в этих местах постоянно могли только те, кто явно не хотел цивилизации и жаждал экстремальных ощущений. Летом жара под 60, зимой морозы до минус 50 и сильнейшие, сбивающие с ног ветра, осенью, с конца августа по октябрь начинались пыльные бури, и без противопылевой маски и защитных очков порой выйти из дома было нельзя, пыль застилала солнце и оно светило тусклым багровым шаром, иногда днем был даже сумрак. Такие дни весёлые, никогда неунывающие метеорологи, в шутку называли «марсианскими сумерками». Единственное время года, когда было хорошо и комфортно – это весна, март, апрель и

начало мая, когда ярко зеленела и цвела степь, появлялись тюльпаны, маки, ирисы и дикий лук, на мелких, еще не высохших озерках, гнездились тучи птиц, кочевали огромные стада сайгаков, днем было не жарко, а ночью прохладно.

Четыре человека жили на метеостанции уже почти два года, веселой и сплоченной компанией. Они вместе учились, закончили географический факультет МГУ, потом ещё и курсы радистов и метеорологов, и решили для экзотики и «проверки своих душевных, нравственных и физических сил» поехать именно сюда, в безводные, выжженные солнцем глинистые степи и солончаки северо-западной Бетпак-Далы.

У них была артезианская скважина, с немного солоноватой, но вполне пригодной для питья водой, «ветряк» и три домика. Станция была рассчитана на 6 человек, но найти «жаждущих» жить и работать здесь круглый год, было очень непросто, и когда местное «метеоначальство» узнало о желании молодой веселой компании трудиться именно здесь, на оторванной от всего мира метеостанции, радости его не было предела. Выделили много дефицитных продуктов - разную крупу, консервы, тушенку, сгущёнку, хороший чай, большой запас воды в жестяных банках, привезли даже запасной генератор и новый мотоцикл «Урал», несколько бочек с горючим, а пообещали, конечно, ещё больше. Сводки с этой метеостанция были очень важны, в 500 километрах был Байконур, и ребята ночами часто любовались запусками ракет.

Однако через год обе машины сломались, барахлили и два мотоцикла, также требующие ремонта, а запчастей они ждали уже почти с полгода… Но весёлые метеорологи не унывали, вода была, запасов продуктов было достаточно, да ещё и немного охотились, иногда удавалось прикупить или поменять барана-другого у кочующих и перегоняющих стада казахов. Да и ходить тут особо было некуда, а зимой и осенью, да и летом, вообще небезопасно, можно было попасть в снежный буран, пыльную бурю, или провалиться, проломив высохшую корку такыра, в вязкий, соленый и вонючий солончак. Километрах в тридцати-сорока было полузаброшенное отделение какого-то колхоза, но оно почти все время пустовало.

Да и скучать им было некогда, каждые 4 часа, а иногда и каждые два часа (если поступало распоряжение «свыше»), в любое время суток и в любую погоду, они выходили на площадку и снимали показания приборов - температура, влажность, скорость и направление ветра, видимость, и эти данные сразу же передавались на «Большую землю». Четыре человека работали посменно, по 6 часов, всегда помогали, а если что, и сменяли друг друга. Они были молоды, веселы, независимы, и что удивительно, ни разу не

поругались. Тяжелое однообразие жизни в этих экстремальных условиях, на этой плоской и пыльной красноватой равнине, с белесыми пятнами солонцов и солончаков, без единого деревца, где и глазу-то негде отдохнуть, привело к ещё большей сплоченности.

Жить, тут, конечно, было нелегко, кто-то мог и заболеть, что-то могло случиться, были здесь и змеи, гюрза и рогатая гадюка, было и чудовищно палящее солнце, были пыльные бури летом и ураганы зимой. Случись что – они могли бы, конечно, вызвать и санитарную машину из поселка, расположенного за 200 километров или военный вертолет, но в бури и бураны путь к ним был закрыт, а зимой, в заносы, пробраться мог только трактор. Но за два года ничего трагического не произошло, и четыре друга весело, с песнями, которые сами и сочиняли, бренча на гитарах, «тянули лямку», мечтая, что через годик поедут отдохнуть к морю, а потом можно «двигать» и в Заполярье, позимовать года два-три на заметенной снегами полярной метеостанции, а потом податься в горы, на Памир или Тянь-Шань и поработать там «годок-другой».

«И как ребята здесь живут, в этой глуши?», думал он, бредя к колыхающейся в мареве одиноко торчащей ржавой трубе, обозначавшей скважину. «Всё одно и то же, нет, я бы не смог, я ездить люблю, а здесь езди - не езди, на триста километров глина да пыль… Красиво, конечно, экзотично, но скучно. Нет, Мангышлак гораздо интересней, гораздо! И там тень есть, кое-где…».

С этими мыслями он подошел к трубе, заглянул внутрь, плюнул, что-то крикнул, отозвалось эхо. Поразвлекавшись так несколько минут, он сел в тонкой и короткой тени трубы, глотнул противной горячей воды и закурил…

Посидев и выкурив пару сигарет, он ещё раз промочил горло глотком воды и, мечтая о теньке и горячем зеленом чае, принялся разбирать разбросанный керн. Понято, что ни о какой буровой колонке говорить не приходилось, ящики были давно разбиты, а доски унесены ветрами или чабанами на топливо, но схема скважины была в отчетах, надо было только найти гипсоносные и целестиноносные слои. Год назад они объездили весь Мангышлак как раз на поиск целестина и стронцианита, набрали и привезли в Москву с тонну образцов, причем часть тут же забрали в музеи, а в этом году решили поработать здесь, в Бетпак-Дале.

Минут через сорок он закончил работу, уложил образцы керна в рюкзак, посидел ещё немного, покурил, посмотрел на безоблачное бледно-голубое, выцветшее небо, на белое раскалённое солнце, на миражи и пылевые смерчи, на синеющие и мерцающие где-то очень далеко на востоке сопки, не торопясь поднялся, огляделся вокруг, и не спеша пошел к домикам метеостанции. Под ногами ломались тонкие

корочки глины, легкую красноватую пыль тут же уносило ветром, сверкая на солнце, блестели кристаллики гипса. «Прямо-таки марсианский пейзаж, только солнце белое, а не красное», подумал он. Метеорологи рассказывали о бывающих здесь чудовищных пыльных бурях, когда солнце еле-еле проглядывало через тучи пыли и песка, и казалось маленьким красным шариком, а саму пыль забивало через любые, самые мелкие щели.

Он прошёл уже больше полпути, белые домики стали ближе, и даже было видно, как крутятся лопасти ветряка. Впереди был небольшой солончак, его можно было легко обойти, но не хотелось, и он самонадеянно пошел напрямик.

…Глинистая корка проломилась, он не успел даже испугаться, как по колено оказался в вязкой грязи. Солончак был не очень глубокий, но выбраться из него было очень трудно, рюкзак тянул вниз, сапоги застревали в черном, тошнотворно пахнущем сероводородом месиве. Он с трудом снял тяжелый рюкзак и с усилием отбросил его вперед. Стало легче, и надо было как-то выбираться из этого солончакового болота, но корка глины ломалась под руками, и он с ужасом почувствовал, что продолжает погружаться в грязь!

…Его прошиб холодный, леденящий пот, необычный, странный на этой жаре… Через несколько минут он пришел себя, и, преодолев минуты страха и холод ужаса, лег на спину, раскинул руки, и попытался осторожно, не делая резких движений, немного высвободить ноги. Ценой одного сапога ему это удалось сделать, и он стал осторожно перекатываться, ломая корку глины, весь перемазался в грязи, но выбрался, отполз от пробитой им самим ловушки, добрался до рюкзака, и, волоча его за собой, так же, ползком, обжигаясь о раскаленную глину, и чихая от пыли, стал отползать к краю солончака.

…Ветер и солнце быстро высушили грязь, он долго сидел и курил, его била дрожь, он жадно пил горячую невкусную воду, и вдруг понял, что за эти минуты перед ним прошла вся его жизнь. Хотя вообщем-то смертельного ничего не было, солончак, скорее всего, был неглубоким, но кто знает, сколько часов ему пришлось бы провести на этой чудовищной жаре, пока его хватятся и поедут искать, а солёная грязь быстро высыхала, превращаясь в подобие цемента, и очень крепко держала жертву. Он несколько раз видел торчащие в солончаках рога сайгаков и черепа заблудших баранов, они не смогли выбраться из этих солончаковых ловушек, а бывали случаи, что и машины проваливались в эти грязевые болота, поэтому от белесых пятен обычно старались держаться подальше.

Что ж, самонадеянность губит и это будет ему уроком, но как идти ещё километра три в одном сапоге? Вот смеху-то будет! Он как смог

счистил с себя высохшую зловонную грязь, обмотал вторую ногу мешочками для проб, и, прихрамывая, пошёл к метеостанции…

Веселая компания метеорологов встретила его дружным смехом, шофер, сморщившись, демонстративно махал перед носом рукой, вышел и начальник, покачал головой, и только сказал: «Что ж, живой, здоровый и ладно... Я сам однажды попал в такую «лужу», еле вылез, чуть сам не утонул и образцы утопил, а ты, смотрю, принес. Молодец! Геолог спасает сначала образцы, а потом себя! Был такой неписанный закон, давно, тебя ещё и на свете не было! Давай, мойся, будем чай пить и расскажешь, что принёс, что видел!».

Он долго мылся под струей воды, стирал одежду и рюкзак, потом долго пил чай и, уже успокоившись, рассказывал, под общий смех и комментарии, как вылезал из черной вязкой грязи.

А через несколько лет он услышал от кого-то историю, что, то ли в этих же краях, то ли на соре Мертвый Култук, что на Мангышлаке, в огромный глубокий солончак провалилась машина, и все погибли, несколько человек, они не смогли выбраться…

…И он вспомнил холод, прошедший по его спине и леденящий ужас смерти при палящем белом шаре солнца в выцветшем бледно-голубом небе…

ТИМАН

Пошли, мы, значит, за грибами… Впрочем «пошли», это, наверное, громко сказано… Чтобы пойти и набрать грибов, надо было взять два-три ведра, выйти за окраину поселка, что занимало ровно пять минут и пройти по руслу ручейка… Минут через 20 - 30 можно было смело идти обратно с полными ведрами…

Геологический посёлок Тиман вольно раскинулся посреди тайги… Место много, блочные дома, балки, похожие на бараки, бараки, керносклады на отшибе, за ручьем, вечно жужжащая лесопилка, мехмастерские с разбросанными вокруг десятками тонн металлолома, раскуроченных корпусов тракторов, вездеходов, ГАЗов и МАЗов, блоками цилиндров дизелей, буровых труб и прочей железной всячины. Ржавыми «Эйфелевыми башнями» торчала и пара буровых вышек.

Домик радиста, геологическое управление поселка, лаборатории… Пекарня, столовая, магазин… Летное поле на окраине… Вдалеке – склад горючего… Город… Почти… А вокруг – просто тайга и болота… Четласский Камень, Тиманский кряж, междуречье рек Ворыквы и Мезени, часа полтора-два лета на «вертаке» от Ухты.

А вокруг по тайге - буровые, заброшенные геологические поселки, забытые керносклады, заросшие молодой березкой профиля, засыпанные канавы и шурфы… То есть та геология, какой она была в конце 70 - середине 80-х годов XX века… И сонмы комаров и мошки, а в жару и оводы… Грибы, ягода и рыба…

Вообщем вернувшись, мы начали чистить грибы, и их постепенно их жарить. Огромная сковородка была уже готова, и наполнена скворчащими, хрустящими и хорошо прожаренные грибочками… С луком, естественно… Между прочим, дефицит, из Москвы с собой мешок везли.

И тут… Впрочем, об этом чуть позже….

Надо бы вкратце рассказать, чем мы там занимались. Хотя «мы занимались» – это я уж слишком важничаю. Всего-то два рабочих крохотного отряда одного из институтов Академии наук, один студент бывший, в очередной раз выгнанный, второй студент-вечерник, лаборант того же института. Лето, полевой сезон…

И что же мы, двадцатидвухлетние здоровые парни делали в тиманской тайге, на Тиманском же Кряже, в геологическом посёлке Тиман? Всё просто - бокситы… Бокситы и бокситы, будь они

неладны… Поселок и был поставлен, и буровые были разбросаны вокруг, и профиля прорублены в вековой тайге именно для разведки и последующей добычи этого важного алюминиевого сырья, глинозема. Именно для поиска этого самого боксита и бурились сотни километров скважин, валили многовековую тайгу, рассекая ее просеками, и разъезжали непроходимые топи могучими «Кировцами», да и те периодически вязли в этих болотах.

А над тайгой жужжали винты вертолетов, развозя буровые трубы, дизеля, продукты, буровые бригады, буровых мастеров и геологов к труднодоступным и дальним участкам и точкам… И все теснее сжималось кольцо месторождения, все точнее становился контур на картах, все ближе и ближе теснились друг к другу точки буровых, нанесённые тонко отточенным карандашом главного геолога, совсем молодого парня.

И всё яснее становилось всем, от геолога до буровика, от тракториста до подсобного рабочего, что через несколько лет они отсюда уйдут, и будет здесь огромный красный карьер, и проложат здесь дороги… И может только, как возле аэропорта Ухты, поставят на постамент как память, но не вертолётик МИ-2, а могучий «Кировец» или просто работягу ГАЗ-66 или вездеход. И кто-то, случайно попав в эти края, может и вспомнит, что здесь, давным-давно, всего-то несколько лет назад, была непроходимая тайга, болота, реки и ручьи, грибы и ягоды, и крупный хариус безумно хватал на любую красную тряпочку…

Огромные керносклады геологического посёлка Тиман были забиты метровыми ящиками с керном, и именно описанием этого керна, и одновременно отбором проб на всякую разную аналитику, нам с напарником в посёлке и приходилось заниматься постоянно, регулярно и почти каждый день. Скучнее себе занятия придумать сложно, особенно когда не было ветра, моросил дождь, и под этим мелко моросящим дождем безумно кусала всякая кровососущая тварь… Лучше всего, когда было холодно, пасмурно, дул, пусть и холодный, ветер, отгоняющий комаров и гнус. А иногда, иногда, было даже солнце и можно даже было немного позагорать, если бы не двух-трехсантиметровые пауты, оводы, с гулом реактивного самолета набрасывающиеся на все теплокровное и ходящее... А иногда шел снег, и ели покрывались толстым слоем пушистого и мягкого снежка, а поселковые собаки, радостно повизгивая, валялись в снегу, оттирая всю ту грязь, что скопилась на их пыльных шкурах.

Периодически нас забрасывали и на дальние буровые, где мы также смотрели ящики с керном, ходили по колено в грязи и топи по старым профилям, разбирая и опять же описывая разбросанные и разбитые ящики с керном, иногда зачищали стенки старых канав… Но

это было хоть какое-то разнообразие, и мы были всегда рады, когда удавалось вырваться из посёлка.

Итак, шкворчащая сковородка с грибами была готова и можно было приступать к трапезе… Но тут…

Вот именно тут-то и вбежал как очумелый начальник и заорал: «Ребята, у нас 15 минут на сборы, нас ждет вездеход, срочно едем на Дальний Поселок!!!».

Надо сказать, что дождаться какого-либо двигательного средства, чтобы попасть в нужную точку, всегда было непросто… То в вертолете мест не было, то погода нелетная (что часто бывало), то тракторист запил (несмотря на «сухой закон»), то вездеход сломался… А пешком по разъезженной колее и болотам идти по 20 - 30 километров в одну сторону, да ещё с грузом, смею вас заверить, удовольствие не из самых привлекательных, даже если тебе 22 года и в тебе ещё масса силы и энергии. А поездку на «Дальний Поселок», до которого всего-то около 40 километров, мы ждали уже вторую неделю.

Вообщем ложки прошли мимо ртов... За пять минут мы срочно собрали рюкзаки, одновременно поедая грибы на ходу. Спальники, запасные вещи (особенно шерстяные носки), сапоги, продукты… Был такой «неписанный» закон – едешь на неделю, значит собирайся на две… Понеслись в пекарню выпросить хлеба, в магазин - купить чай и чего-то из продуктов… Недоеденную часть грибов упихнули в помятую кастрюлю, и кое-как упаковали в полиэтилен, решив доесть по дороге.

Ровно через 20 минут мы сидели в металлическом брюхе вездехода, где была только печка-буржуйка и наши вещи… Мы уселись на спальники, поставили-приготовили кастрюлю и ложки.

Вездеход взревел, выпустил два шлейфа черного дыма и молодой веселый вездеходчик, лихо развернув «железное чудо» почти на 180 градусов (мы в кузове совершили аналогичный пируэт, пытаясь уцепиться за скобы и придерживая кастрюлю с грибами), вышел на «дорогу», бывший профиль, разъезженный гусеницами тракторов и вездеходов.

Вездеход, разбрызгивая волны грязи, и подминая под себя молодые березки, бодро пёр по болоту, и нас так швыряло по нутру кузову, что идея доесть грибы просто не могла осуществиться. Железная будка вездехода была наполнена чадом от где-то протекающего и горевшего масла, а на поворотах нас окатывал шлейф выхлопных газов через открытую заднюю дверь. Так что и съеденные грибы стали как бы уже и проситься обратно. Пришлось нам выбраться на открытый передний люк, и хотя там и окатывало грязью, да и сидеть на железе было трудновато и жестко, но можно было нормально дышать, и что немало важно - смотреть.

Смотреть, впрочем, было особо не на что, только что на тайгу, на проплывающие мимо ели, обвешанные длинными бородами лишайников, березки, осинки да на брызги грязи. Иногда через профиль пробегал ошарашенный заяц, а по «обочинам» краснели шляпки огромных подосиновиков… Вездеходчик пару раз резко тормозил, да так, что мы чуть не летели под гусеницы, выпрыгивал, срезал грибы. Но, увы, эти грибы–гиганты, со шляпкой размером с крышку кастрюли, обычно оказывались червивыми.

Ехали мы так примерно с полчаса, как вдруг вездеход закрутился на одном месте, нас чуть не сбросило, а вездеходчик разразился витиеватой руганью и выпрыгнул в грязь.

Мы спрыгнули вслед за ним, и оказались почти по колено в болоте… За вездеходом широкой змеёй лежали траки гусеницы.

- Вот так, москвичи, опять «палец» вырвало… Сейчас вбивать будем, - сказал вездеходчик, добавив несколько непечатных и длинных фраз по поводу начальника рембазы, рук механиков и начальства вообще.

Вездеходчик извлек откуда-то из недр кабины здоровенную кувалду, пару каких-то железок, и мы, зацепив тяжеленные траки гусеницы, стали тащить их к вездеходу. Как стало ясно чуть позже, для водителя этого дизельного монстра это была обычная работа, он за быстро поставил траки на место, вбил кувалдой «палец», дав постучать и нам, чем мы потом страшно гордились, «что принимали самое непосредственное участие в ремонте вездехода», и буквально минут через 15 поехали дальше.

Однако минут через двадцать «палец» выбило заново… Вообщем, пока мы доехали до места, ещё раза четыре останавливались, ныряли в грязь, ощупью искали выпавшую железку, тащили траки и так далее… Скоро нас было сложно отличить по цвету от болота, а изъяснялись мы, «интеллигенты из Москвы», исключительно нецензурно, чем вызвали безмерное уважение вездеходчика и удивление начальника.

«Дальний Посёлок» был когда-то таким же геологическим посёлком, как и Тиман, но это было лет 15 - 20 назад и теперь от него остался только огромный двухэтажный керносклад с бывшей лабораторией и замечательной печкой для сушки проб с витиеватой ступенчатой конструкцией, небольшая комнатка с нарами, да разбросанные везде обломки керна, мешочки с пробами и доски от керновых ящиков… Так что дрова нам готовить не пришлось бы, вполне хватало ящиков из-под керна. Один угол керносклада просел, так что делать там было нечего, и работы нам явно уменьшилось.

Мы быстро развели костерок, разогрели чайник, вскрыли пару банок тушенки и наконец, доели грибы. Попили чаю, и весёлый

вездеходчик, с грохотом, дымом и лязгом покинул нас, пообещав забрать, как и было оговорено в Управлении, ровно через неделю.

По шаткой лестнице мы забросили вещи на второй этаж, раскочегарили печку, и под руководством начальника уныло пошли смотреть на ящики с керном.

Начальник по номерам выбирал нужный профиль, мы вытаскивали ящики и выкладывали их у керносклада. Ящики часто были уже разбитые, перекошенные, уложенные кое-как, и мы провозились до глубокого вечера, устали безумно, ободрали, несмотря на толстые брезентовые рукавицы, все руки в кровь, но обеспечили начальнику работу, по крайней мере, на весь следующий день. Он учёный - ему видней, а мы на следующее утро решили пойти на рыбалку, благо до речки Ворыквы было километра полтора-два.

О том, что надо будет нам еще и отобрать в отмеченном месте пробы из ящиков, а потом запихивать их обратно, часто на высоту метра три, мы старались не думать.

Рядом с керноскладом высились холмики - полностью заросшие березками развалины бараков и домов. Кое-где ржавели в молодом березняке корпуса тракторов и вездеходов, и даже корпус вертолета, полностью проросший ольхой и берёзкой… Да, и всего-то прошло меньше 20 лет, а как быстро природа берет своё…

За грибами идти было лень, поэтому мы быстро сварили кастрюльку вермишели с тушенкой, попили чаю, покурили, завалились в спальники, и, несмотря на неумолчный комариный звон, уснули мёртвым сном.

Утром, нас, как это часто бывало, разбудил дождь. Крыша протекала, пришлось вставать, и чтобы окончательно не промочить спальные мешки, мы нашли местечко посуше, и там уж и уложили все вещи, укрыв их полиэтиленом.

Утром попили чаю, к найденному ржавому, но ещё годному ведру, приделали ручку из проволоки, взяли ракетницу, и немного издевательски пожелав начальнику хорошей работы, ушли на Ворыкву, надеясь вернуться к обеду со свежим хариусом.

По вполне протоптанной тропе, мы бодренько, опережая комаров, черной тучей летевшей за нами, топали к реке, по дороге собрали с полведра вполне приличных грибов, так что обед и ужин был, но мы всё-таки надеялись на уху из свежего хариуса.

Речка Ворыква была весёлой, журчливой и мелкой, под корягами и возле камней мелькали яркие плавнички хариусовой мелочи, но это разве рыба! Нам были нужны экземпляры побольше…

Размотали лески и, срезав пару стволов орешника, мы в пять минут соорудили две удочки. На один крючок была натянута красная трубочка, к другому привязан кусочек красной тряпочки.

Замах, и стайка хариусят, размером с палец стала трепать наживку… Но это не наша добыча, мелочь, пусть растет, пусть ещё поплавает.

Мы перешли на другое место… Вроде и рыбы-то не видно, но забросили на удачу удочки, и тут, из-под коряги вылетело несколько приличных, побольше ладони хариусов. Пройдя по реке пару километров и поймав десятка три рыбин, мы сказали себе, что «всё, на сегодня хватит», но решили, «в последний, ну в самый последний раз», забросить снасть. И тут у меня удилище едва не вылетело из рук! Чуть не оборвав леску, и едва не сломав хилое орешниковое удилище, я с трудом выволок на берег здоровенного, больше чем с локоть длиной хариуса, разевавшего огромный рот и грозно топорщившего огромный яркий спинной плавник.

Ну всё, на это раз уже точно хватит! Мы полюбовались этим красавцем, сфотографировались с ним и …отпустили восвояси. Большая рыба – она вообщем-то невкусная, пусть плавает себе, буде попадется ещё – точно съедим, а сейчас нам вполне улова хватало. Мы развели костерок, выпотрошили и пожарили на палочках пару небольших рыбин, с удовольствием, безо всякой соли и приправ съели, покурили, попили водички из реки и решили, что пора бы уже идти обратно… Полдня прошло, а надо было ещё и грибы варить, и уху делать, да и начальник небось заждался, волнуется… Отпустил двух обалдуев на рыбалку, а они, не дай Бог, медведя притащат…

Попутно собрали ещё с полведра грибов, пробный мешочек разных ягод, и шли, размышляя, что со всем этим «богатством» делать. Ну, уху-то мы, конечно, сварим, но рыба ещё останется, и её можно будет пожарить, и утром, время не тратя, на завтрак поесть холодную, а грибы можно и посушить на печке.

Начальник явно заработался и нас даже не заметил, но бодрые крики и размахивания куканом с рыбой и ведром с грибами, всё же отвлекли его от «науки».

- Ну, ребята, молодцы, улов-то какой!

- Да разве ж это улов, мы такого хариуса отпустили, нести тяжело было, потом на фото покажем!

- Ладно, мóлодцы, у меня еще работы на час, давайте-ка обед готовьте!

Через час меню было таково: уха из хариуса, хариус жареный, суп грибной и чай из брусники, княженики и разных листьев.

Время было уже к вечеру, наелись мы до отвала, и настроение было хорошее, и дождя не было, и через давно выбитые окна дул холодный ветер, отгоняя всякую таёжную гнусь. И мы долго сидели у печки, курили, пили чай и трепались.

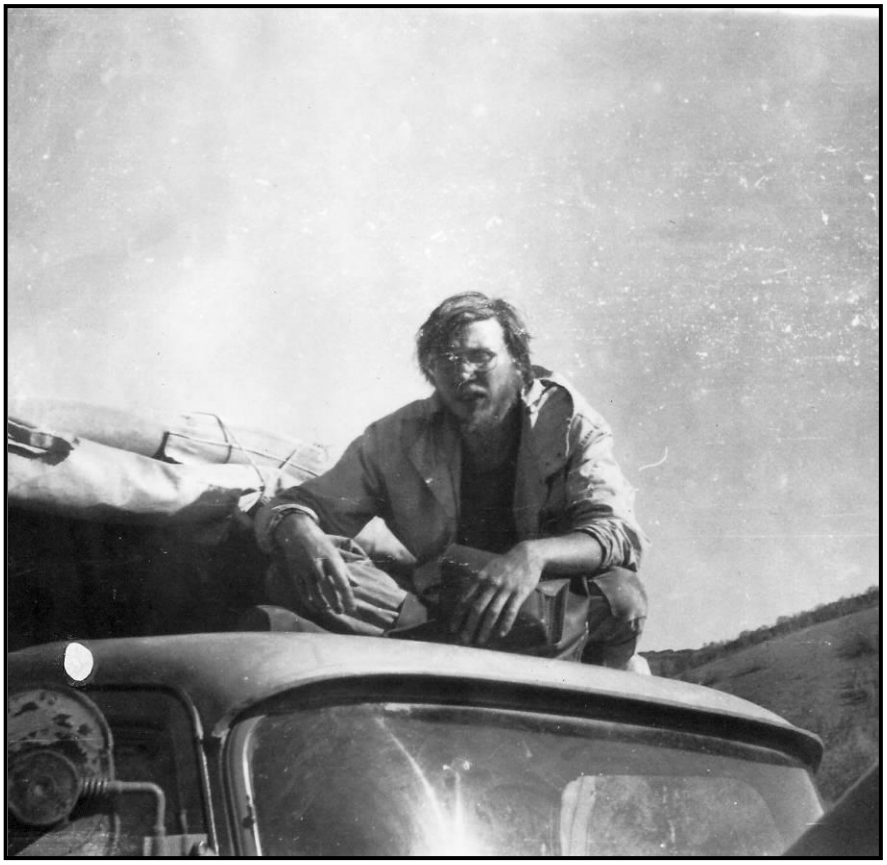
Наутро на завтрак был холодный жареный хариус и чай, а потом работа, и ещё раз работа, и отбор проб, и маркировка, и перетаскивание ящиков, и так до вечера.

…За неделю мы ещё пару раз сходили на рыбалку, ловили хариуса сколько душе угодно, но половину отпускали, собирали и сушили грибы, вообщем наелись грибами и рыбой до отвала…

В день отъезда мы целый день ждали вездехода, который всё-таки пришёл к вечеру. И мы долго, перебивая друг друга, рассказывали весёлому вездеходчику, как ловили рыбу, какой был здоровенный хариус, и как здорово он клевал.

- Да, ребята, здесь вам не Москва, - ухмыльнувшись, сказал тот, и, помолчав, добавил, - жаль только, что скоро всего этого не будет...

И ведь он оказался прав, весёлый вездеходчик, теперь там, говорят, одни карьеры да отвалы, да комбинат, и дорогу железную провели… И нет там больше ни грибов, ни ягод, и не хватает жадный хариус на красную тряпочку…



МАНГЫШЛАК

В туманной дымке скрылся Апшерон,
Уныло плещет Каспий в борт волною,
Ползет, пыхтя обшарпанный паром,
Огни Баку остались за кормою.
За морем - Красноводск, Туркмении пески,
Седая пыль дорог, вой ветра от тоски,
Безводный Мангышлак - белёсый от жары,
И соль солончаков, и солнца раскаленные шары.
О, Мангышлак, забытый край Земли,
Лишенный и воды, и тени,
Ты Богом создан был, но Бог тебя забыл -
Уже на третий день творенья!

Выехали мы с шофером числа так 21 марта, помню, что был это понедельник. Часов около 8 утра я был во дворе института, все вещи были собраны и погружены ещё в пятницу, так, что осталось одно – покурить на дорожку, залезть в кабину, да и поехать. А путь наш были неблизкий, и лежал на Баку, где мы должны были через неделю встретить начальника нашего немногочисленного отряда в аэропорту и ехать дальше, в морской порт, грузиться на паром и через Каспийское море - на Красноводск, а там - на север, по пустыням и степям, в сторону Шевченко (ныне Актау).

Кашира, Елец, Задонск, верховья Дона. Холодно, кое-где ещё и снежок лежит, дождик моросит. Кругом унылый пейзаж, поля и поля, мокрые черные поля Черноземья. Заночевали, не доезжая Воронежа, проехав в первый день 450 километров. Утром двинули на Ростов, нам торопиться некуда.

Ростов-на-Дону встретил снегом с дождем, и так дальше на юго-восток, по всему Ставрополью, Краснодарскому краю, до Невинномысска – снеговые тучи, снег валит, видимость плохая. В снеговых тучах, вдалеке - пологие холмы, предгорья Кавказских гор, дорога идет долго всё вверх и вверх, но как-то лениво, незаметно. Итак, Ростов-на-Дону, Тихорецк («На Тихорецкую состав

отправится…»), Кропоткин, Невинномысск, Минеральные Воды, Пятигорск…

Снег прошел, выглянуло солнце, тепло, почти лето. И неожиданно справа возникает из синеватой дымки похожая на лежащего верблюда гора, потом и вторая со снеговой вершиной, потом, почему-то похожая на старого и облезлого кабана гора Машук близ Пятигорска. А вдали – снежные вершины Кавказа! Я впервые на Кавказе, но что такое Кавказ по сравнению с Памиром? Так, небольшие холмы да горочки… Но все равно красиво, впечатляет! А двуглавый Казбек! А покурим-ка мы именно «Казбека»!

Выехали с утра пораньше - Баксан, Нальчик и ныне печально известный Беслан проскочили быстро. Объехали стороной и Оржоникидзе (ныне и ранее Владикавказ), и ура! - трасса пока открыта, но ожидают снегопад. Вот она - Военно-Грузинская дорога, 200 с лишним километров от Владикавказа до Тбилиси! Пост Нижний Ларс, Дарьяльское ущелье (древние «Аланские ворота»), древняя Дарьяльская крепость, и всё - «пошли в горы», справа Казбек, слева Терек, ползём к Крестовому перевалу, пересекаем Главный Кавказский хребет! Именно по этой дороге бодро шагали Остап Бендер и Киса Воробьянинов. Снег, снег и снег… Горы, однако…

Вот и Грузия – пост у села Казбеги, село Коби, пять туннелей, противолавинные навесы и вот он, Крестовый перевал – 2379 метров! А потом и село Гаудаури, в котором засели у гляциологов на два дня из-за снегопада.

А дело было так – уже и дорога вниз пошла, вдоль Арагви, и уже к вечеру были бы и в Тбилиси, и пили бы вино, но вот «картина маслом» – по горному серпантину крохотный УАЗ, с надписью «Киносъемочная», на тросе тащит ГАЗ-66, это примерно как маленький ишак, или даже пони, тащил бы огромного андалузского быка! Машина с автобазы АН, как и наша… Пришлось помочь, ну а потом «посидели, поговорили», а ночью пошёл снег, а торопиться нам некуда. Уже некуда… Так два дня и просидели, пережидая снегопад и пока дорогу откроют.

Вообщем выехали наконец-то, погода прекрасная, снега нет, тучи прошли, мороз и солнце! Вниз и вниз - Душети, Мцхета, Тбилиси! Там и заночевали в машине, прямо у магазинчика, неподалеку! Чего далеко ходить-то!

Утром, точнее днём - прощай столица «Грузии печальной», дорога вдоль Куры, через «Красный Мост» - и вот Азербайджан! Трасса на Кировабад, и ехать лучше быстро, не останавливаться, везде посты ВАИ, блокпосты, танки и БТРы. Что делать - последние годы существования СССР, «на местах» уже вовсю делили власть. И поехали мы не по главной дороге на Баку, а по другой, местного

значения, через Кюрдамир (кто не знает – был такой знаменитый портвейн), на Кази-Мамед, а там вдоль побережья Каспийского моря, через село Гобустан, и заночевали где-то на берегу Каспия между селом Приморск и Баку. А кругом по Азербайджану - виноградники, виноградники, тепло и даже жарко, плюс 18 и всё цветёт. Весна!

Спали долго, торопиться нам некуда, начальник прилетал только завтра утром. Приехали в Баку, оставили машину где-то в центре, побродили городу, по набережной, посмотрели на танки, на солдат с дубинками (в Москве этого ещё не было!), а потом в аэропорт, переночевали, тут же, рядышком в лесопосадках туи, рано утром встретили начальника и в порт! Нам на Красноводск, ныне Туркменбашы!!!

Сидели в порту весь день, курили, маясь бездельем, пока начальник бегал то в порт, то обратно. Уже стемнело, и мы с шофером развели плитку газовую, приготовили макарончики с тушенкой, уже чуть было не разлили по кружкам, как прибежал радостный начальник и сообщил, что он договорился, и надо срочно ехать грузиться на паром. Пришлось «архисрочно» ужинать и ехать. Как начальник договорился, уж и не знаю, кажется, дал червонец (!!!) «на лапу» портовикам, и наша машина была последней, втиснули. Сначала шли железнодорожные составы, вагонов по 40, потом «дальнобойщики» (один помню, вез коров из …Ростова!). Вообщем-то повезло, говорили нам шофера, что погрузки на паром здесь можно ждать и день, и два, а бывает и неделю.

Итак, грузопассажирский паром «Советский Узбекистан»… Пассажиров было мало, несколько человек дальнобойщиков, да мы.

…И ходили при «советской власти» эти паромы через Каспий от Баку до Красноводска - «Советский Азербайджан», «Советский Туркменистан», «Советский Узбекистан», «Советский Киргизстан» и везли вагоны, машины и грузы разные в Туркмению, в Узбекистан, в Киргизию, через Каракумы и Кызылкум в Ашхабад, Мары, Чарджоу, Бухару и Навои, в Ташауз и Нукус, аж до Самарканда и даже самого Душанбе…

Ночь, звезды, огни Баку, огни на нефтяных вышках. А утром - «солнце, море, ветер», и Каспий темно-бирюзового цвета. К часу дня паром подошёл к Красноводской бухте (теперь, естественно, залив Туркменбашы), и несколько часов болтался на рейде. Кстати, где-то тут и утопили баржу с «Бакинскими комиссарами».

Красноводская бухта мелкая, паром винтом поднимает песок, фарватер очень узкий, идеальное место, просто так не подойдёшь. Часам к семи наконец-то причалили, а так как грузились последними, то и выехали первыми. Заехали в первый попавшийся магазинчик, потом отъехали километров двадцать, за посёлочек Кувлымаяк, и

заночевали в прямо в пустыне, в песках Октумкум. Ночь, небо и огромные звезды… А рано утром из песков поднялся огромный красный шар солнца и пески стали красными, потом розовыми, а потом… А потом ветер, пустыня и жаркое солнце - конец марта! Весна!

Полностью разбитая асфальтовая дорога, точнее то, что от неё осталось, почти караванная тропа, и ехать в основном можно только рядом, по грунтовке. Нам на Бекдаш, а единственное жилое место почти на 200 километров – пос. Карши. А дальше – дальше узкий перешеек через Кара-Богаз-Гол, справа - белая соль залива, слева - бирюзовый Каспий, потом обрывистый берег, и по плато Кендирли, по берегу Казахского залива.

От Бекдаша до крохотного посёлочка Аксу, и дальше до Ералиева (ныне Курык) дорог нет, точнее они ни на одной карте не обозначены… Ехать можно только по накаткам, по колее, пробитой дальнобойщиками.

И всё же, что же такое Мангышлак? Мангышлак - это большой полуостров на западе Казахстана, на восточном побережье Каспийского моря, а на востоке плато Мангышлак переходит в плато Устюрт. На севере - полуостров Бузанчи с огромным солончаком – сор Мертвый Култук, бывший залив Комсомолец, на самом западе - полуостров Тюб-Караган с поселком Форт-Шевченко (бывший форт Александровский), где отбывал свою якобы «ссылку» Тарас Григорьевич (по его же собственным воспоминаниям, жил он там совсем неплохо, лежал в теньке, под абрикосовым деревом, да писал стихи).

На мысу Тюб-Караган - поселок Баутино с рыбхозом и огромными жирными свежепосоленными и свежепровялеными лещами, продающимися за сущие копейки прямо в магазине при рыбхозе. А вдалеке (в море, конечно) виднеются острова Тюленьи, обитают там уникальные каспийские тюлени, непонятно как попавшие из северных студёных стран в эту жару… Но ничего, живут… Не только люди ко всему привыкают…

От Баутино до Астрахани – 450 километров на пароме, но ходит тот паром неизвестно когда и как. Так что ехать нам домой (правда, ещё не скоро), в Москву, в объезд, по единственной автодороге, вдоль железной дороги, от Сай-Утеса до Бейнеу, а там до Маката и на Гурьев. Но об этом - позже.

Именно здесь, в восточной части Мангышлака (теперь правда, Мангышлак называется Мангистау), километрах в пятидесяти от города Шевченко (ныне Актау) великая впадина Карагие – «Черная пасть», минус 132 метра ниже уровня моря, одна из самых низших точек мира. Внизу огромный солончак, и эта бессточная впадина

жадно поглощает воду… Вот уж действительно, Черная пасть! Сухо, днем жарко, ночью мороз, и ветер, очень сильный ветер, иногда сбивает с ног. Климат тут резко континентальный, лето и осень - сухие и жаркие, с пыльными бурями, а зима холодная и сухая. Весной ночью часто бывают заморозки. Осадков выпадает всего около 100-120 мм в год.

Низкие горы Мангистау состоят из двух параллельных хребтов, тянущихся с северо-запада на юго-восток – Актау и Каратау. Глаза слепит на солнце, снег не снег, не понятно. Подъезжаем ближе, а это - белоснежный мергель гор Актау, да ещё с причудливыми останцами выветриваниями. А около поселка Шетпе – гора Шергала (Шеркала), с одной стороны похожа на белую юрту (символ богатства!), а с другой на спящего льва (так и называется «Львиная гора»). Хотя откуда здесь львы? Кто прозвал так эту гору? Непонятно… И, вообще, «шер» по-тюркски, это скорее «тигр», а уж никак не лев (лев – «аслан»). Склоны горы практически отвесны, и только к вершине становятся пологими, образуя гигантский шатёр, как раз и напоминающий верх юрты. Гора изрыта многочисленными пещерами и пещерками, да вообще пещер на Мангышлаке много, карстовые процессы хорошо развиты, поэтому много провалов и промоин, небольших ущелий и каньонов.

А вокруг горы и в её окрестностях россыпи шарообразных конкреций различной величины от метра до 5-6 метров. Внутри, в центре разбитых конкреций - аммониты, ракушки или следы рыбы, а то и акулий зуб. В основном каменные шары представляют собой гигантские песчаные, песчано-глинистые, реже сидеритовые конкреции, образующиеся в мягких, легко подвергающихся эоловому выветриванию, песчаниках нижнего и среднего подъяруса альбского яруса нижнего мела.

Степь у подножья горы ещё зеленеет и цветёт, недалеко крохотный зелёный оазис, родничок и маленькая речушка Акмыш. Здесь когда-то было городище Мангышлак, здесь проходил древний караванный путь, торговля между Бухарой и северными землями.

А мы колесили по всему полуострову - Новый Узень, Тенге, Узень, Жетыбай, Таучик, Шетпе, Жармыш, добрались аж до Каламкаса на полуострове Бузанчи, плоского как стол, где одни лишь солончаки и солонцы. А маршруты у нас проходили обычно так - утром мы завтракали неизменными макаронами или гречкой с тушенкой, потом куда-нибудь ехали, начальник осматривался и говорил: «Ты туда, я сюда! Увидишь что интересное – пиши, бери, приноси!». И мы уходили часов на пять-шесть. Вот это были маршруты! Ты один, только горы, степь и ветер!

Что меня больше всего поразило – это чистейшее Каспийское море с огромными, абсолютно безлюдными песчаными пляжами! И

ещё - удивительные каменные шары, или же сплющенные конкреции, иногда напоминающие стада огромных черепах, ползущих по склону, пещеры, огромные уходящие и расширяющиеся в сторону Каспия ущелья и россыпи аммонитов, россыпи! Нашел, я помню, там аммонит больше метра в диаметре и весом килограмм в 100-150, и так как машина в горы не проехала бы, так я его катил несколько километров, но получил полный отказ от шофера грузить ещё лишний вес («и так рессоры на пределе»). Что делать, тогда уже был «бензиновый кризис» – и с собой в кузове две бочки по 200 литров и с десяток 20-литровых канистр. Больше полутонны бензина! Не экспедиционная машина, а бензовоз.

На Мангышлаке встречаются и уникальные гипсовые, баритовые и целестиновые кристаллы и конкреции, красивейшие и необычные глинисто-кальцитовые септарии, шикарные кристаллы цветного кварца. Про нефть, газ, уран и фосфориты говорить и не буду, и так все знают.

Вообщем где мы только не колесили, а степь цвела – ирисы, тюльпаны, дикий лук! Вылезают греться на солнце сотни черепах, бегают ящерки и геккончики, то мелькнет лисица-корсак, то заяц-толай, ещё в зимней шкурке, а по ночам пищат и дерутся тушканчики. Перевернешь камень – сидит скорпион! Видели и осторожных джейранов, и огромные стада сайгаков, и полудиких верблюдов.

Видели мы и старые подземные мечети, и старые кладбища, и древние городища, и заброшенные геологические поселки. А кругом – Мангышлак, Мангистау, с его удивительными, часто космическими, марсианскими пейзажами, удивительными формами выветриваниями, столовыми горами, солончаками, плоскими, как стол, плато, и запахом ветра, пыли и полыни.

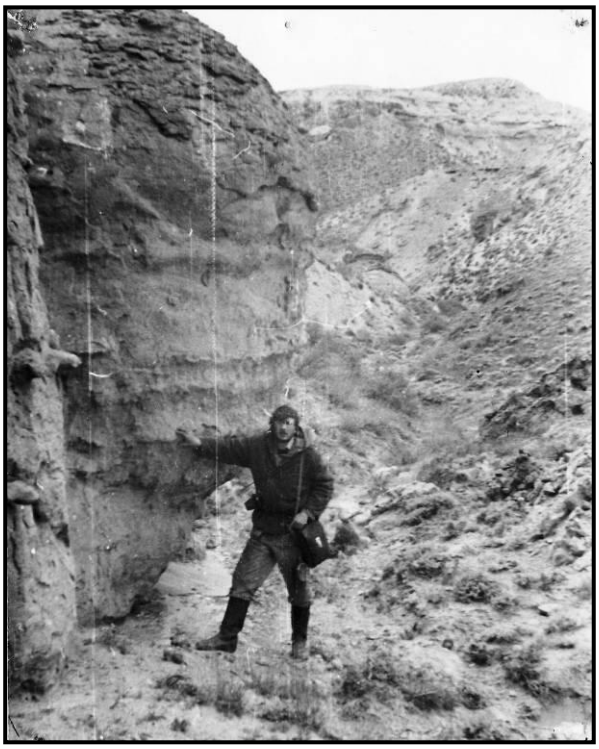
И вот обратный путь. Через чинки Устюрта от Шотпе (Шетпе) до Сай-Утеса, а там до Бейнеу, и по прямой как стрела, дороге – мимо сора Мертвый Култук. Ну как не заехать? От посёлка Опорный километров сто, и заехали в местечко с замечательным названием - Прорва, на солончаковый низкий берег Каспия, там тогда метеостанция была, а теперь, говорят, нефть и газ качают то ли канадцы, то ли американцы. А рядом - и месторождение Тенгиз, где в 1986-87 годах был чудовищный пожар на нефтяной скважине, и горело всё, и от чудовищного жара расплавился песок, и образовалось озеро расплава, и появилась на свет новая горная порода - тенгизит!

Доехали мы до Маката и там - в Гурьев, ныне Атырау, через р. Урал (ранее Яик), и по низкому берегу Каспия, и через пески Ментеке - до дельты Волги. И потом - через многочисленные мосты,

мостики и паромы дельты (почти 70 километров!) уже и в Астрахань, а от Астрахани, вдоль Волги - и в Волгоград. Вообщем, уже и Россия.

Волгоград – длинный город вдоль реки, а потом и незабвенный Урюпинск, Новохоперск, Тамбов (это который на «…карте Генеральной кружком отмечен не всегда…»), потом Мичуринск – Кашира – и вот, она, Москва!

Так вот, по прикидке, только от Москвы до Москвы, по трассам не менее 6-7 тысяч километров намотали, а уж если брать все отъезды в стороны, разъезды, подъезды и проезды, так и все десять тысяч набежит, как раз от Москвы до Владивостока. Вот так раньше, всего-то 20 лет назад, в поля ездили… Привезли с полтонны образцов барита и целестина, аммонитов пару сотен килограмм для музея и себе конечно, кварцев разных мешка три… И кучу воспоминаний… А это - главное!



БУРОВАЯ

Самое тяжелое в нашей профессии… - пробасил бригадир, Терентий Михайлович, или по-простому Михалыч, огромный, медведеобразный мужик и с грохотом опустил костяшку домино на стол, да так, что закачался весь балок.

- ...это ждать - дополнил помбур Сашка, длинный и тощий молодой парень, в неизменной красной шапочке как у Жака Ив Кусто, за то и получил это прозвище.

- Ты Михалыч, стол-то не сломай, - добродушно добавил буровик Григорий, степенный, всегда гладко выбритый, щеголеватый даже в замасленной брезентовой робе. - А ты «Кусто», в разговоры не встревай, старших не перебивай!

Вертолета ждали уже пять дней, время отпуска уходило, делать было нечего, и вся бригада с утра до вечера резалась в домино, потихоньку теряя терпение и медленно зверея от скуки. Проигравший готовил ужин из остатков крупы и консервов, иногда свежепойманной рыбы, или грибов.

- Виталий Андреич, а как там с «вертаком», когда эти … борт пришлют, - обратился бригадир к лохматому и заросшему бородой до самых глаз «технику на буровой» (или как его называли, «техбур»), и по совместительству радисту Виталию, которого все уважительно называли по имени-отчеству, Виталий Андреевич, и только Михалыч, пользуясь старшинством, по имени, да и то не часто.

- Так два часа назад связывался с Поселком, бригадир! Туман, Терентий Михайлович, ты же знаешь, половина бригад сидят в... Не мы одни в такой ситуации… Как только просвет, сразу пришлют «борт», вас заберут, не беспокойся, улетите все… Мне-то что, я опять один останусь…

Виталия, техника на буровой, вся бригада буровиков уважала не только за его удивительное спокойствие и вежливость, не только за тонкое знание механики и техники бурения, за удачу в охоте и рыбалке (он никогда не возвращался без добычи), но и за то, что именно он описывал и документировал керн и проставлял «процентовку» по метражу, а так как деньги и премиальные буровики получали за погонный метр, то Виталий спокойно и без суеты, «красиво» подгонял, «пририсовывал» лишние погонные метры, что давало буровикам «зашибить» весьма не лишнюю копейку.

Это было незаконно, но об этом знали все, знали, что никто керн проверять не будет, а как уж идет пласт, с какими геологическими «загогулинами», особо никого не интересовало, только может

академиков в Москве, а здесь была бы руда. А руда шла, рудный пласт не кончался, и это радовало всех - и геологов, рисующих на картах контуры месторождения и глубину залегания пласта, и буровиков, что есть план, а есть план по бурению, будет и премия, и студента-практиканта Лёшу, который уже вторую неделю сидел вместе с буровиками, постигая технику бурения и отбирая пробы.

Он был единственным москвичом среди разношерстной публики на буровой, и, естественно, был самый младший. В домино он играл плохо, поэтому ужин готовил чаще всех, но не унывал, и не сердился, хотя ему уже до чёртиков надело сидеть на одном месте, время поджимало, скоро домой, в Москву, начало учебного года, а надо было ещё перебраться на следующий участок, отбирать пробы там, но вертолета не было, всё окутал треклятый туман. Трактор прислать почему-то не могли, вездеход опять где-то застрял, а идти пешком сто километров по профилю, по болотам совсем не хотелось, да и никто бы ему и не разрешил.

За окном балка был конец августа и значит почти всегда шёл неумолчный, нескончаемый дождь, часто с мокрым снегом, но в балке было тепло, хотя запах от сушившихся спецовок, телогреек, сапог и портянок был не самый изысканный. Раскалённая докрасна печка гудела, в помятых кружках дымился ароматный чай, да ещё и со сгущенкой, стлался табачный дым, и был некий балочно-полевой уют, когда делать совсем нечего, а главное - ничего и не хочется.

Буровики были вообщем-то большие лентяи, и работали в первую очередь из-за «длинного рубля», а иначе какой бы дьявол занес их в эти комариные болота, непроходимую тайгу, в дождь, снег, протекающие балки и сырость… Правда определённый «Кодекс чести» был и у них, и сильно «халтурить» они себе не позволяли. В бригаде дисциплина и «сухой закон» зиждились не только на страхе потерять в заработке, но, и, что немаловажно, на огромном авторитете, а также чудовищных кулачищах бригадира Михалыча, который, правда, ни разу не пустил их в ход, довольствуясь «лингвистическими упражнениями», как окрестил Лёша нецензурные перлы бригадира. Михалыч был виртуоз в области матерщины, и когда он начинал кого-то распекать, «окучивать» и «вправлять мозги», то весь народ на буровой бросал работу и, затаив дыхание, слушал.

Бригаду должны были забрать и сменить ещё неделю назад, и на буровой оставался только техник, ожидать новую смену, на следующие две недели, или на месяц, смотря по договоренности. Виталий «сидел», «вековал» на буровой, либо пока не заканчивалось бурение и буровую не «снимали» и переводили в другое место, либо почти 8 месяцев, в то и больше. Но он, как ни странно, он не скучал, охотился, ловил рыбу, очень много читал, в том числе книги и по

технике бурения («повышал квалификацию») и по геологии, пытался даже изучать языки, хотя за плечами имел лишь …8 классов средней школы какого-то неведомого поселка Шумерля, что где-то в Чувашии. Как он умудрился не закончить «положенные» государством 10 классов, да и вообще как попал подростком из России в эти глухие сибирские таежные края, никто толком и не знал. За 15 лет работы на буровых Виталий набрался серьезного практического опыта, окончил пару курсов, но продолжать учиться дальше категорически отказывался. «Что знаю, то я знаю, а другого мне и не надо. Чего не знаю - в книгах есть, почитаю, спрошу у специалистов, а учиться – не люблю и не хочу», - отвечал он на все вопросы по поводу учебы.

«…Ну, ты сам посуди…», - доказывал он Главному геологу, всё время увещевавшему его пойти учиться, - «…куда мне в 30 лет в девятый класс - курам на смех! И так перебьюсь, Папанин вон, слыхал, с тремя классами контр-адмиралом стал, директором института, а у меня целых восемь классов! Так что я ещё далеко пойду! И должность техника меня вполне устраивает, а в начальники я вообще не гожусь, характер у меня добродушный, небригадирский!».

У Виталия были две хорошие зверовые лайки, пара неплохих ружей, и в периоды «безделья и межбригадья», ну и, конечно зимой, он часто ходил на охоту, почти всегда успешно, притаскивал то зайцев, то тетеревов или глухарей, а бывало, ходил и на лося, изюбра, а то и медведя, иногда добывал и белок с соболями да куницами, росомаху и волков на шкуры. А уж если шёл рыбачить, то неизменно притаскивал здоровенный кукан рыбы. Но человек он был нелюдимый, молчаливый и какой-то загадочный.

- Все, буровики, заканчивай «козла забивать», пора ужин готовить и на боковую! Виталий, свяжись ещё раз с поселком, что там у них, какие новости! – приказал бригадир.

- Так, пора вечеряти та спати! Більше спиш, швидше «вертак» прилетить, - сострил толстый и жадноватый украинец с затейливой фамилией Непийвода, что всегда вызывало массу шуток. - Зараз би борщу з пампушкмі, сала, та горілки, і дівчину!

- Я тебе дам «горилку с дивчиной», - сердито буркнул Михалыч и показал огромный кулак.

- Видно кулика по полету, а хохла по фамилии, – под общий хохот сказал Лёша.

- Ти, молодий, йди вечерю готуй, а то аж в череві дзвін б'ють – обидчиво ответил Непийвода.

- Ты по-русски скажи, - как всегда влез в разговор «Кусто», - а то мы люди простые, рабочие, языкам-то не обучены!

- Колокола у него, видите ли «в чреве играют», ужин требуют, - перевёл Лёша, чем привел украинца в немалое удивление, и, похохатывая над своей шуткой, взял ведро и ушёл за водой.

Приготовить ужин на шестерых голодных буровиков с одной стороны дело нехитрое, люди они неприхотливые, было бы побольше да посытнее, а с другой стороны много чего наслушаешься, особенно от Непийводы, все время вспоминавшего про вареники со сметаной или борщ с пампушками. А уже теперь, когда осталась одна пшенка, манка, да странная крупа «Артек», немного муки да рыбные консервы, кулинарных изысков вообще ожидать не приходилось.

Вернулся из своего балка Виталий. Ну что, - спросил Григорий, собирая костяшки домино, - новости есть?

– Обещают завтра-послезавтра, если не «борт», то вездеход точно, но сами знаете - «…пообещал пан холопу кожух, так холопу и теплее стало…»! Так что ждем…

- Что ж, будем ждать, а ты сказал этим … что у нас жратвы на три дня? - хмуро пробасил Михалыч.

- Сообщил, что на один, а там - друг друга будем жарить, а первого - самого толстого, - ухмыльнулся в густую бороду Виталий…

Вся бригада весело посмотрела на Непийводу, а Лёша, перемигнувшись с «Кусто», стали затачивать об оселки ножи.

- Немає, немає мене є не можна! Я з переду костистий, а із заду воніст, - испуганно заверещал тот. – І жінка мене чекає!

Буровики захохотали так, что балок стал трястись, а с огромной кастрюли с варевом (пшенка с рыбными консервами) слетела крышка. Даже вечно хмурый Михалыч гоготал так, что чуть не слетел с лавки.

Непийвода, раскусив, что это всё-таки шутка, рассмеялся и сам, и чтобы загладить свою неловкость, расставил миски и чашки, разложил ложки, поставил огромный чайник на печку.

Лёша стоял у печки и на железном листе (вместо сковородки) пытался поджарить на остатках маргарина сооруженные из муки, соды и воды некие «хлебцы-лепёшки-пирожки». Вообщем–то они удавались, немного подгорая с краю, но были вполне съедобны, особенно горячие и со сгущенным молоком.

- Эй, кок, вилы в бок, заканчивай жарку, - крикнул «Кусто», - жрать охота!

Лёша не спеша притащил огромную кастрюлю, разложил каждому в миску по солидной порции, поскреб поварешкой, и доложил в отдельную миску остаток, добавку. Кто захочет - съест, а так, всё что осталось на дне кастрюли, это по неписанному закону, его, повара, добавка.

Жареные «хлебцы» летели «на ура» вместо хлеба.

- Вы хоть к чаю оставьте «пирожки»-то, - увещевал Лёша, а то «пустой чай пить – себя корить».

- Ничего Лёшка, чай и так пойдет, а какая ж еда без хлеба, - сказал Григорий.

- Та це не хліб, а маца якась, - пробурчал Непийвода, - Ось у мене жінка хліб пече…

- А ты кушай что дают, деликатесы на хуторе у себя лопать будешь! И так парень расстарался, молодец Лёха! Хоть и «столичный гость», а кашеварит отменно, из такого-то дерьма вкуснятину соорудить, - прогудел Михалыч.

- Я що, я так, згадую хатину та жінку, - съежился под тяжёлым взглядом бригадира Непийвода, - я ж не гутарю, що несмачно, я їм.

- Ладно, Лёшка, спасибо за ужин, давай чайку, да и спать пора, - сказал Виталий, - свяжусь с последний раз с Посёлком, может, чем и порадуют!

Буровики молча отпили чай с остатками «пирожков», покурили, и стали готовиться ко сну. Пришел Виталий, и сообщил, что новостей нет, и завтра утром будет «ясно, или неясно», как с погодой и с «бортом». Лёша втихаря от других дал ему остаток каши для собак.

В принципе буровики не возражали, что остатки недоеденного повар скармливал двум лайкам Виталия, но сейчас продукты кончались, нервы у всех были на пределе и могли пойти разговоры, да и ссоры, что мол «собаки обжирают, а толку от них никакого», хотя несколько раз именно из-под своих собак Виталий притаскивал и тетеревов, и даже зайцев. Жадный Непийвода всегда бурчал, «…що нічого собак годувати, хай самі собі по лісу шукають…». Спокойный Виталий не обращал на эти бурчания ни малейшего внимания и только однажды, молча, показал Непийводе, сколько тот пробурил на самом деле, а сколько «на бумаге». Хитрый хохол быстро сообразил, что к чему, и больше тему о собаках не поднимал. Но сейчас не стоило поднимать шум и свару из-за миски подгоревшей пшёнки с рыбными консервами.

Лёша сунул Виталию миску с кашей, закрыл за ним дверь, убедился, что никто ничего не заметил, и стал потихоньку мыть посуду. Буровики уже укладывались спать, и скоро, то из одного, то из другого угла слышался многоголосый храп. Лёша помыл посуду, подкинул в печку дров, посидел, покурил, и, забравшись на верхний ярус нар, на свою койку, моментально уснул.

Утром по уговору должен был кашеварить Сашка-«Кусто», варить манную кашу, на остатках сухого молока с добавлением сгущенки. Лёша проснулся рано, вышел из балка – толстым мокрым слоем лежал снег. К нему подбежали две лайки Виталия – степенный одноглазый Нельсон, из восточносибирских лаек, ходивший и на лося,

и на медведя, огромный, похожий на волка кобель, и шустрая западносибирская лайка Ильма, виляя хвостом-бубликом. Нельсон получил свою кличку ещё щенком, почти лишившись одного глаза, напоровшись по щенячьей глупости на сучок, но и с одним глазом, он считался одной из лучших зверовых лаек в Районе, и у Виталия неоднократно просили его продать, поменять, раз хотели даже украсть, но Виталий не лыком шит, выбежал зимой в одних трусах и босиком, с двумя ружьями, и стал палить в белый свет как в копеечку. Больше поползновений на Нельсона не было.

Погладив обеих собак и сунув каждой по припрятанному кусочку сахара, Лёша вздохнул, и снова вошел тепло балка. Сашка-«Кусто», что-то напевая, болтал в воде сухое молоко.

Лёша сел за стол, закурил и стал размышлять о тех людях, с которыми свела его судьба на этой дальней буровой, затерянной в таежных далях Сибири.

Вот Сашка-«Кусто», балбес, непоседа, бич по натуре, крутит его по жизни, вертит, сегодня на буровой, завтра вездеходчиком, послезавтра на ГАЗ-66 шоферит, и ничего ему не надо, только «деньгу подзашибить», а потом прогулять, прокутить. Сам он откуда-то из глухой псковской деревни, там у него мать-старушка, да изба покосившаяся. Иногда матери и высылает что-то, но большую часть заработка прогуливает в Городе, постоянно попадая в разные неприятные истории, из которых его вытаскивает добряк Григорий.

Григорий, уважаемый, степенный человек, коммунист, депутат райсовета Города, уж 30 лет на Севере, квартира хорошая в Городе, машина, гараж, двух сыновей вырастил, в горных институтах учатся, инженерами-буровиками станут, дочь-невеста растет, и жена при деле, в райпотребсоюзе, опять же и деньги копит, но не жадный, добрый. Не забывает сестру и брата, живущих где-то в деревне в Курской области, откуда и он сам родом, помогает им. И дом там себе прикупил, чтоб под старость, на пенсию, переехать.

Терентий Михалыч, медведь и есть медведь, сибиряк потомственный, чуть ли не потомок первых поселенцев, «лучше Матушки–Сибири ничего нет», «…на всю эту Европу с Москвой клал с прибором…», город терпеть не может, на сына и дочь, что уехали с выселок, обиделся очень сильно, ругается, но деньгу им всё-таки отсылает. Хотя дочь замужем в Новосибирске за завскладом, горя не знает, а сын, такой же огромный, как и отец, и тракторист и вездеходчик, и на бульдозере, и на экскаваторе, трассу газопровода тянет где-то на Ямале, тоже деньгу имеет немалую. И живет Михалыч с женой да с матерью, которой лет уж под девяносто, и сестрой-вековухой на отшибе, на выселках, километрах в пяти от деревни. Изба из толстенных бревен, дом полная чаша, хозяйство, две коровы,

лошадь, пчёлы, свиньи, куры, огород; в отпуск или когда работы нет – всегда приезжает помогать. Пить не пьет особо, но если запьет на два-три дня - держитесь все! Деревня прячется, все мужики, не дай Бог попадется кто - всем достанется, без разбора. Но вообще-то мужик-то добрый, но уж какой-то совсем простой, деревенский. Но деньгу любит, бережёт. И на работу уж очень злой.

А Микола Непийвода, хохол, он и есть хохол, приехал со своего хутора, с Полтавщины, деньгу загрести, и побольше, побольше. Всё считает, сколько получит, деньги бережёт, лишнего не купит, отсылает жене часть, а часть на депозит, чтобы проценты шли. Сына, говорит женить надо, хату новую строить, машину вторую прикупить. Хозяйничек.

А вот Виталий – непонятная личность, бирюк, одиночка, никто ему не нужен, мало с кем общается, молчун. Сидит у себя в балочке, радио слушает, книжки читает, выписки какие-то в тетрадки делает, целый вьючник у него, тетрадок-то. Есть у него краля в Поселке, да и ещё одна в Городе, с одной поживет недельки две-три, с другой, и опять в тайгу, опять на буровую… Есть ли родители, родные, ни разу не сказал, не проговорился, писем не получает и сам не пишет. На буровой всё в открытую, всяк про себя рассказал, что хотел, а этот – молчок. И что удивительно, не пьёт вообще, и пьяных терпеть не может, до дрожи, бледнеет сразу, кулаки сжимает, даже разговоров о том, «кто, сколько и с кем выпил», о чём особенно Сашка-«Кусто» любитель порассказать, не переносит. Уходит сразу, но вежливо, якобы работа ждет, «погонные метры считать». И ни в Поселке, ни в Городе, ни разу ни в одном «банкете» никогда не участвовал, придет на пять минут, раскланяется и тихо, «по-английски», исчезнет. Вообщем загадочная личность, есть у него какой-то «скелет в шкафу», и видно, что иногда гнетёт его что-то, а рассказать не может, боится, что ли. Может поэтому и живет бирюком, одиночкой, ни друзей, ни приятелей, почти всегда один. Ходили слухи, что из детдома сбежал, да слухи, они слухи и есть. Деньги тратит только на книги, даже через почту заказывает, в Поселке у него свой домик-балочек, всё чистенько, опрятно, все стены в книжных полках, в библиотеке столько книг нет, сколько у него.

Вообщем вывел Лёша «кривую» - все сюда за деньгами приехали, один я «за наукой», 200 рублей полевых да полставки в институте. Когда буровики узнали, сколько ему платят, ржали до вечера, и всё в бригаду звали.

«Плюнь ты на все эти учёбы, Лёха», басил Михалыч, «ты здеся за неделю больше, чем у себя в столицах за полгода заработаешь!»

«Да нет, Михалыч, учиться надо, вот у меня, сыны учатся, а потом на буровые, инженерами пойдут. А ты Лёша институт закончишь, и

сюда, к нам, в Район просись, в Город, и получать будешь нормально, и я тебе, если что, помогу, через год-другой квартиру выбьем! Голова у тебя есть и руки тоже, глядишь и в начальники скоро выйдешь. У нас любят сейчас молодежь выдвигать!» - увещевал Григорий.

Виталий по обыкновению молчал, а Сашка-«Кусто» взахлеб рассказывал, сколько он вездеходчиком получал, да вот выгнали по пьянке.

Лёша всё отнекивался, спасибо говорил, обещал подумать, понимал, что люди от чистого сердца советуют, и правы ведь, и заработок здесь, и перспективы есть, да куда он из Москвы, уж и место приготовлено в институте, пусть и всего 120 рублей, ну будет в поля ездить, что-то подзаработает… А всех денег заработать и не получиться. Да и на кой ему деньги? Квартира есть, от бабки покойной осталась, жены нет, машина ему не нужна, не любитель, на даче отец с матерью колупаются потихоньку. Тихо, мирно, и все им довольны. Раз решил «в науку идти», значит так и будет, окончу институт, пойду в аспирантуру, защищусь. А там и посмотрим.

- Эй, «столица», ты что уснул, что ли, - очнулся Лёша от Сашкиного голоса, - давай народ будить, скоро манка готова будет!

- А що нас будити, ти так гримиш, мертвий прокинеться, - пробурчал Непийвода. Заворочался и проснулся Михалыч, под ним затрещали нары, закурил беломорину, вышел из балка.

Григорий, открыв глаза, лежал и тихо смотрел в потолок, он всегда просыпался медленно, любил поспать.

Вошел Виталий, тихо поздоровался со всеми.

- Вести мужики есть, и хорошие. Сегодня клятвенно обещали если не «борт», то вездеход точно, так что вещи пакуйте и ждите. Я лично с зам. по транспорту говорил. Правда, когда будет неизвестно, не раньше, чем днем, но и не вечером. Так что ждем!

- Вот новость, так новость, - пробасил, входя Михалыч, - а то у меня манка эта уже с ушей лезет!

- А для тебя Лёша, весть отдельная, и тоже хорошая! Тебе же на 154 буровую надо? Так вот, туда утром рано уже вышел «Кировец» с прицепом, «горючку» тащит, он тебя и доставит, подберет, я договорился, на просеке ждать будем, но сам понимаешь, это не скоро, может и к вечеру, но мы услышим, прогудит. И на буровой тебя ждут, они москвичей никогда не видели, так что не подкачай! А как пробы отберешь скоренько - первым транспортом в Поселок, это распоряжение Главного, он с тобой хотел перед отъездом ещё поговорить!

Буровики быстро проглотили комковатую манную кашу, попили чай, покурили и стали готовиться к отъезду, паковать в рюкзаки вещи, сортировать, что здесь оставить, грязное, рваное да промасленное, а

что и забрать. Жадный Непийвода набил тряпками целый тюк, забрал и кем-то выброшенные рваные сапоги.

- Микола, на кой ляд тебе всё это рваньё? - спросил Григорий, - грачей на огороде пугать?

- Жінке пошлю на хутір, в господарстві все сгодітся! – пробурчал Непийвода.

- Ох, и жадный ты Микола, дай тебе волю, ты и буровую утащишь!

- А то, поставлю, свердловину пробурю, своя вода буде, поливати город, і сусідам продавати буду на полив, у них колодязь, або з річки тягають, а у мене свердловина!

- Соседям? Воду продавать?! Ох, ты жук-короед! Да у меня в деревне тебе давно бы башку скрутили! – вскипел бригадир. – А я бы первый! Жадюга ты, прощелыга! - И Михалыч разразился витиеватой матерщиной…

- Ладно, ладно, Терентий Михалыч, остынь, его это дело, хочет, пусть тащит всю эту рвань, его спина-то, - миролюбиво успокоил начинавшего уже закипать бригадира, Григорий.

Михалыч в сердцах плюнул, выматерился ещё раз, грозно глянул на Миколу, да так, что тот втянул голову в плечи, и, с грохотом хлопнув дверью, вышел из балка, как говорили буровики, «поуспокоится».

Сашка-«Кусто» быстро собрал свой тощий рюкзачок, развалился на койке и задремал.

Лёша ещё раз проверил свой мешок с пробами, его должны были забрать буровики и передать Главному геологу, Михалыч и Григорий лично обещали проследить, а они мужики основательные, не забудут, не обманут. Он упаковал только небольшой рюкзак, в котором были полевые дневники, кой-какая носильная одежда и прорезиненный плащ. А больше и не надо, остальное на себе, свитер, телогрейка, роба, если что, на буровой найдется, сапоги у него были ещё крепкие, почти новые. В Поселке одежда чистая есть, в чем в Москву доехать найдется, главное образцы из Города почтой отправить. Лететь ему до Москвы шесть часов, а вот образцы с месяц идти будут, ну самые ценные с собой в багаж возьмет, в самолет, как обычно, показать надо поскорее профессорам да научному руководителю.

Буровики собрали вещи, сели было «козла забивать», но игра не шла, все волновались, увезут сегодня, не увезут, или опять в балке куковать.

Скрипнула дверь, вошел улыбающийся Виталий.

- Значит так мужики, «борт» вылетел, через час, даже меньше будет, если не упадет, - пошутил Виталий.

- Ты не каркай, не каркай, Виталий, - пробасил мрачно бригадир.

- Всё нормуль, Михалыч, за штурвалом Андрей, а он, ты сам знаешь, куда угодно сядет, откуда хочешь взлетит! Так что вещи в руки и пошли!

Посадочная площадка для вертолета была в полутора километрах от буровой, и идти до неё надо было по разъезженной, болотистой дороге, часто по колено в грязи, пересекая ещё и гати через два ручья. Так что надо было быстро собираться, «борт» долго ждать не будет. Посадочная площадка – всего лишь настил из бревен на болоте и вертолет даже и не садился полностью, а лишь касался колесами настила, и винты экипаж не выключал.

Бригада похватала вещи, нагрузила на себя рюкзаки, но Михалыч приказал:

- Ша, мужики, посидеть надо, а то пути, глядишь, не будет!

Все послушно сели, посидели с минуту и стали входить из балка. Дождя не было, похолодало, лежал снежок.

Все гуськом шли по тропе. Впереди Виталий, налегке, с ружьем, опережаемый собаками, затем Михалыч и Григорий, Сашка и Лёша с мешком образцов. Позади всех пыхтя и сопя, утопая по колено в грязи, тащил здоровенный рюкзак и да еще тюк в придачу, Микола.

- Ты смотри Микола, если перегруз будет, придется тебе часть барахла-то оставить, – ёрничал Сашка, - и как ты это переживешь?

- Нічого вертоліт порожній, все забере, – пыхтя, ответил Микола.

- Почему пустой, он потом ещё три бригады забирать будет, и все с вещами, поддержал шутку Валерий, - так что бросай свой тюк здесь, не тащи!

- Ні, я понесу, там видно буде, домовлюся з льотчиками, - легковерный жадный Микола никак не хотел расставаться с тюком тряпок…

Лёша молча тащил тяжелый мешок с пробами и думал, что он может быть навсегда расстаётся с этими, вообщем-то неплохими людьми, которые многому его научили, и на шутки не обижаться, и работать, а главное - ждать.

Они дошли до площадки, сели на рюкзаки и бревна, закурили. Буквально через минут десять, не успели выкурить и по второй, раздался гул лопастей и из-за леса показался красный с желтым брюхом МИ-8, «работяга таёжных далей».

Вся бригада вскочила, похватала вещи, и подбежала к ещё не приземлившемуся вертолету, пригибаясь от ветра лопастей. Бортмеханик скинул лестницу, что-то прокричал, выволок мешок, видимо с продуктами, который забрал Виталий, помог всем взобраться.

Лёша сквозь шум винтов прокричал всем «До свидания!», напомнил про мешок с образцами. «Не волнуйся, передадим» -

ответил Григорий, а Михалыч, неожиданно поднялся с места и, высунувшись в дверцу, пожал Лёше руку, да так что тому пальцы свело. «…Хороший ты парень, Лёха…», прогудел он, «…дай Бог, свидимся!...». Лесенка убралась, механик на ходу закрыл дверь, вертолёт взмыл вверх и ушёл дальше, забирать остальные бригады.

Наступила тишина… Лёша и Виталий остались одни, тайга, болото, да две собаки, крутившиеся неподалёку. Они шли обратно по тропе, покуривая, и утопая по колено в болоте и свежевыпавшем снегу. Неожиданно Ильма залаяла, Виталий сбросил мешок, вскинул ружье, и как показалось Лёше, почти не целясь, выстрелил. Ильма нырнула в кусты, и из всех сил виляя хвостом-бубликом, притащила тетерева.

- Вот молодец собака, молодец, - похвалил Ильму Виталий, - и нам обед будет, и вам с Нельсоном косточки останутся!

- Ты где так стрелять научился? - спросил Лёша.

- Жизнь – она всему научит, - туманно ответил Виталий, вскинул на плечо мешок и молча пошёл дальше.

«…Да, странный человек техник…», подумал Лёша, «…вроде и добрый, и отзывчивый, но закрытый какой-то. Ладно, в тайге всякого народа хватает, и не наше это дело, в душу лезть…».

Они дошли до балка.

- Ты, Лёша давай, тетеревом займись, запеки, а я сейчас свяжусь с Посёлком, сообщу, что у нас всё в порядке, и про трактор узнаю, вдруг опять где-то застрял.

В этих болотах, бывало, вязли и могучие «Кировцы», так что опасения Виталия были не напрасны. Лёша подкинул дров в печку, сходил к ручью, набрал глины, выпотрошил тетерева, кинул потроха собакам, обвалял птицу толстым слоем глины и положил в печку. Через час-полтора такой жарки в глине птица запекалась в собственном соку и жире, перья с кожей и кости легко отделялись от мяса.

Вошел Виталий, сказал, что трактор идет, ещё есть часа три-четыре, можно никуда и не спешить. Лёша сидел в опустевшем балке, пил чай, курил. Ему было как-то грустно и одиноко, бригада уехала, тишина необычная, никто не хохмит над Непийводой, не матерится Михалыч, не рассказывает вечные байки про свои пьянки Сашка-«Кусто», и не учит его правильной жизни коммунист Григорий. Когда это было, то даже и надоедало, а теперь без этого было скучно. Валера засел у себя в балке, опять небось читает и выписки делает. Пойти что ли к нему, да он обычно не очень гостям рад, да и за печкой следить надо.

Часа через полтора Лёша выгреб на железный лист красный, пышущий жаром комок глины, остудил немного, стукнул по нему

геологическим молотком, через трещину вылил весь сок в миску, развалил глину и извлек полностью готовую тушку тетерева. Вынул кости, вместе со шкуркой отдал собакам, постучал в балок Виталию, позвал обедать. Они ели жирного, осеннего тетерева, Виталий как всегда был молчалив, но было такое ощущение, что он что-то хочет сказать, но не может, как говорили буровики «механизм клинит».

Они также молча попили чай, Виталий взглянул на часы: Что ж собирайся, Лёшка, пора идти! -

Они шли по той же тропе, дошли до профиля и по профилю прошли ещё пару километров, услышав издалека рёв двигателя. Минут через пятнадцать показалась желтая громадина «Кировца», тянущего прицеп с бочками с соляркой.

- Что ж Лёша, не скажу - прощай, скажу до свидания, увидимся мы с тобой, это точно, но не скоро. Адрес у меня твой есть, если что - напишу, хотя и не умею я писем-то писать!

Они обнялись, Лёша по лесенке взобрался в кабину, поздоровался со здоровенным, чумазым, в промасленной телогрейке трактористом, уселся поудобнее. Трактор взревел, дёрнулся и потащился по профилю. Ехать было часов пять, и Лёша почти сразу задремал.

Виталий долго стоял, курил и смотрел вслед уходящему трактору, и тут неожиданно понял, что надо было Лёше всё рассказать.

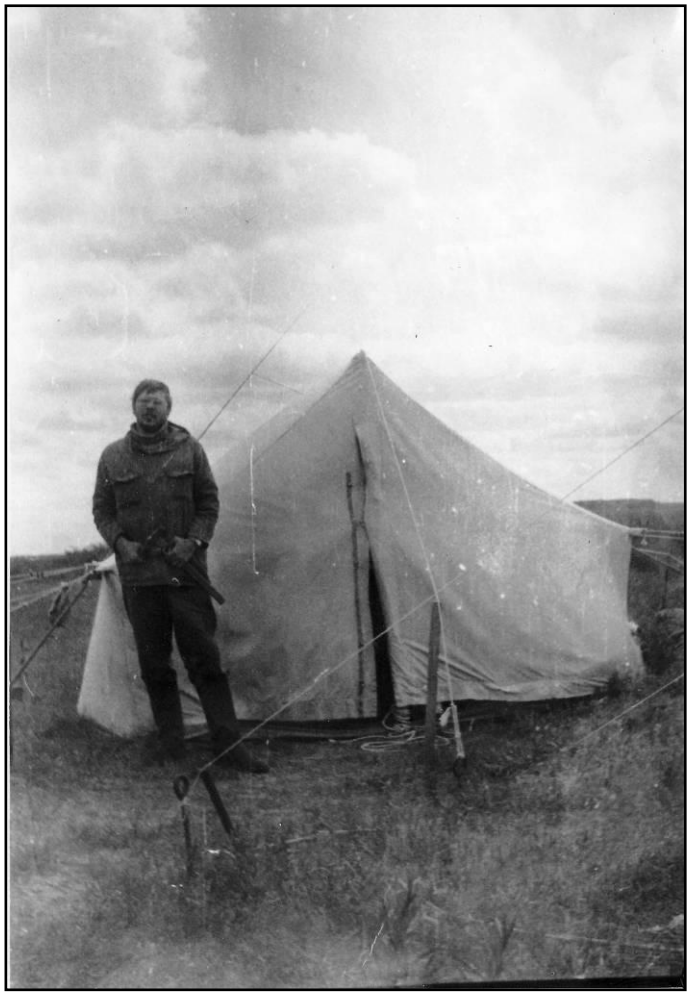
Он шел к буровой и вспоминал свое голодное детство, как били его смертным боем отец и мать, вечно пьяные, как жил он в грязном бараке на окраине посёлка, и как посылали его воровать в сады и на огороды к соседям, и те, когда ловили, тоже били, как он хотел учиться в школе, а вместо этого собирал бутылки, чтоб купить себе хлеба, как кормили его иногда сердобольные соседки, и как он убегал несколько раз из дома, да милиции возвращала, и как, не закончив и 7 классов, украл у старшего брата, пьющего с утра до вчера с матерью и бабкой (отец к тому времени умер, пьяный замерз зимой), аттестат об окончании восьмилетки и паспорт (похожи они были очень на фотографии) и убежал навсегда. Как добирался на электричках, поездах и товарняках, как подрабатывал в совхозах и колхозах, как чудом ему, за взятку, за три рубля, в каком-то совхозе выписали трудовую книжку и как он добрался, наконец, до Восточной Сибири, подальше от тех мест, где родился, и здесь, в Сибири и осел, работал на буровых, закончил курсы техников и радистов, и читал, читал, много читал. И никому никогда не говорил, что он не Виталий, а Валерий, Виталий - так звали его старшего брата, всего на два года старше его. Вспомнил он, как дрожал, когда менял паспорт в 25 лет, хорошо, что в паспортном столе никаких запросов не отправляли, и получив свой, новый паспорт, он наконец избавился от страха, от того

вечного страха, что его найдут, и он опять окажется в вонючей грязной комнате старого барака на окраине полузабытого поселка в Чувашии.

Он шёл и думал, что давно всё простил этим людям, да и были ли они живы, брат и мать, он не хотел даже вспоминать об этом. Но вот жить он хотел один, боялся людей, хотя и всегда мог за себя постоять, но не доверял никому, не хотел раскрывать свою поросшую уже паутиной тайну, свой «скелет в шкафу». Думал «излить душу» только Лёшке, москвичу-студенту, да и то спасовал, не решился.

Ладно, он напишет ему письмо, и может всё и расскажет, а тот хоть и молодой, но поймет. А может и сам слетает в гости, звал ведь к себе, Москву посмотреть.

Он дошел до балка, осмотрелся. После грохота буровой в тайге стояла непривычная тишина. Он тщательно вытер ноги, снял сапоги и спецовку, повесил ружье, поставил чайник на печку, закурил, сел за стол и раскрыл недочитанную книгу…



НА ПЛОТУ

«….Мы за чем-то сбежали из теплых квартир…». Хрипловатый голос Витьки выбил Олега из краткого и тревожного сна… Спать в промокшем спальном мешке было уже привычно, но к утру стало подмораживать и он постоянно просыпался ночью от холода.

Выбравшись из спальника, Олег, дрожа от утреннего морозца, подошёл к уже жарко пылающему костру. Его «сопалаточник», Юра, храпя, спал мёртвым сном. Этого спокойного, абсолютно невозмутимого человека, разбудить было крайне тяжело, особенно утром, несмотря на любую погоду, будь то дождь, снег, ветер, тайфун и ураган, он спал, «дрых без задних ног».

Виктор, как всегда, проснулся раньше всех, и, приплясывая босиком по холодной, мерзлой земле, развёл костер и даже вскипятил чай. У Виктора была привычка в поле ходить босиком, за что он и получил прозвище «Йог». «Это полезно», говаривал он, «наши предки всегда босиком ходили и были здоровыми». Кроме того он занимался какой-то там гимнастикой, и, в отличие от дымящих каждую свободную минуту геологов, даже женщин, не курил… В маршруты, он конечно, ходил в сапогах, но и там, в периоды коротких перекуров, старался их снимать и «попрыгать босыми ножками по природе». Длинные светлые волосы, перехваченные засаленным шнурком и потрепанная всколоченная редкая бородёнка, делали его похожим на пономаря какой-то захудалой церквушки. Взяли его в отряд рабочим, а сам он был, по его же собственным словам, «вольным художником и поэтом», работал зимой то кочегаром, то дворником, а лето «перебичёвывал», как он выражался, «в полях». Рисовал на досуге карандашом или углем, благо костер был всегда, и, за почти два месяца поля, изрисовал с десяток толстых альбомов, исписал пару тетрадок какими-то не особо понятными стихами, которые, впрочем, мало кому показывал, как и рисунки. «Дома, когда всё оформлю, выставку устрою, тогда и приходите! Приглашаю всех!!!».

Сейчас, когда они шли на плоту, он был босиком почти всегда, чем вызывал постоянные замечания строгой и категоричной Кати, зам. начальника отряда и по совместительству медсестры и «врача-диетолога», как её прозвали за пристрастие к овсяной каше и «правильному питанию». Она регулярно корила Виктора за грязные босые ноги, напоминая про гигиену и приличия. «Эта грязь, она грязь

от природы, она полезна и целебна, здесь, в тайге все стерильно, а ноги я постоянно мою!», оправдывался тот. «Твои ноги, как ни мой, а всё равно как у кабана шкура, когда он в грязи изваляется…», всегда парировала Катя.

Они шли на плоту уже больше трех недель, был конец августа, похолодало, и хотя погода была прекрасная, солнечная, настоящая сибирская золотая осень, но ночи стали очень холодные и к утру сильно подмораживало…

До Поселка оставалось ещё километров двести, несколько перекатов и пара порогов, пройти которые желательно было бы без проблем. Порожистая была Река, коварная, с прижимами к отвесным скалам, с перекатами, шиверами и мелями…

Четыре потрёпанные, залатанные палатки, костёр… Обычная обстановка полевого бивака… Из «дамской палатки» вышли Катя и Алла, дрожа от холода…

- Ох, и холодища сегодня! - Катя хмуро оглядела бивак. - Опять куришь натощак, – набросилась она на Олега, - сколько раз тебе говорила!

- Кать, не зуди, и так холодно, а кроме того, я уже чаю попил…

- Да девочки, осень, и красиво-то как, хорошо ещё снега нет, - благожелательно сказал Витька-«Йог». - А вот босичком походили бы по землице, сразу бы согрелись…

- Да иди ты со своими йоговским штучками, и так зуб на зуб не попадает, - огрызнулась Алла. Она была в поле впервые, за два месяца устала, ей уже всё надоело, она хотела домой, хотела горячую ванну, и настроение у неё портилось с каждым часом.

Все это видели, но что было делать… Обыкновенная бытовая неустроенность, обычная для поля, костёр, дожди, холод, мокрые палатки и спальники, Река, постоянно захлёстывающая плот…. Вообщем «…сырая палатка и писем не жди…»... А два месяца поля и сплав по бурной реке даже у бывалых полевиков вызывали порой депрессию…

Из палаток стали «выползать» остальные, жаться к костру, наливать кипящий чай, обхватывая горячие кружки руками…

Ох, и холодина!… Ох, мороз!…, - слышались возгласы.

Минут через десять согревшись и закурив, начальник отряда, Николай, как всегда поутру, «разложил рекогносцировку» на сегодня.

- Ну что ж, братья-геологи, завтрак, грузимся и дальше пошли! Ещё может и пару-тройку остановок сделаем, образцы отберем…

Ой, - запричитала вдруг Алла, - хоть денёк посидеть, на солнышке погреться… А то так холодно! Холодно! Плохо мне, плохо, - она неожиданно разревелась и убежала в палатку. Катя, вздохнув, пошла следом.

- Опять эти бабские штучки… Не надо женщин в поле брать, одни проблемы… Слезы да истерики, и всё остальное, - проворчал Андрей. - Правильно говорят - женщина на корабле…

- Да ладно, не ворчи ты! Женщины, они скрашивают нашу жизнь и судьбу! - ответил Димка, его задушевный приятель.

- Ага, и создают проблемы…

Катя вернулась. - Опять нам косточки перемываете, мужики? Не надоело?

- Что там с Аллой? - строго, как и подобает начальнику, спросил Николай,

- Ну что-что, обычная бабская истерика, поплачет, полегчает… Устала девчонка, о ванне мечтает…

- О ванне все мечтают! - проворчал Андрей, - Ничего, через недельку в Деревне банька будет!

- И самогон!!! И молоко парное!!! - радостно добавил Димка. - И девочки деревенские!

- Мало тебе морду били за девочек! - Здоровенный, огромный, могучий Андрей мрачно посмотрел на постоянно улыбающегося Димку, зубов у того явно не хватало. - Если бы не я, тебя вообще бы убили, а так, вон, щербатый стал! Надо же было додуматься, на дискотеку в деревню пойти! Девочек ему захотелось!

- И мне морду били, и я бил, всяко бывало, как повезет! Жизнь-то, она то так повернет, то этак…. А зубы вставлю, не велика беда! Да и щербатые женщинам больше нравятся!

- Опять о девочках разговор, - вмешалась Катя, - кобели вы…

- У тебя Катя, муж есть, он тебя ждет, и ты его ждешь, вижу, скучаешь, а вот ребенок твой всё лето с бабушками, мамку, смотри, так и забудет! И как тебя вообще муж в поле отпускает? А я человек свободный, вольный! Как ветер! – Димка улыбался щербатым ртом

- Верит и любит, поэтому и отпускает! А ты Митя, «свободный вольный ветер», пять раз женат был, детей трое от разных жен, и всех бросил! Не стыдно? -

- Я им алименты плачу, у меня может ползарплаты на алименты уходит, я всю зиму на овощных базах в выходные подрабатываю! И я свободу свою ценю, а раз мои жёны не понимали этого, то это проблемы не мои! -

- Проблемы твои в том, что ты за каждой юбкой бежать готов, погулять, а потом в сторону! – сердито парировала Катя

Разговор стал явно переходить на повышенные тона.

- Много ты понимаешь в наших мужских делах…, - начал было Димка, но тут из палатки появилась зарёванная Алла, и все замолчали.

«Команда» вообщем-то подобралась дружная, все в поле были далеко не впервые, кроме Аллы, ещё студентки. Андрей с Димкой вместе учились и потом работали, остальные заканчивали, кто курсом раньше, кто курсом позже МГРИ, а потом судьба свела всех в одной ГРЭ.

Постоянное зубоскальство, мелкие ссоры и «наезды», чаще всего по утрам, когда организм ещё не проснулся, когда ещё чувствовалась вчерашняя усталость, действовали, как ни странно, психологически благоприятно, все мелкие шероховатости быстро стирались, и до больших ссор и ругани дело практически не доходило.

Катя опекала, как могла, капризную Аллу, а мужики, привыкшие за десять-пятнадцать полевых сезонов к любым бытовым неудобствам и неурядицам, вообщем-то спокойно переносили и непогоду, и усталость, и ноющие от груза рюкзаков плечи, и сбитые ноги, когда приходилось карабкаться по курумникам и скалам, заросшими тайгой, и мозоли от рулевых весел и шестов, грубо, но прочно сколоченного из массивных бревен, большого плота. На плоту стояла старая рваная палатка, в которую складывали все вещи, в ней же принципиально ночевал Витька-«Йог», а к краю плота было даже приколочено днище железной бочки, выложенное глиной, место для костерка. Так что по хорошей, спокойной воде можно было и чай вскипятить…

Район был сложный геологически, изучен слабо, добираться можно было либо на лошадях или оленях, либо на плоту, забрасывали и вертолётом, и потом шли пешими маршрутами, и реже на моторках, ломая винты из-за многочисленного топляка.

Начальство ГРЭ требовало результата «любой ценой», и отряды, разбросанные по всему Району, четвертый год занимались геологическим картированием «от снега до снега». Их отряд, восемь человек, отработав большой участок пешими маршрутами, теперь на плоту шёл по Реке, до Деревни, где была назначена встреча некоторых отрядов ГРЭ, и откуда их всех и должны были забрать на Базу, либо на местном «пароходике», что ходил два-три раза раз в неделю от Деревни до Посёлка, где и была База ГРЭ, либо на вертолёте.

Отряд останавливался на день-два, а то и на три-четыре, ходили в маршруты в горы, отбирали образцы, делали наброски карты, и шли по Реке дальше…

- Так мужики, - распорядилась Катя, - давайте-ка я всем овсянки сварю!

- Ну вот, опять овсянка, что я, лорд английский, я макарон с тушенкой хочу! Нам фигуру блюсти не зачем! - простонал Олег.

- Фигура не фигура, а за здоровьем надо и в поле следить!

- Нам калории нужны, мы плотом управляем, в маршруты ходим! Нам мясо надо! - поддержал его здоровенный Андрей.

- Много мяса в этой китайской тушёнке! - Катя начинала сердиться.

- Что ни есть, всё наше! А этой овсянки, что поел, что не поел…

- Начальник, ты как, за нас или тоже будешь овсянку лопать? - спросил Димка, улыбаясь щербатым ртом.

Николай, которому кроме прямого «начальствования» и финансовых раскладок, приходилось «по должности» ещё утрясать и бытовые дрязги, на минуту задумался.

- Значит так… Сколько у нас банок тушенки осталось? – спросил он у Кати, которая на правах зам. начальника ведала расходом продуктов, причем весьма грамотно.

- Банок двадцать ещё есть, - чётко ответила Катя, - десять «нашей» и десять китайской… И банок десять перловки с мясом, да ещё восемь гречки…

- Значит так… Одну «нашу» и одну «с перловкой» сейчас выделишь мужикам, с макаронами сварим, нам и правда «веслами вертеть», а по дороге или вечерком, может и рыбку половим, или подстрелим кого...

- Так давай сейчас Коля, я быстро рыбки наловлю! - вскочил Димка.

- Сейчас времени нет, ещё объектов немеренно, а время поджимает, не дай Бог, дождь пойдет, а то и снег. Сами знаете, осень на носу, а погода здесь неустойчивая….

Через несколько минут Катя, обиженно надувшись, варила себе и Алле овсянку на сухом молоке, а Олег с Андреем гордо варили макароны. Димка болтался у костра и как всегда, всем мешал. Виктор сидел на корточках у Реки и что-то быстро рисовал в альбом.

- А кстати, где, Юрик? - огляделся начальник. - Олег, ты это куда «сопалаточника» дел?

- А он его съел ночью, а косточки закопал, вон под тем деревом, я сам видел! - зубоскальствовал Димка.

- Да дрыхнет он, ничем не разбудишь, хоть из пушки стреляй!

- Пушек у нас нет, не выдают, «ТТ» только и карабины, а ракеты я на этого соню тратить не буду! Давайте-ка, Андрей, Олег, будите его, уже и завтрак почти готов, а этот как медведь в берлоге залег… Димка, следи за макаронами!

Как обычно по утрам, Олег и Андрей, с прибаутками Димки, просто вытащили спальник вместе с Юрой из палатки. Тот долго не мог понять в чем дело, протирал глаза, охал, ахал, щурился на свет…

- А что, завтрак уже готов? – наконец спросил он.

- Ну, ты и нахал, пока все вкалывали, завтрак варили, он дрых, а теперь ещё и жрать требует! – возмутился Олег.

Юрик долго чесал лохматую голову и густую длинную бороду, охал и бурчал, что его разбудили…

- Будешь стонать, в реку брошу, - мрачно пообещал могучий Андрей…

- И правильно! Я где-то читал, - встрял Димка, - что папуасы-людоеды, перед тем как съесть кого-то, в реке вымачивали, говорят, что так человечина мягче.

- Так, мужики, смените тему! - чуть не поперхнувшись овсянкой, прикрикнула Катя, а Алла мучительно сглотнула….

- Всё, молчу, - сказал Димка, и, отведя в сторону Андрея и Олега, что-то им рассказал, они долго хохотали, после чего, вся троица, давясь от смеха, подошла к костру.

- Так, если завтрак готов, то приступаем, пьем чай и грузимся, хватит хохотать, на плоту посмеетесь, время будет, - строго, но едва сдерживая улыбку, приказал Николай. - А Юрик, как опоздавший, всем раскладывает и посуду моет!

- Опять я! - простонал Юра. - И чего её мыть, посуду-то, миска у каждого своя, облизал, водой сполоснул и готово!

- И что же ты за лентяй и грязнуля такой, - накинулась на него Катя, - мало того, что на тебя уже и комары не садятся, такой тельник грязный, про портянки и говорить не буду, на них, не то что смотреть, стоять рядом страшно, голова и борода с месяц нечёсаные, скоро птицы вить гнёзда будут, а ещё предлагаешь и посуду не мыть! Я лично прослежу, как мыть будешь! И чтобы мне сегодня же портянки и тельник постирал!

- А в чем я ходить буду? – жалобно спросил Юра, - у меня больше запасной одежды нет!

- У костра просушишь! – Катя была строга и категорична, как всегда, она считала, что именно так и можно «управлять» в поле мужиками. Её слушались, или делали вид, что слушались, но втихаря посмеивались над её напускной строгостью.

После завтрака, Юра, бурча что-то под нос, под пристальным взором Кати, драил в реке посуду. Остальные снимали палатки, грузили на плот вещи, тщательно привязывая вьючники, ящики, спальники, кошмы и рюкзаки.

- Ну что, если погрузились, костер залили, то отправляемся, - скомандовал Николай.

Мужчины шестами столкнули плот, и вывели его на стрежень. Андрей встал на рулевое весло, длинное и тяжелое, ему в помощь были готовы Олег и Витя.

На плоту всегда была наготове старая латаная-перелатанная резиновая лодочка, на ней в случае невозможности подойти близко к берегу на плоту, переправлялись для маршрутов, отдыха или отбора проб. В лодочке, в резиновом, плотно завязанном мешке, по приказу запасливого Николая был припрятан НЗ – спички, фальшфейеры, ракетница с запасом ракет, нож и аптечка.

Кроме того, на наиболее опасных участках в лодочку усаживали Катю и Аллу, ещё и надевая на них старые, потрёпанные спасжилеты, которых и было-то всего два, больше на складе не дали. «А то всем не хватит» - важно сказал кладовщик, выдавая два с лишним месяца назад продукты и снаряжение. «А если что случись, нам что, потонуть?», - мрачно спросил Андрей. «А ты г… надуй, и к себе привяжи», сострил толстый кладовщик. Димка еле увел разъяренного друга, который уже был готов надавать наглому кладовщику оплеух. «Разворовал всё, козёл!», разъяренно орал огромный Андрей, «ряху нажрал, красная, хоть прикуривай, жопа в дверь не пролазит, а люди пусть гибнут!» Кладовщик быстро ретировался вглубь обширного склада и молча спрятался за горой ящиков.

Но, несмотря на бурный нрав реки и обилие топляков, пока всё обходилось благополучно, хотя порой плот сильно заливало водой на порогах и перекатах.

Плот бойко шёл по быстрому течению, и рулевому только и оставалось следить, чтобы тот был в стрежне, чтобы его не развернуло боком, а «впереди сидящие» внимательно всматривались в воду, нет ли топляков. Огромное полузатопленное бревно могло приподнять плот, наклонить, поставить стоймя и даже перевернуть. Вот тогда дело было бы плохо и могло закончиться катастрофой. Поэтому, по крику «Топляк!», Катя с Аллой опрометью усаживались в лодочку, а мужики, вооружившись длинными тяжелыми баграми и шестами, старались бревно оттолкнуть. Шестами также отталкивались от валунов на порогах, удерживая направление плота, пока здоровенный Андрей, часто с помощью Олега и Вити, изо всех сил работал кормовым веслом. Работа эта была очень тяжелая, и даже пять минут прохождения порога требовало много сил…

Часа через три, Николай, оглядевшись, посмотрев в бинокль на прибрежные скалы, проконсультировался с Юрой, и дал команду «рулить к берегу». Флегматичный, невероятно ленивый и невозмутимый Юра, большой любитель поспать, считался одним из лучших геологов-съемщиков в ГРЭ, и Николай всегда с ним советовался, откуда начинать и как вести маршрут, где делать остановки.

Юра ни днем, ни ночью не расставался с потрёпанной полевой сумкой, в которой были его полевые дневники, карты, кроки, описания

маршрутов, точки отбора проб и образцов, хотя всё это он помнил наизусть, любую карту пройденного маршрута он мог нарисовать не задумываясь, по памяти, да и любой маршрут, обладая ещё и удивительной зрительной памятью, мог пройти заново с точностью до метра.

Плот смогли остановить лишь в нескольких метрах от берега, чтобы не посадить на мель. Виктор, спрыгнув и оказавшись почти по пояс в холодной воде, потянул «швартов», толстый канат, прочно привязал его к ближайшему дереву.

- А как мы вылезать-то будем, - спросил Олег, - опять в лодке в час по человеку?

- Да снимай ты сапоги и штаны, тут неглубоко, и берег песчаный, - посоветовал Витя.

- Ага, а нам с Аллой, что тоже штаны снимать и в воду ледяную нырять? - возмутилась Катя.

- А, что это мысль! - радостно осклабился щербатым ртом Димка.

- Что, неугомонный, всё мечтаешь что-то новое разглядеть? – сердито прикрикнула на него Катя.

- Новое - это хорошо забытое старое…- начал было Димка, но Николай прервал его.

- Так мужики, - распорядился он, - и то правда, сапоги, портки снимем, дойдем до берега, а там свалим пару стволов, мосток сделаем, девчонки перейдут. Нам сейчас много выносить не надо, молотки, пару рюкзачков маршрутных, чайник да перекусить. Так, Митя, останься на плоту пока, примешь бревна, закрепишь, а потом займись рыбкой, тебе всегда везёт, может на уху и наловишь! Заодно присмотришь за Аллой, плотом и костёр разведешь!

Бу сде, товарищ начальник! - дурашливо откликнулся Димка и стал тут же готовить снасть – катушку лески с блесной.

Через десять минут два бревна были перекинуты с плота на берег, Катя с Аллой, с помощью Олега и Витьки, перешли по мосткам, а Димка, прыгая в одних мокрых трусах, притащил молотки и рюкзачки, быстро развел костер, поставил чайник, галантно усадил Аллу греться, а сам побежал на плот, рыбачить, что весьма любил, и в чём ему обычно несказанно везло.

Остальные пошли вверх, в горы, в маршрут, чтобы потом, разделившись на два маленьких отряда, обойти как можно больший участок.

- Часа через три-четыре вернёмся, - крикнул, обернувшись, Андрей другу, - и смотри у меня, чтобы уха была!

Тот только отмахнулся, и начал рыбачить – блеснить. Минут через десять Димка радостно заорал и вытащил на плот небольшого таймешка.

- Вот, Алла, гляди, почин есть! Значит, уха точно будет!

Алла безучастно сидела у костра, машинально ковыряя прутиком угли. Ей было плохо, одиноко и тоскливо. Она вспоминала дом, маму с папой, бабушку, кошку Марыську, думала о теплой чистой постели и горячей ванне. Оглянувшись на Димку, она безучастно кивнула головой и снова погрузилась в свои мысли, смахивая слезинки, а скоро и просто задремала…

За пару часов Димка умудрился поймать больше десятка неплохих рыбин, в основном тайменей, выпотрошил их, почистил и, посмотрев на свои замечательные «непромокаемые и неразбиваемые аквалангические» часы, набрал в ведро воды и поставил на костёр.

- Сейчас ушицу варить будем, - радостно сообщил он Алле, - и пожарим пару штук, что побольше! Скоро уж и наши придут!

Та только равнодушно кивнула головой, уткнулась лицом в коленки и почему-то расплакалась.

- Да ладно не плачь, не плачь ты, через пару недель уже и дома будешь! – как мог, успокаивал её Димка. - Попей вот чайку, успокойся!

Алла, слабо улыбаясь сквозь слёзы, прошептала «Спасибо» и стала маленькими глотками прихлебывать горячий чай из помятой, закопчённой кружки, чай пахнущий костром, дымом, свежей рыбой, и вообще неизвестно чем…

Только вода в ведре закипела, как раздались голоса, и к костру подошли Катя, Николай и Юра, почему-то с сапогом в руке. Следом за ними Андрей и Витька тащили, поддерживая под руки, ковылявшего в одном сапоге Олега.

- Что случилось, Олежек? – беспокойно спросил Митька. Его обычная улыбка исчезла…

- Да вот ногу подвернул, растяжение, между камнями попасть угораздило, ничего, заживет, хорошо не перелом, - грустно ответил тот.

- Заживёт-то заживёт, но с неделю хромать будет! - сердито сказал Катя. - Сейчас перебинтую эластичным бинтом, получше будет! Хорошо ещё, что в конце маршрута…

- А что с ушицей? – нетерпеливо перебил её Андрей.

- Да сейчас, сейчас, вода только закипела, через пять минут готова будет! А кто хочет, пожарим и пару сижков, я специально оставил! - засуетился Димка.

- Что, рыбалка я смотрю, удачной была? - спросил Николай.

- Не то слово начальник, одна за одной, одна за одной, и если бы вы ещё в маршруте подзадержались, полреки бы натаскал, брала как в последний день!

Пока Катя мазала какой-то мазью и бинтовала ногу Олегу, Николай с Юрой в сторонке что-то обсуждали, глядя в карту, Андрей

рубил дрова, Димка доваривал уху, пробуя её каждую минуту и сладостно чмокая, а Витька жарил рыбу «на палочках». Даже Алла немного ожила, расставила на клеёнке миски, сполоснула в речке ложки и кружки, набрала в чайник воды.

- Всё братья-геологи, ушица готова! – радостно воскликнул Димка. – Подставляй миски!

Все наелись до отвала и пока пили чай, начальник, критически осмотрев свою осоловелую от ужина «команду», предложил:

- Ну что, братья-геологи, может здесь и заночуем? Время уже и к вечеру, а завтра ещё пройдем здесь маршрутик, много тут чего интересного! Верно, Юра?

Тот, прихлебывая чай с жареной рыбой, только что-то невнятно промычал.

- Да места здесь маловато для палаток, - ответил Андрей, - все-то не уместятся!

- Ну две-то точно поставим, для дам, и для «болящего» Олега с Юрой, а остальные и на плоту могут переночевать, дождя вроде не ожидается.

- Сыро на плоту, там только «Йог» спать может, а у меня в последнее время что-то спина ноет, – пробурчал Андрей.

- Спина ноет, и что ж ты молчишь, давай массаж сделаю, - Катя была в своем стиле – «лечить и учить», – вечно вам мужикам говоришь, спину берегите, а вы как «об стенку горох», на землю лечь холодную, спальник не просушить, лапник не подстелить! А потом проблемы!

- Андрей, там кошма есть запасная, подстелешь, - сказал «Йог».

- Да ладно, спасибо, это я так, ворчу по привычке, перекантуюсь ночь, ничего со мной не сделается, - несмотря на всю свою обычную мрачность, Андрей улыбнулся.

- Так, расстилай спальник, снимай энцефалитку и тельник, массаж делать буду, - скомандовала Катя.

- Катенька и мне, и мне тоже, - радостно воскликнул Димка, - давно я не чувствовал прикосновения женских ручек!

- Перебьёшься, потерпишь «женские ручки» до дома! – огрызнулась Катя.

- Или до Посёлка…, - начал было Димка, но Андрей, уже раздевшись до пояса, молча показал ему свой здоровенный кулак.

Все невольно залюбовались фигурой Андрея, не то чтоб он был идеально сложен, ну уж очень был здоров и силен. Даже Катя, старавшаяся не обращать на мужчин никакого внимания и категорично державшаяся наравне с ними во всех невзгодах и условиях, с минуту смотрела на него с плохо скрытым восхищением. Занимался Андрей «в молодости» и боксом, и вольной борьбой, и

разряды получал ещё в школе, да и в институте, а сейчас «тягал» время от времени штангу и гири. Отслужил он в десанте, попал в Афган, был ранен, награжден, но вспоминать о службе и войне очень не любил, почти никогда ничего не рассказывал, даже Димке, и вообще человек был мрачный, угрюмый, ворчливый и вспыльчивый, под горячую руку ему попадать не стоило.

История с Димкой, когда тот лишился зубов, произошла несколько лет назад, на Урале, где они с Андреем работали в одном из мобильных геологических отрядов. Димка, не спросясь, поперся за десять километров на деревенские танцульки, «по девочкам соскучился», и эти «танцы» действительно могли для него плохо кончиться, не подоспей вовремя Андрей. Он голыми руками, как котят, раскидал с десяток деревенских парней, а остальных, схватив немалое бревно, загнал в реку, после чего, тем же бревном, разнес вдребезги всю танцплощадку вместе с аппаратурой... Избитого Димку положил на плечо и, кляня на все лады, почти бегом тащил до лагеря. Хорошо ещё, что уехали на следующий день, а местные власти и участковый решили, что это солдаты из соседней части похулиганили, а то могли бы и уголовное дело «пришить». Приезжие, тем более из Москвы, всегда же виноваты.

Весёлый, никогда неунывающий Димка, зубоскал, трепло и балабол, как бы компенсировал мрачность и угрюмость Андрея, но эти два «антипода» по характеру, тем не менее, великолепно уживались друг с другом. Шесть лет жили они в одной комнате в общаге МГРИ, а закончив, устроились работать в один и тот же институт в Москве, сидели в одной комнате, в подвале, где часто и ночевали, вместе ездили в поля, на полгода, а то и побольше, зарекомендовали себя неплохими работниками, подзаработали, через институт купили себе по однокомнатной кооперативной квартире, а потом перешли в новоорганизованную ГРЭ.

Но в отличие от «женолюба» Димки, на многочисленных свадьбах которого Андрей «традиционно» был свидетелем, женщин Андрей недолюбливал и избегал, жениться не собирался, жил как-то так, сам по себе, встречался с какой-то своей зазнобой, но старался отношений не углублять, появлялся, когда хотел, уходил, приходил. Да и вообще он по пять-шесть месяцев в году всегда бывал в поле, а то и побольше.

Москву он очень любил, хотя сам был из Кирова («вятские мы, люди лесные», говаривал он), переезжать в Сибирь, или вообще на Чукотку, куда его звали неоднократно, маня большими деньгами, не собирался. «Я уже столичный житель, почти 20 лет в Москве, а столица, она нами, приезжими прирастает. А деньги… А на кой ляд они мне сдались, мне хватает, живу я один, квартира есть, что ещё-то

надо!». Зимой любил Андрей бродить по заснеженным улицам Москвы, фотографировал, ходил по музеям, и как ни странно, был весьма завзятый театрал, доставал билеты на любой спектакль, в любой театр, даже в Ленком и Таганку.

Пока Катя делала Андрею массаж спины, постоянно напоминая о том, что спину и вообще здоровье беречь надо, Димка, прыгал вокруг, и, охая и стеная, допытывался у друга, ну как ему, всё ли нормально, и что, мол, чувствуешь. «Сейчас мне Катя массаж закончит, я тебе всё и расскажу», угрожающе ворчал Андрей.

Николай, чтобы Димка не мешался, велел ему с Витькой-«Йогом» перетаскать с плота вещи и ставить палатки, а сам, усевшись у костра с Юрой, долго обсуждал завтрашний маршрут, ползая кончиком карандаша по карте.

Олег, доковыляв до Реки, мыл посуду и беседовал с Аллой. Девчонка явно отдохнула, пришла в себя и по обыкновению что-то щебетала, рассказывая о каких-то своих знакомых.

Спать легли пораньше, и проснулись тоже рано, Витька как всегда всех и разбудил, рубя дрова и разводя костер. Геологи, отдохнувшие за остаток дня и за ночь, уже меньше обращали внимания на утренний морозец. Все повеселели, дружно смеялись, когда Юру опять вытащили вместе со спальником, слышались шутки и даже Алла, уже не так куталась в два свитера и пуховик, и что-то опять щебетала. Грустил только Олег, нога побаливала, он сильно хромал, в маршрут не пойдешь, придется сидеть весь день на берегу.

После чая, каши и остатков вчерашней разогретой ухи, начальник стал отдавать распоряжения.

- Олег, ты остаёшься, это понятно, уходим мы на почти целый день, с собой что-то возьмем перекусить, по паре банок консервов. Часам к шести сготовишь ужин, дрова вроде бы есть! Алла, а ты как, пойдешь, или останешься, с тобой всё нормально? Маршрут не из лёгких, предупреждаю!

- Пойду, пойду! - с готовностью ответила та. Алле было ужасно стыдно за её депрессию и срывы, за капризы и слёзы, и она решила, пусть и тяжёлым маршрутом, но как-то компенсировать своё «поведение», да материал для курсовой был всё-таки нужен.

- Ты смотри Николай, Аллу мне не умори, а то я тебя знаю, ты как лось по тайге ломишься, не угонишься за тобой, - строго предупредила Катя.

- Не волнуйся, не уморю, со мной Андрей и Димка пойдут, помогут, в случае чего! И потом как я её могу уморить, она же моя студентка!

- Да, конечно, - с готовностью откликнулся Димка, - на себе потащим! Правда, Андрюха?

Тот что-то мрачно пробурчал про женщин в поле, вскинул на спину рюкзак, повесил на плечо ружьё, закурил и всем своим видом показал, что уже готов к маршруту и ждет остальных.

Николай был единственным среди «всей братии» кандидатом наук, по слухам, готовил даже докторскую, да ещё и преподавал во МГРИ. Катя только готовилась к защите в этом году, а Юра по своей лени вообще ничего не хотел. «Наука – это не мое», - всё время твердил тот, - «я вам карту любую нарисую, маршрутами любыми пройду, и с меня станется! А все эти защиты, ну их к лешему в ноздрю, я посплю лучше лишний час, чем по ночам над книгами корпеть и на машинке стучать!». А Димка с Андреем были «профессиональными полевиками», им главное - в поле поехать подальше, и на как можно более длительный срок, по горам полазить, по речке сплавиться, рыбку половить, поохотиться, им вся эта геология, так, побоку была. В маршруты ходили, образцы отбирали, карты-разрезы рисовали, да и хватит. Ну, а Витька-«Йог», тот понятно, ездил в поле «за романтикой и за туманом», но кое-что и подзарабатывал себе на зиму, кочегаром-то много не наработаешь.

Катя быстро отдала какие-то распоряжения Олегу по кухне, как и что сварить на ужин. Геологи разделились на две группы, Николай, Алла, Андрей и Димка пошли по еле заметной тропе вверх по течению Реки, а Юра, Катя и Витька-«Йог» - перпендикулярно Реке. Маршрут был рассчитан таким образом, чтобы «замкнуть кольцо», а потом, встретившись в условленном месте, обойти ещё и участок выше по течению, вернувшись обратно уже с другой стороны.

Олег остался один, подкинул дров в костер, попил ещё чаю, покурил, ковыляя и морщась от боли в ноге, собрал посуду, помыл её в Реке, уселся у костра и погрузился в размышления.

По возрасту и «по рангу» он был самый младший, кроме Аллы, конечно, закончил геофак МГУ всего-то пять лет назад, и в ГРЭ работал первый сезон. Вообще-то «университетские» были у начальства ГРЭ не в чести, «кадры» старались набирать на работу тех, кто закончил геологоразведочный или Горный, так как Главный Геолог ГРЭ свято верил, что «у них-то теории меньше, а практики больше и нечего нам тут науку разводить, нам работать надо». Но взяли, значит подошёл, хотя при какой-нибудь оплошности Николай, как самый старший по возрасту, да и как начальник, бывало, говаривал иронически: «И чему вас только в ваших университетах учат!».

Олег часто просто не понимал, как можно было картировать сложнейший по геологическому строению район таким темпами. Его учили работать по-другому, его учили, что надо подготовить и почитать литературу, подумать, поработать над картами и

аэрофотоснимками. И хотя теоретическая подготовка у него может, и была лучше, но угнаться за профессиональным геологом-съёмщиком Николаем, и уж тем более Юрой, он просто не мог. Они настолько виртуозно владели всеми навыками геологической съёмки, тем более съёмки в сложнейших горно-таежных районах, так мастерски работали с горным компасом, абсолютно точно, часто навскидку и почти безошибочно определяя углы падения и простирания пород, что он не переставал удивляться их мастерству. И всё это почти набегу, «быстрей-быстрей», «давай-давай», успеть за ними порой было очень сложно. А уж про навыки практической полевой петрографии вообще можно было и не говорить, и Николай и Юра, почти не глядя, мимоходом, определяли горные породы, и лишь потом в лагере, по образцам, уточняли, совпадение обычно было почти стопроцентное. Так что Олег попал, как говорил зубоскал Димка, «в хорошие геологоразведочно-съёмочные руки, и когда всю твою дурь «теоретическо-университетскую» из тебя выбьют, будешь ты съёмщиком первый сорт!».

«Пойми, Олег, нам долго думать и теоретизировать некогда, нам план по съёмке надо давать», - говорил ему Николай, - «а если мы где и ошиблись, то всё равно, рано или поздно, карту эту детализировать будут, «пятидесятку» или даже «двадцатьпятку» делать, так что подправят нас. Может и мы сами, если доживём… Кроме того сейчас и космосъёмку начинают развивать… А, знаешь, всё одно, тут в тайге, в горах, сам чёрт ногу сломит, да и когда ещё в этой глуши начнут что-то разрабатывать! В эти края, в эту глухомань, и сам чёрт не доберётся! Так что учись, Олег, присматривайся, работай как Юрка, и станешь мастером! А хорошие съемщики, они ведь везде нужны, на этой экспедиции свет клином не сошелся. Сам понимаешь, мы здесь, не за идею, и не за теорию, и уж тем более не романтику, а в основном за очень хорошую зарплату работаем!».

Посидев с час и поразмышляв, Олег соскучился. Делать было совершенно нечего, ходить ему было тяжело, поэтому он решил вырезать себе подручное «средство хождения», типа трости. Оглядевшись, он выбрал неплохое деревце с толстым сучком, перпендикулярно отходящим от ствола. Через час он выстругал вполне удобную трость, попробовал походить, опираясь – гораздо легче. Время шло к полудню, солнце светило вовсю, было даже жарковато. Олег выволок на солнце все спальники и кошмы, просушить. До обеда было ещё далеко, он попил чаю, и решил попробовать половить рыбу с плота - главное было пройти по мосткам и не свалится в воду.

Олег порылся в своём рюкзаке, нашел коробочку с блеснами и леской, срезал гибкое удилище. Опираясь на длинный шест, аккуратно

прошёл на плот, сел на чурбак, вытянув больную ногу, закурил, и стал потихоньку забрасывать блесну. В рыбалке ему, в отличие от Димки не везло, но надо было как-то занять время. Однако минут через пятнадцать, удилище дернулось, и он выволок на плот небольшого хариуса. Через минуту опять поклевка, потом снова, видимо подошла стайка, и минут за десять он выловил с десяток небольших хариусов и после чего поклевки резко прекратились. Он ещё с полчаса полосовал воду блесной, но потом ему это надело, больше поклёвок не было. Посмотрел на часы, вот уже и второй час. Выпотрошив и почистив рыбу, сложив её в котелок и присолив, Олег, аккуратно, но всё же, чуть не свалившись, перебрался на берег. «Ну что ж, подумал он, «вот и на «жарёху» рыба есть, а приготовить голодным геологам, пришедшим из маршрута, суп из консервов «Перловка с мясом» и макароны с тушенкой, это дело нехитрое!»

Олег прилег на почти высохший спальник и задремал. Сквозь сон ему показалось, что он слышал выстрелы… Проснулся он резко, вскочил, очумело покрутил головой, глянул на часы: «Мать честная, уже пятый час! Пора и воду ставить!». Хромая, и опираясь на «трость», подкинул ещё вчера нарубленных Андреем дров, раздул костер посильнее, и повесил на слегу два котла, на первое и на второе.

Раздался треск ветвей, голоса и к костру неожиданно вышли Андрей с двумя большими тетеревами в руке и как всегда улыбающийся Димка.

- Вы что это так рано, вроде к шести договаривались, я только-только воду поставил! - удивился Олег.

- Да нас начальник вперед пустил, делать нам там нечего, они сами закончат, через полчаса-час будут! – весело тараторил Димка. - Да и тебя предупредить, чтобы зазря продукты не переводил! Ты гляди, каких тетеревов Андрей снял! Снайпер! Он так и в Афгане по моджахедам лупил!

Андрей, сбросив рюкзак и положив на него ружьё, вдруг резко повернулся к Димке, лицо его налилось кровью. Он неожиданно сгрёб Димку громадной ручищей за грудки, почти приподняв над землей, и сквозь зубы прошипел. – Ты там не был и нечего языком трепать, балабол, и если ещё раз про Афган услышу от тебя…

- Да ладно, ладно, Андрюша, я же пошутил, – Димка был явно ошарашен и даже напуган.

- Ребята, да вы что…, - встревожился Олег.

- Не боись, Олежек, всё нормально, это воспитательная работа для трепачей! А ты болтун, - обратился он к Димке и сунул ему в руки тетеревов, - чисти птицу и жарь, и смотри у меня, чтобы не пригорело, как в прошлый раз!

Бу сделано, дружище, - уже весело отозвался Димка. - О, я смотрю, ты и рыбки наловил, - обратился он в Олегу, - вот здорово!

- Да, вот поймал с десяток хариусят, на жарево! – ответил Олег.

- Вот и молодец, вот и отлично, будем дарами природы питаться, а тушенку для Москвы прибережём, а то мне там всё время жрать нечего! -

- А бабы твои, тебя что, не кормят, что ли? - скептически хмыкнул Андрей, раздеваясь на плоту.

- Кормить-то кормят, да вот после кормёжки чего-то ещё требуют! А я человек слабый! Меня на еду-то хватает, а вот на остальное…

- Трепло ты, пустомеля, - проворчал Андрей, и ухнув, нырнул в холодную воду.

Димка, окунув на несколько минут тетеревов в кипяток, аккуратно снял шкурку вместе перьями, а Олег помог ему их выпотрошить и насадить на импровизированные вертела.

- Главное теперь, чтобы не подгорели, жарить надо над углями, и вертеть почаще, - начал было поучать Олега Димка.

- Во-во, вот давай ты и верти, а только языком вертеть умеешь, Олегу-то тяжело, – сказал подошедший Андрей. – Как, нога-то, Олежек? – неожиданно участливо спросил он.

- Да побаливает ещё, но вот видишь, костыль себе вырезал, ковыляю. Но уже получше!

- Ну, ничего, денька через два-три расходишься, совсем пройдет!

Андрей взял топор, и как был нагишом, начал рубить дрова, «для разминки».

- Ты б портки бы надел, а то сейчас девицы придут, увидят тебя в таком виде, и что подумают! - рассмеялся Димка. - Или не дай Бог топором ещё не туда попадешь, совсем никому нужен не будешь!

- И то, Митя, твоя правда, а то я и забыл про них, про баб-то. Вечно с ними проблемы, и без штанов-то не походишь! Нет, женщина в поле, как и на корабле…

- Вот я тебе сейчас одну историю расскажу…, - начал было Димка, но Андрей сурово прервал его: - Ты, балабол, за птицей смотри, верти-верти лучше, чтоб не подгорело, а то самого зажарю!

Андрей сбегал на плот, надел потрепанные брезентовые штаны, и продолжил рубить дрова, про запас. Олег посмотрел на его могучий торс, на большой грубый шрам на левой руке, на след от пули, чуть ниже левого плеча.

«Да, досталось парню», подумал Олег. «Вообщем мужик-то он неплохой, а что вечно мрачный да угрюмый, так видно есть с чего, чуть ниже пуля пройди, на пять сантиметров, сейчас бы здесь дрова не рубил!».

Раздались голоса, и на берег вышла вся «компания». Николай с Юрой о чём-то яростно спорили, Алла дошла до своей палатки и с оханьем вползла в нее. Витька-«Йог» быстро скинул сапоги, засучив штаны, вошел в холодную воду реки, сложил ладони перед грудью, и застыл, «впал в нирвану», как шутили геологи. Катя тоже влезла в палатку, и оттуда послышалось хихиканье и щебетание. Минут через пять «женская половина отряда» гордо вылезла, уже переодевшись, с полотенцами и зубными щётками.

- Ну что, Алла, как маршрут, не устала? - спросил Олег.

- Ой, устала, ноги болят, но здорово! - Было видно, что депрессия у девчонки после маршрута, несмотря на сильную усталость, почти прошла. - Сейчас бы душ, кофе попить и совсем хорошо бы было!

- А ты чего, мы отвернёмся, и искупайся, - встрял, как всегда Димка, - а кофе где-то у Кати в заначке есть, я знаю, сейчас и сварим!

- Ага, искупаться девушке в ледяной воде! Ты вообще соображаешь, что говоришь! – накинулась на того Катя.

- Ты Митька не отвлекайся, ты давай дичь верти, - приказал Андрей, помахивая топором, - а то увидел женщин, и про всё сразу забыл!

- Кать, а на кой тебе зубы-то чистить, целоваться с кем-то будешь? – дурашливо окликнул девушек Димка.

- Дурак ты Митька и грязнуля! Кариес заработаешь, зубы выпадут, вот тогда и узнаешь, для чего зубы чистят! – отпарировала Катя.

- А ему скоро и чистить будет нечего, - мрачно пробурчал Андрей, разрубая огромное полено, - ещё пара деревенских танцулек…

- Витя! «Йог»! - окликнула Катя, - выходи-ка из «нирваны» и помоги нам на плот перебраться!

Витя, шлепая по воде, подошел к мосткам, помог девушкам перейти на плот.

- Ох, и хорошо водичка, - сказал он, - холодная! Сейчас пойду, окунусь!

- Только, пожалуйста, после того, как мы умоемся, и зубы почистим, - категорично заявила Катя. - А то от вас, мужиков, грязи много, принципиально вы, что ли, не умываетесь?

- Нет, почему же, - откликнулся Димка, - Андрей вот купался, и как раз в том самом месте, где вы сейчас умываться собираетесь. А потом без порток, так сказать в полном своём естестве бегал!

Алла хихикнула, а Катя только безнадежно вздохнула и махнула рукой, ну что, мол, с него взять, с трепача.

- Я тебе сейчас вот в этот расщепленный пень язык ставлю и зажму, чтобы не болтал лишнего, - вскипел Андрей, - за дичью следи, я тебе сказал, верти, верти её лучше!

- Да слежу я, слежу, жариться вовсю, а какой дух от неё идет, закачаешься! Сейчас под неё бы спиртику граммов сто! Начальник, а начальник, - окликнул Николая Димка, а может грамульку нальешь, под дичь?

- Я подумаю, - многообещающе ответил Николай и снова о чем-то тихо заспорил с Юрой, глядя на карту и аэрофотоснимки.

Олег нанизал хариуса на палочки и воткнул возле костра, подгреб углей и стал следить, чтобы рыба не подгорела и не упала в костер.

Скоро ужин был готов - жареный тетерев, жареный хариус и традиционный чай.

Если все с аппетитом, продолжительный маршрут давал себя знать, да и вкусный был тетерев, жирный, осенний. Димка многозначительно и выразительно посмотрел на Николая, тот поскреб в затылке, махнул рукой, сбегал на плот и притащил большую фляжку со спиртом, что лежала под замком в его персональном, как и у любого начальника отряда, вьючнике.

- Так, братья-геологи давайте «по чуть-чуть», «под дичь», так сказать! Кто будет, кружки подставляйте, а уж разбавляйте сами себе, «по вкусу», - и Николай потряс фляжкой.

Димка первый подскочил с кружкой, остальные, кроме Аллы и Витьки передавали свои кружки и Николай плеснул каждому грамм по сто спирта.

- Алла, а ты-то как, будешь? – весело спросил Димка. – Витька-то понятно, йог он и есть йог, он пищей духовной питается, а ты, если в геологии работать собираешься, спирт пить должна! Геолог, который спирт не пьет – не геолог!

- Хватит тараторить и ерунду молоть! – накинулась на него Катя. - Рано ей ещё, да и нечего девушку приучать к спиртному! И вообще, причем тут спирт и геология!

- Но ты же приучилась, и ничего, пьешь, но я смотрю, меру знаешь! – зубоскалил Димка.

- Зато ты меру ни в чем не знаешь, трепач! Тебе бы только выпить да по бабам! – рассерчала Катя. – Я в полях уж десять лет, и много чего навидалась, и мне - можно!

- Да ладно Катя, пятьдесят грамм спиртного ещё никому вреда не сделали, а уж тем более, после такого маршрута, напряжение снять, – неожиданно вступился Николай. – Давай Алла, глоток, а то и вправду обстановка требует – река, тайга, костер, тетерев… Только спирта и не хватает! В Москве ухажёрам и подружкам рассказывать будешь! Обзавидуются! Подставляй кружку, водой разбавишь, пойдет!

- Начальник, секунду, - крикнул Димка, опрометью кинулся на плот, нырнул в палатку и через минуту выскочил, неся маленький стеклянный граненный лафитничек. – Во, специально для дам держу! -

- Запасливый, чертяка, - буркнул повеселевший и подобревший от тетерева и спирта Андрей, - а что у него ещё в рюкзаке есть, я и не скажу!

Катя презрительно хмыкнула, а Алла кокетливо хихикнула. Николай плеснул в лафитничек чуть-чуть спирта, Димка услужливо разбавил его водой, чуть-чуть поболтал и протянул Алле.

– Теплый немного, но ты «одним духом», и пойдет нормально, а потом вот, чаем холодным запей!

Алла пропищала, что она вообщем-то водку уже пробовала, глотнула разведённый спирт, и под общий смех «профессионально» занюхала кусочком тетерева.

- Во, наш человек, - радостно тараторил Димка, - без закуски, настоящий геолог!

Катя укоризненно покачала головой, но потом и сама рассмеялась. Николай осмотрел свой отряд, все были весёлые, наевшиеся, Андрей с хрустом обгрызал остатки тетерева, Димка, подсев к разомлевшей Алле, о чем-то шепотком с ней беседовал. Юра как всегда, задремал, а Витька, отойдя в сторону и поглядывая на бивак, быстро рисовал в альбоме. Катя, отведя Олега в сторону, перебинтовывала ему ногу.

- Ну что, братья-геологи, нам работы осталось на дня два, максимум три, а Деревня, на Базу, а потом и домой! – сказал Николай. – Так вроде всё нормально, и в сроки и «в карту» уложились, так что премия точно будет!

- И немалая, - добавил Димка, - алименты уплачу, и погуляю!

- Смотри не догуляйся, - пробурчал Андрей, - а то «погуляешь», а потом ходишь, десятку до получки клянчишь!

- Да ладно тебе, это было то всего один раз, - обиженно оправдывался Димка.

- Один, не один, а было, за три дня всё промотал, искал его, дьявола, по всей Москве, по всем ресторанам, еле нашел!

- А я вот Аллу в Москве в ресторан приглашу, она меня контролировать будет! Правда, Аллочка, - спросил Димка, подвинулся к ней поближе и попытался приобнять за плечи. Алла покраснела, и опасливо отодвинулась.

- Я тебе приглашу! – крикнула Катя. - Руки то неё убери, и вообще отсядь в сторону! Алла, держись ты от этого кобеля подальше, он мозги так накрутит, не распутаешь!

- Тебе чего сказали, Димон, - свирепо зыркнул глазами Андрей, - отойди от девчонки! А то в воду брошу, остудить!

- Эх, нет в этой жизни счастья, - вздохнул Димка, - пойду, и вправду умоюсь, что ли, с горя!

- Вот-вот, давай, умойся, впервые за месяц, - сказал ему вслед Катя, - а то взял манеру, не помывши рук, девушек обнимать!

- Руки у меня чистые, я их об штаны вытер. – Димка демонстративно показал грязными руками на выцветшие, рваные и до предела засаленные штаны, - я всегда об них руки вытираю, чтобы не промокали на плоту!

- Умываться иди, трепло, - строго приказала Катя. - И вообще, братья-геологи и сестры тоже, - она многозначительно посмотрела на раскрасневшуюся Аллу, - не пора ли уже и чаю попить, посуду мыть, да и спать ложиться!

- Да, ты права, - ответил Николай. - Будет у нас завтра день не легкий, впереди порог великий, потом Река поворот делает, прижим может быть очень сильный. Вот Юрик знает, он на «вертаке» облетал этот район год назад, значит, точно помнит, проведет, не хуже лоцмана!

Юра проснулся, очумело посмотрел по сторонам, на Николая и снова уснул.

- Вот человек, спит по 24 час в сутки, - удивился Виктор, - и когда только работать успевает!

- А я вот слышал, некоторые йоги вообще не спят, - откликнулся с плота Димка, - это правда или нет?

- Я таких не встречал, но я лично сплю мало и мне хватает, - ответил Витя, - у всех людей по разному, кому и четыре часа в сутки достаточно, вот Наполеон например, спал мало и сколько бед натворил, а кому-то и двенадцати часов не хватает...

- А я ещё слышал, - Димка подошел к костру, вытирая руки о штаны, - что если женщины много спят, то у них цвет лица улучшается, и кожа гладкая-гладкая становиться! Это правда, Кать?

- Да ты когда-нибудь угомонишься, или нет! Утомил уже! Иди, бери чайник и ставь чай! – приказала Катя.

- Это точно, - вдруг сказал Николай, - спит Юрик и вправду много, за троих, но и в маршруте, и когда карты рисует, за ним мало кто угонится, тоже один работу за троих выполняет. Я этого «соню» уже почти 15 лет знаю, он ни разу ещё не подвёл. Ладно, пойду-ка я перед чаем окунусь! - Николай зашел за палатку плота, разделся и нырнул.

- Да и я, пожалуй, тоже, а потом чайку горячего - и на боковую, - поднялся от костра Андрей.

- И я тоже нырну, - откликнулся Витька.

- Жаль мне нельзя, - грустно протянул Олег.

- Ты пока сиди, сиди, что в этой холодрыге плавать, мы с тобой в Деревне в баньке пропаримся, самогонки выпьем, и всё у тебя пройдет, будешь прыгать не хуже козерога в горах Тянь-Шаня, – весело трещал Димка. - А потом и по девочкам!

- Опять он за своё, - простонала Катя, - ты за чайником смотри, пустомеля! Заваривать пора!

Вернулись с плота мужики, попили чай, разбудив и Юру, тот что-то благодарно промычал, в полусне выпил кружку и тут же ушел спать. Через минуту из палатки послышался храп. Посуды для мытья было мало, и Катя «освободила» ковыляющего с костылём Олега от этого занятия, он вполз в палатку и тоже быстро заснул.

Алла помогла Кате помыть посуду, потом они залезли палатку, о чем чем-то долго шептались, а затем всё затихло.

Николай, Андрей, Витя и Димка ещё немного посидели у догорающего костра, курили, тихо перебрасываясь редкими словами и смотря на ярко-красные, периодически вспыхивающие синими огоньками угольки, на серый пепел, уносимый ветерком, потом Андрей подложил в костер пару толстых бревен, чтобы тот не затухал, и утром были бы хорошие угли.

Они перешли на качающийся плот, расстелили кошмы, влезли в спальники и быстро заснули. Тихо шелестела листва, шумела река далеким порогом, плескала вода под плотом. Было чистое звездное небо. Все спали.

…Утро было солнечное, прохладное, но морозец спал, и на небе показались облака, «кошачьи хвосты», предвестники ухудшения породы… Николай долго и внимательно смотрел на небо и реку, и бормотал: «Успеть, успеть бы до дождя…».

Позавтракали быстро, также быстро собрали вещи и по указанию Николая как можно прочнее привязали их к плоту. Он с Юрой долго смотрел карту и о чем-то беседовал.

- Так, братья-геологи, впереди километрах в трех, порог, порог сильный, поэтому, Андрей, старайся держаться к этому берегу, прижмет к скалам - не страшно, баграми отдвинемся! Юра говорит, что за поворотом, после порога, течение вроде утихает, и много бережков песчаных, и через несколько километров можно будет пристать, маршрут коротенький пройти.

- Да, видел я с год назад, с «вертака» правда, - задумчиво ответил Юра, накручивая густую и длинную бороду на палец. - Но мало ли что за год изменилось! Так что осторожность не помешает, торопиться не следует, и я думаю надо держаться метрах в пятидесяти - семидесяти от берега и держать наготове фал хороший, метров сто длинной, у нас есть вроде!

- Есть, есть, - откликнулся Димка. - Я два стометровых мотка взял на складе, один кладовщик дал, а второй спер! На всякий случай!

- Дай Бог, случая не будет, - тихо ответил Николай. Он был почему-то взволнован. – Ладно, время не ждёт, погрузились, вещи привязали и в путь!

Мужчины оттолкнули плот, Катя с Аллой сразу уселись в лодочку, а Димка, как-то странно и необычно молчаливый, бросил им туда моток хорошего десятимиллиметрового капронового фала. Второй моток, он прочно привязал к вбитой в плот здоровенной скобе и аккуратно сложил кольцами на краю.

Плот медленно шел по течению, Андрей рулил, а остальные стояли наготове с длинными баграми или шестами…

Впереди белели буруны, плот стал подпрыгивать на камнях, волны почти полностью заливали его, брызги воды окатывали с ног до головы. Андрей с Витькой навалившись на весло, старались держать плот ближе к берегу, а остальные, и даже Олег, терпя боль в ноге, отталкивались от валунов, почти невидимых в бурлящей пене воде.

Вдруг раздался треск, плот резко остановился и его «нос» стал медленно подниматься. Топляк, коряжистый и сучковатый, невидимый в бурунах, долго ждал свою жертву. Плот попал прямо на него, заклинив между камнями, а сучковатые, корявые, прочные как железо корни, впились в днище плота.

Вода всё выше и выше поднимала плот, и, несмотря на все усилия, он всё больше и больше вставал «дыбом», ещё и кренясь на бок. Сорвало пару ящиков и связку спальных мешков, чей-то рюкзак и унесло течением…

Алла завизжала от страха, Николай схватил топор, и, скользя по мокрым доскам настила, попытался подрубить корни топляка, но топор только отскакивал от насыщенного водой дерева. Неожиданно плот дернуло, Николай не удержал равновесия и рухнул в воду, его понесло течением. За ним расплывалось и уносилось водой кровавое пятно. Катя в ужасе вскрикнула, а Андрей мощным ударом вогнал шест между камнями, заклинив плот, и не давая ему возможности перевернуться, с руганью бросился в воду. В несколько мощных взмахов он догнал Николая, перевернул его лицом вверх, и, тяжело борясь с течением, таща начальника, стал одной рукой выгребать к берегу. Но силы были не равны и все увидели, как их уносит всё дальше и дальше, и вот они скрылись за поворотом реки, почти прижимаясь к отвесным скалам…

- Так, лодку в воду! - неожиданно скомандовал Димка, быстро привязал к ней фал, и с помощью Витьки столкнул лодочку с девушками в реку.

– Витя, держи их пока, - Димка кинул в лодку какой-то рюкзак, ружье, карабин и топор. - Мужики, ныряем, и гребём со всей дурацкой силы к берегу, на песок! Держимся за лодку и гребём! Катя, придерживай фал, я его буду разматывать!

Держась за лодочку, фыркая и отдуваясь, геологи смогли преодолеть течение и оказались на крохотном песчаном бережку,

зажатом отвесными скалами. Димка привязал фал к огромному валуну, и сел на берег, тяжело дыша…

Все дрожали от холода, были мокрые с головы до ног и пытались прийти в себя от случившегося.

- Мы все погибнем, погибнем, в это проклятой тайге, мы все умрём, я домой хочу! - вдруг истерически закричала Алла, плюхнулась на песок, и, с каким-то странным подвыванием, громко заревела. Мужчины тревожно и беспомощно смотрели на её истерику, не зная, что и предпринять. Только Катя не растерялась. Тяжело дыша, она подошла к Алле и, приподняв ее за шиворот, молча отвесила ей две здоровенные хлесткие пощечины. Алла тут же умолкла и удивлённо на неё посмотрела.

- Так всё, истерику закончили! Успокойся! Все нормально! – тихо, но твердо и отчетливо проговорила Катя, и погладив Аллу по голове и что-то шепча на ухо, отвела в сторону.

Мужики с изумлением посмотрели на Катю, Юра почесал в затылке, покачал головой, а Димка пожал плечами и пробормотал: «Нет, такую жену я бы не хотел».

- Так мужики, надо срочно что-то решать, - сказал Юра. - Плот хорошо заклинен, и пока не перевернется, но топляк мы не свалим, он прочно застрял между камнями. Юра, обладая ещё и феноменальным зрением, внимательно осмотрел торчащий под углом, да ещё и наклонённый набок плот.

- Ты, Димка, правильно сделал, что привязал фал, может если дёрнуть посильнее, то и сдвинем плот, - сказал Олег.

- Надо прикинуть, если дернём просто так, плот перевернется вверх дном, и все снаряжение уплывет, - ответил Юра.

- Да фиг с ним, со снаряжением, нам надо начальника с Андреем искать, а там уж доберёмся до Деревни, тут день, не больше, – сказал Димка.

- Так-то оно так, - ответил Юра, - но там образцы, и главное - вьючник начальника. Там же и паспорта наши, и деньги, и самое главное - карты секретные, и документы, и аэрофотоснимки, и полевые дневники и «ТТ» Николая! Если всё это пропадет – хлопот не оберешься. Ты же знаешь нашего Начальника Первого отдела! Старый «кадр», ещё при Берии служил, от него так просто не «отболтаешься», он и посадить может! Коля же всё под расписку брал, отвечает головой!

- И рисунки мои, - тихо и грустно произнес Витька.

- Вот, ещё и «произведения искусства», тоже спасать надо, два месяца человек работал, так что ж, им пропадать!

- Значит надо, держась за этот фал, добраться до плота, это вполне возможно, и привязать трос к другому углу, - посоветовал

Димка, - выдернуть кол, что Андрей вогнал, плот развернет, и его в это момент дернуть с берега. Плот повернется на топляке, как на оси, и мы потом двумя фалами его попытаемся сдернуть, должен же он с этого проклятого бревна соскочить! Олег, ты, давай, держи фал «в натяг», любой ценой, и Катя пусть поможет, как сможет, а мы пока к плоту проберемся!

Юра, Димка и Витя, держась за фал, не замечая холода воды, добрались до плота. Димка вполз на плот, привязал к скобе фал, и еле держа равновесие, скользя по мокрым доскам настила, как можно туже подтянул веревки, стягивающие ящики, вьючники и ещё оставшиеся, не сбитые водой вещи.

- Мужики, быстро в сторону, - Димка со всей силы, навалившись, сломал толстый шест, держащий плот. Плот резко дернулся, Димка упал, но успел уцепиться за скобу.

Плот развернуло по оси, почти кормой к берегу, его боковой наклон уменьшился, но он ещё цепко держался за топляк. Было видно, что Олег, Катя, и даже Алла, изо всех сил удерживали фал.

Доплыв до берега, мужики, после прикидки Юры, и по его команде резко потянули оба фала, сдирая кожу с ладоней, и плот, медленно, со слышимым даже в грохоте воды треском, стал сползать с топляка.

Ещё несколько сильных рывков, и под крики «Ура!», они подтащили плот к берегу, и тяжело дыша, сели на песок.

- Так первый этап пройден, потери невелики, - выжимая бороду, сказал Юра. - Всё промокло, но это ладно, высохнет, главное, мы целы. Теперь бы узнать, что с Колей и Андреем.

- Ну, Андрей-то выплывет, - уверенно пробормотал Димка, но без обычной улыбки, - а вот Коля…

- Так, мужики, будем думать только о хорошем! – сказал Катя, - Юра, ты вроде говорил, что их могло на песок выбросить, там, за поворотом!

- Могло-то, могло, но пока не дойдем, не узнаем. – Юра усиленно чесал в затылке, запустив пальцы в густую мокрую шевелюру. - А плот вести, без шестов вдоль берега просто невозможно, надо бы их вырубить, а здесь вон, стенки отвесные, не заберешься. Хоть пару бревнышек!

- Так, я сейчас, - вдруг сказал Димка, и, засунув за ремень топор, стал карабкаться по почти отвесной стене. Там, в нескольких метрах от земли, в трещинах скал, росли молодые лиственницы.

- Димка, ты куда, сорвешься! - закричал ему Катя, а Алла в страхе закрыла глаза. Все с тревогой смотрели, как он забирает по скалам.

Димка, забравшись наверх, и уцепившись исцарапанными и разбитыми в кровь босыми ногами в острые камни, держась одной рукой, умудрился свалить пару деревьев, бросил вниз топор, крикнув:

«Убирайте всё, я прыгать буду», сиганул с пятиметровой высоты, и, упав на бок, ловко перевернулся.

- Ну, ты и…, выругался Юра, - совсем с ума сошел!

- Ничего, я привычный, меня, когда я скалолазанием занимался, прыгать и падать учили…

- Учили-то, учили, ну а если бы сломал что-нибудь, – укоризненно покачала головой Катя, - мало нам начальника с Андреем! И ноги все в крови, сейчас аптечку достану, обработаю!

- Катя, сейчас некогда, времени нет, надо Колю с Андрюхой искать, - ответил Димка, - а на плоту водой промоет. Да вообще на мне все заживает, как на собаке!

Быстро обстругав стволы, и погрузившись на плот, они пошли вниз по Реке, возле самого берега, порой отталкиваясь от отвесных скал, к которым их прижимало течением. Пройдя поворот, они увидели, что река широко разливалась, течение ослабло, а километрах в двух, на песчаной косе виднелись две фигурки, лежащая и сидящая.

Отталкиваясь шестами, стали подходить к берегу, но помешала отмель, и плот пришлось оставить метрах в десяти от берега. Витька, Димка, Олег и Юра, спрыгнули по колено в воду, таща за собой фал и резиновую лодочку с Катей и Аллой, так как Катя категорически потребовала доставить её на берег, «я зам. начальник и врач», заявила она, а Алла просто боялась остаться одна.

- Жив? - крикнул Димка.

- Вроде живой, но без сознания, - спокойно ответил Андрей. - Воды нахлебался, и голова разбита, но вроде не сильно!

- А ты-то как? - спросила Катя, выбираясь из лодки с аптечкой в руках.

- Мне-то что будет, - пожал плечищами Андрей, грудь, спина и руки у него были покрыты синяками и царапинами, энцефалитку и тельняшку он подложил под голову Николаю, - нормально, вот покурил бы, а то всё промокло! А вы, я гляжу, стащили-таки плот с топляка! Молодцы!

- Совместными усилиями, и почти без потерь! – к Димке возвращалось его обычное весёлое настроение. - Держи, Андрюха, - он протянул другу пачку «Беломора», - запасливый наш начальник, даже курево в НЗ есть!

- И не только, - сказал Юра и показал небольшую плоскую фляжку.

- Так, спирт мне оставьте, раны промывать, - приказала Катя, - и помогите кто-нибудь, мне Колю надо осмотреть!

Катя, до того как «пришла» в геологию, закончила медучилище, а её отец и мать, и бабка и дед, и даже муж, были врачами. Так что с

медициной она была знакома не понаслышке, а «какой черт» занес её во МГРИ, да ещё на «заочный», никто так и не понял.

- А это и не спирт вовсе, - Юра отвинтил пробку и понюхал. - Коньяк, ей-богу, братья-геологи, коньяк!

- Спирт я тебе сейчас дам, а что надо помочь, скажи, приходилось, - Андрей шагнул в воду, взобрался на плот, и, с легкостью оторвав крышку какого-то ящика, извлек бутылку, плотно замотанную в рубашку.

- Вот, «Спирт питьевой», - протянул он бутылку Кате, - как раз для обработки ран пойдёт, а то обычный, неразведенный, сильно сушит.

- Во дает, и молчал два месяца! - возмутился Димка.

- Я на «отходную» берёг, - мрачно проворчал Андрей, - а то если ты бы прознал, выдул бы тут же! А теперь видишь, пригодилась!

- Ничего мы сейчас коньячку, для сугрева! – Димка радостно потер руки.

- Да погоди ты с выпивкой, алкаш, дай с Колей разобраться сначала! - прикрикнула Катя, - он же бледный как смерть, помогите-ка мне его приподнять немного!

Андрей поднял голову начальника, Катя внимательно её осмотрела, ощупала:

– Вроде череп цел, шишка огромная, да и сотрясение точно есть! Надо его в себя приводить, надо чтобы очнулся!

Она поднесла к носу Николая пузырек с нашатырным спиртом и зажала ему рот, тот закашлялся, вдохнул нашатырь и открыл глаза.

- Фу, очнулся, - облегчённо вздохнула Катя, - как себя чувствуешь, Коля?

- Голова болит, сильно, и кружиться, - простонал тот.

- А ногами и руками шевелить можешь?

- Вроде могу, - Николая попытался даже приподняться, но стоном опустился на песок. – И шея, шея болит. А так нормально, живой же! - Он даже слабо улыбнулся. - А вы-то в порядке, все живы?

- Все-все живы-здоровы, и плот цел, даже почти все вещи, - затараторил Димка, - спальники унесло, да фиг с ними! Главное с тобой всё нормально! Это Андрей тебя, начальник, на себе вплавь тащил!

- Спасибо тебе Андрюша, я как головой приложился, и сознание потерял, ничего и не помню!

- Да ладно, ладно, чего уж там, - неожиданно смутился Андрей, - а вот пару спальников-то я подобрал, течением прибило!

Катя обработала рану Николаю, наложила повязку.

- Надо его на плот отнести и положить аккуратней, кажется у него ещё что-то с шейными позвонками, может сдвиг или ушиб сильный!

- И отправляться надо, - сказал Юра, - берег здесь маловат, за дровами не заберёшься, надо дальше пройти с десяток километров, там «отвесы» кончаются и можно в тайгу пройти!

- Это точно, но надо бы ещё бы еще пару-тройку шестов срубить, - Андрей критически осмотрел два свежесрубленных «дрына», - да и кормовое весло надо сделать, нелегко будет идти, без руля-то!

Андрей, вместе с Димкой и Витькой, пока Коля что-то тихо говорил Юре и Кате, свалили пару росших почти наклонно и чуть не падающих в воду лиственниц, выстругали шесты, смастерили кормовое весло, приколотив крышку от ящика.

- Мужики, давай для сугрева, по чуть-чуть, Коля разрешил, и отходим, - скомандовала Катя, - только вот, кажется, кружки унесло вместе со всей посудой…

- Ничего мы и «из горла» можем, - подскочил Димка, - давай я глотну, я первый, я замерз больше всех! - Димка как всегда стал дурачиться, обычное хорошее настроение вернулось к нему.

Юра дошлёпал до плота, открыл вьючник начальника и принес фляжку со спиртом.

- Ну что, «из горла», так «из горла», по глоточку, или кто сколько вместит! – потряс он фляжкой.

- Слушай, Димон, у тебя же где-то лафитничек был, - сказал вдруг Андрей, - вчера ещё хвастался, Аллу из него поил! А ну-ка тащи быстро!

- Если не утонул, то сейчас! – Димка, поднимая кучу брызг, бросился к плоту, взобрался и, засунув руку в кучу вещей, примотанных веревками, пошарил и через минуту с сияющим лицом крикнул: - Нашел, целенький!

Юра налил каждому. Они пили неразведённый спирт, запивая его из горсти водой из речки, даже Алла выпила поллафитничка, у неё перехватило дыхание, она закашлялась, и тоже подойдя к реке, долго черпала ладошкой воду.

- Так, с пьянкой закончили, положили Колю на спальники, и понесли на плот, - скомандовала Катя, - главное, чтобы у него голова лежала прямо, не свесилась.

Андрей, Юра, Витя и Димка, расстелив два «спасенных» Андреем спальника, аккуратно положили на них Николая и, приподняв почти над головами, потащили на плот, аккуратно уложив на настил.

Николай вроде пришел в себя, Катя дала ему и обезболивающие, и ещё какие-то снадобья и он уже не выглядел так плохо и беспомощно, лицо у него порозовело, и он даже пытался приподниматься.

- Ты лежи, лежи, Коля, мы без тебя дорогу найдем, - тихо сказала Катя, – Юрка проведет.

Мужчины оттолкнули плот, и тот плавно пошел по уже тихому течению реки. Через час неторопливого хода плота, отвесные скалы кончились и, пройдя без проблем пару небольших перекатов, они причалили к берегу.

- Что ж здесь и заночуем, вещи посушим, дело к вечеру, да и ущерб оценить надо, - сказал Николай, приподнявшись на локте. - А завтра отсюда и в маршрут пройдем.

- Никуда ты завтра не пойдешь, а будешь лежать! – воскликнула Катя, - Чуть живой и туда же, в маршрут ему!

- Ладно, ладно, Катерина, не ругайся, я не пойду, ты с Юркой пройдешь, осталось чуть-чуть, работы на два маршрута! План надо выполнить! Помнишь девиз «Дальстроя»? «Умри, но сделай!». Мы умирать не собираемся, но сделать надо! Как Юрик, сделаем?

- Сделаем, сделаем, начальник, - отозвался тот, - ты главное лежи и выздоравливай скорее! Тебе ещё отчет сдавать!

Николая отнесли на берег, уложили на единственную сухую кошму, стали выносить вещи, раскладывать их, определять что потеряли, что унесло водой. Андрей с Димкой занялись дровами, надо было развести два-три больших костра, просушиться. Катя с притихшей Аллой возилась в ящиках с продуктами.

Через час, разведя два больших костра, и развесив на шестах вещи для просушки, определили, что унесло несколько спальников, две палатки, большой мешок с вещами и обувью, и ящик с почти всей посудой - кружками, мисками и ложками, осталось только ведро и котелок. Димка остался совсем босиком, и у Андрея и Вити унесло сапоги, у Юры пропала телогрейка. Сорвало крышку с ящика с крупами, макаронами и чаем, и почти всё унесло рекой, сильно промокли остатки муки и сахара, и любимая Катей овсянка, а вот вся тушенка и прочие консервы остались целы. Не пострадало и главное – вьючник Николая, а также ящик, в котором лежали, тщательно завернутые в полиэтиленовую пленку и засунутые в толстый брезентовый мешок альбомы и тетрадки Вити. Остались целы, и почти не промокли, к их неслыханной радости, и рюкзачки Аллы и Кати. Они тут же их схватили и убежали за кусты, переодеться.

- Значит так, братья-геологи, - сказал Николай, лежа у костра, - потери есть, но вообщем-то малые, вещи спишем, не проблема, но завтра маршрут! Без обувки не пойдешь! Поэтому завтра идет в маршрут тот, у кого обувка есть! Олег отдаст свои сапоги Димке, всё равно ещё хромает, я свои ботинки Андрею отдам, у нас размер сходный. У Юрика сапоги целые остались, и у Вити кеды есть. Ну и у Кати с Аллой обувка вроде цела, высохнет за ночь, мох сухой напихают. Так что завтра остаюсь я и Олег, это понятно. Остальные разделяются, Катя идет с Андреем и Аллой, Юра – с Димкой и Витей.

- Надо придумать, чем бы ещё чем из котелка хлебать и из чего чай пить, – сказала, подойдя к костру, уже переодевшись и даже причесавшись, Катя.

- У меня во вьючнике точно кружка есть, - сказал Николай.

- И у меня есть кружечка, - пискнула, подходя Алла.

- Можно тушенку переложить из банок, обжечь, вот и кружки будут, – предложил Андрей.

- Точно, - воскликнул Димка, - мы так делали, сейчас по банке на брата слопаем, на ужин, а потом из них и чай попьем!

- Что ж предложение дельное, а вот чем хлебать-то будем? - ответил Николай.

Юра молча порылся в своей полевой сумке и извлёк ложку, ещё одна оказалась у Аллы, извлек самодельную деревянную ложку из ящика с рисунками и Витя.

- Вот три уже есть, по очереди поедим! – воскликнул Димка.

- Сейчас я выстругаю что-нибудь, - буркнул Андрей, - для перловки и гречки сойдет.

- Нам осталось всего два дня работы, а там и Деревня. Как-нибудь перетерпим, братья-геологи. Что скажете? – спросил Николай

- Перетерпим, перетерпим, - раздались голоса, - и не такое бывало!

- Я вот помню, - весело встрял Димка, - мы с Андреем вообще в чайнике и уху варили, и макароны, и чай заваривали, ничего больше не было, всё утопили! Помнишь, Андрюша?

- Помню, как не помнить, ты всё и утопил, – пробурчал Андрей, выстругивая ножом что-то типа ложки. – Иди-ка ты пока спальники женщинам просуши, да получше, а то болтать ты горазд, а дела от тебя не дождешься! И смотри, не сожги!

- А как же вы, мужики, спать будете, - тихо спросила Катя, - ночи-то холодные.

- Да я на плоту, в телогрейку завернусь, мне не проблема, - ответил Витька-«Йог».

- Во человек, ничего его не берет, ни вода, ни холод! - воскликнул Димка, вертя около костра спальники.

- Нормально устроимся, - ответил Николай, - лапник постелем, палаткой накроемся, кошму вам отдадим, надеюсь, что всё просохнет к вечеру, нодью пожарче сделаем, да и ночь сегодня теплая будет. Скорее всего, послезавтра дожди начнутся, небо вон, заволакивает. Так что завтрашний маршрут тяжелый, серьезный и почти последний, и сделать его надо очень хорошо! А потом ещё пройдем дальше и километрах в двадцати от Деревни, ещё чуть-чуть докончим, там на полдня работы, быстро сделаем, и всё - и в «цивилизацию»! Баня там, молоко…

- И девочки деревенские! – воскликнул Димка, а Катя шутливо отвесила ему подзатыльник.

- Ну, кому что, только смотри, зубы береги! - рассмеялся Николай.

- Я его не пущу, - буркнул Андрей, - привяжу за ногу, чтобы не убёг! Хватит с меня его приключений…

- Ой, Коля, что всё ты о работе, а голова-то как? – спросила Катя.

- Ну, куда ж я без работы! Работа - это «наше всё»! – рассмеялся Николай, - А голова, ну побаливает ещё, но уж намного лучше, намного! Ты мастер, и чего в геологию пошла, врач бы из тебя отличный получился!

- Да я и сам не знаю, в поле съездила пару раз, во МГРИ попала, и уже не уйдёшь, сам знаешь, затягивает, - улыбнулась Катя, - а мои навыки медицинские в геологии, ой как нужны, ведь отрядам и небольшим партиям, медсестер и врачей не полагается! Крутись, как знаешь!

- Да, были случаи, что плохо дело кончалось, когда «медицины» под рукой не было. У меня так друг погиб, давно, ещё лет пятнадцать назад, на Ямале... Живот болел и болел, а он в маршруты ходил, вроде как «поболит и пройдет». Так до больницы и не довезли, в гидроплане санитарном и умер… Гнойный перитонит… Жаль парня, толковый съемщик был…

- Ладно, не будем о грустном, и сменим тему, - вздохнув, сказала Катя. - Я тебе вечером ещё повязку сменю, и завтра утром. Думаю, через неделю голова уже болеть и не будет, но - никаких маршрутов, да и тяжести таскать тебе пока нельзя, и ещё - не кури в коем случае! А в Городе пойдешь к врачу, рентген шеи сделаешь, на всякий случай! Да и томография бы тебе не помешала бы, но это только в Москве, ну я устрою.

- Сделаю, сделаю, Катенька, спасибо тебе. – Николай погладил Катю по голове.

- Так мужики, - вдруг вспомнила Катя, - с порезами, синяками, Андрей, Димка, Олег, Витя, Юра, становись в очередь, лечить буду!

Димка, как всегда подскочил первым, и радостно прокричал:

- Давай, давай лечи меня, прикосновение женских рук уже само по себе лекарство! - за что и заработал от Кати подзатыльник и лекцию о поведении, об отношении к замужней женщине, женщине-врачу и женщине вообще.

Андрей мрачно пробурчал, что нечего его лечить, само мол, пройдет, но Катя всё-таки обработала ему несколько порезов на руках и ногах.

– Тебе завтра в маршрут, - категорически заявила она, - и чтобы к утру был здоровым!

Олегу надо было перебинтовать ногу и стертые до крови ладони, а Витя и Юра, не считая нескольких синяков, ссадин и также содранных до крови ладоней, «почти» не пострадали.

Катя ёще раз осмотрела и заново перебинтовала голову Николаю, дала ему какие-то таблетки, велела «лежать и головой не трясти» и категорически запретила курить.

Разогрев в котелке несколько банок «Гречки с мясом» и добавив туда «китайчатины», поужинали, а пустые банки Андрей быстро обжёг на огне, плоскогубцами загнул крышки, так что получилось что-то типа ручек, обстучал геологическим молотком острые края, так что из этих импровизированных «кружек» можно было и чай пить. Самого чая, правда не было, его давно унесло рекой, но набрали ягод и листьев брусники и шиповника, и заварили замечательный «таёжный витаминный чай».

Палатки и спальники просохли, Катя дала Алле успокоительное и отправила её спать, а остальные, выпив ещё «по чуть-чуть во спасение начальника», нарубили кучу лапника, притащили два здоровенных бревна для нодьи, вообщем, провозились до темноты.

Катя ушла спать, предупредив всех, что «завтра день трудный и нечего засиживаться», остальные ещё попили чаю, покурили, но сон, несмотря на страшную усталость, «не шёл».

Только Юра, лёг прямо на лапник, подложил под голову свою полевую сумку, укрылся палаткой и захрапел. Николай, прикурив, плюнул и погасил «беломорину», сказав, что голова закружилась, забрался под палатку, на лапник и быстро уснул. Димка тут же заявил, что, вот мол, хороший способ бросить курить – это «шандарахнуться башкой», на что Андрей предложил ему провести этот эксперимент сейчас же и немедленно.

Скоро ушел спать на плот Витя, остальные ещё немного посидели у жаркого костра, покурили, выслушали несколько Димкиных баек, улеглись на колючий лапник, укрылись палаткой и скоро весь лагерь мирно спал.

Встали рано, утро было теплое и туманное, ветра не было совсем, и тут же невесть откуда появились комары. Те, кто шёл в маршрут, быстро позавтракали уцелевшими макаронами с «китайчатиной», как геологи называли китайскую тушенку, выпили чай и стали собираться.

Николай попытался встать, но его качало, кружилась голова, он вынужден был лечь, и так лёжа, ещё раз побеседовал с Катей и Юрой, смотря карту и аэрофотоснимки, и отдавая им какие-то распоряжения, а потом сказал:

- Значит так, братья-геологи, мы от Деревни не так далеко, километров сорок, так что в тайге вполне кого-то, и встретить можно.

И хотя народ здесь по отзывам нормальный и мирный, но тем не менее… Кроме того, здесь ещё до революции, и чуть позже, пытались золото по ручьям мыть, да и в войну тоже поиски были, так что мало ли кто здесь шляется! Ходили слухи, что как-то видели в этих краях, несколько лет назад, «вольных старателей»… Так что будьте начеку! Андрей всегда с «тулкой» ходит, а ты Витя, бери карабин, а то на Димку надежды мало, потеряет ещё! А мне, пожалуйста, мой «ТТ» из вьючника достаньте, хоть почищу! И накомарники возьмите обязательно! И ещё, Катя и Юра, берите-ка с собой по ракетнице, и если что, палите, я хоть знать буду, что в тайге кроме вас кто-то есть! Да, и учтите, около посёлков часто медведи шатаются, мусора-то много, собаки опять же, так что поосмотрительней… Если встретите «хозяина», не дай вам Бог бежать или стрелять, пошумите, постучите, сам уйдет! Хотя самый страшный зверь в тайге – это человек!

- Это точно, - пробурчал Андрей, и загнал в оба ствола «тулки» патроны с картечью.

Димка, немного обиженный, что ему не дали тащить карабин, выпросил у Юры ракетницу, и гордо засунул её себе за ремень.

- Смотри, Митька, выстрелишь случайно, и уж точно жениться ещё раз не придётся, - сострил Олег.

- А может оно и к лучшему, - поддержала Катя, - одним бабником меньше будет!

- Ага, бабником меньше, а кастратом больше, - обиженно, под общий хохот заявил Димка, - и что вы мне все зла-то желаете!

- Ну что ты, что ты, - рассмеялась Катя, - наоборот, мы тебя все очень любим, поэтому и беспокоимся, чтобы ты себе чего лишнего не отстрелил!

Все опять дружно расхохотались, Алла покраснела и хихикнула, а Андрей добавил: - В него стреляй, не стреляй, всё отстрелить можно, но пока у него язык цел будет, он, как был болтун и пустомеля, так и останется!

- Ладно, братья-геологи, - сказал Николай, - пошутили и вперед! Время не ждёт! Удачи вам, и хорошей дороги!

Николай и Олег остались вдвоем. Олег помыл посуду, точнее один котелок и ложки, сполоснул «банки-кружки». Они посидели костра, поговорили, Николай рассказывал Олегу про свою работу съемщиком на Ямале, Таймыре и Чукотке, попутно чистя пистолет. Потом Николай уснул, а Олег, достав коробочку с блеснами, пошел на плот ловить рыбу.

Олег долго пытался и блеснить, и даже насаживать на крючок размокшую овсянику, но рыба категорически не клевала, хотя и плескала возле самого плота. Кроме того, совершенно заели комары, он решил сделать дымокур и посидеть у костра.

- Что не клюет? – спросил, высунув голову из-под палатки, спросил проснувшийся Николай, над ним вилась серая туча комаров, и вся палатка, по контуру его тела была просто ими облеплена.

- Ни одной поклевки, и комары свирепствуют!

- Явно погода меняется, теплеет перед дождём, ох, комар злой сейчас будет! Туго ребятам приходится, ветра нет, тайга не продувается, только наверху на сопках, и смогут отдохнуть! Давай-ка, разводи дымокур!

Олег хромая и опираясь на палку, «трость» его унесло водой, набрал сырого лапника и гнилых сырых стволов, бросил в костёр. Едкий белый дым хоть и отгонял комаров, но сидеть в дымокуре тоже долго было нельзя, дым ел глаза, у Николая опять разболелась голова, и он залез под палатку.

- Знаешь что, Олег, - высунул забинтованную голову Николай, - у нас, кажется мука осталась?

- Да есть, но почти вся подмокла, но с килограмм может и наберётся...

- Всё одно пропадёт, давай-ка замесим тесто с содой, лепёшки сделаем, «колобки»!

- А на чем печь, у нас сковородки-то нет! И масла нет, утопло!

- А мы в золе испечем! Только ты особо не торопись, а чтобы к приходу ребят успеть! Умеешь?

- Да я никогда не пробовал…

- Всё предельно просто! Значит так, муку в котел, наливаешь воду, потихоньку, перемешиваешь, соды чуть-чуть, размешиваешь, чтобы как глина была, и лепишь типа «колобков»! И в золу их горячую, как картошку! Катя, правда, ругаться будет! Но, она, кажется, пару банок сгущенки припрятала, я её знаю! Хоть какое-то разнообразие, и с чаем пойдет! Так что устроим прощальный ужин! А может, и Андрей подстрелит кого! Хотя в такую погоду вся дичь попряталась, от гнуса и комаров спасается. Хотя разве это гнус, вот на Ямале, без накомарника вообще было не выйти, идешь, вся спина серая, а над тобой облако комаров, неба не видно, снимаешь энцефалитку, а у тебя, где комары дырочку в ткани нашли – фигурный узор на коже! Как татуировка!

А были случаи, - продолжил Николай, - люди умирали от укусов комаров! Помню давно, я ещё студентом был, женщина одна, имени и не помню, рабочего услала зачем-то обратно, в лагерь, пошла одна, и упала в старый шурф, ногу то ли сломала, то ли подвернула, вообщем вылезти не смогла. Искали её, искали, больше суток она пролежала... Комары её насмерть заели! Ладно, посплю я ещё немного, а то голова что-то опять кружится! И воду вскипяти, пожалуйста, шиповника заварим!

Олег, прихрамывая, налил в котелок воды, поставил на костер, отыскал и пересыпал в чистый сухой мешок остатки непромокшей муки, разыскал и пакетик с содой, набрал ярко-красного, спелого шиповника.

Вода закипела, Олег бросил в котелок несколько хороших пригоршней шиповника, с минуту покипятил, снял, дал настояться и поставил отсудить в реку.

Минут через 15 они с удовольствием пили целебный отвар, отгоняя неугомонных злющих комаров. Потом Олег тоже залез под палатку и уснул. Разбудил его Николай:

- Так, Олег, подъем, время уже четыре почти, пора костёр «кочегарить», воду ставить, «колобки» печь!

Олег развел муку, сделал тесто, они с Николаем, чертыхаясь, и отбиваясь от комаров, слепили десятка три «колобков», положили их чуть подсохнуть. Скоро раздались голоса, появился мрачный Андрей, всё лицо у него было распухшее от комариных укусов, за ним Катя и Алла в накомарниках.

- Ну как дела, - тут же спросил Николай, - работу сделали?

- Коля, всё отлично, маршрут прошли, всё откартировали, образцы отобрали! Но комары жуть, какие злые, вон Андрей, весь покусанный!

- Да ладно, всё нормально, - буркнул тот, - сейчас искупаюсь, и всё пройдет.

- Алла, а ты как? - спросил Олег, - устала?

Алла сняла надоевший накомарник, измученно улыбнулась, прошептала «Нормально», и села поближе к едкому дыму дымокура.

- Ничего, она молодцом держалась, - похвалила её Катя, тоже снимая накомарник, - и с компасом работает уже виртуозно! И картирует неплохо! Так что, Коля прямо здесь и сейчас ставь ей зачет!

- Поставлю, поставлю! - улыбнулся Николай, - курсовую напишет, отчёт защитит, и «пятерка» ей обеспечена! За все мучения! Ни у кого с курса такой практики не было! И, кроме того, сама ведь напросилась, я предупреждал о трудностях, я-то обычно женщин не беру! Но настояла! И выдержала! Не все мужики выдерживают! Но какой опыт приобрела! Молодец Алла, настоящий геолог!

Алла смутилась, покраснела, и даже прослезилась от такой похвалы, а Олег налил ей и Кате по кружке отвара из шиповника.

Андрей долго купался в холодной воде, ухал и фыркал. Катя, подхватив уставшую Аллу, ушла с ней в палатку, прятаться от комаров и приводить в себя в порядок.

Скоро появился, ругаясь на весь белый свет Димка, Витя и Юра, за ними летел серый рой.

- Ой, зажрали, ой быстрее в воду, - причитал Димка, моментально разделся и бултыхнулся в реку, за ним последовали Юра и Витя. Холодная вода хорошо снимала зуд от укусов, но тут же налетали новые полчища комаров.

Из палатки вышла Катя с тюбиком какой-то мази. - Так, мужики вот намажьтесь, зуд снимет, полегче будет, - скомандовала она, – и, кстати, что у нас с ужином?

- Сейчас, сейчас, – ответил Олег, - «колобки» запечём, и перловку разогреем.

- Что за «колобки»? - подозрительно спросила Катя. - Вы здесь что, в русские сказки играете?

- Да вот они, «колобки», - показал Олег «кулинарные творения», - в золе испечем!

- Твоя идея, Коля? – сердито спросила Катя. - Всю муку перевели?

- Это точно, это я придумал! – рассмеялся Николай. - Всё равно мука бы пропала! А у тебя сгущенка есть, знаю, доставай заначку, сейчас мы их горяченькими, да с чаем! Вкуснотища!

- Ладно, будет вам сгущенка, - «смилостивилась» Катя. - Как голова-то, болит? - она поправила повязку, всю серую от комаров, на голове Николая.

- Ну как, как, пока на плечах, немного кружиться, чуть-чуть болит. А так нормально, - ответил тот.

В верхушках деревьев прошумел ветер, с воды потянуло холодом, комаров сразу стало меньше. Все облегчённо вздохнули, разогрели на ужин «Перловку» с добавкой «китайчатины», испекли в золе «колобки», Катя выдала банку сгущенки, и все с удовольствием попили «таежный чай».

После ужина Николай, Катя и Юра долго обсуждали сегодняшний день, остальные уставшие и от маршрута, и от комаров, тихо курили у костра. Алла сразу же ушла спать, Димка вполголоса травил какие-то байки Андрею и Вите, в полутьме что-то рисующего в альбом, Олег мыл посуду в реке.

Стемнело, Катя при свете костра перебинтовала Николаю голову, ещё раз обработала порезы и царапины остальным. Юра уже спал, укрывшись палаткой и по обыкновению подложив под голову полевую сумку.

- Ну что братья-геологи, - сказал Николай, - завтра последний день работы. Думаю всем идти не надо, Алла очень устала, пусть отдыхает, да и ты, Катя оставайся. Думаю Юрик с Андреем и Димкой справятся, там работы на полдня.

- А я? - тихо и обиженно спросил Витя.

- Ты, конечно, можешь и пойти, - ответил Николай, - я-то не возражаю, но не в твоих же драных кедах, и так, я вижу ноги сбил до крови, хромаешь. А другой обувки нет! Так что посидишь, порисуешь лишний день… Нечего геройствовать, и так всем досталось!

- И правда, сиди, сиди «Йог», порисуешь, стихи попишешь, «помедитируешь»! - встрял Димка, - а то скоро «цивилизация», а там и домой! А Москве не до «нирваны» в твоих котельных!

- Точно, Витька, сиди, отдыхай, - пробурчал Андрей, - чего зазря ноги топтать! Может и рыбки наловите, с Олегом вместе, вдруг повезет, завтра должна клевать! Митьку оставлять нельзя, он вам за полдня так мозги закрутит, не распутаешь, а в маршруте он хоть устаёт, и не такой болтливый потом!

- Я в маршруте вообще не устаю, я однажды в день прошел семьдесят километров…, – начал было врать Димка, но Андрей его прервал:

- На танцульки, что ли бегал? Это ты можешь! И не семьдесят, а сто семьдесят пробежишь! Только потом тебя надо на себе обратно тащить. Обычно с разбитой рожей! – мрачно добавил Андрей под дружный смех.

- Ладно, мужики, я спать пошла, и вы, давайте укладывайтесь, - «приказала», как всегда, Катя.

Витька, пожелав всем «Спокойной ночи», ушел по обыкновению, спать на плот, улегся под палатку и Николай. Олег, Андрей и Димка ещё посидели немного, покурили, да тоже улеглись. Ночь спустилась над тайгой, зудели комары, шумела река.

Рано утром нагнало облака, но ветер совсем стих, стал накрапывать дождь, и Река стала свинцово-серой. Комары почти исчезли, но появилась мошка, страшный таежный гнус. Она забивалась в глаза и уши, и Николай скомандовал быстрее грузиться на плот и уходить. «На воде мошки не будет, а Река впереди спокойная, чаю по дороге попьем, а то зажрет мошка, опухнем вмиг!».

Они быстро погрузили снаряжение, отошли от берега, и свободно вздохнув на ветерке, увязали вещи, развели костерок на днище бочке, поставили котелок, заварили шиповник, предусмотрительно собранный Олегом.

Часа через два хода, Николай скомандовал подойти к берегу, но не близко.

- На берегу мошка грызет, так что пересидим на плоту. А вы ребята, - обратился он к Юре, Андрею и Димке, - переправляйтесь на лодочке и сетки не забудьте, накомарники не помогут. Гнус лютует почём зря! Юра, ты всё знаешь, вам работы часа на два-три, так что ждем с победой!

Геологи ушли в маршрут, сопровождаемые серым облаком гнуса.

- Николай Петрович, - вдруг спросила Алла, - а почему мошка именно сейчас появилась, вроде и дождь моросит, а кусает так сильно?

- Понимаешь Алла, сейчас давление низкое, её к землё и прижимает, - объяснил Николай, - она же лёгкая, невесомая, ветра нет, её и не уносит, она и начинает лютовать, пока возможность есть, крови напиться. Обычно это весной и осенью, летом, когда солнце, давление высокое или дожди сильные, её мало, ну и когда холодно. От комара ещё можно отбиться, он кусает хоть и больно, но накомарник может спасти, одежда плотная, а этого гнуса и накомарники не спасают, мелкий он настолько, что в любую щёлочку пролезает! Только сетка мелкая и может иногда помочь, но сетка и видимость затрудняет, и жарко в ней, и дышать трудновато, да и курить нельзя! А укусы мошки такие бывают, что и глаза заплывают, и уши как пельмени, опухают люди, до истерики бывает, доходит, убегают, криком кричат, в воду бросаются! Да и зверь с ума сходит, бесится, олени, лоси, изюбры в воду заходят, по самый нос, спасаются, как могут, на сопки, в горы зверь повыше идёт, где ветерок или на наледи. Сейчас ребятам ой, как тяжело придётся, у берега, но повыше поднимутся, там прохладней, продувает тайгу, им легче будет. Да ничего, они привычные, кожа дубленая, - пошутил Николай. - Почему я и велел вам на берег не сходить, а то сейчас у всех уши как пельмени были бы, и глаз не видно!

- А как же местное население живет, - спросил Олег, - эвенки да якуты, всё лето на комарах, и мошка их кусает, а им хоть бы что, и в тайге ходят, и оленей пасут, и лошадей.

- А они привычные, - вмешалась в разговор Катя, - да иммунитет у них за тысячи лет выработался к укусам, и состав крови у них другой, биохимия крови иная. Их и кусают меньше, и укусы они переносят легче. А раньше, когда не мылись никогда, ещё и слой жира был на коже, не прокусывал его гнус!

- Так вот почему Димка с Юркой не умываются! - рассмеялась Алла.

- Да нет, это от лени больше, и от «форса полевого», дескать, чего в поле умываться, мыться да стираться, типа «и так сойдет, нет же никого», - улыбнулся Николай, - а как завтра, как баню увидят, первые побегут, из парилки не выгонишь, полдня просидят, до одури париться будут!

- А русские, которые здесь живут? - спросила Алла.

- Вот им туго проходиться, - ответил Николай, - но человек, он ко всему привыкает, тем более русского населения здесь мало, всё больше эвенки, раньше-то их тунгусами называли, да якуты, а русские, что здесь издавна живут, «отунгусились» уже за двести-

триста лет, привыкли! Тяжелее всего тем, кто недавно приехал сюда работать, или за «романтикой», трассы тянуть, строить, топографам, геодезистам, ну и нам, геологам! Ну, ничего терпим же, работа есть работа! Искусают, а мы в бане пропаримся, зуд хорошо снимает! Будет завтра баня в Деревне, настоящая баня, не то что в Москве! Может, кто уже и из наших, из ГРЭ объявился! Так ладно, братья-геологи, разговоры разговорами, а что у нас насчет рыбалки? Олег, Витя, я-то ещё головой не могу крутить, а вы давайте, может, и наловите на ушицу! Чего время зря терять!

Олег с Витькой размотали снасти. Они с полчаса полосовали воду блёснами, поклёвок долго не было, и вдруг Олег охнул и вытащил на плот приличного таймешка. Потом поклевка у Вити, на плоту заплясал хариус, и через полчаса, они вдвоем натаскали с полтора десятка приличных рыбин.

- Ну всё, думаю, хватит на уху, - сказал Николай, - и на жарку останется! Давайте чистить да варить-жарить, а то уж через час-полтора наши вернуться!

Витька геройски сплавал на лодочке на берег, привёз ещё дровишек, поставили ведро воды для ухи. Пока кипела вода, Катя осмотрела голову Николая, перебинтовала, сказала, что всё подживает, и шишка уже меньше.

С берега раздался свист, и крик Димки: «Эй, на корабле, высылай плавсредство»!

Олег, привязав к концу тонкой бечевки кусок свинца, кинул на берег. Андрей потянул лодочку к себе, в неё уселись Юра и Димка, их притянули к плоту, потом также доставили и Андрея.

- О, я смотрю, ушица будет, - довольно буркнул Андрей. - Но я сначала окунусь!

- И мы с Юркой тоже, – поддержал Димка, - гнус заел, чешется всё! Дамы, не смотреть!

Они нырнули в холодную воду, и долго плавали, снимая зуд от гнуса.

Уха удалась на славу, да ещё и жареный хариус!

- Значит так братья-геологи, - сказал Николай, - работа сделана! Всем объявляю благодарность! Сейчас, - он посмотрел на часы, - около двух часов дня, а хода нам до деревни часа три-четыре! Так что давайте-ка поскорее отправляться, вода спокойная, река широкая, течение быстрое, перекатов и порогов вроде не предвидится, чай на ходу попьем, а кто осилит - и ушицу доест!

…Часа через три часа на высоком берегу показались избы, сушились сети, на воде качалось несколько лодок и небольшая деревянная плавучая пристань.

Плот пристал к берегу, и тут же показалась ватага местных ребятишек, окруженных собаками.

…Послышалось тарахтение мотоцикла, и на берег выехал старый потрепанный «Урал» с якутом-милиционером, явно участковым. Он был в кожаной куртке и торбасах, но в милицейской фуражке, с портупеей и пистолетом. В коляске мотоцикла сидел старый морщинистый эвенк, около него торчал ствол карабина. С заднего сиденья мотоцикла степенно слез одетый в пиджак и кепку пожилой эвенк, подошел к геологам, внимательно посмотрел на них. За мотоциклом трусили на коренастых, низкорослых и мохнатых лошадках несколько молодых парней с ружьями за плечами.

- Ого, доложило уже «сарафанное радио»! – сказал Димка.

- Да я думаю, они нас ещё с полчаса назад увидели, от поворота, вот и послали за «начальством», - ответил Николай, и полез в свой вьючник за документами.

– И что это они нас так неласково встречают, - пробурчал Андрей и вскинул на плечо свою «тулку», а Димка – карабин.

- Кто такие будете? - подойдя ближе, строго спросил якут-участковый, подозрительно посмотрев на ружье Андрея, карабин на плече у Димки и «ТТ» на поясе Николая.

- Геологи мы, из Посёлка, из ГРЭ, - ответил Николай.

- А документы есть? И на карабин, и на пистолет разрешение? - ещё строже спросил участковый.

- Есть, есть, как не быть! - Николай протянул милиционеру пачку бумаг. Тот долго их смотрел, показал пожилому эвенку, облегченно вздохнул и сказал:

- Ну что ж, добро пожаловать! Меня Иван зовут, я участковый здешний, это вот наш председатель сельсовета, Тихон, а это самый уважаемый человек, охотник знатный, Фома!

- Мы-то подумали, что вы сплавщики, - как бы извиняясь, сказал Тихон, - тут в прошлом году весной проходили…

- Что, нахулиганили? - спросил Николай, доставая «Беломор» и угощая Ивана и Тихона. Старый эвенк набивал табаком огромную трубку.

- Да, однако, - сказал вдруг Фома, раскурив трубку и выпустив несколько мощных клубов сизого дыма, - совсем плохой люди сплавщик! Кричал шибко однако, ругался, дрался, водку требовал, девок забижал!

- А это не те, случайно, что прошлой весной проходили, из Леспромхоза Дальнего? - вдруг спросил Андрей.

- Они, они, - закивал Фома, - совсем плохой люди, однако, оленя украли…

- Ну, больше им не хулиганить, - встрял Димка, - вот он, Андрей, - ткнул Димка пальцем в друга, - их всех побил и в милицию сдал!

- Да, - обрадовался Фома, - однако большой человек! Сильный! Один всех побил!

- Всех-всех, - подтвердил Николай, - всех побил, связал и в милицию сдал, их в Город увезли. Больше хулиганить не будут!

- Правильно сделал, - одобрительно кивнул Тихон, а Иван добавил, - пусть их в тюрьму посадят, однако, ума наберутся… Что обижать людей, зачем драться? Зачем оленя воровать? Нехорошо это!

- Там геологи ваши из ГРЭ ещё два дня назад пришли, шесть человек, на лошадях, второй день спят, однако, так устали! - сказал Тихон, - Василий с братом с ними ходили, долго ходили по тайге, долго! Что искали? Может золото? Мне дед говорил, здесь давно, ещё при царе, золото искали! Люди ходили плохие, других людей убивали, золото отнимали! Зачем людей убивать, однако, они что, звери в тайге?

- Нет, нет, не золото, - поспешил сказать Николай, - они карту рисовали, и мы карту рисуем.

- Карта это хорошо, карта детишкам в школе показывают, где какие реки и горы, люди какие живут, - отозвался вдруг Фома из облака дыма своей громадной трубки. - Карта - это правильно! Учиться надо, однако, вот мой отец, писать не умел, читать не умел, и дед не умел, и прадед, а я умею, и брат мой тоже умеет, и второй брат умеет, и сыновья мои учились, и внуки, и правнуки. Все грамоту знают! И писать и читать умеют! Правильно, пусть карта рисуют, однако! Я карта сам знаю! Водил геологов по тайге, карта смотрел, давно было, однако, когда война была!

Ребятишки стояли, открыв рты, и смотрели на геологов. Подъехали поближе и парни, они молча, с плохо скрываемым любопытством смотрели на плот, на ящики и снаряжение, на прибывших, особенно на огромного Андрея и косматого, бородатого Юру, и искоса, исподволь, на Катю с Аллой.

Алла смутилась и тихонько спросила Катю, что это мол, смотрят, молчат, как-то не по себе.

Катя рассмеялась.

- Да ты не бойся, они любопытны, они здесь в глуши живут, в тайге, новых людей раз в год видят, а то и реже! Если куда и попадают, то в Посёлок, раз-другой в году, для них любой новый человек - событие, любое новое лицо - открытие, а уж тем более женщины! Они потом о нас несколько лет вспоминать будут! А что молчат, так не положено у них, «по этикету», парню первым с девушкой заговорить, тем более с незнакомой, и уж тем более с

русской! Да и старшие здесь, ещё и поэтому парни молчат, нельзя старших перебивать! Этикет!

- Они с виду может и необычные, - тихо добавил Юра, - но добрые, и всегда помогут! И главное - они очень наивные, как дети, обмануть их легко, но очень обидчивые! И всё всерьез принимают, с ними шути поосторожней, учти, они все шутки всерьёз могут принять! И здесь видишь, как хитро сделано, участковый, милиция - якут, председатель сельсовета - эвенк, а русский, если есть, скорее всего, зам.председателя или председатель партбюро. Это чтобы семейственность и национализм не разводить! И все мирно уживаются! Но здесь, кажется, ещё и староверы живут, причем давно уже, почти триста лет!

Андрей предложил подъехавшим парням «Беломор», и вдруг что-то сказал по-якутски, они рассмеялись, а участковый удивленно зацокал языком и уважительно спросил: А ты что и по-нашему говоришь? -

Да так, немного, - смутился вдруг Андрей, и сказал еще какую-то фразу, но уже явно по-эвенкийски.

Участковый и Тихон заулыбались, стали хлопать его по плечу, а старый Фома невозмутимо сказал: - Однако большой русский Андрей, хороший русский… По-нашему говорит, однако! А сам откуда, будешь, однако?

- Из Москвы я буду - ответил Андрей, - мы все из Москвы.

- Однако, Москва! - воскликнул Фома. - Знаю, знаю, далеко, город большой, избы большие! Я там на выставке был, как лучший охотник! Мне медаль дали и грамоту, давно, однако было, до войны ещё с Гитлером. Однако помню, долго ехал, очень долго, - он задумался, и выпустил несколько огромных клубов дыма из своей огромной трубки.

- Это точно, - подтвердил Тихон, - Фома охотник лучший в районе был, пушнины больше всех сдавал, соболя, белок, лисиц, мне отец ещё рассказывал. И его в Москву, на выставку послали, долго ехал, однако, по Реке, потом на машине, потом на самолете летел, чуть не помер со страху, говорил. Долго добирался, однако. Он потом рассказывал про Москву, старики многие не верили, думали, врет. Он тогда еще молодой был, быстро по тайге бегал, сейчас старый, сидит, трубку курит.

- Тихон, - попросил Николай, - нам бы подводу, вещи погрузить, с ночлегом определиться, да и баньку бы истопить.

- И банька будет, и подвода сейчас будет. И ночлег найдем! - Он что-то сказал парням, и один с гиканьем, погоняя лошадь, умчался, остальные спешились и стали помогать выгружать с плота снаряжение на берег.

Минут через пятнадцать подъехала подвода, парни помогли погрузить вещи на телегу, туда же посадили Катю и Аллу.

Участковый с Фомой куда-то уехал, видимо сообщать начальству по рации, а геологов отвели в ту же большую избу, где мертвым сном спал отряд из ГРЭ. Тех разбудили, были долгие радостные объятья, смех, тут же побежали рубить дрова, таскать воду, топить баню, ставить традиционный чай, накрывать на стол. Димке и Витьке и даже Андрею нашли обувь, взамен рваной и потерянной.

Подошли три седобородых, с бородами почти по пояс, степенных, могучих старика в домотканой одежде, в вышитых рубахах, и с ними несколько молодых здоровенных, тоже бородатых парней, они вежливо поздоровались, но рук не подали.

- Это люди старой веры, однако, они здесь, и их деды, и их прадеды давно живут, - сказал Тихон. – Он представил геологам пришедших старообрядцев. - Это Афанасий, Николай и Трифон, и их внуки, а сыновья сейчас в Посёлок уехали!

- Откуда будете, люди добрые? - спросил кряжистый, похожий на былинного богатыря Афанасий, видимо старший. Говор у него был странный, непривычный уху, немного окающий.

- Мы геологи, из Посёлка, из ГРЭ, а сами всё из Москвы, в Москве живём, - вежливо объяснил Николай, и представил свою «команду». Старики внимательно на всех посмотрели, но Катю с Аллой внимания не удостоили.

- Значит, по тайге ходите, - заключил Афанасий, - ищите чего, не золотишко ли? Золото - грех, люди от золота хуже зверей становятся!

- Нет, нет, карты мы рисуем, и наши товарищи тоже, - ответил Николай.

- А к нам ли, надолго ли? – всё допытывался Афанасий.

- Да нет, дня на два-три, - объяснил Николай, - в бане помоемся, передохнем, остальных дождёмся, на катер и уедем в Посёлок. Или вертолёт за нами пришлют.

- Ладно, люди добрые! Отдыхайте, в баньке мойтесь, да и Бога не забывайте, - сказал Афанасий, и старообрядцы степенно удалились.

- Странный народ, - сказала Алла, удивленная таким отношением.

- Они ко всем чужим так, кто иной веры, и с нами не очень-то общаются, однако, сами по себе! – объяснил Тихон. - Сынов своих женят только на своих же, невест издалека привозят, списываются, ездят далёко. Книги у них старые, рукописные, ценные очень, говорят. Тут учёные приезжали из Города, просили показать, еле, однако, уговорили!

- Да народ они странный, - подтвердил Юра, - к себе в избу и не пустят, а если воды попросишь попить, так либо специальную чашку для чужих держат, либо потом её выбросят! Давно живут они здесь,

очень давно, ещё во времена Петра Первого сюда бежали! А некоторые, говорят и ещё раньше, после раскола церковного, при патриархе Никоне!

- Что, Алла, обиделась, что парни местные на тебя внимания не обратили? - рассмеялась Катя. - Так для старообрядцев грех большой на чужую женщину смотреть, да и простоволосая ты, без платка, ещё и прическа у тебя короткая, а это очень большой грех для девушки! И с мужчинами рядом стоишь, да ещё и штаны носишь!

- Привыкай, привыкай Алла, - улыбнулся Юра, - кого только в жизни не встретишь, и со всяким надо уметь контакт найти! Иначе пропадешь!

- Всё, баня готова! - крикнул Димка, - как будем париться, все вместе или по отдельности? - он подмигнул Алле, та хихикнула, зарделась и вопросительно посмотрела на Катю.

- Я тебе подзатыльник сейчас как дам! - прикрикнула та. - Алла пошли париться, не обращай внимания на этого балабола!

- Вот болтун, отстанешь ты от них или нет, - громыхнул Андрей, - ну нет уже сил нет терпеть твои шуточки! Утомил ты меня за эти два месяца!

- А причем тут шуточки, - Димка широко улыбался щербатым ртом, - на Руси общественные бани были, и мужики и бабы вместе мылись!

- Всё-то ты знаешь, трепло, - буркнул Андрей, - бери-ка пилу, и пошли ещё дрова пилить, сам же сейчас париться будешь часа три! И воды надо бы натаскать! Витя, пойдем, поможешь!

Пока женщины парились, мужики сидели на завалинке у бани, курили, расспрашивали Тихона о местных делах, как живут, как охота, как олени. Тихон охотно отвечал, приковылял и старый Фома, курил свою огромную трубку, делился проблемами, рассказал, что года три назад падёж был у оленей, много пало, и что охота нынче не та, что была раньше, что народа стало много в тайге и зверь уходит. Подходили и ещё люди, и эвенки, и якуты, здоровались, угощались «Беломором» и «Казбеком», расспрашивали, как там в Москве.

Вдруг неожиданно появился Афанасий, опираясь на громадную клюку, за ним шли две женщины в сарафанах, в белых платках, повязанных почти по самые глаза.

- Всё зелье ваше дьявольское глотаете, дым адский, - сурово прикрикнул он, стукнув клюкой. Повернулся, кивнул женщинам, те ему поклонились, поставили на завалинку две глиняные крынки, и тут же отошли подальше.

- Это девкам вашим, молоко да мёд таёжный, а то гляжу, отощали они в тайге! А что тело в чистоте держите, то правильно! Но кроме

тела - и душа должна быть чиста! - И Афанасий с достоинством удалился.

- Видать приглянулись вы ему, - удивился Иван-участковый, - у них снега-то зимой не допросишься!

Стемнело, пришел паренёк, увел словоохотливого Фому, что-то говоря ему. Тихон рассмеялся: - Старуха его ругается, домой ждёт! Пропал, говорит, совсем Фома, весь день дома нету, однако!

Вышли из бани Катя с Аллой, прошмыгнули в избу. Тихон стал прощаться, спросил, не надо ли чего.

- Да нам бы в магазин, прикупить конфет, печенья, чаю попить, да и макарон, если есть, а то мы утопили продукты, - вспомнил вдруг Николай.

- Ай-ай-ай, - покачал головой Тихон. - Да сейчас, однако, сельпо закрыто, продавщица ещё вчера в Посёлок уехала, за продуктами, только послезавтра будет. Я сейчас парня пришлю, однако, он вам принесёт!

- Спасибо, спасибо, Тихон, я сейчас деньги отдам, - Николай поднялся с завалинки.

- Что, что ты! - запротестовал Тихон, - какие деньги! И не думай, однако! Сейчас, сейчас, парня пришлю, принесёт!

Мужики пошли париться, парились долго, смывая с себя двухмесячную полевую грязь, усталость и комариные укусы.

Попарившись, до глубокой ночи сидели с ранее прибывшим отрядом, пили чай, беседовали, делились впечатлениями, рассказывали друг другу что было, выпили «по чуть-чуть» за встречу и «после бани».

На следующий день, к вечеру, с противоположного берега, на лодках перевезли ещё один отряд, шесть человек, обследовавший свой участок пешими маршрутами, а через день, появились и ещё четверо на оленях с проводниками-эвенками из дальней соседней Деревни, с притока Реки.

В избе стало шумно и тесно, баню топили по два раза в день, Тихон забил оленя и опять денег не взял, геологи долго сидели с ним, с Иваном-участковым, старым Фомой и еще несколькими якутами и эвенками, ели варёную оленину, пили крепчайший плиточный чай, курили. Вечером за Фомой приковыляла морщинистая старуха, громко крича и ругаясь по-эвенкийски, она, потрясая клюкой, под общий смех прогнала его домой.

Рано утром пришел Иван, сказал, что из Посёлка, по рации, передали, что катер вышел. Стали быстро собираться, паковать вещи. Тихон выделил две поводы, погрузили снаряжение, образцы, доставили на пристань, сели на тюки и ящики, закурили, стали ждать. Через час раздался хриплый гудок, и показался небольшой катер. Тут

же прибежали ребятишки, окружённые сворой собак, подъехали на лошадях несколько парней, на мотоцикле приехал и Иван-участковый. В коляске мотоцикла опять сидел Фома и дымил трубкой. Подошли и несколько пожилых эвенков и якутов.

Лихо развернувшись, и ещё раз прогудев, катер причалил к деревянной, качающейся на воде пристани. Матрос, молодой парень в тельняшке, с любопытством посмотрел на толпу геологов, на кучу снаряжения, бросил канат, Андрей поймал его, и примотал к деревянному столбу.

На берег сошли несколько старообрядцев, здоровенных, кряжистых мужчин, две женщины и две молодые девушки, они быстро, ни на кого не обращая внимания, ушли.

- Смотри, невест привезли, - шепнул Юра Алле, - они их иногда за тысячи километров привозят, только чтобы свои были, своей веры! Да и вырождения так избегают! Поэтому все здоровые такие!

Сошел на берег и капитана катера, пожилой, важный, со шкиперской бородой, с трубкой в зубах, в кителе, в фуражке с кокардой, передал какой-то пакет Ивану и несколько пакетов и писем Тихону, критически осмотрел толпу геологов, кучу ящиков и вьючников, приказал грузиться.

- Эй, Сашка, чёрт, - крикнул он матросу, - смотри у меня, чтобы груз ставили по бортам нормально, а то перевернёмся!

- Так точно, товарищ, капитан, - по-военному отозвался матрос, и стал распоряжаться, что и куда ставить, попутно посматривая на Аллу и Катю, и ещё двух женщин, Веру и Лизу.

- Смотри, глаза вылезут, так пялиться будешь, - грубовато рубанула Катя. Матрос смутился, засуетился, стал поправлять груз.

Долго прощались, курили, Николай подарил Тихону бинокль, а Андрей отдал Ивану свой охотничий нож. Раздали какие-то подарки и другим, в основном пачки «Беломора» и «Казбека», а Фоме подарили пачку ароматного табака «Золотое Руно». Старик долго его нюхал, даже пожевал, и видимо, очень остался доволен подарком. Наконец капитан приказал зайти всем на борт, хрипло прогудел гудок катера, и он, набирая ход, пошел в сторону Посёлка, до которого было часов пять хода. Геологи долго махали остающимся на берегу, пока Деревня не скрылась за поворотом.

- Ну что ж, - сказал Николай Алле, - вот твоё поле почти и закончилось! Через пару дней будешь с Катей и Витькой в Городе, а там, на самолёт, и в Москву!

- А, вы, Николай Петрович, разве останетесь? - удивлённо спросила Алла.

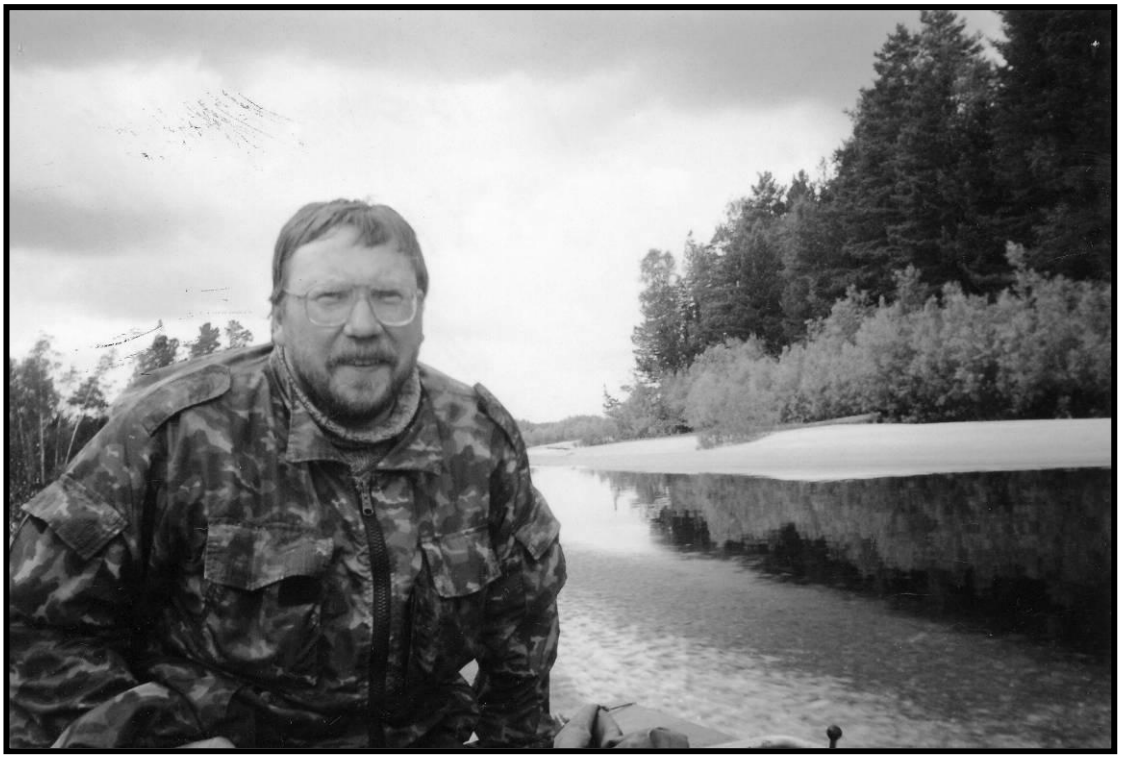
- А мне Алла, с Юрой, Андреем, Димкой и Олегом, ещё придется и в маршруты ходить! Пока снег не выпадет, будем работать! А ещё

надо и образцы отдать на анализы, и карты нарисовать, и отчёт написать! Для нас поле ещё не закончилось! Запомни, Алла - поле кончается тогда, когда из него возвращаются домой!

…Алла стояла на корме катера и смотрела буруны от винтов, на уплывающую тёмную тайгу, на желтые и красные берёзы и осины. На берег Реки вышел лось и удивлённо посмотрел на проплывающий катер…

…Несмотря на усталость, накопленную за два месяца поля, на длительную разлуку с родными, ей было очень грустно, и Алла вдруг поняла, что ей совсем не хочется уезжать отсюда… И она решила обязательно вернуться в эти края, во что бы не стало вернуться, вернуться, несмотря на все трудности, которые она здесь пережила, вернуться чтобы снова увидеть тайгу, услышать шум Реки и грохот порогов, снова сидеть у костра и пить горячий, пахнущий дымом чай, есть вкуснейшую уху и жирного тетерева, а главное - работать и общаться с замечательными, добрыми и умными людьми!

…И её желание наверняка исполнится, ведь если чего-то очень захотеть - то это обязательно сбывается!



АЭРОПОРТ

Рейсы за последнюю неделю по всему Побережью, да и Району задерживали из-за тумана…

Крохотный деревянный аэропорт постепенно наполнялся различным людом: семьями с детьми, улетавшими в отпуск; геологами из многочисленных партий, перебрасываемых из Города в Поселок, а там по Базам и точкам; солидными, пахнущими дорогим парфюмом управленцами из обеих столиц, в модных пальто и лакированных туфлях, с портфелями-«дипломатами», нервно курившими «Кэмел» и «Мальбро», и опоздавшими на все возможные совещания; толстыми, все как на подбор в кожаных пальто, привыкшими ко всему снабженцами, с пухлыми потертыми портфелями; мрачными небритыми и коротко стриженными личностям, смолящими самокрутки из едкой махорки, в рваных телогрейках, и сидевшими по привычке на корточках вдоль бревенчатой стены, со справками об освобождении вместо паспорта. Около них как бы невзначай периодически прохаживался пожилой местный участковый.

Сидели в ожидании и сами летчики и механики, оставшиеся «без машин», опытные «летуны», командиры, бортмеханики, радисты и штурманы, кутаясь в свои замечательные летные кожаные и меховые куртки, и молодые лётчики, только что с курсантской скамьи, направляемые по разнарядке в неведомые, часто не отмеченные ни на одной карте Поселки. Они ещё «форсили» фуражками «с крылышками» и новехонькой синей лётной формой, с топорщащимися погончиками, исподволь поглядывая и даже засматриваясь на бравых «полевых» девиц, в брезентовых штанах, свитерах и выцветших энцефалитках.

«Летуны», каждое утро бодро расчехляли и заводили моторы своих машин, по аэропорту поднималось волнение, но осипший голос радиста объявлял, что погоды нет, и не обещают. В какой-то крохотный просвет улетел лишь самолет санитарной полярной авиации, с двумя тяжелобольными, которым требовалась срочная операция, и куда с дикой руганью, с личного разрешении начальника аэропорта, удалось разместить несколько мамаш с маленькими детьми. «Пусть уж в Городе посидят, там хоть условия лучше», решил командир экипажа, и, уложив спящих малышей на санитарные койки, быстро дал команду на взлёт…

В крохотном буфете закончились все запасы кофе и чая, а деревянный барак аэропортовской «гостиницы» трещал от количества постояльцев, хотя и селили туда в первую очередь женщин и детей…

Больше всех «везло» геологам, так как они спокойно расстилали свои грязные, прожженные, пахнущие костром спальники по углам или вдоль стен и коротали время в ожидании рейса в бесконечном курении, сне, бренчании на раздолбанной гитаре и бесконечном трёпе.

Особняком держались злые биологи, бдительно сторожа вьючники с запасом спирта. Их должны были забросить на Острова, и они уже почти две недели ждали, то вертолета, то самолета, а теперь ещё и погоды. А их работа заключалась (о чем знал уже весь аэропорт) в подсчете яиц в кладках у какой-то там полярной крачки, а за две недели ожидания уже, наверное, и птенцы вылупились, так что и считать-то было уже и нечего…

Уходило время, уходили часы и дни, работы и отпуска, и в любой момент мог пойти мокрый снег, и люди застряли бы ещё на неделю.

В единственном и ближайшем магазине скупили весь перемороженный вермут и портвейн, со слоем осадка на полбутылки, весь «суп из пакетиков», папиросы «Север», консервы «Бычки в томате», томатную пасту, слипшиеся конфеты, засохшее печенье и каменные галеты…

Возле аэропорта горели костры, опытный и голодный тундровый и таежный народ варил «суп из пакетиков», с добавлением засохших еще лет десять назад галет, сдабривая это варево томатной пастой, кипятил чай, отсылая «куда подальше» местного пожарного и участкового….

- Не можете обеспечить людей питанием – катитесь к черту! - слышалось со всех сторон.

- Спалите же аэропорт, черти! - из последних сил хрипло орал пожарный.

- Да на фиг и нужен такой аэропорт, из которого ничего уже неделю ничего не летает, даже мухи, - отзывались ему.

- Да хоть отошли бы подальше! Ну нельзя же прямо у дверей! - хрипел измученный, небритый, не спавший трое суток пожарный, не расстававшийся с огнетушителем.

- Ну да, подальше! А вдруг рейс объявят! - острили бородатые, в грязных энцефалитках геологи, прихлебывая дымящееся варево из котелков и запивая его промороженным лет пять назад портвейном…

Начальник аэропорта, практически не спавший несколько суток, протирая красные, слезящиеся глаза, в сотый, в тысячный раз охрипшим голосом объяснял, что рейсы отложены не по его вине, что он готов отправить всех хоть сейчас, дали бы ему ТУ-154, но нет, нет

самолета, и не будет, и отправлять будут маленьким партиями на АН-24 и вертолётах, а когда, он не знает…Туман везде, туман по всему побережью, и «погоды не дают».

- Да были бы у меня хоть собачьи упряжки, я бы вас на них сейчас бы и отправил! Всех, к чёртовой матери!, - хрипло орал он на «лакированных» управленцев, сквозь парфюм которых уже явственно пробивался запах застарелого пота, а модные пальто и костюмы потерли всякий лоск от ночевок на полу.

Начальника аэропорта просили и умоляли, ему угрожали, обещали, что снимут с работы, и он, в конце концов, плюнув на всё, вместе с диспетчером напился вдрызг с «летунами», геологами и биологами, всё же «расчехлившими» часть запасов спирта.

И был месяц июль, и было лето, и пришел туман с Океана, и сидели в ожидании «погоды» все аэропорты в округе, в тысячах километрах, и не было ветра, чтобы хоть частично этот туман разогнать.

И по всему побережью, по всей Низменности, в таких же Поселках, возле таких же деревянных сараев, с гордой надписью «Аэропорт», возле укатанной тракторами взлетной полосы, сидел у костров бродячий северный люд, пил чай из закопчённых алюминиевых кружек и ждал…

А уж что они умели, так это ждать….

МЕСТОРОЖДЕНИЕ

В вершинах елей прошумел ветер. Встревожено свистнул бурундук, зацокала белка, увидев незнакомых, ей стала вторить неугомонная сойка… Через минуту вся тайга знала, что кто-то идет…

Три человек, сгибаясь под тяжестью груза, пыхтя, карабкались по склону сопки, огибая скользкие заросли кедрового стланика.

Дойдя до вершины, на которой нелепо торчал древний покосившийся тригапункт, они скинули рюкзаки, и с оханьем повалились на камни. Полежав минут пять, сели, облокотившись затекшими спинами на рюкзаки и молча закурили…

- И какого черта нам надо было переться на это гору? - спросил техник Димка, молодой лохматый парень, снимая стоптанные сапоги и перематывая портянки.

- Отсюдова видать лучшей, - неожиданно отозвался обычно молчавший рабочий отряда Архип, бич, битый и жизнью, и людьми, решивший «завязать» и начать, как он витиевато говорил - «новую стезю жизненную»…

- А сюда мы братцы, забрались, чтобы оглядеться, на ветерке от гнуса передохнуть, и пойдем мы потом вон туда, на ту горушку, а ориентиром будет нам вон тот «жандарм», - начальник отряда Михаил, указал на одиноко ютящуюся вдали, на склоне сопки скалу….

- И чего мы там–то не видали, у нас по карте маршрут по-другому проложен, а не с этими загогулинами, вверх-вниз, всё по-другому, - продолжал ворчать Димка.

- Карта картой, а голова на что? Начальство, оно своё думает, на то оно и начальство, а здесь, в маршруте, мы решаем… То есть я! - Мишка улыбнулся сквозь грязную бороду.

- Отдыхаем ещё минут двадцать, ну полчасика, я пока осмотрюсь, намечу тут кое-что, рюкзаки «в зубы» и вперед, до вечера надо обследовать склон, переночевать и дальше…

- Да уж, - пробурчал Димка, - пешие маршруты, это вам не на вертолете… Там как такси – привезли, высадили, забрали…

- На «вертаке» будешь через месяц на базу забрасываться, а нам за две недели пройти надо весь участок и с остальными группами «воссоединиться», свериться, а там и радировать будем, чтобы по Большой Реке катер подошёл… И образцов у нас будет много, так что, тебе Архип, спину рвать!

- Спину рвать, не водку пить… Лучше уж так, чем помирать от запоя! Не хочу больше… Скучно оно, помирать-то… -

Сухой, тощий, весь какой-то перекрученный, Архип, с клокастой бородой, морщинистой кожей, помороженными руками, выглядел много старше своих лет… Но выносливости в нем было на троих… Да молчания тоже…

…Он молча шел по опротивевшим всем горам, осыпям и курумниками, не жалуясь, молча, тащил тяжеленный рюкзак, молча переносил ночевки у костра, ветер и дождь… Молчал, когда поедом ела мошка, молчал, переходя вброд ледяные речки…

…Кто он и как попал в эти края, мало кто знал, и лишь иногда проговариваясь, Архип вспоминал и о доме, и о забытой семье, и как он по вербовке, погнавшись за «большой деньгой», попал в Среднюю Азию и по пьянке был продан в рабство местным «мафиози», рубил тростник, умудрился сбежать, а уж как попал сюда, в отроги хребтов Восточной Сибири, он, кажется, и сам не помнил. Но редко вспоминал он, и всё больше молчал, этот сухой, скрюченный, не по годам постаревший человек, с совершенно седой головой, выбитыми зубами и шрамами на лице, много перенесший на своем коротком веку.

Паспорта у него не было, но местное геологическое начальство сквозь пальцы смотрело на бичей, попавших в ГРЭ и ГРП, лишь работали, да в сильный запой не уходили…

И таких как Архип, набралось ещё с пару десятков, часто без имен, фамилий и паспортов…

Платили им неплохо, водку не продавали, и жили они на окраине Геологического Посёлка в старом бараке, ставили втихаря брагу или доставали неведомо откуда спирт. Да и в барак к ним никто и не совался, а работали они, как могли, били канавы и шурфы, грели, как и 40 лет назад, мерзлоту кострами и тягали мокрый, скользкий и тяжелый, как ртуть грунт ковшом экскаватора, а то и лопатами, ходили в маршруты, таскали грузы, валили лес, что-то строили иногда… А на зиму разбредались, кто куда… Кто-то уходил последним рейсом парохода по Большой Реке в Город, и перезимовывал там в теплотрассах, а кто-то и оставался зимовать в промерзшем по углам бараке, потихоньку пропивая то, что заработал за лето, а кто-то

исчезал… Навсегда… О тех и не вспоминали, а если и вспоминали, то редко….

А ранней весной, с первый пароходом, или вообще неведомо как, по ещё не растаявшим «зимникам», объявлялись старые, и приводили они с собой новых, таких же испитых и худых, часто беспаспортных Бродяг, а кое-кого и со справкой об освобождении…

Милиция смотрела сквозь пальцы, понимая, что по своей судьбе сюда мало кого заманишь, а попадутся на чём серьёзном – зон в округе хватало… Да и из тех зон, выйдя на волю, шли бывшие зеки, которым и идти-то было некуда, да и не за чем, ни семьи, ни дома, и шли они в бульдозеристы и трактористы, в вездеходчики и экскаваторщики, в лесорубы и канавщики, прожигали кострами мерзлоту, черпали сапогами ледяную жижу, мерзли и мокли в маршрутах… Кто-то оставался и насовсем, а кто и опять попадал туда, откуда вышел – за драки, поножовщину, или просто-запросто так. Ведь как бывало - вышел человек с зоны, а кругом - то же самое, горы да тайга, только что проволоки нет да охраны, походил дня два, взломал магазин, напился вдрызг, и снова, и обратно… Круговорот… И мало кто выходил из этой круговерти… Умирали в пьяных драках от ножей и заточек, умирали в конвульсиях от диких запоев, замерзали в снегу, или просто пропадали в тайге и горах…

Да и не искали никого из них… Зачем?

Страна, Госплан, Министерство требовало Металл, из Москвы, из Города, из Управления требовали отчеты и данные, грозили за невыполнение сроков и плана снять с работы всех - от Начальника до Главного Геолога!

…И ГРЭ распределяла Партии, и те Партии, маленькими отрядами, чаще пешком, а когда и на оленях или лошадях, а повезет - по Реке на лодках или крайне редко вертолетом, этот Металл и искало…

…И были сроки и сроки, и был план, и были директивы и постановления, за пять лет, за пятилетку, а точнее за 4 года, обшарить весь район, сделать съемку, пробурить, «проканавить», составить карты и подсчитать запасы… План, план, будь он неладен…

И работали от снега до снега, от зимы до зимы, голодали, загоняли себя до сердечных приступов, но чаще загоняли насмерть лошадей, рвали им уздой рот, вытаскивая из болотин, переворачивались на утлых лодчонках, и ныряя в ледяную воду, вытаскивали самое ценное - утонувшие мешки с образцами… И падали в гольцы, и погибали… И шли гневные телетайпы и радиограммы, и письма, и приказы, что мол, опять у вас ЧП, и обещали сместить всех, и опять объявляли кому-нибудь строгий

выговор, и грозили лишить премии и выгнать с работы… Но всё равно, всё шло так, как должно было идти…

И шли отряды по три, по пять человек, сгибаясь под тяжестью рюкзаков, набитых не теплыми вещами, и не тушенкой, а трижды проклятыми образами… И главное было – не потерять полевые дневники и кроки карт, и схемы маршрутов, и собранные образцы. И шли в стоптанных и рваных сапогах и прожженных телогрейках, и был в июне снег, и шли июле проливные дожди… И шли отряды по намеченным на очередном Важном Совещании в ГРЭ маршрутам, ради Металла, ради Плана… Ради Идеи…

И приезжали умные учёные из Москвы и из Ленинграда, кандидаты и даже доктора наук, из разных Институтов - и Академии наук, и Министерства, и также ходили в маршруты, и, шипя от боли, стягивали с опухших ног сапоги, мокли и мерзли в мокрых палатках и спальниках, и ночевали у костров, в дымокурах, спасаясь от вездесущей мошки, от таежного гнуса, и сбивали в кровь спины неподъемными рюкзаками с пробами и образцами, которые потом огромными ящиками отправляли в Москву, приводя в ужас и негодование «почтовых дам», ублажая их конфетами из ближайшего сельмага. А уж в Москве, через месяц или два, как уж дойдет груз, раскрывали эти прочно сбитые и трижды укрепленные ящики, сортировали и разворачивали в полутемных подвалах институтов образцы, и вспоминали короткие холодные ночи, дожди и сбитые в кровь ноги. А умные аналитики, мудря над пробами, выдавали колонки непонятных непосвященным цифр, и цифры эти трансформировались в руду, в металл, в запасы… И писали отчеты, и сидели вечерами и ночами, в табачном дыму, рисуя карты месторождений и смотря шлифы под микроскопом….

А кое-кто из «столичных» и оставался, кто на год-другой, а кто и навсегда… И кто их будет искать… Уходили и от семей, и от проблем городских, жили в Посёлке… И приживались…

А бывало и другое… Падали в распадки, тонули в реках… И плакали в далёкой Москве жёны, дети и невесты, и выпивали за «упокой души» те, кто вернулся, и висел в мраморном холле института очередной некролог, и объявляли кому-то выговор, и даже снимали с работы. А за что? За что, за то, что поскользнулся, споткнулся усталый, вымотанный до предела многокилометровым маршрутом человек, и подгоняемый сорокакилограммовым рюкзаком скатился вниз, в скалы, и как его там искать, в россыпях валунов и зарослях стланика? Но искали, да и сами чуть не гибли… Бывало и находили, и хоронили там же, на высокой сопке, заваливая валунами, чтобы зверь не добрался до искореженного тела…

…Или налетала утлая лодчонка на камень, и на десятки километров бурной реки разбрасывало тела и вещи, и выходили на берег медведи и росомахи, чуя кровь и смерть…

…Или в тумане влетал в скалу вертолет, выполняя приказ – взлететь и доставить! И в чем они виноваты? Те, кто оставался жив? И писали десятки объяснительных, и снимали с работы, и заводили даже порой и уголовные дела. Да кто доберётся до тех мест, запросто так, по доброй воле, где и пешком-то пройти не всегда можно! И верили на-сло́во привыкшие ко всему толстые капитаны и майоры милиции, и важные прокуроры, сидя в прокуренных кабинетах, «закрывали» дела за «недостаточностью улик».

Ибо и они знали – здесь, именно здесь, в их Районе, есть этот Металл, и «Страна требует этот Металл», и на каждом партсобрании звучали эти призывы… И ради это призыва, ради Металла и шли геологи, и шёл поиск, и шла разведка… И шли рядом с геологами-съёмщиками геофизики, таща «на горбу» тяжеленные щелочные аккумуляторы, и шли своими маршрутами геохимики, отбирая пробы грунта через каждые пятьдесят метров… Стране был нужен этот Металл… Ибо так решил Госплан и Совмин, и так решено было свыше - осваивать район, и искать, и разрабатывать, и строить рудники и шахты… И времени было отведено мало, всего пять лет… Ибо так было решено «сверху»…

- Ну что ж, раз отдохнули, пойдем вниз, - Мишка, поправил висевший на ремне «ТТ» в обшарпанной кобуре, взвалил на плечи рюкзак, и осторожно, опираясь на ручку геологического молотка, стал спускаться вниз по склону…

Архип, сидя, вдел лямки рюкзака, с помощью Димки поднялся, и они, вслед за Мишкой, стали аккуратно спускаться вниз.

Через час, стоя у «жандарма», они смотрели карту…

- Ну, вот отсюда и начнем, пожалуй, - сказал Мишка. - Архип, ты пока отдыхай, можешь и чаёк приготовить, а мы без вещей, пойдем склон обследовать, вот слой виден, и хорошо! И кажется тот, какой нам и нужен! И если попали на него, честь нам и хвала, и считай что полработы сделано! Закартируем, образцы отберём, всё здесь облазаем, а может, и заночуем… Место хорошее! И ручеёк есть, и продувает! Курорт!!! Так что пали костер, готовь дрова да ставь палатку!

Димка и Мишка ушли… Архип посидел, покурил, вздохнул, и пошёл собирать дрова, очищать место для палатки, готовить костер... Работы хватало…

Часа через три пришел Димка, с тяжеленным рюкзаком образцов, посидел, покурил, попил чаю, отдышался и ушел обратно, сказав напоследок:

- Там работы – дня на два, а то и три. Но всё сыпет, и сверху, и снизу, не улететь бы вниз, да и как бы ни засыпало! Начальник прыгает, как козёл горный, два раза чуть вниз не скатился…

Архип молча махнул рукой, проворчал: - Вы там аккуратней, что ли…, - и снова в задумчивости уселся у костра. Палатка была поставлена, дрова нарублены, чай заварен. «Чифирку бы заварить», подумал он… «И ладно, и заварим…». Он засыпал пару добрых пригоршней заварки в жестяную, помятую кружку, залил кипятком, поставил у костра, прокипятил пару раз, остудил, и стал пить чайную горечь, «задымляя» чифирь самокруткой с едкой, продирающей до костей махрой…

…И далась им эта работа, думал Архип, прихлёбывая из кружки, и чего ищут, и не золото, и не серебро? А и было бы золото? Да от него горе одно… Сколь от бичей слышал, что за это самое золото людей жизни лишали…

…Все хотят быть богатыми и не работать, думал Архип, и я тоже хочу… Хотел… Вот оказался здесь, в горах, в тайге... Видать мне не судьба, а кому пофартило, тот и будет с барышом… Уезжали же люди отсюда, с Севера, при деньгах, домой к себе, обустраиваться… Отпахал здесь лет 10-15, и если не пьёшь шибко, при деньгах и будешь… Да ну… А что с этим богатством делать-то? Ну, дом построить в тёплых краях, ну машину купить, ну ещё чего, ковры там, хрусталь, то-сё... А потом всё сгорело или сам взял да помёр! На своих же деньгах-то! И такое бывало…

…А и ладно, наше дело вон мешки таскать, костер палить, и не сорваться в запой… Вот это главное… А деньжат скоплю чуток и уеду к себе, в колхоз… Может, кто и жив ещё, мать да отец, братья… Дети, поди и не узнают, да жинка давно похоронила… Да и ладно… Сам виноват, всё хотел сразу и много… Вот и получил… А главное весь вред от водяры, от неё, паскуды, больше, чем от золота людей дохнет…

…Не, в колхозе тоже пьют… Не поеду… Да и стыдно показываться, болтался больше десяти лет где-то, и вот те на, явился, как чёрт к монаху… Поеду-ка лучше в город, в большой, там строек много, каменщиком или на бульдозере… Жить-то осталось… Нутро всё отбито, сердце колотит, зубов половины нет, руки-ноги поморожены.

…Ладно, доживём до утра, а это главное… Так всегда было… Архип хлебнул чифирю и задремал.

Проснулся он от треска ветвей… Огляделся, солнце ушло за сопку, стало сумрачно и холодно, сгущался туман, вдалеке, в горах громоздилась темная туча, значит ночью или утром опять будет дождь…

К костру вышли Мишка с Димкой, таща рюкзаки…

- Ну и работка, я тебе скажу! - Димка свалился у костра. - Как у альпинистов, на одном молотке держаться приходилось, или друг друга держать! Верно, начальник?

- Работа у нас такая, - отозвался измученным голосом Мишка, перемазанный с ног до головы красновато-бурой глиной. - Чуть «ТТ» не потерял, ремень порвался, хорошо Димка успел поймать кобуру! Опасно там, но доделать надо. Месторождение это фактически, даже навскидку видно, запасы ого-ого! По высшей категории! И Металла процентов 20-30, я это и без аналитики вижу! Жаль, рации нет, сейчас бы передали, «борт» бы пришел, и ещё хоть пару человек, осмотреть, откартировать! Сами же всё не дотащим, придется оставлять, а потом возвращаться! Здесь надо «промпробу» брать, не меньше полутонны, а то и тонну! «Вертак» нужен, мешки нужны! И о чем только начальство думает!

- О премии! - отозвался Димка, жадно прихлебывая чифирь, - а мы так, «рабсила»! Наше дело план выполнять!

- Ну не скажи, Димон, не скажи, Главный у нас под себя не гребёт, он мужик справедливый, всем достаётся!

- Ага, всем «на орехи» достаётся, как начнет гонять, не остановишь!

- Работа у него такая, нас гонять! А его, думаешь, не гоняют? Три инфаркта заработал, в поле врачи не пускают, хоть и рвётся… Каждый божий день совещания, заседания, из Москвы, из Управления звонки, радиограммы и телеграммы, он уже ими стены обклеивать в сортире начал, телеграммами… И все - «Давай, давай», «Где Металл?», план, план, справки, отчеты… А у него голова – на две Академии наук, это же он здесь Металл предсказал! Да вот только славу другому отдали, из Министерства чинуше какому-то, который не то что в этих краях никогда не бывал, а забыл, когда и в поле-то был в последний раз! Если вообще из кабинета когда-нибудь выходил! Он сейчас и курирует… Много их там сидит, зады протирают! Ещё с 40-50 годов! Руководят!

Мишка дотемна сидел у костра, что-то рисовал на карте, рассматривал в лупу образцы, гонял Димку, «принеси из того мешка, из того», писал в дневник. Потом попил чай, похлебал варева из крупы с тушенкой и завалился в палатку спать. Димка с Архипом долго сидели у затухающего костра, курили, молчали…

…Утро было туманное, холодное, периодически накрапывал дождь.

Мишка проснулся рано, раньше всех, с утра он был мрачен, быстро попил чаю, пробурчал Димке: «Давай быстро за мной, работы

полно», и исчез в тумане. Димка вздохнул, запихал в рюкзак мешочки для проб, взял молоток…

- И проснутся-то не даёт, не то что позавтракать… - ворчал он. - Дорвался до работы… Трудоголик… И что спешить? Времени вагон! И маленькая тележка….

Димка долго что-то ещё ворчал, перематывал портянки, потом выпил кружку крепкого, сладкого до липкости чаю, покурил, и, махнув Архипу рукой, ушёл.

Архип, чтоб не сидеть без дела, заготовил дров, сделал навес от дождя из жердей и лапника, собрал шиповника, и ещё понемногу разной ягоды, сварил что-то типа компота, поставил в ручей студить.

К обеду пришёл Мишка, уставший, даже какой-то серый от усталости, приволок тяжеленный рюкзак с пробами…

- Давай-ка Архип, чайку сообрази, сейчас и Димка придёт! Полчаса перекуру и дальше! Гора большая, слой мощный, но работать тяжело, сыпуха, еле держишься! А ты пока разложи все мешки с пробами где-нибудь на ровном месте по номерам! Сообразишь?

- Да уж не дурнее других… Цифры-то я ещё со школы помню… Это потом, если что и считал, то чтоб на поллитру хватило! - Архип хрипло рассмеялся…

- Начальник, может вместо чаю-то, компоту попьешь? – Архип приволок из ручья большой котелок.

- Ого, холодненький, - обрадовался Мишка, - ну спасибо, удружил! А потом все равно, чайку, да покрепче!

Раздался треск ветвей, ворчание, и появился скрюченный почти пополам Димка.

- Не, начальник, я такие грузы таскать не подписывался, чуть вниз не улетел! Нарушаешь все нормативы труда и техники безопасности!

- Я тебе, демагогу и законнику, лишнюю премию выпишу, - улыбнулся Мишка сквозь грязную спутанную бороду и дым самокрутки, - персонально за переноску негабаритных грузов!

- Тогда, ладно, тогда посмотрим, - Димка, сбросив рюкзак, рухнул у костра. - Ой, спина моя, спина! Не разогнешься!

- Давай, Димка, полчаса перекур, пей компот, Архип сварил, пей чай, вроде галеты ещё остались и пошли назад! Архип пока образцы разложит, я пораньше приду, кое-что в голове уяснить надо, а ты останешься и пробы доберешь…

- И чего там добирать, в впотьмах, завтра доделаем! – возмутился Димка. - Куда ты всё торопишься, времени - ещё почти неделя, и все сроки выдерживаем! Что же ты такой до этих образцов жадный, отберёт их кто у тебя, что ли? Там и днём-то опасно, слетишь, и не найдут, а уж в сумерках!

- Ладно, ладно, прав ты Димка, прав! Я как этот слой увидел, про всё сразу забыл! Месторождение, мы открыли, понимаешь, месторождение!

- Да ну, правда, что ли? - удивленно сказал Димка.

- Правда, правда, врать не буду! – улыбнулся Мишка.

- Ишь ты, как оно повернуло-то, - изумился Архип. - Вот гляжу я, как бухать-то завязал, сразу и фарт пошел! А что, и премию могут дать?

- Могут, и не просто, а Государственную! Правда, не нам… Мы-то своё тоже получим, поменьше чуток! Но всё же, думаю, сможешь новую жизнь начать, паспорт выправишь и уедешь отсюда в теплые края, или как хотел, в большой город, Москву там или Ленинград! А мне здесь ещё лет 20 ковыряться, если доживу! Это Димка – он как флюгер, откуда ветер дунет! Сезон закончился, деньги получил, и ищи его в Сочи или в Керчи, девах охмуряет! А потом опять ветер дунул, и он то здесь опять, то на Камчатке или Таймыре… Или вообще на Курилы ветром занесёт!

- А я что, - отозвался Димка, - у меня ни жены, ни детей, ни родных, комната в коммуналке, в Клину, уж забыл, когда был там. А поля я люблю! И не в деньгах даже дело, не премиях, хотя и без них никак! Дело в свободе! Куда захотел, туда и поехал! Я квалифицированный техник-геолог, между прочим, техникум геологоразведочный закончил в Решетниково! Так что я везде сгожусь!

- Знаю, знаю! Ты специалист хороший, только лентяй и ворчишь много!

- Ну, так и у меня могут быть недостатки!

- Ладно, отдохнули, пошли работать! – распорядился Мишка, - Архип, про пробы не забудь, мы часа через 3-4 придем, сваргань что-нибудь пожрать!

- Да тама одна крупка да тушёнка осталася! И муки чуток! – Архип как-то виновато развел руками…

- Что есть - то и вари! Погуще! Посмотри, может, где и грибы растут! Или подстрели кого, птицу какую-никакую! А то жрать охота!

- Да из этого «винтореза», - Архип показал на старую, обмотанную проволокой и изолентой двустволку, - стреляй не стреляй, всё равно на полметра мимо бьет! Ей тока грачей на огороде пугать!

- Что дали на складе, то и есть! Не из «ТТ» же по рябчикам палить! Одни перья и останутся! Тебе обед варить, ты и кумекай! Всё Димка, хватит курить, пошли!

- Была б река, рыбы б наловили, - пробурчал Архип. Он нарубил тонких жердей орешника, поровнее сложил их на камни, накрыл

рваным куском брезента, и, шепча цифры, принялся аккуратно выкладывать по номерам мешочки и мешки с пробами и образцами.

Закончив раскладку, он посидел, заварил и попил чифирю, покурил, вздохнув, взял обшарпанное ружьишко, сунул в карман патроны и пошел вниз по ручью.

По прибрежным кустам ручья, перекликаясь, порхала всякая птичья мелочь, посвистывали пеночки, «чекала» вспугнутая каменка, в листве краснели грудки мухоловок, где-то стучал дятел.

- Эх, мелочь вы пузатая-пернатая, ну куда вас стрелять-то, один пух и полетит, - сказал Архип, - и вон как чирикаете, аж за душу берет! - Он остановился и внимательно осмотрел деревья. - Нам бы рябчика, или тетерева, а ещё лучше глухаря бы!

Раздалось хриплое «крей-крей» кедровки, и тут же затрещала неугомонная сойка.

- Ну что ты разоралась-та, - сказал Архип трещавшей над ним сойке, - и так все знают, что я иду! А уж кто кого обхитрит, так это мы поглядим!

С громким криком «кжээ…кжээ», порхающим полетом, почти над самой головой Архипа пролетела кукша, растопырив рыжеватый хвост.

- Тьфу, ты нечисть, аж напугала, - вздрогнул Архип. – Ну какая сейчас охота! Вся тайга знает, что я здесь…

Архип прошел километра два вдоль ручья, таёжное «братство» попривыкло, притихло, пробежал деловитый бурундук, из-за поваленного дерева высунулась любопытная рыжая мордочка ласки.

«Ага, а вот и рябчик!», Архип заметил сквозь ветви пестрые перья. «Сейчас затаится!». Архип как можно тише и незаметней подобрался к дереву. Рябчик сидел низко, его пестрое рыжеватое оперение почти слилось с корой. «Теперь вот только не смазать бы из этого «винтореза»-то!». Архип тщательно прицелился, выстрелил, рябчик комком свалился почти ему под ноги. «Ну вот, и обед! Жаль, конечно, пичугу, да и нам жрать-то надо!».

Архип прошел ещё с километр, но выстрел явно распугал всех обитателей, только горланила неугомонная сойка.

- Всё-всё, ухожу я, ухожу, - пробурчал Архип, - на суп нам хватит!

Он уже подходил к лагерю… На берегу, почти у воды глупо сидел черный, краснобровый тетерев, и явно занятый кормёжкой, ничего не замечал. Архип застыл на месте, простоял несколько минут, тетерев что-то деловито склевывал с упавшей молодой березки. Архип тихо поднял ружьё, тетерев было тяжело вспорхнул, но выстрел свалил птицу в ручей.

- Ого, ну и фарт сегодня! – обрадовался Архип. – Обед знатный будет!

Подходя к лагерю, он пригляделся к сопке - две фигурки лазали по склону, и даже издалека было видно, как сверху постоянно сыпались камни.

Придя в лагерь, Архип «раскочегарил» костер, поставил ведро с водой, сел потрошить и ощипывать добычу.

- А сварю-ка я суп с них, с тетери и рябца, - вслух подумал он. - Суп наваристый будет, жирный, крупки вот добавлю чуток…

Архип сидел у костра, пил чифирь, курил едкую махру, варил суп, и даже не заметил, как стемнело. Послышался разговор, смех, и на поляну ввалились два перемазанных глиной геолога с набитыми образцами рюкзаками.

- Ну как дела, Архип? Чую по запаху, ужин нас ждёт знатный? – Мишка сбросил рюкзак, присел к костру, закурил, жадно глотнул чаю.

- Кого взял-то? - спросил Димка, тоже подсаживаясь к костру и наливая чай.

- Да рябчика, и тетерева–дурачка! У ручья сидел, ничего не видел! И на лету снял! Вот фарт-то! - и Архип, смеясь, рассказал про свою охоту.

- Ну что ж, и суп есть, и работа сделана! День прошёл не в пустую! -

Архип снял ведро с костра, они расселись вокруг него и стали хлебать жирный, наваристый бульон, обгладывать косточки. Наевшись и попив чаю, разлеглись у костра и под неумолчное зудение комаров, стали вести неторопливые разговоры.

Архип больше молчал, а потом и задремал под споры Мишки и Димки о геологии. Проснулся он как всегда, резко и тревожно. По привычке, осторожно, незаметно огляделся. Мишка в полутьме возился с пробами, Димка ему помогал, что-то записывая в полевой дневник, и по обыкновению ворчал.

- Уж ночь на дворе, спать пора, сколько ты можешь с этими пробами возиться? –

- Ещё десять минут Димон, пьем чай и спать идем! У нас завтра день тяжелый, участок там опасный, придется что-то типа ступеней мастерить, вбивать колья, иначе не удержишься! –

- Ох, и жадный же ты до работы Мишка, и надо оно тебе? -

- Надо Димка, надо! Я для того в геологию и пошёл, чтобы работать, чтобы руду искать! Ещё со школы мечтал! И вот нашёл! Редко кому счастье такое бывает – месторождение открыть! И войдет моё имя в историю! Если конечно, всю «славу мою» начальство вышестоящее не присвоит, что чаще всего и бывает! -

Мишка закурил. - Да и плевать! Мне, честно говоря, всё равно… Главное - я его нашёл, и что мое, то моё! Оно со мной и останется! В

отчёте упомянут, и то ладно! Всё, заканчиваем и пошли чай пить да спать!

Утром Архип проснулся раньше всех, и пока насмерть уставшие геологи спали, развел костер, вскипятил чай, разогрел остатки вчерашнего супа. Проснулся Мишка, растолкал храпящего Димку.

– Вставай, соня, солнце уже над сопкой! На работу пора! Что Архип, нас-то не разбудил? -

- А что вас будить, - отозвался тот, - костер и чай я и сам сделаю, а вам покемарить лишние полчаса, вреда не будет! Вижу, что умаялись с это рудой-то! По сопке-то, уже почитай, шестой день лазаете! -

- И то ладно! Спасибо Архип, и вправду, что спал я, что не спал, всё болит, не согнуться, не разогнуться… Не проходит усталость! И как мы всё это к Реке потащим, ума не приложу! -

- Вот-вот, - сонно позевывая, отозвался Димка, - как всё это на горбу переть! Оставить надо, а потом вернуться! -

- Нет, мы по-другому сделаем! Я вот что подумал! До Большой Реки – 20 километров… Ты, Димон, идешь налегке, за день доберёшься, здесь по ручью нормально, да вниз всё время, а я с Архипом остаюсь, ещё соседний участок осмотрю! На Реке день-два просидишь, кто-то точно пройдет или рыбаки, или плотовщики. Может и пароход с баржой подцепишь! Был бы случай! Так что пали там костёр и чтобы дыму побольше было! Возьмешь ружьишко, увидишь кого-чего – стреляй! Или из ракетницы! Главное - чтобы заметили, Река-то широкая! Или сам плот делай и как хочешь, хоть вплавь, но чтоб в Посёлке был через неделю! Сразу к Главному, всех гони, поднимай шум, скажи - от меня! Скажи Главному - надо брать «промпробу», бумаги я напишу, копию карты и разреза я дам, возьмешь ещё образцы, для показа! Требуй «борт» срочно, людей, хоть пару-тройку человек, мешки, ящики, продукты! И скажи Главному, пока всего этого не будет, я отсюда не уйду! Зимовать буду! С голоду подыхать буду, но не уйду! Здесь месторождение мирового масштаба!

- Да тут «борт» может и не сесть, места ему мало, - ответил Димка.

- Значить мы место подыщем, а не получится, пусть Главный даёт людей, катер, и будем мешками таскать эту тонну по ручью! По другому - нельзя! Учти вот что ещё! Этот наш участок и участок соседней ГРЭ – рядом, а где там граница проходит – никто и не проверял! Плюс-минус пять километров! Прознают соседи, а у них народ ушлый, на чужое добро падкий, сам знаешь! Прохлопаем ушами, месторождение может за ними закрепиться, и плакали все наши труды! И премия, кстати, тоже!

Так что до Посёлка, до ГРЭ – рот на замок, так мол, и так, срочно помощь требуется, продукты кончились! Вообщем наври что-нибудь, ты умеешь! Кстати знаешь, что в соседней ГРЭ начальник из бывших «дальстроевцев»? Он как привык до 56 года «руководить», так и сейчас! Хоть и прошло 20 с лишним лет, а методы всё те же… Историю с алмазами, с Ларисой Попугаевой, с Бондаренко, помнишь?

- Помню, как не помнить, - грустно отозвался Димка, смоля цигарку, - много разговоров было, что он чуть ли её не запер, заставил в его Амакинскую экспедицию перейди, требовал, чтобы карты отдала, из посёлка не выпускал, угрожал...

- Вот-вот! Здесь хоть и не алмазы, но Металл стратегический! И начальник соседний вполне такое же может учудить! Так что, ты, Димон, будь начеку! Хоть мы с ними и одно дело вроде как делаем, но «дружба дружбой, а табачок врозь»! И никому, слышишь, никому ни слова, кроме Главного! И только наедине с ним! Там «стукачей» хватает, быстро донесут!

- Откуда ты знаешь? – удивленно спросил Димка. – Вроде и в руководстве, да и вообще, люди-то хорошие!

- Я в этой ГРЭ - со дня основания, больше пять лет, в этом районе больше десяти, Главного знаю, когда он ещё начальником Партии был, я вместе с ним в маршруты ходил! Он фактически – мой учитель!

- Вот оно как, - удивлённо протянул Димка, - тогда ясно! Не подведу, всё понял, товарищ начальник Михаил Николаевич!

- О, смотри-ка, Архип, впервые начальника по имени-отчеству назвал! - улыбнулся Мишка. - Давай пей чай, собирайся и - к Большой Реке! Архип, ты там выдели ему чего в дорогу, чаю, тушёнки пару банок, а мы уж как-нибудь прокантуемся! Вот тебе, Димка, копия карты, схема разреза, отчёт! Вот в этом мешочке образцы породы, в этом – руды, и всё Главному лично в руки! Не потеряй! Удачи тебе! Я - на сопку! Архип – проводишь Димку, бери топор и ко мне! -

…Димка, с непривычно легким рюкзаком быстрым шагом шёл по ручью и размышлял: «Надо же, три сезона вместе с Мишкой отработал! Вроде вместе и ходили, мокли, мерзли, тонули! А так мало знаешь человека! Теперь, я понял, почему он всегда за Главного «горой»! Учитель! Надо же!». Идти было легко, погода была отличная, ветер отгонял гнус, в прибрежных кустах пересвистывались пичужки.

К вечеру Димка добрался до Большой Реки, развел костёр, заварил себе чаю в большой консервной банке, открыл банку тушенки. «Пару дней точно просижу! Рыбки половлю, покупаюсь! Хотя и вода холодная! Главное – это к Главному! Хороший каламбурчик получился!». Нарубив лапника, Димка в сгущающихся сумерках залез в спальник и уснул.

Туманным утром, дрожа от речного холода, Димка всё же искупался, развёл костер, приготовил кучу лапника для дыма. Нашел в кармане рюкзака леску с блесной, постоял, поблеснил, вытащил пару хариусов, пожарил, попил чаю, и сел на берегу ждать оказии. Он спал и просыпался, пил чай, поймал ещё приличного таймешка, поддерживал костер, отдыхал от маршрутов и работы на сопке, но даже во сне прислушивался, не пройдет ли моторка или катер, не окликнут ли плотовщики. Места здесь были глухие, и любой одинокий человек на берегу сразу бы привлёк внимание.

Ему повезло, ближе к вечеру послышался стук мотора. Димка вскочил, бросил в костер лапник, повалил густой дым. Он помахал руками, хотел уж и пальнуть из ракетницы, но моторка стала подходить к берегу. В ней сидели два эвенка, лежали сети, рыба, запасной мотор.

- Ты кто, однако, - окрикнул пожилой эвенк, посасывая трубку, - что звал, зачем дым палил?

- Я геолог, меня Дима зовут, из пятого отряда ГРЭ, знаете, из Посёлка! Мы в 20 километрах отсюда, по Ручью, лагерем стоим! Мне бы в Посёлок надо срочно! Продукты у нас закончились! У меня и документ есть! - Димка вынул из кармана энцефалитка потрепанное удостоверение и протянул эвенку.

- Зачем мне, твой документ, однако, - удивился тот, - я что, участковый? Много лет на свете живу, человека сразу вижу! Что ты геолог, знаю, однако! Я тебя в Посёлке видел, в прошлый год, мы туда с братом, - и он кивнул на второго эвенка, помоложе, сидевшего у мотора, - за мукой и сахаром приезжали. Ты ящики большие таскал и ругался всё время, шибко ругался, однако!

- Надо же, а я Вас и не признал, - удивился Димка, а про себя подумал: «Вот память у людей, один раз мельком увидит – на всю жизнь запомнит!»

- Но мы парень, до Посёлка не идём, мы поближе, нам на Факторию, однако! А там тебя рыбаки доставят, там уж недалече! Давай, парень, полезай в лодку! Тебя Дима зовут, так? Я Николай, а это брат мой младший – Трифон. Мы к себе на стойбище дальнее ходили, там наши сыны оленей пасут. Хороший год, однако, оленей много! А по дороге и рыбу половили!

Димка, взяв у эвенков ведро, сделанное из здоровенной консервной банки, залил костер, влез в моторку, сел на спальник, положил рюкзак на колени, пристроил ружье.

- А что так, продукты кончились, - спросил Трифон, заводя мотор, - в тайге с ружье – не пропадешь!

- Да утопили мы продукты, когда через Дальний Приток переправлялись, - врал, как по писанному Димка, - а это ружье… Из

него стрелять – себя калечить! Один ствол раздут, а из второго на полметра мимо! Какое дали на складе, то и взяли!

- Да, однако, - сказал старый эвенк, - без ружья плохо совсем! Ты когда, однако, пришел, давно ждешь-то?

- Да нет! Вчера с утра ушёл, вечером здесь был, переночевал, рыбу половил, день посидел, а тут и вы! Повезло! А то там народ голодный, кушать хочет! Работает!

- Ничего, вертолетом быстро привезут, однако! Погода хорошая, летают много! На все стойбища и Фактории продукты завозят, патроны, капканы! Хорошо, однако! Охота зимой будет!

Сквозь грохот мотора до Димки долетали только отдельные слова. Он свернул самокрутку, угостил махоркой эвенков, закурил сам.

Часа через два они подошли к Фактории. Николай не спеша вылез из лодки, раскурил огромную рубку, кивнул Димке, и они не торопясь пошли к сидевшим на берегу у костра русским, хлебающим из огромного котла уху.

- Сидай, Николай, – добродушно сказал мощный, кряжистый седобородый мужик, видимо старший. - Спробуй ушицы, тока сварили! А это кто с тобой? Геолог, аль нет? Тоже сидай, гостем будешь!

- Семён, - похлебав ухи, сказал старшему Николай, - парню в Посёлок надо срочно, однако. Они там без продуктов остались, на Дальнем Ручье. Отвезете?

- Отвезём, отчего ж не отвезти! – ответил Семён. - Нам как раз на плёсы к завтрему сети проверять и ставить, а оттудова и недалече! Домчим быстро!

- Ты парень, как там тебя кличут? - спросил Семён.

- Дима, Дмитрий, - отозвался тот.

- Ты, Димитрий, ложкой шуруй, шуруй, вот хлебца возьми! Видно, что отощал, оголодал, кушай, кушай! Сейчас и баню истопим, а то гляди ж, весь в глине, как первоотец наш, Адам! А завтре на зорьке и уйдем, а ночевать, вот к Ивану Рыжему определим, он один пока в избе, жена с детями к родне в Город уехала, погостить! Возьмешь постояльца-то, Иван?

- Возьму, как не взять, - густым басом отозвался кряжистый, высокий, рыжебородый Иван. - Места в избе много, чай не потеснит! Пойдем Димитрий, баньку стопим, попаришься! А чаевничать уж у меня будем!

Иван поднялся. - Прощевайте братья-артельщики, до зори! -

- Прощевай, Иван, - ответили ему. Иван поклонился всем сидящим у костра, Димка, как-то робко сказал: «Спасибо всем, спасибо за ушицу, давно такую вкусную не ел!» и тоже попытался сделать поклон, пожал руку Николаю, сбегал к лодке, попрощался с Трифоном, и побежал догонять Ивана.

- И что геологи всё по горам, да по тайге ходят, чего ищут? Голодают, парень-то, худой какой! - задумчиво произнес Семен, - и видать охота им, судьба их такая! И ведь из города едют, и тайги не нюхали, а вот гляди-ка ж! И ходят, и ищут! А сколь их пропадает! Вона в прошлый год, помнишь Николай, двух человек тайга взяла? Так и не нашли! И запрошлом годе сгинул один! Ой, лихо, и что им надоть-то?

- Руду ищут, однако, - отозвался подошедший Трифон, - руда сказывают, у нас тут в тайге есть! Стратегическая!

- Да, плохо дело-то, - сказал Николай, – разворотят всё, где оленей пасти, где рыбу ловить?

- Тайга большая, всё не разворотят! На наш-то век хватит! - успокоил его Семен. - И что ищут-то, можа ещё и не найдут! Всё от Бога! Сидай, Трифон, похлебай ушицы-то!

Иван привёл Димку в просторную избу, они вместе натопили баню, Димка с удовольствием пропарился, смыл с себя полуторамесячную полевую грязь, укусы гнуса, постирал одежду. Потом они с Иваном долго сидели в полутемной, прохладной избе, пили чай, неспешно беседовали.

Димка удивился необыкновенной чистоте в избе, и главное отсутствию икон, да спросить постеснялся. Иван сам заметил, и сказал:

- Молоканы мы, христиане духовные, нам эти доски писаные, иконы, ни к чему, в Евангелии о них ничего и не сказано! Ибо сам человек - икона Божия, по образу и подобию! И Богу мы поклоняемся, только в Духе и Истине! И сказал Апостол Пётр - «возлюбите чистое словесное молоко»! А Семёнушка Уклеин, основатель наш и добавил, что «Библия – молоко божие»! Оттого и прозываемся мы – молокане! И попов у нас нет, сами молимся, и не Христу, а Богу! Вот Семён, человек старый, уважаемый, он пресвитер у нас! Прозван-то он в честь основателя нашего, Семёнушки Уклеина! Собираемся все вместе в доме, молимся, гимны духовные поём! А ты-то сам крещёный, аль нет, православный, аль старой веры держишься? - Димка признался, что и не так, и не этак. Иван как-то сразу подобрел, засуетился за столом, достал туес с мёдом.

- Вот спробуй, паря, медок таежный, духовитый! Что нам Бог даёт, то мы и берём, а чужого нам и не надобно!

Иван долго расспрашивал о работе геологов, удивлялся, как так, без продуктов, без ружья по тайге ходить. Рассказал про свою артель, как рыбу ловят, как солят на зиму, коптят, сдают много государству. А зимой почти все охотятся, капканы, плашки ставят, на соболя, на куницу, на лося и изюбра ходят.

Димка уснул прямо за столом, Иван аккуратно разбудил его, сказал тихо: «Ишь, умаялся парень», довел до деревянной кровати.

- Спи, спи, паря, завтра с зарей вставать, ранехонько! - Димка провалился в сон.

Утром, ещё затемно, Иван разбудил Димку.

- Пора, паря, вставай! Идтить пора!

Они вышли из избы, было ещё темно, над рекой клубился туман. У реки уже сновали рыбаки, укладывали сети, навешивали моторы.

- Ну как спалось, Димитрий, - спросил Семён, - клопы-то не кусали?

- Отколь у меня в избе клопы, - обиделся Иван, - отродясь не было!

Артельщики-молокане рассмеялись.

- Видать поздно лег ты Иван, с Димитием беседу вёл, ещё и не проснулся, коли шуток не принимаешь! -

Рыбаки погрузили сети, запасные моторы, канистры с бензином, какую-то снедь в корзинах, накрытых чистыми тряпицами, расселись по лодкам. Семён велел Димке сесть в лодку к Ивану.

- У него мотор быстрый, он тебя мигом домчит, а мы помолимся, чтоб дорога нам была, да счастье в улове! Ибо всё от Бога идет!

Молокане молча помолись, потом вполголоса пропели какой-то духовный гимн, Димка так слов и не разобрал. Он крепко держал рюкзак, и с нетерпением ждал отправления.

Рыбаки завели моторы, лодки она за одной пошли вниз по реке. Шли около часа, заглушили моторы, на веслах подошли к берегу.

- Здесь помолясь и перекусим, а потом и далее пойдем, - скомандовал Семён.

Димку угостили вкуснейшим шанежками, молоком, хоть он и отнекивался.

- Кушай, парень, вкушай пищу! Она нам Богом дана! – увещевал его Семён. Рыбаки лишь кивали, видимо авторитет у Семёна был велик.

Перекусив, сели по лодкам и опять пошли по реке, шли ещё с час, потом река широко разлилась на плесы, виднелись яркие поплавки рыбачьих сетей.

- Ты, Иван, парня доставь, - сказал Семён, - да уж коль в Поселке будешь, прикупи там чего, сам знаешь – муки там, сахара, конфет ребятишкам! Вот тебе деньги артельные, - Семён передал Ивану завёрнутые в тряпицу деньги. - И скоро, не задерживайся там! Сети ставить надобно!

Иван поклонился всем, сказал Димке: Ну, парень держись, мы домчим скоро! -

Димка еле успел крикнуть рыбакам: «Спасибо, спасибо за всё, спасибо за приют!», как узкая, длинная лодка Ивана, задрав нос, понеслась по реке. Иван виртуозно обходил мели и редкие топляки, и

через час-полтора, показались дома Посёлка, пристань, знакомое здание склада.

У пристани стоял белоснежный катер и несколько моторок.

- Ну вот Димитрий, и прибыли! - сказал Иван.

- Спасибо Иван, спасибо за приют, за чай, за баню! - Димка пожал кряжистую руку, и почти бегом пустился к ГРЭ.

У деревянного одноэтажного здания Экспедиции стояли два «газика», ГАЗ-66 и даже вездеход.

«Так», - подумал Димка, «белый катер, моторки, «козлы» стоят, вездеход. Значит у Главного совещание! Это и удачно, значит на месте, и неудачно, можно прождать невесть сколько!».

Димка почти бегом миновал дремавшего вахтера, пронесся по полутёмному коридору и, распахнув настежь дверь, ввалился в приёмную Главного, где «правила» его секретарша Клавдия Кондратьевна, весьма полная, представительная, высокая и суровая дама. Почти на каждом пальце пухлых рук у неё был перстень или кольцо с каким-нибудь ограненным камнем, топазом, аметистом, даже изумрудом, или умопомрачительными местными агатам. В ушах болтались огромные каплевидные аметистовые серьги, а на шее висел огромный кулон из чистейшего голубого топаза. Завершала «гарнитур» колоссальная, с кофейное блюдце размером, брошь из медово-желтого, с красноватым оттенком сердолика, всё изделия местных умельцев из шлифовальной мастерской. Её любовь к большим и ярким камням знали все и обязательно старались задобрить каким-нибудь хорошим кристаллом или ограненным самоцветом. Как сострили работавшие здесь пару лет назад «Союзкварцсамоцветчики», - «все месторождения Района на пальцах, ушах и груди Клавдии Кондратьевны, и нечего тратить государственные деньги на их поиск, и так всё на виду, греби лопатой!».

- Димка, ты куда! - грозно попыталась приподняться из своего необъятного кресла Клавдия Кондратьевна.

- Здрасьте, я к Главному, срочно! -

- У него совещание важное, секретное! -

- Клавдия Кондратьевна, надо, очень надо, дело государственной важности! -

Из-за своих мощных габаритов секретарша не успела перехватить Димку, и тот с грохотом, через двойные двери влетел в кабинет.

За своим столом сидел Главный Геолог, было и несколько начальников Партий, Главный инженер, а в углу, в кресле развалился ни кто иной, как начальник соседней ГРЭ, про которого Димку Михаил и предупреждал. Около него важно восседал на стуле хитроглазый начальник Первого отдела ГРЭ. В кабинете висел густой табачный

дым, но окна были закрыты. Совещание и впрямь было секретное, не для чужих ушей.

- Димка, это ты? Ты что себе позволяешь! Ты почему здесь? Что - ЧП? Я вам, если что случилось…, - начал было Главный.

- Иван Антонович, - сказал Димка дрожащим голосом, - дело срочное! Очень срочное, поговорить надо!

- Я понял, что «очень срочное», раз ты через Клавдию Кондратьевну прорвался! Говори, что случилось!

- Иван Антонович, тут дело такое, только в приватной, личной беседе могу!

- Это что ещё за тайны! - подал голос вальяжно развалившийся в кресле начальник соседней ГРЭ, одетый по моде 30-х-50-х годов - в полувоенный френч, галифе и яловые сапоги. - Ну и кадры у тебя, Иван! Ты мне его дай, на месяц, на перевоспитание!

Главный молча посмотрел на Димку, тот незаметно подмигнул, Главный, кажется всё понял и объявил:

- Заседание откладывается на полчаса, идите, покурите, чаю попейте, или в столовую!

- Иван, ты что, надо дело делать, а ты здесь с какими-то пацанами гуторить будешь, - возмутился начальник соседней ГРЭ.

Главный медленно поднялся из-за стола, его мощная высокая фигура, уже располневшая, выглядела весьма внушительно. Лицо налилось кровью.

- Я здесь начальник, - рявкнул он, - и я здесь решаю - с кем мне говорить, а с кем нет! И когда! Прошу всех покинуть мой кабинет до особого распоряжения!

Выходящие задвигали, заскрипели стульями, а выходя, с удивлением посматривали на Димку, на его не стриженую голову, лохматую бороду, потёртый, грязный рюкзак, обмотанную проволокой двустволку.

Начальник Первого отдела, проходя мимо, ухмыльнулся, оглядел Димку с головы до ног. Последним вышел начальник соседней ГРЭ, грозно посмотрел на Димку, покачал головой.

- Двери все закрой и рассказывай, - приказал Главный. - Что у вас там стряслось, Мишка где?

Димка молча развязал рюкзак, вынул завернутые в грязный брезент и несколько пробных мешочков отчёт и карты, протянул Главному.

Тот развернул написанную карандашом записку, быстро пробежал глазами, прочитал ещё раз, удивленно посмотрел на Димку, прочитал и в третий раз, очень внимательно, вчитываясь в каждое слово. Долго и тщательно рассматривал разрез и карту.

Димка сидел как на иголках, свернул дрожащим руками самокрутку, закурил. Главный поднял глаза:

- Ты что за опилки куришь?

- Что дают на складе, то и курю!

- На, покури нормальных, - Главный протянул пачку «Беломора». Димка жадно схватил пачку, вытряс три папиросы, закурил, а две ещё засунул за каждое ухо.

- Там Михаил случайно головой не приложился? - с подозрением спросил Главный. Димка молча вытащил из рюкзака несколько мешочков, развязал, положил перед Главным.

Тот раскрыл, один, второй, вынул лупу, внимательно посмотрел образцы, схватился за сердце, вынул из ящика стола таблетки, положил под язык.

- Что, месторождение? – шёпотом спросил он у Димки. Тот кивнул.

- Знал, знал я… - глухо проворчал Главный. - А как Мишка? Почему тебя послал, а не сам?

- А он с Архипом ещё соседнюю сопку облазить хочет! -

- Вот неугомонный, - улыбнулся Главный,- а что это ты такой чистый? И как добрался?

- Пешком по ручью, там посидел, рыбку половил, к вечеру эвенки шли со стойбища, до Фактории подбросили, а на Фактории рыбаки-молоканы подсобили, у них и ночевал, в бане помылся, постирался.

- То-то я смотрю, ты чистый, как от бабы! А теперь рассказывай всё по порядку! И подробно! Что и как!

Димка рассказал и про маршруты, и про сопку, и как они неделю по ней лазали с Мишкой, и про Архипа, и даже про суп из рябчика, и какого он тайменя поймал, пока сидел у реки.

- И ещё, Иван Антонович, меня Мишка предупредил, чтобы никто, кроме Вас про это не знал. А особенно «соседи»!

- Правильно говорит! Моя школа: «Нашел - молчи, потерял - молчи!».

Главный задумался….

- Так, ты сидишь здесь, сейчас тебе принесут обед, чай! Из моего кабинета - ни на шаг!

Главный открыл сейф и спрятал туда отчет, карту и образцы. В сейфе глазастый Димка успел подметить бутылку коньяка.

Главный встал из-за стола, и, прихрамывая, открыл двери.

- Клавдия Кондратьевна…. - начал было Главный, - …а ты что здесь сидишь? Я же сказал – все свободны!

- Да вот жду, когда освободишься, договорить-то надо! – послышался из приёмной начальственный басок «соседа».

- Клавдия Кондратьевна, - железным голосом приказал Главный, - убедительная просьба объявить всем, что заседание откладывается на неопределённый срок ввиду чрезвычайных обстоятельств!

- Ты что Иван, завтра же из Госплана звонить будут, им сводки нужны! -

- Вот ты им и ответишь! Садись на свой белый катер и дуй к себе, писать на меня очередную «телегу»! -

- Иван, да что ты….. – начал было «сосед». -

- Да знаю я всё! - заорал Главный, - Это мой участок, это моя Экспедиция, и нечего здесь ошиваться почём зря! Сказали тебе - заседание отложено! О дополнительном дне заседания сообщу тебе лично! Будь здоров!

Главный подошёл к окну, смотря, как «сосед» скорым шагом шёл к своему белоснежному катеру, дождался, пока катер отчалит от пристани.

- Обиделся, не дали чёрту старому разнюхать, - пробурчал Главный, - Опять на меня мешок бумаг пошлёт! Ну и чёрт с ним! Месторождение-то наше! - И быстро вышел из кабинета:

- Дорогая Клавдия Кондратьевна, убедительная просьба никого ко мне не пускать! Слышите, никого! И чтоб через 10 минут были – зам. по снабжению, Главный инженер, начальник аналитической лаборатории! И чтобы мигом!

Перепуганная Клавдия Кондратьевна схватила трубку телефона и стала крутить диск.

- После их прихода все телефоны и селектор – отключить! Дверь в Экспедицию закрыть, вахтера у двери! Никого не пускать! Даже начальника Первого отдела! Впрочем, он и не придёт, не дурак… Да, чуть не забыл – и начальника лётной части! И распорядитесь, пожалуйста, насчет чаю и обеда Диме!

Димка под шумок выкурил уже с полпачки «Беломора», в голове у него немного кружилось и шумело. Он думал: «Во дает, Главный! Авторитет же у него! Всех разогнал! Во, мужик!».

Ровно через десять минут, Димка засек по часам, из столовой принесли судки с обедом, а безмерно удивлённая Клавдия Кондратьевна принесла чай. Вошли не менее удивлённые столь срочным вызовом начальник лётной части, «начлёт», в фуражке «с крылышками» и лётной кожаной куртке, сухощавый молчаливый зав. аналитической лабораторией, вечно улыбающийся толстяк в кожанке – зам. по снабжению, «начснаб», и мрачный, чем-то похожий на Главного Геолога, высокий и полноватый Главный инженер. Они с удивлением посматривали на сидевшего в углу Димку.

- Так, все в сборе, - сказал Главный. – То, что я скажу, должно остаться в стенах этого кабинета! Почему, объясню позже! Да вы и сами поймете! Вы те немногие, которым я доверяю, как себе!

- Вот, - продолжил Главный, - вы его знаете, это Дима, старший техник Пятого отряда, подчиненный Михаила Николаевича, - он указал на жадно поглощавшего обед Димку. Тот вжал голову в плечи и чуть не подавился.

- Итак, на Дальнем участке Пятым отрядом было обнаружено месторождение Металла, о котором долдонили на каждом совещании! Месторождение по предварительным, подчеркиваю, предварительным данным, тянет на месторождение мирового масштаба! Участок труднодоступный, но надо взять «промпробу» и провести предварительное бурение! И сделать так, чтобы никто из соседей не прознал! Почему – надеюсь, понимаете!

- Так, Андрей Николаевич, - обратился он к начальнику аэродрома, - твоя задача обеспечить мне самый опытный экипаж! Я так понимаю, сесть там трудно? - обратился он к Димке.

- Да, Иван Антонович, нелегко, тайга да сопки. Но километрах в пяти, ручей разливается, и «борт» вполне может сесть! -

- «Вполне может сесть!», - передразнил «начлёт»! - А машину угробим, кто отвечать будет? А если люди погибнут?

- Всю ответственность беру на себя, о чем и напишу соответственный приказ, - железным, не терпящим возражения голосом, сказал Главный, – поэтому и прошу подготовить лучший экипаж!

- Будет выполнено, - ответил слегка обескураженный «начлёт».

- Владимир Сергеевич, - повернулся Главный к инженеру, - готовь лучшую бригаду буровиков и переносную буровую!

- А где я тебе возьму людей? Все на «точках»… И оборудования у меня лишнего нет!

- Снимай с «точек», доставляй! Ты Главный инженер, или я? И чтобы завтра утром лучшая бригада была здесь в полном «вооружении»! «Борт» обеспечит Андрей Николаевич! Обеспечишь? - Тот только обреченно вздохнул и развел руками.

- А оборудование… - Главный повернулся к «начснабу», - Иван Тимофеевич, есть станок? И трубы, и шарошки, и головки буровые? - Тот широко улыбнулся:

- Для такого дела – найдется! -

- Знаю, знаю, ты запасливый! И мешки, лопаты, кайла, ломы! Ящики для керна! И людей, людей, кого найдете, хоть человек пять-шесть, таскать на себе придется до «вертака», как вы поняли, не менее пяти километров!

- Да где ж я людей возьму, - жалобно простонал Иван Тимофеевич, - все же в маршрутах!

- Я не хуже твоего знаю, что все в маршрутах! Ищи! Не найдешь – сам мешки таскать будешь! Кладовщиков своих бери, вон вахтер сидит, зад протирает! Захочешь - найдешь!

- Вот жук! - загремел вдруг Главный инженер, - «нет у меня ничего, не дали, не выделили», а у самого, небось, склад забит!

- Для такого дела и берег, – улыбался «начснаб».

- Итак, подвожу итог! Сейчас 14.00! Завтра к 10 часам, максимум к 11 всё должно быть готово! В 12.00 - вылет!

- Юрий Викторович, - обратился Главный к зав. аналитической лаборатории. - Все работы свернуть, всех химиков, лаборантов, всех кого можно, по прибытии материала - на работу с рудой! Шлифы делать срочно, хватит твоим шлифовальщикам шкатулки клеить и для Клавдии побрякушки делать! И «промпробу» мне обеспечь! Сможешь?

- Сделаем, - коротко ответил немногословный Юрий Викторович.

- Иван Антонович, и продукты, - встрял Димка, - там Мишке и Архипу жрать совсем нечего!

- Иван Тимофеевич! Твоя забота! Обеспечь всех продуктами, и хорошими, «по высшему разряду»! И выдай им не махру, а нормальное курево! Ой, смотри, проведу я у тебя ревизию! Да, и последнее - я тоже лечу!

- Вам же нельзя, Иван Антонович, - с тревогой сказал Главный инженер, - с Вашим сердцем!

- А ты со мной и полетишь! Ты ж по образованию буровик? Вот и проследишь за бурением и за мной заодно! Этот Металл, это Месторождение, я предсказал ещё 20 лет назад, а мой ученик, мои люди, из моей Экспедиции его нашли! И ты мне предлагаешь в кабинете сидеть? Врачам ни слова! И всё делать тихо, без суеты, всё должно выглядеть как обычная заброска на участок! Куда летим – ни слова! Все свободны! Завтра в 8 утра у меня! Работайте!

Все вышли из кабинета. С Главным спорить было бесполезно – раз сказал, значить сказал. «Железный человек» - с восхищением подумал Димка, «прямо-таки – железобетонный!».

- Так Дмитрий, теперь с тобой! Переночуешь в общаге, мест полно, скажешь коменданту - я приказал!

- Да вы, Иван Антонович, не волнуйтесь, где переночевать я найду, - Димка скромно потупил глаза.

- Опять к очередной крале заявишься, как летний снег? – Главный улыбнулся.

Димка вдохнул и кивнул.

- Смотри – напьёшься, хоть запах учую! Уволю сразу! -

- Иван Антонович, да я… - начал было оправдываться Димка.

- «Да я…»! Я про все твои и ваши художества знаю! Что думаешь – не докладывают? Только я эти докладные в сортире использую, по назначению! Ты меня понял? Ни капли! Сейчас идёшь на склад, а эту «бандуру» двуствольную у меня оставь! Я ещё с начснабом поговорю «по душам», что он людям в поле дает! Дуй мигом на склад, я позвоню, отбирай продукты, лучшие, я ещё и записку черкану, а уж потом – к своей крале! И завтра в 8 утра – у меня в кабинете! Из Посёлка ни на шаг, никому ни слова! Приехал за продуктами! И точка!

Главный написал несколько слов на четвертушке бумаге, протянул Димке.

- Если не будут давать, скажи, я приказал! И построже там с ними, построже! А то отсидели зады на тёплом месте! Ох, разгоню я скоро всех, разгоню!

Димка поднялся, взял тощий рюкзак.

- Погоди-ка, - остановил его Главный, - присядь.

Он открыл сейф, достал бутылку коньяка и два фарфоровых химических тигля, разлил.

- Спасибо тебе, и Мишке спасибо! - голос Главного дрогнул. – За Месторождение!

- За Месторождение! - повторил Димка.

Они выпили, главный убрал коньяк обратно в сейф.

- Больше ни капли! Свободен! -

Димка вежливо попрощался с Клавдией Кондратьевной, с густо накрашенного лица которой так и не сходило изумление, вылетел на улицу, чуть на зашибив дверью вахтера, и бегом понесся к складу.

То ли Главный уже позвонил начснабу, то ли записка возымела своё действие, но «Пат и Паташон», как прозвали кладовщиков – маленького, толстенького, и длинного, худого, выдали ему всё и по «высшей категории». Многих продуктов Димка отродясь не видел! Ветчина консервированная, чешские сосиски в банках, какой-то неведомый импортный паштет, тушенка армейская, копчёная колбаса, макароны «Соломка», гречка, галеты, сахар-рафинад, чай «Индийский» «со слоном», какао «Золотой ярлык», «Беломор» фабрики Клары Цеткин, сигареты «Арктика» и прочее, и прочее. Оба кладовщика мрачно выносили из разных углов огромного склада всё новые и новые продукты, и со вздохом кидали их Димке в мешок и рюкзак.

- Вы-то это, небось, каждый день лопаете? - весело спросил тот, пряча пару пачек «Арктики» по карманам.

- Получил продукты? Проваливай! - мрачно произнес «Паташон», и почти вытолкал Димку со склада, в дальнем углу которого, возле разложенных на брезенте «буровых железок» переругивались «начснаб» и Главный инженер.

Димка вышел, присел на бревно, с наслаждением выкурил пару сигарет, поднялся, вдел лямки рюкзака, взвалил на плечо огромный мешок, и не спеша побрёл на окраину поселка, к знакомому домику с палисадом…

Утром, без пятнадцати восемь, Димка с большим рюкзаком, набитым продуктами, был уже у дверей ГРЭ. Подошел ГАЗ-66 с бригадой буровиков, они расселись вдоль стены, закурили. Притопал улыбающийся начснаб, за ним мрачный Главный инженер, с новым рюкзачком, в новых сапогах и новехоньком энцефалитном костюме. Буровики, сидя в промасленных и грязных робах, телогрейках и негнущихся брезентовых куртках, искоса, переглядываясь, внимательно осмотрели «прикид» начальника.

Без пяти восемь на «газике» подкатил Главный. Он был в старых, стоптанных, не один сезон прошедших «кирзачах», потрёпанной и штопанной энцефалитке, с вытертой полевой сумкой.

- Ну что, все в сборе? А где «рабочая сила»? - он грозно посмотрел на «начснаба». –

- Сейчас будут, - по обыкновению улыбнулся тот, - Вы же сказали к восьми…

- Жду до восьми, не будет людей – сам полетишь, и будешь мешки таскать!

- Да вот они, бегут… -

Подбежали, запыхавшись, «Пат» и «Паташон», пара бичей из барака - «Беспалый» (у него не хватало трех пальцев левой руки, попал под пилораму по пьянке, а имя его так никто и не знал) и «Иван Кривой», одноглазый, здоровый мужик, «из бывших», завязавший зэк, обычно работавший трактористом. Прибежали и два молодых парня.

- Это кто такие? - кивнув на парней, спросил Главный.

- Студенты, позавчера прибыли, на практику, на буровую их направили, - ответил Главный инженер.

- А почему я не знаю? -

- Так ты ж занят был! Я тебе и записку докладную подавал, ты и подписал! Через бухгалтерию их провели, - мрачно произнес Владимир Сергеевич.

- У меня этих записок в день, если обратно в дерево перевести, то дом построить можно! Все ко мне в кабинет, на «пятиминутку»!

«Пятиминутка», как это обычно бывает, затянулась на полчаса. Главный сказал, кому и что делать, Димку назначил «главным над «мешочниками» и «копальщиками», предупредил буровиков, что место для бурения сложное, и что придется тащить оборудование на себе в гору.

- Справимся, Иван Антонович, - степенно пробасил бригадир буровиков, Макар Степанович. - Тем более с нами, вот, начальник будет, поможет, если что!

Буровики загоготали, а Главный улыбнулся.

– Для того и летит, чтобы вам помочь! Поможешь, Владимир Сергеевич?

Тот мрачно улыбнулся:

- Помогу, помогу, я ещё не забыл, как со станком буровым управляться!

Главный встал, взял со стола несколько бумаг.

- Вопросы есть? Тогда по машинам и на аэродром!

Грохоча сапогами, все вышли из кабинета. В приёмной сидела встревоженная Клавдия Кондратьевна, и уже в новом «гарнитуре».

Главный положил перед ней на стол бумаги.

- Я улетаю на «точку», на два-три дня, а может и неделя! Связь по рации! По пустякам не беспокоить! Вместо меня остаётся Иван Тимофеевич! Все приказы я подписал! - Главный ткнул пальцем в бумаги.

- Будут звонить сверху, и уже скоро будут – я в больнице, я умер, меня нет, я уехал! А вы ничего не знаете! Всё! Поехали!

Все расселись в ГАЗ-66, в «газик» сел Главный с инженером, посадил к себе и Димку, и, оставляя шлейф пыли, машины поехали на аэродром.

…«Начлет» мрачно ходил вокруг МИ-8, придирчиво осматривал, трогал колёса.

Командир экипажа, веселый, бесшабашный Костя, увещевал его:

- Да я где угодно сяду, лишь бы площадка была «два на два» и место для лопастей!

- «Где угодно сяду», - передразнил «начлет». - А кто мне машину угробил два года назад?

- Так ветер был боковой, порыв сильный! Кто ж знал-то! А потом этот «борт» собрали, он и теперь летает! Я и сам на нём потом ходил пару рейсов! Держит нормально!

К вертолету подкатил на «газике» Главный.

- Ну что, грузимся? – сходу спросил он у «начлёта».

- Вот командир, с ним и разговаривай, - огрызнулся тот, и полез под брюхо вертолёта.

- Ишь ты, развоевался, - вполголоса произнес Главный, и поздоровался с командиром экипажа.

- Костя, грузиться можно?

- Да можно! - весело сказал Костя, - Грузите, бортмеханик присмотрит!

- Кирилл, - окликнул он невысокого, в замасленной кожанке бортмеханика. - Присмотри за погрузкой!

- Есть, товарищ командир, - чётко ответил бортмеханик и стал распоряжаться, что куда положить, как привязать.

Тем временем, Главный отвел в сторону Костю, подозвал Димку и, развернув карту, стал показывать командиру место высадки.

- Сможешь, Костя? На тебя вся надежда, иначе нам эту тонну образцов, снаряжение, продукты и буровое оборудование 20 километров таскать до Большой Реки, этак мы и за месяц не управимся!

- Если Дима говорит, там посадка есть, сяду! Главное не сесть, Иван Антонович, главное - потом взлететь! -

- Ты нас доставляешь, мы разгружаемся, уходишь обратно, когда всё готово будет, по рации сообщим, и придёшь туда же! Если место разглядишь ближе – ещё лучше! Людей у меня мало, а времени ещё меньше!

- Сделаю, Иван Антонович, всё сделаю! -

Через час, когда почти всё уже было погружено, у вертолета невесть откуда появился длинный, лысоватый, с реденькой пономарской бородкой, чудаковатый Лёха Епиманов, личность известная не только во всем Посёлке и во всех Партиях ГРЭ, но, пожалуй, и во всем Районе. Чем он занимался и где работал, не знал, пожалуй, никто, даже отдел кадров. Его видели то таскающим ящики на складе, то работающим на пилораме, то он сколачивал ящики для керна, то выносил объедки из столовой, а то просто сидел на завалине у ГРЭ и «смоля» папиросу за папиросой, беседовал с вахтером или поселковыми собаками. У Лёхи было странное прозвище - «Первый снег». Так его прозвали за то, что как только выпадал первый снег, обычно в конце сентябре или начале октября, он исчезал до весны. Где он был, что делал - не знал никто. Но весной он опять «воскресал», и, то крутил гайки в мехмастерской, то ошивался в хлебопекарне, то ворочал трубы на ближайшей буровой, но чаще всего сидел на нежарком солнце, на завалинке, окружённый поселковыми собаками.

В маршруты его давно не брали, так как в каждом отряде, где он работал, обязательно что-то случалось, то кто-то сильно заболевал, то ломал руки или ноги, а то и вообще погибал. Считали, что он приносит несчастье, и начальники партий и отрядов, даже в период страшного летнего «безлюдья» категорически отказывались его брать на работу.

- Ты чего здесь ошиваешься, Лёха? – удивлённо спросил Главный.

- Да вот прослышал, вам люди нужны, так я, эта, пришел… Помочь…

- Может мы без твоей помощи обойдемся… - начал было бригадир буровиков, но Главный прервал его.

- Знаю об этом суеверии, Макар Степанович, знаю! Считайте, что я за него отвечаю! И вообще, здоровые мужики, а в сказки верите, в заклятия! А я, между прочим, с ним в маршрут ходил!

- После чего у тебя инфаркт первый и случился, - вполголоса добавил Главный инженер.

- Так, без разговоров, я решаю! Сейчас каждый человек на счету! Даже вон этих «дармоедов» прислали, - он указал на «Пата» и «Паташона», скорбно сидевших на ящиках. - Мешки таскать может, значит, будет таскать! Вся ответственность на мне! Кстати, а где ещё один дармоед, вахтёр-то где?

- А он заболел, жена говорит, с температурой высокой лежит! - ответил, улыбаясь начснаб.

- Прилечу – уволю, - кратко сказал Главный. - Всё погрузили? По местам! Костя, заводи!

Все расселись в брюхе вертолета между ящиками и мешками, свернутыми кошмами, спальниками, палатками и свертками брезента, перевязанными проволокой лопатами, кайлами и ломами, бензопилами, буровыми трубами и деталями переносной буровой.

Вертолет раскрутил винт, подпрыгнул, взлетел, на бреющем полёте сделал круг над посёлком и пошёл вдоль реки.

Из кабины высунулась голова бортмеханика:

– Эй, мужики, в полёте не курить!

- Да знаем, знаем мы, - ответили ему нестройным хором, косясь на огромные цилиндрические оранжевые баки с горючим, по бокам бортов вертолета.

Через примерно час лёта, Костя вызвал в кабину Главного и Димку. Они почти подлетали, уже была видна и сопка, со свежими раскопами, и соседняя сопка с четко выделявшимся слоем руды, костер, выцветшая до белизны палатка, и две фигурки, стоявшие, задрав головы. Костя минут тридцать делал круги, пытаясь сесть, и, наконец, умудрился приземлиться всего в километре от лагеря, на каменистом русле ручья.

Вертолёт коснулся колесами камней, из кабины вынырнул бортмеханик, открыл дверцу, прыгнул вниз, пригибаясь от винтов, обежал вертолёт, и какими-то странными жестами стал что-то показывать командиру.

Машина, наконец, умостилась на камни ручья, винты стали уменьшать обороты, и, остановившись, как-то беспомощно обвисли. Наступила тишина.

Костя вышел из кабины, вытирая пот, струившийся с лица. Рубашка на его спине была мокрая, хоть выжимай, видимо посадка далась экипажу нелегко. Костя выпрыгнул на камни, огляделся, закурил.

- Димка, иди сюда! К следующему прилёту пусть твои «архаровцы» спилят вокруг на расстоянии двух метров все деревья, а то я чуть винты не поломал! И лучше, если сделают настил! А то я боюсь, такой посадки у меня уже не больше не будет! До сих пор руки трясутся!

- Сделаем Костя, сделаем!

Вышел Главный, начал распоряжаться.

- Димка – руководи выгрузкой, ты ж «начальник»! Проследи, чтобы ничего не забыли! Макар Степанович – ты свое оборудование берёшь! Я с Владимир Сергеевичем – в лагерь!

Пошла разгрузка, вытаскивали, носили, таскали в лагерь, «Беспалый» и Иван-Кривой, взяв бензопилы, сразу стали аккуратно валить деревья вокруг, расчищая место.

Димка пришел в лагерь последним, волоча тяжеленный рюкзак с продуктами. В лагере стоял «дым коромыслом», громоздились кучи ящиков, мешков, снаряжения…

На одной ноге (вторая была обмотана полосками грязного брезента), опираясь на самодельный деревянный костыль, приплясывал Мишка, и, размахивая свободной рукой, что-то рьяно объяснял Главному.

Пришел экипаж вертолета, попрощался. С ними пришли «Беспалый» и «Иван Кривой», таща на плечах бензопилы.

- Связь завтра в восемь ноль-ноль, - сказал Главный Косте, – как только отберем пробы, это дня два-три, с утра и прилетишь!

- Конечно, Иван Антонович! Без проблем! Ждите!

Экипаж ушёл, послышался шум винтов, вертолёт сделал круг над лагерем и ушёл в сторону Посёлка.

Главный громко сказал:

- Всем внимание! Работы много! И сделать её надо хорошо и быстро! И ещё – всем кто здесь! Важное объявление! После окончания этих экстренных и весьма важных для государства работ я, Главный Геолог ГРЭ, гарантирую всем премию в размере… - Главный в общей гробовой тишине сделал театральную паузу, - в размере трехмесячного оклада! А пятому отряду – полугодового!

Послышались крики «Ура!», возгласы «Ух ты!», радостная матерщина буровиков, Лёха пустился в пляс, Архип бормотал: «Есть фарт-то в жизни, есть!».

Димка подошел к улыбающемуся Мишке, и тревожно спросил:

- Что с ногой? Перелом?

- Да нет Димон, вчера растянул! Архип мне костыль соорудил, но прыгаю, как на двух! Как капитан Сильвер!

- Я смотрю, прямо пиратская команда собирается - и одноногий, и одноглазый, - стараясь «покрасоваться», встрял один из студентов.

- Ты парень, помалкивай, и «смотри» поменьше! - буркнул «Иван Кривой», - здесь таких слов любят! Здесь тебе не университет, здесь за лишнее слово можно сразу и без ног, и без глаз остаться!

- Тихо, тихо, Иван, не бузи! Парень просто пошутил! - крикнул ему Мишка, а студент, покраснев как помидор, постарался затеряться между грудами оборудования.

- Вы жрать-то хотите? - спросил Димка.

- А то! Мы вчера двух евражек слопали, я их из «ТТ» подкараулил! А сегодня Архип какое-то варево сварганил, мы и сами не поняли, что это такое! А что совсем плохо - чай кончился и курево! Я как чуял, что вы сегодня прилетите! Даже с Архипом поспорил на пачку чая! Так что Архип – с тебя пачка!

- С премии отдам, - улыбнулся щербатым ртом Архип.

- Ну ладно, пусть народ барахло таскает, я их и на сопку провожу! А вы тут пока…, - и Димка развязал рюкзак.

Архип аж присел, и опять пробормотал «Фарт, вот фарт!», а Мишка быстро схватил банку сосисок, моментально вскрыл её ножом, засунул грязные, заскорузлые пальцы в банку, и тут же съел… Через пару минут та же участь постигла и банку с консервированной ветчиной. После чего Мишка вынул пачку «Беломора» и с наслаждением закурил.

- Архип, очнись! А то, как удав на кролика, на жратву смотрит! Никогда не видал, что ли? -

- Не, никогда, - признался Архип, - как это хоть едят-то?

- Как и всё едят - руками и ртом! Давай перекуси, покури и на сопку, новоприбывшим помогать! -

- Так, Михаил, - сказал Главный, - пусть Архип передохнет, на нём лица нет, кожа да кости, ты даже его умудрился загонять! И сиди здесь, мы уж сами всё найдем! Да и Димка всё знает! Димка, бери свою «бригаду», мешки и прочее, и на отбор проб!

- Внимание! Информация для буровиков! – неожиданно сказал Мишка.

- Макар Степанович, я там разметил профилёк колышками, белыми, они приметные. Вы прямо на сопку идите - там первый колышек в метрах в 100 отсюда, ну и дальше через каждые 25 метров!

И сколько ты колышков всего набил? - подозрительно спросил Главный инженер.

- Да немного, - ответил Мишка, выковыривая пальцами гусиный паштет из банки, - штук 200!

- Вот дьявол, это ж пять километров! Бурить - не перебурить! - возмутился и одновременно восхитился бригадир буровиков…

- Ну пока-то можно через один-два «шагать», а то и каждый пятый… Они у меня на карте-то отмечены, не потеряем! И думаю я, здесь бурить надо метров на 10-15, не более! Всё месторождение - на поверхности! А контур его! Туда, - Мишка махнул банкой в сторону от реки, - километров пять и к реке десять! Минимум! Вот и считайте запасы, товарищ Главный Геолог!

Буровики, взяв переносную установку, трубы, инструмент, ушли, с ними ушёл и Главный инженер. Ушла к сопке и Димкина бригада, таща ломы, лопаты и мешки. Ушли валить лес и делать настил «Беспалый» с Иваном.

В лагере остался Мишка, Архип и Главный…

- Ну что, Михаил Николаевич! Не зря мы с тобою 10 лет работали! – сказал Главный.

- Да не зря, - грустно ответил Мишка, - как-то даже обидно, что вот всё, мечта исполнилась, и что дальше делать?

- Работать, Михаил Николаевич, работать! Здесь ещё есть Металл! Это ты на поверхности нашёл, в коре выветривания, «сливки снял», а рядом и глубже, думаю я, запасы ещё больше! Будем искать! Бурить! Геофизику сейчас привлечем! Отработаем «промпробу», аналитику сделаем, шлифы, полечу в Москву, в Министерство, и ты со мной! Отчет составим, образцы раскидаем по разным институтам, для точности! В ИГЕМ отдадим, у них химики-аналитики отличные, в ВИМС, в ИМГРЭ! И деньги выбьем на дальнейшую разведку!

Показались два студента, тащившие мешки с пробами. Послышался шум буровой установки.

- Вот и работа пошла, - сказал Мишка, - буровики за дело взялись, сейчас и керн пойдет!

- Эй, парни, - окликнул он студентов - расстилайте брезент и все мешки на него!

- Пойду я, всё-таки взгляну на месторождение! – сказал Главный.

- Я с Вами, - ответил Мишка, схватил свой «костыль», и попытался подняться.

- Сиди, сиди, я приказываю! Будешь следить за пробами, а то эти «дармоеды» всё раскидают, потом не найдешь! А Архип пусть к вечеру ужин сделает, да побольше, народа-то много!

- Да, Архип мастер! - рассмеялся Мишка, - из топора кашу сварит!

Главный ушел. Мишка съел ещё банку какого-то паштета, сидел у костра, курил, и почему-то загрустил. Он думал, что работа почти сделана, что придется где-то и что-то начинать заново, что Главный уже не тот, что был раньше, постарел сильно, сдал, хотя и остался тем же «Железным Феликсом», как звали его иногда в Управлении, в

ГРЭ, и даже в Министерстве, свою точку зрения он отстаивал всегда… Или почти всегда… И что вообще-то эта работа, которую они провели за почти десять лет, все эти безумные, сложнейшие маршруты по горам и тайге, стертые до крови ноги, больные спины, холодные ночёвки у костра, опухшие от гнуса лица и руки, переправы через бурлящие реки, голодовки, ночи сидения над отчетами и картами в табачном дыму, никому особо и не нужны. Был нужен только Металл! И он, Мишка, Михаил Николаевич, этот Металл нашёл! Цель достигнута - и что дальше?

Мишка вздохнул, повернулся к молчавшему Архипу, который уплетал сосиски, заедая их копченой колбасой, и сказал:

- Ставь-ка чайник Архип, чай хороший есть! И сахар есть, и конфеты! Побалуемся!

Приходили, один за другим, Димкины «работники», принося двадцатикилограммовые мешки с пробами, забежал пару раз и сам Димка, проверить, повидать, гонял бестолковых «Пата с Паташоном» и Лёху, за то, что работали медленно, сказал, что Главный в восторге неописуемом, пьет валидол, порывался на сопку полезть, да не пустили, «еле удержал».

«Вот», - подумал Мишка, - «начальник растёт, умеет с людьми работать, ишь как развоевался! И правильно! Моя школа! Людей гонять надо, а то толку не будет, работы не будет… А работа - это главное!».

К вечеру почти половина проб было отобрано, пришли и буровики, успевшие «отработать» 50 скважин, а с ними перемазанный в смазке и глине Главный инженер. От его новехонького «полевого костюма» не осталось и следа, а на лице сияла необычная для него улыбка.

- Что улыбаешься, Владимир Сергеевич, - спросил у него, также перепачканный с ног до головы красновато-бурой глиной Главный, - по работе соскучился? -

- Да, Иван Антонович, вспомнил я, как 30 лет назад помбуром начинал! Брошу-ка я всю эту бумажную и руководящую канитель и пойду в бригаду к Макару! Возьмешь, бригадир?

- Возьму, отчего не взять, - улыбнулся тот,- навык есть, а опыта с годами наберешься! - добавил он под хохот буровиков.

Димка послал студентов, Лёху и «Пата с Паташоном» таскать керн в ящиках. Подошли Беспалый с Иваном-Кривым.

- Слышь, начальник, - сказал Димке Иван, - мы тама участок расчистили, брёвна осучковали, завтре и площадку наладим!

- Хорошо, мужики, спасибо! Сейчас ящики с керном таскают, помогите уж там немного, да и ужинать будем!

Архип, ошалевший от невиданной еды, сварил два ведра снеди, куда положил, кажется всё что было - и сосиски, и ветчину и тушенку, и гречку, и макароны, и даже копчёную колбасу!

Голодный, наработавшийся народ смеялся и хохмил:

- Ты Архип, случаем, туда свои портянки для скуса не положил? Для навару?

Архип, улыбаясь щербатым ртом, раскладывал по здоровенным мискам аппетитно пахнущее варево. Народ ел, да и похваливал.

- Отродясь такого не едал, - пробасил Макар Степанович. - Теперь жинке закажу, - продолжил он под общий смех, - чтоб каждый день готовила!

Оба ведра были съедены в один миг, заварили крепчайший чай, пили с галетами, печеньем, конфетами. Посидели у костра уже в темноте, покурили, побалагурили, да и пошли спать по палаткам.

У костра остались Архип, Димка, Мишка, Главный да Владимир Сергеевич.

- Ну что, мужики, - начал Главный – вошли вы в историю, вы трое, Пятый отряд Первой Партии Второй ГРЭ! Теперь ваши имена будут наравне с Попугаевой, Билибиным, Соколовым и другими! Месторождение наше, и я навскидку вижу, уникальное, запасы – считать - не пересчитать! Прилетим в Поселок, прикинем, что и как, карты сделаем, разрезы, записку к ним, аналитику посмотрим!

- Михаил Николаевич, - обратился он к ошалелому Мишке, - после того, как с бумагами покончим, я лечу в Москву, в Министерство, доклад там делать буду! Ты, как понял уже, летишь со мной! Может и в Госплане придётся выступать! И берём с собой Димку, пусть по Москве походит, москвичек поохмуряет, и Архипа берём! Иначе он тут опять после премии в запой уйдет! А я его там пристрою, на хорошее место! И комнату дадут, и пить не будет!

- Дак, - сказал, почесывая в затылке, обалдевший от таких перспектив Архип, - как бы и паспорта–то у меня нет, как я отседова улечу-то, без паспорта?

- За паспорт не волнуйся! Тебе его за три дня оформят, только помойся, постригись, да побрейся! И рот широко не открывай, когда фотографироваться будешь! И приодень что-нибудь, не в этом же рванье на паспорте изображаться! Премию твою я тебе только в Москве отдам, а то знаю я вас, чертей, как червонцы увидите – сразу в запой!

- Нет, Иван Антонович, я решил - завяжу, и значит решил! Всё! Точка!

- Ну и хорошо! Главное – не сорвись! Завтра всё доделаем, послезавтра Костя прилетит! Пошли спать! Утро вечера мудренее!

Архип долго сидел в одиночестве у затухающего костра, думал о невиданной им Москве, представляя, как он в костюме и туфлях лакированных будет по улицам широким ходить, Кремль смотреть. «…Главное - в запой не сорваться…», - твердил он про себя. – «…А фарт - вот он, пошел. А раз фарт пошел, значить, и жизнь может наладиться!».

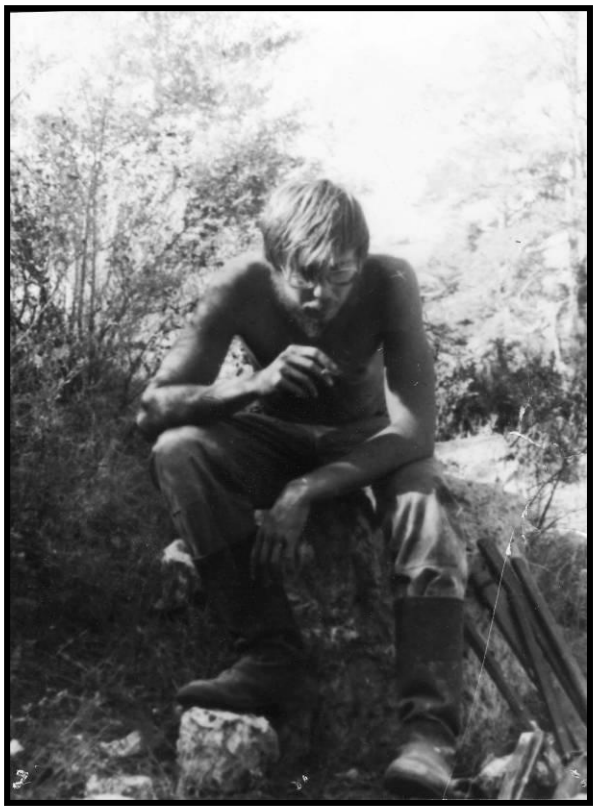
Через день, утром, послышался гул вертолетных винтов, и Костя, сделав круг, чётко приземлил «борт» на сколоченный помост. За несколько часов перетаскали мешки с пробами, снаряжение, оборудование, забив почти всё «брюхо» вертолёта. Бортмеханик лишь укоризненно покачал головой, закрыл задний люк, убрал лесенку, стал закрывать дверцу.

Вдруг Мишка вскочил, хромая подбежал к дверце, и крикнув тайге и сопкам:

- Не грусти, Месторождение! Мы ещё вернемся! Скоро вернёмся! – выпалил из «ТТ» в воздух всю обойму.

Тяжелогружёный «борт» подпрыгнул пару раз на бревенчатом настиле, с натугой поднялся, сделал круг над сопками и взял курс на Посёлок.

«…Вся жизнь изменилась!...», глядя в поцарапанное окно иллюминатора, думал Архип. По его морщинистым, давным-давно помороженным щекам текли слёзы. «…Вся жизнь! Вот что значить - подфартило! Вот она, «новая стезя жизненная»!...».



ПОСЛЕДНЯЯ «ТОЧКА» РАССКАЗ ГЕОЛОГА

…Лёха закурил уже вторую сигарету, выпил стопку коньяка и нехотя начал рассказывать…

«…Как и когда Шеф стал начальником нашего отряда – это вообще отдельная тема, диссертацию-то он защищал по урану. Но, поскольку и во времена своей работы «на уране» он отличался наличием собственного взгляда на «научные постулаты», a priori считаемые незыблемыми, то был, что называется, «отлучен от урановой груди» (а «на уране», что немаловажно, всегда вполне прилично зарабатывали), и «волевым решением руководства» был «сброшен» на марганцевую тематику.

Видимо тогда в Институте «сектор марганца» был нечто вроде «выселок», куда ссылали из уранового отдела (и не только) «неугодных» и «потерявших доверие». Там же в свое время оказался и известный на весь Институт своей склочностью и скандальностью Ш., попавший в «сектор марганца» из-за серьезных разногласий (с точки зрения «секретности») с зам.начальника Первого отдела, небезызвестным Литкенсом Сергеем Евграфовичем, бывшим полковником НКВД, курировавшем, как Уполномоченный министра Госбезопасности (!) в Воронеже в 1949 - 50 годах так называемое «дело КПМ» (Коммунистической партии молодежи). Исключенный после ареста Берии из партии, лишённый всех званий и наград, он, по «совету друзей», исчез в Сибири, а потом «воскрес», и с середины 50-х годов, и вплоть до конца 80-х вполне благополучно работал в Институте, сначала начальником геологической партии, а затем и зам. начальника Первого отдела.

Надо сказать на совести полковника НКВД Литкенса, чья фотография сейчас «гордо украшает» холл Института, «умостившись» среди ветеранов, прошедших Великую Отечественную войну, есть и такая «деталь», как массовое уничтожение латышских детей, депортированных вместе с родителями из Латвии в 40-х годах, когда этот самый Литкенс, сам латыш по национальности, был ещё зам. министра МВД Латвии…

Так что, видимо «спор» между гвардии лейтенантом, бравшим Кенигсберг, неуживчивым, склочным и упрямым Ш., и бывшим полковником НКВД зашел слишком далеко, и Ш. также оказался в «секторе марганца». Но это так к слову….».

«….Итак, продолжим… Надо сказать и здесь, «на марганцевых выселках», Шеф, обладая незаурядным научным мышлением, опять покусился на «святая святых» – на собственно осадочную гипотезу Страхова и других «столпов советской литологии», и начал, как сегодня выражаются, «продвигать» свою, «гидротермально-осадочную» гипотезу генезиса марганцевых месторождений, в настоящее время, кстати, уже не вызывающую столь острой полемики.

Таким образом, вследствие своего столь активного противостояния «доминирующему в научных кругах мнению», а стало быть, и «Администрации Института», Шеф и оказался в конечном итоге начальником отряда, состоящим из пяти человек, четверо из которых, включая самого Шефа, являлись сотрудниками Института, ну и плюс - наемный рабочий, в нашем случае - повариха. По сути - это была банальная ссылка… Для Шефа…

…..Итак, Южная Якутия…. Июль месяц…».

…Лёха осушил вторую стопку…

«….И вот хочешь, верь ты в мистику, хочешь - нет... Слушай, что было дальше. В этот сезон наш отряд работал в тесном контакте с местными геологами, и это был последний сезон, последнее лето работ по теме Проекта. А наш Институт в те времена ещё по праву назывался Всесоюзным и научно-исследовательским...

Надо сказать, что работа в связке с «местными» давала нам «небывалую» мобильность и «чувство защищенности»... «Мобильность» была связано с наличием лодки «Казанка», оснащенной вечно барахлящим мотором «Вихрь», а «чувство защищенности» - с рацией «Карат» и ежедневными, большей частью абсолютно безрезультатными, выходами с её помощью «на связь» с руководством местной ГРП. Итак, мы отработали почти два месяца, сплавляясь по Реке…

...Это была «последняя точка», запланированная нашим планом работ, где-то километрах в 100-120 ниже по течению Реки от Посёлка, и как раз там, где начинают появляться, если сплавляться вниз по течению от Города, еще не столь выраженные, но уже приковывающие к себе внимание предвестники Ленских столбов...

…Что такое «Ленские столбы» надо бы рассказать отдельно, так как именно они, вероятно, и послужили основой всей той непонятной чертовщины в последний день работы на последней точке… Ну и привели ко всей этой мистической трагедии…

…Ленские Столбы представляют собой тянущийся на многие километры комплекс вертикально вытянутых скал, причудливо громоздящихся вдоль берега Реки, глубокой долиной прорезающей Приленское плато. Это вертикально стоящие скалы, изрезанные

трещинами, пройти по ним, без специального снаряжения, практически нереально, и лишь у самой кромки воды, иногда можно пробрести по скользкой, отполированной водой Реки, а больше льдом, во время ледохода, водоприбойной нише… Высота Столбов до ста метров, но здесь они были и пониже и попроходимее, но все равно - соваться вглубь этих «зубов дракона»…

....Накануне вечером ни что не предвещало столь трагического завершения дня грядущего... Скорее наоборот… Хотя, возможно, я в чем-то и ошибаюсь… Это к вопросу о мистике...

Так вот, накануне вечером предстоящий день был объявлен нерабочим, выходным. И всё дело в том, что день трагедии, то есть завтрашний, выходной день, вероятно, всё же был изначально окрашен в траурные тона, поскольку являлся третьей годовщиной гибели сына Шефа.

Ведь самое удивительно то, что его сын погиб здесь же, в этих же краях, при банальном сплаве на лодке!!! Причем недалеко отсюда… Как это случилось, не узнает никто… И никогда…. Лодку, целехонькую, нашли в нескольких десятках километров вниз по течению от тела, уже объеденного медведями, и опознанного только по фрагментам сохранившейся полевой сумки с размокшими документами и главное – по часам, подаренным сыну Шефом на восемнадцать лет… Часы-то были с гравировкой… Хорошие часы… Командирские… На металлическом браслете… Кстати, даже ходили, когда его нашли… Точнее то, что от него осталось... Часы эти потом вернули Шефу, и они всегда лежали рядом с фотографией его сына…». Леха снова закурил…

«…И ты знаешь, мне кажется, Шеф так до конца и не поверил в гибель сына, и в душе считал, что тот просто сбежал (но зачем и куда???), а часы и сумку у него то ли украли, то ли он сам отдал кому-то… Вообщем сам всё и подстроил, чтобы исчезнуть навсегда… Генетическую экспертизу тогда ещё не проводили, а определить, что там осталось после медведей…»

«…И вот ещё что… Несмотря на сложности со спиртным, Шеф в Якутске, ещё в начале сезона какими-то неведомыми для нас путями, приобрёл ящик водки! Этот ящик был абсолютно неприкосновенным на протяжении всего периода нашего пребывания в «поле» и был, как все мы знали, предназначен именно для этого Дня...»

«…Вообще-то начальником отряда был Сашка, должность в те времена довольно странная, поскольку за все возможные последствия отвечает именно он, вся финансовая отчетность - на нем, а вот вся ответственность за осуществление научных работ лежит именно на Шефе, так как он - научный руководитель темы. Впрочем, обычная для Института практика…».

«…Утро... Что заставило Шефа поутру, встав раньше всех, и дав нагоняй нашей поварихе, Оксанке, - студентке гидрометеорологического техникума, поднять нас на почему-то час раньше обычного и «погнать» в маршрут, так и осталось для всех загадкой. Нагоняй был абсолютно несправедлив, поскольку подъём назначался на час **позже обычного и вообще был объявлен выходной**! А суть нагоняя ни в чём неповинной девчонке-поварихе - неприготовленный завтрак. И вышли мы «на маршрут», только попив чаю. Правда «мы» - это громко сказано….

Один из членов нашего отряда в тот момент находился в местных геологических фондах, другой - на базе ГРП. И, по сути, наш отряд на тот момент сократился до трех человек, ну и работающих с нами «в паре» двух местных геологов. Но их тоже не было, днём раньше они ушли на Базу. Так что в маршрут мы вышли с Шефом вдвоем… А местные геологи даже и не знали, что мы ушли… Шеф почему-то не стал сообщать на базу, что мы ушли в маршрут, что тоже само по себе было странно…

…Маршрут-то был, надо сказать, не сложный. Километр-два вверх по течению и «вкрест», пройти берегом каких-то пять километров вниз по течению, найти подходящее обнажение, «прокапать» породы реактивом на предмет обнаружения в них марганца, отобрать образцы для дальнейших исследований… Обычная рутинная работа обычных рутинных полевых будней…

На пути следования наибольшую трудность, если в данном случае имеет смысл вообще говорить о трудностях, представляли многочисленные прижимы, образуемые практически отвесными скалами, подступающими непосредственно к воде. Они начинались практически от места расположения нашего лагеря и тянулись с километр вдоль берега. Но и сами эти прижимы, по большому счету, не представляли большой опасности, уровень воды в реке упал до своего сезонного минимума, и что нам грозило - так это замочить ноги, да и то - не выше чем по колено.

Утро было более чем приветливое… Солнце, легкий ветерок, а комары, прибитые ночным холодом, практически не досаждали.

…Но вот что совсем малопонятно…. Меня удивляла и, более того, настораживала, и даже, надо сказать, раздражала необычайная разговорчивость Шефа. Утреннюю его раздражительность, прямо граничащую с грубостью, как рукой сняло… Он почему-то всё время улыбался, посмеивался невпопад….

…Это я уже потом понял, в смысле, куда, почему, зачем... Но было–то уже поздно….

И вот что ещё странно… Вопреки своей обычной вальяжной «начальнической» манере идти впереди всех, сейчас он, там, где

конечно позволяла местность, шел рядом со мной, хлопал по плечу, сыпал анекдотами и рассказами из собственной жизни, причем рассказами больше юмористического содержания... Но вот юмор… Юмор-то был понятен только ему… И у меня сложилось ощущение, что он шёл, не видя куда, не понимая зачем идёт, и что он так и не понял, что вышел в маршрут… Не было у него в голове маршрута, не было!!!! Так, погулять вышел…

То есть сама работа, сам маршрут его, казалось, совершенно не занимал. А на его разговорчивость, что тоже непонятно, нисколько не влияла моя нарочитая молчаливость, вызванная вообщем-то непониманием складывающейся ситуации… Скорее наоборот….

Складывалось впечатление, что его вполне устраивало, что в нашем с ним «диалоге» участвует он один… Да и вообще меня здесь просто нет! Вообщем я был настолько сбит с панталыку, что решил идти и молчать....

…Что понесло Шефа туда, вглубь Столбов, я не знаю… Не знаю до сих пор… Эту тайну он так и унес с собой… Неожиданно он, почти на полуслове замолчал, и рванул вперед. Шеф шёл впереди меня, и даже не шёл, а почти бежал, будто его что-то подгоняло, и пару раз я видел, что он чуть не соскользнул с еле видимой и ещё мокрой от росы тропки…

…Он вообщем-то уходил от Реки вглубь скал, и сложилось у меня такое ощущение, что вот теперь-то он точно знает куда идёт, хотя он и был здесь впервые…

…И он спешил, он очень спешил, да… Причем постоянно оборачивался и молча смотрел на меня, что мол, медленно идешь… А идти было неимоверно трудно, в любой момент можно было сверзиться вниз…

…Вверх и вбок от Реки… Шеф буквально бежал по этой козьей тропке, из под ног сыпались камни, и как только он не падал, я же прижимаясь к скалам и стараясь уже не смотреть вниз, шёл за ним, отставая все больше и больше… В один «прекрасный момент», он вообще скрылся за поворотом… И тут я… Я жутко испугался… Потому что вдруг понял, что сам обратно просто не выберусь… А спуститься вниз, к Реке, было также сложно, как и подняться, если не сложнее… Вертикальные скалы, трещины, каменная крошка из под ног, опираешься рукой о стену, а у тебя из-под руки мило так вываливается кусок и летит вниз, увлекая за собой ещё с десяток… Плотнейшие кембрийские известняки, серого, темно-серого цвета, нагоняли на меня какую-то непонятную тоску, серую тоску… Я понял, сейчас что-то случиться, что-то произойдет…. Но не знал, даже не мог предположить что… И главное - чем «глубже» я забирался вслед за Шефом вглубь скал, тем менее мне хотелось идти за ним…

…Шеф молча ждал меня за поворотом тропки, примостившись на каком-то камушке, и сидя спиной к пятидесятиметровой пропасти. Он был необыкновенно бледен, и, несмотря на быструю ходьбу, даже, кажется, не запыхался. Я притормозил и, прижался спиной к скале, рюкзак очень мешал, но снять его было сложнее, чем стоять так… Я все-таки решил нарушить молчание и тихо, как можно спокойнее спросил: «Шеф, вопрос, а куда мы идём, и главное, зачем забрались в эти дебри???»…

То, что потом произошло, просто повергло меня в шок. Шеф неожиданно вскочил, покачнувшись, чуть не упал, но чудом удержал равновесие и почти взвизгнул: «Твое дело, Алексей, рюкзак таскать, а куда идём в маршрут, я решаю!». И это Шеф, обычно спокойный, ещё полчаса назад хлопавший меня по плечу и со смехом рассказывавший анекдоты.

«Пошли», - довольно грубо приказал он, - «и не отставай, я тебя ждать больше не буду!!! Времени у нас мало, очень мало!!!»… И пробурчал что-то, я толком не расслышал, типа «меня там ждут…». И тут я просто похолодел…

Что было дальше… Честно говоря я даже и не помню точно… Но мистика… Мистика… Голову даю на отсечение, что там кто-то был… Я не вру - я его видел!».

Мишка закурил…

«Ладно, по порядку… Пошли мы дальше… И вроде как и полегче стало, и тропка пошире, и сыпало не так из-под ног, да Шеф как-то умерил темп и вообщем-то шёл уже еле-еле, постоянно оглядываясь по сторонам, будто высматривал или искал кого-то… То ли… Не знаю… Говорю - мистика… Мы остановились, точнее шеф резко остановился, и я чуть не наткнулся, не налетел на него. Дальше тропы не было! Точнее она была… Но метрах в двух… Надо было прыгать, что в принципе было нереально и невозможно…

И тут…»…

Мишка побледнел, снова закурил сигарету, посмотрел на остаток коньяка, налил, и залпом выпил…

«…На другой стороне тропы кто-то стоял!!! Убейте меня, но я его видел!!! Причем явно геолог – сапоги, энцефалитка, борода… Лица я его не разглядел, загораживала спина Шефа… Да и видел я его секунду… Полторы… Но что я успел заметить точно – на руке того, стоящего на другой стороне, ярко блеснули часы! И тут Шеф с криком «Я пришел!» – сделал шаг вперед… Понятно, что было дальше… Шеф даже не вскрикнул, он катился и катился вниз, кровь брызгала во все стороны, а я стоял… Стоял и как завороженный смотрел, как он падает, катится вниз… Я даже слышал хруст его ломающихся

костей… И я ничем, ничем не мог ему помочь! Я даже предположить не мог, что он прыгнет!

Очнувшись от ступора, я глянул на тропу, сказать тому, кто стоял, что надо помочь, надо что-то делать… Но там никого не было!!!!! Вообще… И стоять там было невозможно! Там была отвесная скала без всяких признаков тропы!!! То есть тропа кончалась на этой стороне!!! И всё… Но я же пять минут назад видел продолжение тропы! Видел!!! Что - скалы сдвинулись? Говорю – мистика!

Я думал, что я сошёл с ума, в голове всё вертелось, и главное - в глазах стоял тот самый геолог на тропе! Кто, как, что, мысли крутились колесом, я попытался закурить, уронил и спички и сигареты вниз… Минут десять я стоял, прижавшись спиной к скале… Меня била дрожь, я был мокрый от пота… И мне было страшно… Такого страха я никогда больше не испытывал…

…Что было дальше… Знаешь, скажу честно - я не помню!!! Я не помню как, каким чудом спустился вниз, к телу Шефа, и понял, что он ещё был жив! Видимо, я кричал что-то, кого-то звал на помощь… Кого? Зачем? Кто ходит в этих скалах? Я не помню, как тащил на себе через эти жуткие скалы до лагеря искалеченное, изломанное тело Шефа… Не помню… Абсолютно!!!

В себя я пришел уже в лагере, и были там и геологи местного ГРЭ, и весь наш отряд, и местное начальство, врачи, ну и конечно, местный участковый… Куда ж без него… Заплаканная Оксанка вливала в меня водку… Я пил – и не пьянел… И был уже вечер…

Шеф был жив, когда его доставили в больницу, и я, почему-то я, весь в его крови, грязный, меня шатало, но не от водки, нет, она просто на меня не действовала, тоже поехал с ним… Видимо никто не посмел мне отказать…

Ну а дальше… Долгие нудные допросы, подозрения, а не ты ли, мол, его спихнул, вообщем теребили весь отряд, нервы потрепали изрядно… Так наша «последняя точка» и закончилась… И «последняя точка» Шефа… Последний маршрут…

Шефа, изуродованного, но живого, без сознания (в сознание он пришел лишь через месяц) я сопровождал и в Москву, причём местные геологи выбили какой-то неведомый спецрейс, что мне вообще непонятно… Лето, разгар поля - и спецрейс в Москву! Такого, уж поверьте мне, а я в полях почти 30 лет, такого не упомню! И к спецрейсу сразу подогнали «Скорую», а я как был, в испачканной его кровью энцефалитке и сапогах, сидел с ним в больнице, в Склифе… Потом съездил домой конечно, переоделся, в Институт, то да сё, объяснительные пачками писал, Литкенс замучил «допросами», но а ночами я дежурил у постели Шефа… Месяц почти не спал… И всё - как в тумане… И пил… Жутко пил… Но опять – почти не пьянел…

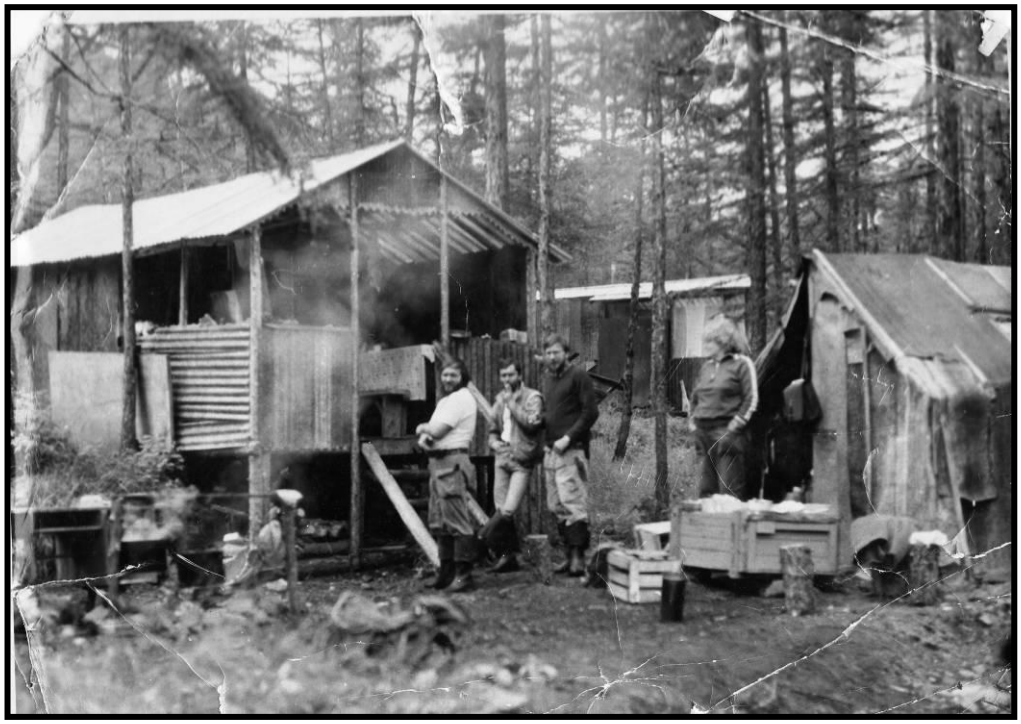
…Шеф очнулся ночью… Его жена ушла поспать буквально минут двадцать назад, и я её сменил… И вот это тоже было страшно… Он открыл глаза, они жутко блеснули в темноте… Он пытался приподняться, что-то силился сказать, хрипел, сипел…. И знаете какие были его первые слова? Я же говорю – мистика!!! Он прошептал: «…Это ты? Вот мы и встретились…». А потом… Потом… Он всё понял… и замолчал… Молчал он неделю… Так говорят… Я уже не мог с ним сидеть… Мне было просто страшно…

Шеф почти год провел в больнице, лечили его, как могли, подлатали, как могли, а потом и отправили домой. Институт от него сразу же открестился, типа сам нарушил Правила техники безопасности, сам и виноват. Дали какую-то мизерную пенсию по инвалидности…

Да… Когда ему сняли бинты с головы - он был седой, абсолютно, совершенно седой…

Шеф прожил ещё несколько лет, даже ходить начал, но с большим трудом, но почти все время молчал… Смотрит в окно или на фотографию сына и молчит… Это было самое жуткое… Его молчание… Это была его «последняя точка»…

Да… Вот что ещё… Часы его сына, всегда лежавшие возле фотографии - …исчезли! Жена клялась и божилась, что не брала, да и никто не смог бы их взять…. Вот так… Я же говорю – мистика!…».



[CCI]

Часть 2

Археологические бредни

Дабы не обижались собратья-археологи, вынужден и хочу сразу пояснить название… Ну «Археологические» - это понятно… Значит про них, про археологов… Т.е. - про вас... А вот «бредни»… Обидно, да? Отнюдь!!! В данном случае это слово происходит не от слова «бредить», «нести бред» или просто «бредятина», т.е. полная чушь… В данном случае это просто множественное число слова **«бредень»,** т.е. некое устройство для ловли рыбы, особенно в неглубоких прудах и речках, когда между двумя дрынами натягивается сеть и два человека бредут (отсюда и само слово «бредень»), ловя в это нехитрое рыболовное устройство всё, что попадется… Так вот это именно «бредни» - ибо их много…

Это **«осколки», «обломки», «обрывки» воспоминаний, попавших в <u>сети и бредни моей памяти</u>**, часто незначительные, и поскольку бредень часто бывает дырявым, кое-что могло и ускользнуть, а более крупная рыба, как это иногда бывает, может порвать сеть бредня и ускользнуть на волю реки…

Учитывая, что в бредень чаще всего попадается рыба самая разная, так сказать несортированная, разных размеров, то и воспоминания мои также несортированы, прыгают с места на место, а мысли лезут, как клопы из старого дивана…

Вообщем что есть, то есть… Как всегда реальные истории, реальные люди, пейзажи и прочее… **Итак, в пуууть!!!!**

sine ira et studio

«ПЕСЧАНЫЙ ОВРАГ»
Заметки о последней экспедиции

Вообщем-то я начинаю «с конца»… И с грустного… Это была моя последняя работа с археологами, мои последние «поля»… И работа «в поле» вообще…

Последний был год 2006… Потом моя жизнь резко переменилась…

Впрочем, разговор не об этом… А об археологах с - …ну назовем «для конспирации» это место «Песчаный Овраг».

Ростовская область, окраина хутора Н… Участок эдак соток 7, а может 10… Хатка (не бобровая), а небольшая, типичная для тех мест мазанка. Огромный навес с длиннющим столом и лавками, кухня и некое подобие камералки… Крохотный сарай…

Баня каменная, т.е. кирпичная, наверху которой площадка (для чего - расскажу позже) и некое место под крышей, где спали… Там же стоял и …белый рояль! Вы когда-нибудь видели «в поле» белый рояль??? Я нет… Даже с утра… Нет, я всё понимаю... Участок, «экспедиция», «база» вроде бы «археологическая» (даже якобы принадлежащая истфаку МГУ). Но белый рояль!

Два капитальных сортира М и Ж… Ж поближе к кухне, М подальше… Вероятно потому что в этой, с позволения сказать «экспедиции» Ж было больше чем М.

Растущие грецкие орехи и ещё какие-то деревья… И палатки, палатки и палатки… Т.е. я хочу сказать, что свободного места на этом участке, он же «база археологической экспедиции истфака Университета Песчаный Овраг», было немного… Как и частично не было забора с соседями, так что их куры ходили свободно «у нас», а их дети воровали зубные щетки и зубную пасту…

А… И ещё… Напротив бани, в кустах, стояло нечто вроде полинезийской хижины на столбах, где жила-обитала сама начальница экспедиции, доктор наук, ну, назовем её Натали… Вообщем-то, все так её и называли… Пусть она в свои 60 ещё так сказать «выглядела», а последнего ребенка, сына-раздолбая, который естественно рос и вырос в этой же экспедиции, родила в 40 лет, но, тем не менее, я очень долго не мог привыкнуть, когда 20-летние студенты (и не только), так её «величали»… Как не мог привыкнуть и к обращению к себе по фамилии, что меня вообще коробит… И ведь

даже и не студенты, а дети, коих там было немеренно… Возрастом от 15 и ниже… Вообще, дети в экспедициях - это разговор отдельный… Но здесь… Ладно школьники 16-17, им труд полезен, их сюда как бы и отправляли на «правёж», типа «трудового воспитания»… Да и «пахать» вправду заставляли… А куда денешься? Не бежать же обратно, в Москву... Но то, что они наслушивались и навидовались здесь, думаю, воспитанию мало способствовало…

Но были и ещё - мал мала меньше, дети так сказать «сотрудников» и «работников лопаты и скребка»… Цыганский табор… Кстати, археологические экспедиции мне частенько напоминали цыганский табор… В основном из-за обилия детей… Понятно, что дома их чаще всего оставить негде и не с кем, работать надо (археологам, конкретно), но тащить с тобой детей, чуть ли не младенцев… Не знаю, не знаю… Мне их, т.е. детей, лично было иногда просто жалко… Все эти дети малые обитали и спали в хате, под присмотром специально выделенной из числа «старших детей» няни. Днём они шныряли по участку, так как за забор им выходить категорически запрещалось, но, когда большинство «населения» было на раскопе и контроль ослабевал, устраивали различные «состязания» по лазанию на деревья, прыжкам с крыши бани на крылья палаток (что кончалось вывихами и прочее), и развлекались разными иными «детским играми»… Что от скуки не сотворишь… Идти некуда, купаться негде, папа или мама заняты… Скука… В 9 вечера их всех гуртом загоняли в хату спать… Ладно, о детях хватит… Дети – они и есть дети… Как в старом еврейском анекдоте: «Разве ж это дети? Это сволочи!».

Позже, уже в 2006 году, был построен фундаментальный кирпичный дом (как я понял - из неких «средств экспедиции»), для «камералки», с большим жилым и, что немаловажно, продуваемым чердаком, куда немедленно и переселилась начальница экспедиции Натали.

В общем, на всем этом участке, не считая строений и палаток, а также всегда стоящей пары машин, обитало в среднем 30 - 40 человек… А в «лучшие дни» - и до 50 - 60…

Люди приезжали, уезжали… Приходили и уходили… Зачем, почему... Всё напоминало мне некую миграцию копытных… Или муравейник перед дождем…

Сама Натали величала себя не иначе как «королевой», «…а это…», она «царственно» обводила рукой сей кишащий муравейник - «…мой Версаль…»… Сидела она уже на этом месте (именно «сидела», так как насчет её научной работы у меня через некоторое время, да и не только у меня, но и у других, причём гораздо раньше, причём именно археологов, возникали большие сомнения) лет эдак

35, если не 40, с мая по сентябрь… Да, о её «месте»… Оно было во главе стола - этакое троноподобное кресло, увешанное веерами, зонтиками и разным тряпьём... Сидеть на этом «троне» кому-либо категорически воспрещалось.

Сама Натали щеголяла большей частью, как пел Высоцкий «...А это кто, в короткой маечке…». Вообщем майка не майка, футболка не футболка, что-то замызганное типа выше колен… Издалека вообще можно было бы принять и за ночную рубашку… Впрочем не будем говорить об экспедиционной моде…

Натали почти целыми днями сидела на «базе», смотрела «вдаль», спала, в перерывах немеренно курила, «стукала» что-то на ноутбуке, периодически гоняла детей, иногда её возили на машине раскоп, так как она сама дойти якобы не могла… Хотя отплясывала она на праздниках не хуже других… Все научные дела на раскопе за неё делала её «правая рука», симпатичная девушка, ребёнок которой, конечно, был тоже здесь, причем, я так понял, ещё до его рождения, муж тоже был археолог, но из ИА РАН, и в период своего «межполья» или «безполья» (а он занимался средневековой северной Русью), приезжал «помочь» и повидаться с женой, которую не видел с мая по сентябрь... В основном он пилил дрова, точил ножи, что-то «шуршал» по хозяйству и вообще на раскоп не ходил… Ему это было явно неинтересно…

В июне на «базе» обитали студенты-практиканты, с «истфака» МГУ (обязательная практика после первого курса, археологическая, причем в трех или четырех местах, Гнёздово, Смоленская область (раннее Средневековье); Великий Новгород; здесь, в Ростовской области (палеолит), и кажется где-то еще в Ставрополье (бронзовый век). А с июля начиналась и резко усиливалась «миграция» приезжающих и уезжающих, особенно в августе, когда раскоп был почти готов (каков был раскоп и что в нём было - об это попозже), и начинали приезжать «специалисты по естественным наукам», типа меня… Пик «миграции» приходился на числа, ближайшие к 15 августа, когда население «базы», и вообще весь российский археологический мир празднует Великий День Археолога. Вот тогда население «базы» разбухало до неприличия… Иногда на этом крохотном участке земли русской ютилось до 70-80 человек, а то и более… Хорошо, правда, что обычно в течение всего нескольких дней…

Скажу сразу, к этому «святому» для любого «правоверного» археолога дню, «песчанооврaжцы» готовились долго и заранее… И не только закупкой спиртного… Это-то дело нехитрое…. Готовился … спектакль! Почти как в театре... Недели за две до «Великого Дня» около 10 человек, участвующих в спектакле, освобождались от всех хозяйственных работ, учили роли и сценарий, написанные, как я

понял, заранее, чуть ли не в Москве, и репетировали… Это происходило после сытного обеда, когда у всех нормальных людей, наломавшихся на жаре в раскопе, сиеста… Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не вешалось… Всех праздношатающихся и просто любопытствующих – гнали в шею!

Отвлекусь чуть-чуть… Празднование Дня Археолога 15 августа - это вообще дело святое для всех археологов России. Есть даже археологический гимн… Но не В. Высоцкого «…Наш Федя с детства связан был с землею, домой таскал и щебень, и гранит, однажды он домой принес такое, что мы кругом все плакали навзрыд...». Нет… Этот «гимн», кстати, археологи, весьма любящие попеть под гитару, особо и не жалуют...

У уральских, предуральских и поволжских археологов, с коими мне приходилось работать, есть свой. Приведу лишь один куплет:

Вот сдадим все экзамены
И с души упадет
Век железный, век каменный
И по бронзе зачет.
И тогда открыты все дороги,
По которым проходили ноги,
Обезьяньи или человечьи
До свидания, до скорой встречи.

Так вот, в «песчанооврaжной» экспедиции этот гимн не пели вовсе, считая, что это - «моветон»…

Немного о праздновании Дня Археолога… В одних экспедициях он сводится к банальной двухдневной пьянке, после чего с утра слабоопохмелившийся начальник (начальница) гонит всех, шатающих «от слабости» работников лопаты на раскоп… Уверяю вас - лучшее средство против похмелья - это тяжёлая работа на жаре… К вечеру обычно все как огурчики… Зеленые и в прыщах…

В других вообще стараются пьянок не устраивать, а праздновать скромно и тихо… После торжественного ужина с сухим вином, начальник и его помощники уходят «спать» к себе в палатку или дом (если дело происходит на «базе») и в всю ночь дрожат от страха, как бы молодежь по пьяни чего не учудила… Всяко бывает…

Они, т.е. молодежь, да и люди более зрелого возраста, якобы уходят спать, а потом потихоньку выползают и уходят куда подальше, разводят костер и «допраздныывают»… Причем утром, за пять минут до подъема, все «спят» у себя по палаткам. Правда разбудить их бывает крайне сложно, и как работники они малопригодны, ибо стоять могут только держась за лопату или друг друга… А некоторые,

особенно девушки, конкретно блюют, объясняя это особенностями физиологии женского организма… Но если ничего криминального не произошло, типа переломов, мордобитий, драк «с местными» и внеплановых беременностей, начальник делает вид, что он ничего этого не замечает и даже оставляет некоторых девушек в лагере, «понимая и сочувствуя женской физиологии».

У третьих в День Археолога в первой половине дня идет обычная работа, а затем, после обеда, «посвящение в археологи» тех, кто впервые в экспедиции… Это действо заключается в импровизированных спектаклях (причем на порядок лучше и смешнее, чем у описываемых мной «песчанооврaжных»), с проползанием (в том числе и в грязи, часто специально сделанной) под скрещенными лопатами (типа преодоления полосы препятствий)… Я не знаю каково юношам, а вот девушкам… Ползти по колючей траве и потом по грязи, да еще в одних маечках и шортиках, а то и купальниках, так как никто не предупреждает, естественно, что их собственно ждет... Впрочем, все веселы, смеются и фотографируются… Ну, и в итоге - целование грязной лопаты… Или обливание водой и прочие «шалости», вплоть до прыгания через костер... Потом торжественный ужин, а вечером костер с распеванием песен и распиванием водки. «Малолетним» обычно много не наливают, но кто хочет нажраться, всегда же находит выход… Благо ночью темно, начальство пьяное, а степь или тайга большая… Всегда есть место для уединения…

Почему так уверенно пишу… Да сам и видел, и принимал участие, играя роль (это было в Западной Сибири), то ли лешего, то ли то шамана… Всем очень понравилось… Особенно девушке, которую я окатил полным тазом холодной воды… Не успела увернуться…

Но я отвлекся… Про празднования Дня Археолога, надеюсь, я может и расскажу позже, если сподоблюсь на написание ещё ряда рассказов про археологов… Ибо работал я с ними лет 10, причем в разных экспедициях, разных местах, и часто в сезон бывал в двух, а то и трех экспедициях.. Этакая «гастроль из Одессы в Жмеринку»… «Археологический круиз»… Но тогда я ещё ездил в поля и без поля себе жизнь не представлял…

Итак, продолжаю про «Вечера на хуторе близ Ростова». Скажу честно, я не понимаю, как можно вообще столько лет и почти по полгода сидеть на одном месте… Не буду о науке… Это потом… Это более-менее привычно…

Но когда «простому человеку» просто некуда пойти и сунуться, ну просто некуда! Во-первых, никого никуда особо не пускают, если только толпой в магазин за продуктами… Сиди на раскопе, «базе» или «шурши». Но моя работа якобы требовала «регоносцировки на местности», и я по «производственной необходимости» шлялся хоть

до обеда (или после) по окрестностям… Т.е. по бесконечным полям (Ростовская область!), лесополосе и самому оврагу…

Во-вторых, вообще - идти некуда! До раскопа в горку метров 100 через загаженное коровами и растоптанное ими же болотце около грязного ручейка, Овраг, заросший тальником, рядом Хутор Н…, заливной луг, ж.д. Ростов-Таганрог, а дальше река Мертвый Донец, грязная до невообразимости, и огромная дельта Дона с протоками, ёриками, и прочее. Азовское море было километрах в 10, мелкое, с грязной и мутной глинистой водой… В хороший день с холма можно было видеть Ростов (всего-то 15 км) и даже Батайск… А иногда, в бинокль, и Азов…

Т.е. «степь да степь кругом»… И вся распаханная… Идти некуда… Купаться негде… Нет, на базе душ был… И в бане тоже… И даже …ванна! Но, представьте себе, что с раскопа приходят 20-25-30 человек, все в черноземной пыли, раздуваемой ветром с отвалов, и все пытаются до обеда хоть как-то помыться. А там мало того, что жарко, ещё и очень влажно рядом болотистый луг с дренажными канавами, в которых жили черепахи, и, как я уже говорил, в паре километров - дельта Дона.

Хутор огромный, с красивой церковью, и хорошо ещё, что в пяти километрах был Танаис! Да, да, тот самый знаменитый Танаис, «край Ойкумены», где были и раскопы, и музеефикация подвалов домов, и восстановленные башни, хижины и часть дороги, да и музей… Так что в выходной для меня был именно отдых… Я бродил по Танаису и тихо радовался… Потому что это был Танаис, а не осточертевшая яма с кусочками кремня… Сидел там в тени на лавочке, курил в одиночестве, не слыша ни вечного шума «базы», музыки и прочего.

Сам «Песчаный Овраг» – это эээ… палеолит, причем финальный, точнее, совсем финальный… Абсолютно финальный… То, что происходило здесь, было около 10-12 тысяч лет назад, т.е. когда уже началась и полным ходом шла «неолитическая революция», в Месопотамии копали каналы, осушая болота, а в нынешнем Ливане, Палестине, Израиле и Сирии уже вовсю строили города и пахали матушку-землю.

Здесь же всё ещё бродили дикие охотники за бизонами и лошадьми, с каменными наконечниками копий.

Насчет, так сказать, артефактов, сиречь находок… То, что видел я, наверное, даже с точки зрения археологии палеолита не представляло большого интереса – это были в основном мелкие кремнёвые отщепы, размером максимум сантиметров пять… Но и их было не так много. Единичные находки чего-то другого, наконечников копий, например, или зуба, или кости – они и были единичны… Вообщем не Сунгирь, не Берелех и не Мальта… И не Костёнки…

Подчёркиваю сразу - я высказываю свое мнение! Хотя, как говорила Натали, этих обломков кремня, за десятилетия исследований, было собрано около одного миллиона. Я вот думаю, а зачем???

Сам пригорок, где и располагалась стоянка (или стойбище) этих самых охотников за бизонами, за 50 лет исследований был изрыт до чрезвычайности, и, судя по всему, кое-где начинали копать заново… То, что уже было когда-то копано, часто раскапывалось ещё раз для «естественнонаучных исследований». К чему и привлекались почвоведы и прочее…

Почвоведы, известные фантазёры, дабы не ударить лицом в русский чернозём, который, как писал их кумир В. В. Докучаев, «нам дороже золота», понаходили там, т.е. на раскопах и выкопанных для них персонально шурфах, немереное количество погребённых почв, и даже с признаками криогенеза (т.е. следами похолодания), причем никто, кроме самих почвоведов, этого так и не видел… Никто и никогда… Особенно ярко отличилась одна «весьма учёная» дама С., из Института Географии РАН, «навыделявшая» там такое количество погребенных почв, что даже у самих почвоведов (я уже не говорю про Натали, которая вообще свято верила во всё, что ей говорили «естественнонаучники»), возникли некие сомнения… Отмечу, что ни до, ни тем более после «исследований» этой научной дамы С. никто и никогда, никаких погребённых почв там так и не увидел…

В общем, из-за приверженности Натали к так называемым «комплексным археологическим исследованиям», там торчало, толклось, обитало, сидело, курило и говорило разные научные слова невероятное количество самых разных «специалистов» - геологов, почвоведов и палеопочвоведов, географов и палеогеографов, териологов, зоологов, малакологов, и прочее и прочее… Отбирались пробы на радиоуглеродный, споро-пыльцевой, минералогический, химический и прочие анализы… Думаю, что если всю глину, точнее лессовидный суглинок, собранный на так называемую «аналитику» за последние 30 лет на Песчаном Овраге, собрать в одном месте, то можно было бы построить неплохую глиняную мазанку… А то и две… Не считая сарайчика…

И каждый их этих «…ологов», понятно, дудел в свою дуду, от чего, я так понял, у Натали слегка поехала научная крыша. Кроме того, там периодически толклось и огромное количество и иностранных археологов, которых туда щедро зазывала Натали… Не знаю уж с каким чувством они оттуда уезжали, поглядев на раскоп...

А что касается «специалистов» по разным наукам… Я так понимаю, что приехать пожрать и выпить на халяву (да ещё и билет оплачивали!) желающих хватало… Кроме того, Натали часто «щедрою рукой» выделяла деньги на эти самые «комплексные исследования».

Т.е. кое-что можно было «выклянчить и урвать»… Ну, а написать отчет и что-то рассказать – дело, вообщем-то нехитрое. Правда, потом она уверяла, когда ей «докладывали отчет» и «отчитывали доклад», что «совсем ничего не понимает». Я бы тоже не понял… Этакого дикого смешения почти всех естественных наук - от геофизики до малакологии… Причем почти все результаты так или иначе противоречили друг другу… Это первое. А второе… Я так понял, Натали и сама не знала, а что ей собственно надо… Типа, а вдруг «что-нибудь получиться»… Ну и для солидности, для придания «научного и международного научного веса» этому «задохлому» палеолиту… Да и для начальства… Вот, мы, мол, проводим «комплексные научные исследования», вот получаем «некий результат», а далее много умных научных слов… Я знаю, что археологи в свое время кинулись на почвоведов, как голодный хариус на красную тряпочку… Но лет через пять раскусили, что большей частью все эти «почвенные исследования» – полная белиберда и лишняя трата денег, и приглашать почвоведов почти перестали… И, я так понял, сейчас неплохо обходятся и без них… И правильно…

Итак, о раскопе… Сам раскоп представлял собой яму глубиной метра два, в коей грустно торчали грунтовые столбики, а на столбиках сиротливо лежали «находки», сиречь аретфаты (именно так копала Натали). Был ещё и второй раскоп, поменьше, метрах в 50, через ложбинку, и им руководила весьма симпатичная дама из Исторического Музея, почти всегда (т.е. с утра до вечера), ходившая в крокодилового цвета купальнике-полубикини. Студенты, работавшие у неё на раскопе, отличались большими глазами и интенсивным слюноотделением… Про остальное умолчу, так как они тоже были в плавках… Отмечу, что для жарких районов и летнего времени купальник и плавки - это обычный «полевой прикид» на раскопе. Если дело происходит не очень далеко от деревни, хутора или иного населенного пункта, то местная молодежь (да и не только) частенько приходит и с вожделенным любопытством смотрит «как работают археологи»… Особенно археологини… После чего в деревнях обычно повышается рождаемость, или, что хуже, вечером эта самая молодежь припирается «поболтать» или приглашает покататься на лошадях, ишаках, мотоциклах и иных средствах сельского передвижения, приглянувшихся им «купальниконосиц», что часто приводит к неприятным эксцессам, вплоть до глобальных мордобитий…

Я относился к группе «специалистов»… Геологи и Натали выцепили меня на каком-то археологическом совещании, где я делал доклад «о микростроении культурного слоя»… Это словосочетание

им, видимо, так понравилось, что мне тут же было предложено с ними работать, естественно с обещанием «всех благ земных».

Не вдаваясь в научные подробности – я отбирал образцы для «литолого-микроморфологических исследований», по той методике, которая и была придумана мной и описана во множестве моих же научных статей и ряде монографий. Ну что я о себе… Это нескромно… Да и наукой я, увы, более не занимаюсь… Как писал Игорь Губерман:

«Я охладел к научным книжкам,
Не потому, что стал ленив,
Ученья корень горек слишком,
А плод, как правило, червив».

Для отбора образцов применялись обрезанные консервные банки из-под рыбы, зеленого горошка и прочее. Не знаю как со стороны, но сами археологи и иже с ними, хотя и привыкшие ко всему, т.е. большому количеству «специалистов», с удивлением, и, я бы даже сказал, неким почтенным трепетом взирали на вертикальные ряды банок, втиснутых в стену раскопа…

Наверное, с точки зрения сюрреализма это выглядело красиво, и не исключено, что Сальвадор Дали, может быть, и гордился бы мной!

А я, честно говоря, просто пытался зарабатывать деньги, так как мне платили (по договорённости), за образец… Правда так до конца и не доплатили…

Но что об этом рассказывать… Рассказ вообщем-то о быте и о людях…

Вот с быта и начнем… Точнее продолжим…

Понятно, что 40-50 человек на 100 кв. метрах – это… ну что-то типа метро в час пик… На переходе на Серпуховской или Боровицкой…

За огромным, длиной метров в 30 столом, плюс еще небольшой стол рядом, все сидели как бойцы в окопах – плечом к плечу…

Завтрак закончен – часть уходит на раскоп, часть (меньшая) и дети остается камералить или «шуршать» - мести вениками посыпанную песком площадку под навесом, собирать мусор и окурки, пропалывать участок от сорняков. Трудовое воспитание, так сказать…

Человек, замеченный сидящим без дела, тут же вызывал нарекание и замечание Натали или кого-либо из её замов, строго смотрящих, чтобы каждый что-то делал, что неважно, пусть хоть для виду… Бездельничать разрешалось лишь ограниченному кругу лиц, «особо приближенных».

Геологи, с которыми я был и так сказать, «работал», представляли собой своеобразный тандем: уже в весьма почтенном возрасте, толстенький, даже какой-то кругленький доктор наук, ходивший с палочкой, и худая, чем-то похожая на сестру доктора Айболита, злая и желчная дама, с невероятно хриплым прокуренным голосом, его многолетняя ассистентка… Ей была противопоказана жара, тем не менее, она всё равно ездила сюда, на этот самый хутор Н… каждый год, каждое лето, старалась никуда из тени не выходить и носила огромные шляпы с вуалью… Опять не будем о полевой моде… Они с умным видом писали статьи (надо сказать, что в этой экспедиции было все - и компьютеры, и ноутбуки!), причем на совершенно другую тему, рисовали какие-то карты, беседовали с Натали, ну и изредка показывались на раскопе, говоря разные умные слова…

Вообщем в этой экспедиции всегда надо было «шуршать», типа «помогать кому-нибудь что-нибудь делать», что создавало ещё больший беспорядок и вообще бардак.…

Спрятаться было некуда…. Не лезть же в палатку, прогретую на 35-тиградусной жаре, даже если она и стоит в тени хилого куста или дерева (моя, так как я был «приходящим» специалистом, ставилась даже не под хилым деревом, а где придётся), поскольку это близко к самоубийству.

Хуже всего приходилось тем ребятам, которые жили и спали в большой армейской прорезиненной палатке… Это уж со стороны Натали был верх садизма, загнать 10 пацанов в этакую штуку. Надо сказать, что сам участок находился в низине и ветром практически не продувался… А был год, и именно 2006, когда не было ветра вообще, и жара стояла до почти 50 градусов… А иногда ещё и грозы…. Так вот насчет этой палатки… Попробуйте спать в презервативе… Целиком… Или костюме химзащиты…

Так что спрятаться можно было лишь на крыше бани, но там часто сидели те, кто имел право не принимать участия в «общих работах» - люди, которые приезжали в эту экспедицию лет по 20-30, иногда с детства… Например бывший медбрат, «Тим», так его и звали, ставший мастером по изготовлению гитар и скрипок. Не знаю насчет Кремоны, Страдивари и Гварнери, но говорят, он умудрялся делать и продавать несколько инструментов в год. Хотя на «базе» трезвым я его не видел ни разу… Он как «веселым» приезжал, так и уезжал… Однажды, было дело, «он обиделся на всех», естественно выпив с утра, потом днем и, конечно, вечером… И ночью, тоже выпив, собрал рюкзак (где у него была недоделанная скрипка и столярный инструмент, и более ничего) и ушёл пешком в Ростов, на вокзал… Хорошо ещё, что более трезвые члены экспедиции его всё же

поймали (причем разбудили и Натали, что вообще было святотатством!), побегав с фонарями по вспаханным полям, ибо шёл он даже не зигзагами, а кругами, и уговорили остаться… Вообще-то мужик он был неплохой, интересный… Много рассказывал о классической музыке, которую любил, и вообще был явным мастером-«фанатом» своего дела… Но столько пить…

Следующий персонаж - некий пожилой политик по прозвищу «Аббат», полудиссидент-полунедосидент, писавший некие политические книги, автор идеи «Партии Субтропической России», постоянно пивший пиво (в день он, по моим скромным подсчетам, выпивал не менее 8-10 полуторалитровых баклажек) и постоянно топивший баню, и кажется в ней и живший… Причем по ночам баню он топил и парился там преимущественно с молоденькими девушками… Видимо внедряя на практике идею субтропиков…

Кстати, почти все в этом пестром «коллективе» носили свои прозвища… Точнее клички… Как говорил Глеб Жеглов: «…что за странный народ вы, блатные, ни имен, ни фамилий, одни кликухи поганые, как у собак…» В точности цитаты не уверен… Важнее смысл… «Бобсоны», «Кислые», «Марты», «Умки», «Киры» и прочее и прочее… Я всех и не упомню, да и не хочу…

Ещё один персонаж – Ваня. Черный, «как цыган», и болтливый как торговка с Привоза. Из него, как из лопнувшей трубы канализации, фонтанировали, летели, лились, журчали и брызгали самые разные частушки, байки, анекдоты, истории и прочее, причем в основном малопристойного или вовсе непристойного содержания. На любую сказанную кем-либо фразу, он незамедлительно отвечал массой каких-либо словоизвержений. Причем сам над этим и смеялся, но чаще вместе «Тимом», которого своими «словесами» доводил до икоты. Остальные (те, кто его знал не первый год) просто не обращали внимания. Сам он был историк и приезжал выпить, поострить, немного покопать, а также был весьма «охоч до женского полу».

И ещё… Весьма красивая дама бальзаковских лет, по прозвищу … «Спина»! Сама она была родом с этого хутора Н…, в детстве и юности принимала участие в раскопках и считалась близкой подругой Натали. Закончила Ростовский университет, стала весьма неплохим ботаником и… бизнесменом (в Ростове ей принадлежали несколько магазинов автозапчастей), скупала потихоньку землю на хуторе, и я так понял, иногда финансировала Натали… Работала она ещё и в Ростовском университете, занимаясь там какой-то научной работой и даже делала докторскую… Её то ли гражданский муж, то ли любовник был из бывших ростовских ментов, причем начальственных, она

купила ему «Мерседес», и, как я понял, если не пол-Ростова, то его часть, «держала» у себя в лифчике.

Приезжала она обычно вечером, на крутейшем джипе, всегда в коротком белом облегающем платье и на высоких шпильках, поговорить с Натали за жизнь, пожаловаться на неё (на жизнь), выпить и покурить. Вообщем дама была весьма импозантная и очень эффектная… Очень…

С ней (и её сотрудниками) мне удалось съездить на несколько дней в Ростовский заповедник, увидеть солёные озера и само озеро Маныч-Гудило, целинные, непаханые степи, седой ковыль и массу птиц на озерах, вплоть до пеликанов… За что я ей весьма и весьма признателен…

И ещё немного о быте… Что меня «на базе» доводило иногда почти до тихого бешенства - там постоянно играла музыка! Возле кухни стоял некий огромный музыкальный агрегат (и не один!), было огромное количество и кассет и дисков, на столбах, подпирающих крышу и навес, висели колонки, и целый день с утра, т.е. с побудки, с 7 часов и до отхода ко сну, что-то играло… От классики до «блатного» шансона. В том числе часто «заводили» и так любимую московскими интеллигентами и депутатами «Мурку».

Да, кстати, депутат там тоже был! Из Питера приезжал некий мужик по прозвищу «Лёха» со своей любовницей, очень красивой девушкой. Так как я там был всего три сезона, то не видел прежних, но как мне говорили, он их менял (любовниц), с четкой периодичностью именно в три года. Депутат чего он был, я не знаю… По слухам, был он из бывших «недосидентов», имел проблемы ещё в советское время с определёнными властями, после чего, видимо, и стал депутатом...

И вообще, как я понял, ещё «во времена оны» эта экспедиция отличалась глупейшим «свободомыслием», граничащим с не менее глупейшим диссидентством, «кухонными посиделками» и чтением запрещенных книг, из-за чего Натали пару раз чуть не выперли из МГУ… Но ведь не выперли… И даже докторскую дали защитить… Так что всё в жизни весьма не просто… Весьма… Наводит на размышления…

Отмечу одну немаловажную деталь… Надо сказать, что вообще в археологических экспедициях непосредственно археологов очень мало, меньше половины, а то и процентов 30, а то и ещё меньше… Остальные приезжают добровольно (это для них «отдых и общение») или не очень (студенты) в первую очередь конечно, копать и «участвовать в общественных работах» - копать и зачищать раскоп, копать сортирные ямы, ибо заполняются оные весьма быстро, строить сортиры, засыпать и копать заново мусорные ямы, пилить дрова,

ставить и убирать палатки, копать шурфы для «естественнонаучных специалистов» и т.д. и т.п.

Приезжающие на пару недель или месяц «добровольцы» обычно честно копают, а в перерывах «отрываются», т.е. пьют, пока не станет вылезать из ушей… И ээээ… так сказать, «общаются с женщинами», преимущественно с девушками, пока не перестает… Ну понятно… Если удается совмещать первое и второе… Обычно первое преобладает…

А также травят анекдоты и байки, часто до одурения, повторяя одно и то же многократно… Играющих в карты, шахматы, шашки, нарды, домино и иные «интеллектуальные игры» мне видеть почти не удалось, за редким исключением игры в преферанс… Или, если только по пьянке, в домино, «город против города»… Москва всегда обыгрывала Челябинск и Троицк… Но «…это…» - как писали бр. Стругацкие, «…совсем другая история…»… Кстати, на «Песчаном Овраге» все игры, вплоть до шахмат, были категорически запрещены!!!

Да и еще один момент… Обычно в археологических экспедициях (да и вообще во всех экспедициях, и геологических тоже), есть что-то типа «сухого закона»… Но! «Старикам» - можно… Это-то понятно - они люди свои, «проверенные временем», чаще всего взрослые, солидные, в поле ездят в одно и то же место и с одним и тем же начальником (иного и быть не может – «чужие здесь не ходят»!) лет по 10-30, и что от них ждать, вообщем-то известно… А студенты, особенно студентки… Или школьники и школьницы, которых часто бывает тоже много – учителя истории, сами закончившие истфак, и страдающие от того, что стали учителями, привозят своих «кружковцев», или какой-нибудь кружок из «Дома детского творчества»… Вообщем не дай бог детки перепьются, так как втихаря часто шляются в ближайшую деревню за самогоном… А сами знаете, что ушлые «самогонщики» мешают в это пойло «для вкуса и остроты ощущений» всё что угодно, вплоть до табака и куриного помета…

Но это я отвлекся… На хуторе магазинов было много, ближайший в 10 минутах ходьбы, да и вообщем-то по всем праздникам, дням рождениям (а при таком количестве народа это было примерно через день), по поводу приезда и отъезда (тоже почти каждый день), по субботам и воскресеньям спиртное на стол выставлялось… Про пиво и не говорю… В холодильнике всегда лежало энное количество холодных, запотевших, полуторалитровых бутылок с пивом, разливным вином красным и белым, сухим и креплёным (разных сортов), «Джина с тоником» и минеральной водой. Но студент или «младший» (не из «старшей элиты»), замеченный пьющим пиво или что-то ещё кроме воды, в неурочный час, т.е. не со всеми за столом,

тут обычно подвергался суровому порицанию со стороны Натали, или её остроглазой помощницы, противной тетки по прозвищу (или имени, я так и не понял, а в подробности вдаваться не стал), «Рита», из Питера, переводчицы с английского, которая, также как и Натали, сидела здесь с весны до осени… И вообще студента могли и выгнать… Тут же, т.е. завтра… Вообщем пить можно, но нельзя… И не всем… Выход находили, конечно… Голь на выдумки хитра… Переливали заранее «Джин с тоником» (эту жуткую химическую бурду) в бутылки из-под минеральной воды, запихивали поглубже в холодильник и потом тихо и мирно на глазах у начальства смаковали-кайфовали после рабочего дня на жаре… С пивом и вином это, конечно, не проходило…

Вино - вкусное, белое и красное, сухое и мускат - тоже стояло в холодильнике, и опять вроде как «можно, но нельзя», но я, по свойственному мне нахальству и принадлежности к «научной элите» для утоления жажды применял способ, придуманный ещё греками, некогда обитавшими в этих местах - вино пополам с водой – способ, уверяю вас, отличный!

Кстати, в первый год работы там, я, тогда ещё не то чтобы много пьющий, но большой любитель «этого дела», был в восторге от холодильника, забитого полуторалитровыми бутылками с «Джином с тоником», холодным пивом и вином, а также и минеральной водой… Воду из колодца пить было категорически нельзя… По разным причинам… Она использовалась лишь для бани и душа… За водой для кухни ездили на тележке с 40-литровыми флягами метров за 500 к общему колодцу… Но её тоже пить не рекомендовалось…

Вообщем в первый-то год работы на Песчаном Овраге (2004-й) я был ещё немного доволен и приятно поражен… Но… Любого новоприбывшего сразу начинали «лечить», т.е. вдалбливать ему в голову некие «правила поведения» - что здесь «в лагере» и вообще в жизни, согласно «понятиям» Натали и её «окружения» можно, а что нельзя…Типа курса «прикладной культурологи»… Где нельзя курить (хотя Натали и её «окружение» курили везде), где сидеть и как надо сидеть, как надо разговаривать, лежать и прочее, и прочее, и т.д., и т.п. Вообще в этой экспедиции курили очень много (кстати, это был определённый способ увильнуть минут на 10-15 от «шуршания», вроде как человек сел передохнуть, перекурить, ну что ему скажешь). Вот и смолили одну за другой и девочки и мальчики… Окурки выбрасывались в печку ведрами…

Кроме того, узнав, что я работал и на Аркаиме, и на Барсовой горе, и ещё в ряде мест, Натали, состоявшая в экспертном совете и выдававшая так называемые «открытые листы» (т.е. документ, дающий право на раскоп), весьма негативно к этому отнеслась и

заявила: «…Ну что ж, будем тебя переучивать… У нас тут иная археология!». Вообщем апломба у нее хватало… С лихвой… У меня впрочем, тоже…

Не знаю, но когда тебя в возрасте 40-ка с лишним лет, имеющего за плечами более 20-ти лет полей, учат якобы «хорошим манерам»… Меня это лично раздражало, сначала-то я смолчал, вроде как «со своим уставом в чужой монастырь»… Но потом, уже на следующий год, я вежливо, но конкретно «дал понять», а короче - послал… И вот тогда на меня очень обиделись…

Итак, ещё немного про быт… Невероятная концентрация «населения» на квадратный метр, гадкий климат, плохая вода, не самое лучшее мытье посуды, пусть и с моющими средствами, соседские куры, шныряющие везде где только можно, несмотря на все попытки поддержания гигиены и санитарного порядка, каждый год вызывали эпидемии… В прямом смысле этого слова… Явные гриппозные инфекции с невероятно высокой температурой и прочими неприятными симптомами. Болели очень многие… Иногда до трети «населения», в том числе и дети, да так, что приходилось везти их к врачу…

После обеда, как и полагается у «правоверных археологов», была «сиеста», т.е. часа 2 можно было бы и поспать… Но это в том случае, если ты успевал занять «лежачее место» в теньке на ветерке на крыше сарая, на крыше бани, или где-нибудь вообще в тени.. Если же нет - единственный выход - лежать на узкой лавке около стола… Спать в палатках категорически запрещалось, и это правильно, кроме тех, где жили «свои», стоявших в тени и воздействию солнца почти не поверженных…

Ну, а после сиесты – чай, кофе, арбуз и/или дыни, и на раскоп. Я обычно шёл либо туда, «отбирать образцы», либо резал банки, либо смотрел в микроскоп, специально (для солидности!) притащенный мной. Вообщем всеми силами старался сделать вид, что я «очень, очень умный»… Иногда это получалось, и скажу вам, неплохо… Различные «научные термины», которые я «автоматически» и постоянно употреблял, широко известные в среде минералогов и литологов, приводили в благоговейный, почти священный трепет часть «населения» экспедиции… Другая часть обычно тупо ржала… Даже мой начальник, геолог, тот самый толстенький и кругленький, будучи весьма далёк от минералогии, микроморфологии и прочих привычных мне вещей, часто восторженно восклицал «Вот какой у меня (подчеркиваю - «у меня»!) сотрудник!», а его помощница, высокая хриплая дама, хрипло же смеялась… Натали тем временем пыталась вникнуть в смысл сказанного, и хоть что-то понять… Если

честно, я и сам-то много чего не понимал… И не понимаю до сих пор…

Итак, немного о людях… Кого там только не было – школьные учителя, бизнесмены разных сортов и разного пошиба, телефонисты, детские логопеды, работницы типографий, компьютерщики, сотрудники каких-то магазинов, научные сотрудники из разных НИИ, какие-то учёные, ну и конечно, студенты и школьники… Причем всё это приезжало, уезжало, приходило и рано утром и поздно ночью, и так почти каждый день… Вообщем как я уже писал выше – миграция копытных.

Помню одного пожилого дядю, лет эдак под 60, который приехал с девицей лет эдак под 20… Дядя немедленно разделся до плавок, тут же включил музыку и стал в полном одиночестве танцевать… Не обращая ни на кого внимания… Свою палатку они умудрились втиснуть между какими-то кустами и ночью не давали всем спать громкими любовными играми… Правда через день они уехали, судя по всему, Натали его просто выгнала… И чего приезжал, может чего спросить хотел???

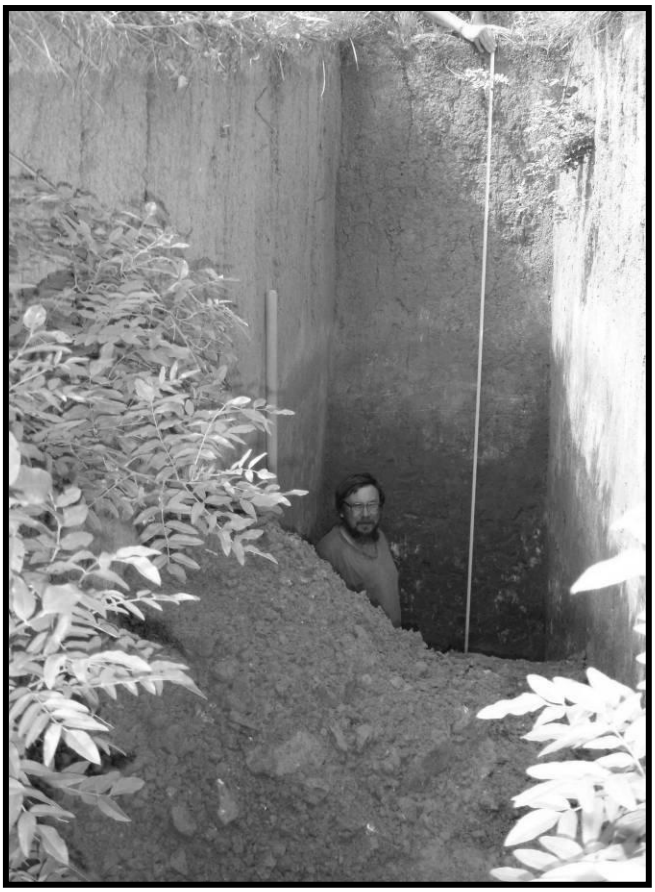
Итак наконец, о спектакле… Он устраивался на крыше бани, как раз на площадке… Реквизитом служили самые разные пронафталинненые шмотки, которые не то чтобы на себя надевать, смотреть на них было противно… Вообщем сами спектакли были типа плохой пародии школьного театрального кружка на какую-то классику, типа Ромео и Джульетты, или что-то ещё… Как говорил герой одного из известных фильмов «А не замахнуться ли нам на Вильяма, так сказать, нашего Шекспира?... И замахнемся!» Я не помню сами спектакли, они изображал некое действо, иногда это было забавно, иногда скучно, иногда …ну никак…

Ах, да… О дне археолога на Песчаном Овраге… Сначала, когда все наконец приезжали и усаживались за стол, объявлялся тост, и было что-то типа закуски, а потом спектакль… Т.е. сначала хлеб, а потом зрелища… Народ смотрел спектакль, сидя на досках, и попивал вино или пиво, или водку, или виски или что-то ещё… А потом начиналось само празднование… Длившееся обычно до утра… Следующий день объявлялся выходным (и это понятно), большая часть народа (я помню, что было в 2006 году) уехала на нанятом (!!!) ПАЗике «отдыхать» и купаться на какую-то запруду, а я ушёл в Танаис, прихватив с собой не кого иного как… атташе по культуре Германии, из консульства в Питере, которого приволок с собой депутат «Лёха». Мы с ним очень мило беседовали об истории, бродили по «местам древних греков», после чего я его усадил на электричку, и он уехал осматривать Таганрог, а я тихо-мирно ушел на базу, где спокойно посидел в благодатной тишине несколько часов,

поел, выпил вина и покурил… Никого же почти не было, кроме «моих» геологов, да пары девчонок…

Вся в лом пьяная ватага во главе с Натали, которая просто еле держалась на ногах, появилась уже вечером… На следующий день большинство стали уезжать… Надо сказать что и процесс расставания был отработан до мелочей… Все выстраивались кругом (а при отсутствии места в 2-3 ряда), на полную громкость включалась какая-то песня, не помню кого, типа «Гуд бай, май лав, Гуд бай», и каждый отъезжающий обнимался и целовался с каждым остающимся… Причем поскольку всё прощание должно было происходить под эту песню, её включали неоднократно… Иногда, при большом количестве отъезжающих, это действо продолжалось минут 10, а то и 15… Потом уезжающие усаживались по машинам и такси (на электричке ездил почему-то только я и студенты) и вся остающаяся толпа выходила за забор и долго кричала «До свидания!» на весь хутор…

Да вот, пожалуй, и всё… Скажу сразу, отношения с Натали у меня не сложились, с экспедицией тоже, я просто не выдержал этот «развитой научный идиотизм», из института я ушел по тем же причинам, и вся моя жизнь изменилась… Навсегда… А может оно и к лучшему??? А?



Барсова Гора
(«Горный маршрут»)

Дело было в Западной Сибири, на **Барсовой горе**, недалеко от Сургута и в километре от пос. Барсово… Жили мы на спортивной базе «Олимпия». Раскопки проводились так называемые «аварийные», т.е. «скорей, скорей, быстрей, быстрей», связанные со строительством трассы Сургут-Тюмень… А на этой самой Барсовой Горе… Вообще там в свое время, как, пожалуй, на единственном более-менее сухом участке, так как Обь и ее протоки разливались километров эдак на 50, а то и 100, ранее жило огромное количество племен от бронзового и раннего железного века, и даже (по слухам) мезолита, до Средневековья. И вся эта «гора» был «забита» жилищными ямами, рвами, поселениями и прочими радующими глаз и сердце любого археолога признаками жизнеобитания древних племен... Но сейчас не о них…

Экспедиция была хорошо организована, был и свой ПАЗик, питались мы в столовой, а потом аж в кафе, жили в доме, спали на белых простынях, душ, сауна иногда (для «начальства и старших», естественно), на раскоп (это пара километров), ездили, а не ходили… Вообщем всё по классу люкс и «всё включено». Финансировал сии работы Департамент дорожного строительства Ханты-Мансийского автономного округа, край этот нефтяной, денег не жалели, лишь бы археологи поскорее убрались и не мешали строить… Да, денег я тогда заработал прилично... Но не о сём речь…

Кругом тайга, Обь, широченная, с протоками, болотами, озёрами, и некая вероятность строительства дороги по зимнику от пос. Горный, что на реке Большой Лямин, до пос. Сытомино, что на Оби, точнее на одной из огромных проток часах в трех хода от Сургута на теплоходе…

Вообщем, как я уже сказал край богатый, нефтяной, и задумали там дорогу строить… Примерно километров 30 дороги… А места те - тайга, болота, да озера… И всё это малопроходимое, а иногда и вовсе непроходимое… А так как строительство, то необходимо было (по закону!) провести «археологическую экспертизу», т.е. установить, а нет ли там, в западносибирских болотах неких важных для археологов, и науки вообще, вещей – стоянок, стойбищ, городищ и прочее… Для чего археологам и платили деньги, и немалые… Но чтобы всё это «изучить», надо было этот зимник как-нибудь пройти…

или проехать, закладывая периодически шурфы. Само слово «зимник» означает, что дорогой можно пользовать только зимой, когда все эти болота, озерца, речки и ручьи замерзают, и от того самого Горного (вообще странное название для деревни в окружении болот), до Сытомино можно добраться почти за час на машине… А летом…

А дело было летом… Я торчал на Барсовой Горе уже больше месяца, зверел от скуки, так как вообще по глупой геологической привычке люблю ходить, но что делать, я отрабатывал свой хлеб – валил деревья, корчевал пни, готовя место для новых раскопов, ну и отбирал образцы (для чего меня и позвали собственно)… А работал я тогда с археологами из Екатеринбурга, из археологической лаборатории… Опять же меня выцепили на каком-то археологическом совещании и предложили… А я в поле ездить никогда не отказывался… Тем более за зарплату, и немалую…

Начальник экспедиции был человек суровый, пьющий и начальственный… В армии он служил сержантом и своих замашек не оставил… Я туда приехал аж на почти два месяца и привез с собой пять литров спирта, а по дороге, проезжая Удмуртию, я закупил некий целебный бальзам под названием «Иднакар»… Из спирта, воды и бальзама изготавливался напиток, окрещенный «каздымовка»… Который, впрочем, быстро закончился… Археологи, как я уже в свое время упоминал, в большинстве своем, народ пьющий… Причем много и сильно… Но сейчас не об этом… Об этом в другой раз…

А у начальника экспедиции была интересная привычка. Вечером он сурово загонял всех спать, и «бухать» почти никому не разрешал, за редким исключением, типа меня. Надо сказать, копали там девушки из какого-то техникума и сами археологи, причём из них две дамы и студентка-археологиня, а один и вовсе был непьющий, что для археологов вообще большая редкость. И шофер тоже был непьющий, так как был закодирован. Я так понял, начальник затратил неимоверные усилия на поиски в Екатеринбурге непьющего водилы…

Итак, сначала все археологи, после моего приезда, как бы «принимали участие», но потом силы их покинули… Так вот, часов в 10 вечера, начальник сурово вызывал меня на кухню, выставлял на стол литровую бутылку водки и беседовал со мной… Кроме водки, на столе более ничего не было, кроме «трех корочек хлеба», для «занюха». Стол, бутылка и два стакана… После первого литра обычно шёл второй, и часа в 2 мы «бодро» шли спать… Утром начальник, морщась и тихо матерясь, «ставил всех на работы», брал меня, мы шли в магазинчик неподалёку, брали пиво или сухое вино, усаживались где-нибудь и опять «беседовали», пару часов, после чего и шли, весёлые, на раскоп. Так продолжалось около месяца… После чего начальник тоже «устал» и более не мог… Да и водка кончилась…

Деньги тоже… «Каздымовка» ещё раньше… А мне было сказано, что у меня нет желудка, печени и прочих внутренних органов, а есть лишь нержавеющая труба внутри… С дырочками… Это такая шутка у них была…

Так вот, о чем это я?? А, о зимнике… Через некоторое время приехал ещё один Археолог, именно с целью исследовать тот самый зимник, ибо у него был договор… С ним приехали два толстых дяди, причём чуть ли не из Москвы, я точно не помню. Один точно был из Мытищ… Москва, Мытищи, на Урале и в Сибири - это всё равно…

Отмечу, что москвичей «провинциальные» археологи не очень-то и жалуют, считая их снобами, задаваками и прочими ничего не значащими в этой жизни людьми, что чаще всего и соответствует действительности… Поэтому добиться определённого уважения у археологов можно было, например, возможностью пить больше, чем они… Меня они очень уважали…

Эти «дяди» приехали «отдохнуть» и прогуляться по болотам… Они жаждали экстрима…. Для этого они активно пили с неделю, после чего, всё-таки, вместе с тем самым Археологом, были погружены на ПАЗик и отправлены в Сургут, чтобы там сесть на теплоход, дойти по Оби до Сытомино, а уж из Сытомино пройти пешком, через болота, до пос. Горный.

На пристани Сургута они долго сидели, «готовясь» к отплытию, в кафе с символическим и многозначительным названием «Титаник», а также ждали теплохода, что заняло у них около суток. Да, выяснилось, что ни у кого из этой троицы нет часов… Понятно, что «счастливые часов не наблюдают». Что ж, часы немедленно были куплены у какого-то ошалевшего от предложенной цены мужика.

«На пароходе музыка играла….»… Продолжали они и на теплоходе… В Сытомино «всё это» выгрузили на пристань, и они, выяснив дорогу на зимник и Горный, бодрым заплетающимся шагом, с рюкзаками и лопатой, пошли… Прошли они немного, всего пару километров… Далее начиналось абсолютно непроходимое болото… Узнав у местного населения, с любопытством наблюдающего за этой троицей, что вообще-то, там, на дне болота, уже лежит пара тракторов, «археологическая разведка» была закончена, и они вернулись обратно в Сургут, а потом в экспедицию… После чего парились в сауне, пили ещё пару дней, и «отдохнувшие» и довольные, уехали домой…

Сей маршрут, до болота, в котором явно не было никаких артефактов, кроме тракторов, прошли мы с Археологом… Но уже с другой стороны, от посёлка Горный, куда и долетели на рейсовом еженедельном вертолете… А вот далее возникла некая проблема… Обратный путь, в Сургут, или Лянтор, вообщем – «в цивилизацию»,

имел два пути – ждать неделю вертолет или идти на моторке километров 80 до так называемого «водозабора», где начиналась и заканчивалась дорога, и где можно было поймать попутку, машину, трактор или вахтовку… Идти нам до болота надо было (по карте) туда и обратно километров 20-25… А может и 30…. И это мы могли бы сделать за сутки… Но потом сидеть неделю в забытом Богом посёлке??? Моторки-то были у всех, но не было бензина… Выручил Михаил, хант, большой человек в поселке и окрестностях, «представитель малых народов Севера» где-то там, на «большой земле», в Администрации ХМАО. Он нам и предложил (сам!) доставить по реке до водозабора, но при условии, что мы придём завтра не позже часа дня…

Мало того, он нас довез километра три на своем УАЗике, и дал с собой собаку, западносибирскую промысловую лайку по кличке… Барсик. Хотел даже вручить ружье, но тащить ещё и его нам явно не хотелось, так как основной рюкзак со спальными мешками, едой, хлебом и водкой тащил я (для чего собственно меня и взяли вообще, точнее я напросился), а также топор и лопату, а сам Археолог, шел с небольшим рюкзачком и рейкой от нивелира…

Лайка Барсик должен был в случае необходимости отгонять медведей, которых там, говорят, бродило немало, но лая собаки они боялись, и к людям не подходили…

Вообщем мы и пошли… Барсик умчался вперед и мелькал то здесь, то там, радуясь свободе и простору, так как в посёлке он сидел в будке, носился как угорелый, выгоняя то лису, то зайца, но послушно возвращался, если его звали… Мы еще в посёлке вежливо поинтересовались, а не потеряется ли пес… «Да нет», - ответил хант, - «если, что - домой вернется». Про нас разговора не было, видимо мы произвели хорошее впечатление, и тоже смогли бы сами вернуться…

Начали мы маршрут примерно часа в 2 дня… Жара, под 30, тучи комарья, разъезженная тракторами трасса, болота, через которые надо было переходить почти по пояс, вообщем экстрим полный… К вечеру, часа к 10, мы дошли, точнее всё же не дошли пару километров до того самого болота, точнее его противоположной от Сытомино окраины. Шатаясь от усталости, мы, плюнув на эти оставшиеся пару километров болота, заночевали на берегу озерка… Не хотелось даже водки… Есть тоже… Учитывая что особо копать там было нечего, я в нескольких местах сделал закопушки, а Археолог их фотографировал, для отчета, что здесь ничего нет, да и быть не может, в этих болотах. На этом работа была закончена, мы честно выполнили свой долг! Ноги у обоих стало сводить – 10 с лишним километров по грязи и болотам, да ещё с непривычки… Попили чаю, по 100 грамм с

тушенкой, короткую ночь переночевали в спальниках, укрывшись, как смогли от комаров, а рано утром, часов в 6, быстро попив чаю, и скормив Барсику весь хлеб, чем он был весьма доволен, пошли обратно…

А идя обратно, мы на дороге увидели свеженькие медвежьи следы, которых вчера ещё не было! В 12 часов мы добрели до поселка… Время было выдержано… Уставшие, но как говориться, довольные… Меня и мои вещи можно было выжимать, и хорошо, что я взял сменку, переодеться…. «Работа» была проведена, пусть и формально, совесть наша чиста (да и что искать в этих болотах!), до дороги нас доставят, вообщем всё хорошо! Хант Михаил накормил нас, хотя скажу честно, еда не лезла, водка тоже, порасспрашивал об археологии (кстати, все «малые народы» любят археологов и этнографов, считая их людьми «учеными» и помогающими им, «малым народам Севера», поддерживать свою индивидуальность и познавать их же историю), и мы пошли на реку Большой Лямин.

Михаил сноровисто приготовил моторку, взяв, кстати, запасной мотор, и мы пошли по реке… Тайга, протоки, песчаные косы, плёсы… Я смотрел, фотографировал, а потом сморился и уснул, Археолог тоже. Часов через пять мы прибыли на водозабор, распрощались с Михаилом и пошли на дорогу ждать попутку… Ждать пришлось недолго, часа четыре. За это время прошел лишь трактор, да и то в другую сторону… Но нам повезло, прошла вахтовка, остановилась, мы доехали до Лянтора, а оттуда, на частнике, или как говорят в Москве - «бомбиле» - обратно, на базу…

Скажу вам сразу – всё это было здорово! И хотя я и устал, и натер здорово пятку, но этот маршрут я запомнил навсегда… Это была отличная, полевая маршрутная усталость, давно мною не испытанная…

Вот такая история….

«КРАСНЫЙ ОГОРОДНИК»
или
ПУТЬ НА АРКАИМ

Отличное название, правда??? Вдумайтесь только - **Красный Огородник!** Это было то самое место, где копали поселение Аландское… И копал его Великий и Ужасный Г.Б. Зданович…

Как я попал туда, честно говоря уже и помню, кто пригласил, тоже… Кажется Таиров… Откуда приехал?… Скажу… Сначала я работал на Павлиновом городище, в Курганской области, между деревнями Сопинина (именно так - Сопинина!) и Спицыно. Уезжать мне из экспедиции с Павлинова было неохота, народ там был замечательный, я с ними подружился. Но вроде как обещал приехать и на Аландское… Но про Павлиново – это отдельная история…

Мне надо было сначала попасть в Челябинск, а там найти местных археологов… Итак до поселка Мехонское (или Мехонка, или как его называли местные, да и археологи – «Мошонка») – на автобусе, оттуда, на автобусе – до Шадринска, из Шадринска в Екатеринбург - на поезде, оттуда – автобусом в Челябинск… Далее начиналось следующее…

Адрес у меня был, Улица Братьев Кашириных, дом не помню, археологическая лаборатория… Раз пять я прошел мимо дома, а на мне был рюкзачок килограмм в 40, но в конце концов нашел вход… И тут выяснялась весьма пикантная ситуация… Меня там мало того что не ждали, про меня и слыхом не слыхивали! В кармане 200 рублей… До Москвы явно не хватает, да и вообще у меня иные планы были… Научные…

Но я как-то убедил некую строгую тётю, назвав пару фамилий, и она слегка подобрела, и поверила, что меня там всё же ждут, на Аландском... Но вот машина туда будет неизвестно когда… Денег мне не дали, но хоть объяснили как добраться, типа там Зданович сам разберется, и даже предоставили комнату в общаге на ночь… Я сбросил вещи, помчался на вокзал, благо не так далеко, минут 15 на троллейбусе, и взял билет… Как поется в блатной песенке «Купил билет в село Большое Дышло»… Поезд Челябинск-Орск…. Станция с замечательным названием Айдырля…

Утром, рано, поезд часов в шесть или семь утра отходил, сел, поехал... Ехать было часов 6 или 7, поезд неторопливый… Полупустой… Степной пейзаж… Желто-белая степь… Поселки какие–то задохлые, речки кое-где полувысохшие… Поля кое-где полуубраные… Всё вот что-то такое полу…

Приехал…. Огляделся… Да уж… Богом и Людьми забытые места… Да и властью, кажется тоже… Станция Айдырля, почти на границе с братским Казахстаном… Посмотрел я на неё и вокруг, и понял - ну да, Айдырля. Причём полная Айдырля…

Мне надо было добраться до посёлка Кваркено, а оттуда уже в пос. Аландское, а оттуда до с. Красный Огородник, около которого и был лагерь археологов и сам раскоп…

Еще в Челябинске, местный археолог (точнее этнограф) по фамилии кажется, Рыбалко, объяснил мне на пальцах и нарисовал некий план (до сих пор храню, он чем-то напоминает, где искать клад!), как мне от поселка Аландское добраться до становища археологов… Объяснил он мне так – иди, мол, по-над рекой Бол. Суундук (во названия!!!! Как р. Вобля в Рязанской области)… Один брод, потом второй, а там с бережка на той стороне реки сам-де и увидишь…

Кстати с Рыбалко, а звали его Андрей, был потом замечательный случай… Вроде как мы с ним познакомились и виделись потом ещё несколько раз, ну так мельком, «здравствуй – до свидания». И вот, работая уже у Илья, на «кургане с усами», я попал на его (Рыбалко) день рождения, точнее меня туда притащил Илья, вроде как, поехали - поздравим, выпьем и прочее… Ну приехали, сели, сидим, пьем… Тосты и прочее. Рыбалко говорит, вот спасибо, что пришли, не забыли, всем рад, и тебе Илья, и тебе Ваня, и тебе… Тут он смотрит на меня, и неожиданно спрашивает: «Слушай, а тебя–то как зовут?».

Ладно, продолжаю далее про Красный Огородник… От Айдырли до Кваркено ходила «маршрутка» - УАЗ-«буханка», и приехал я как раз к автобусу до Аландского… Успел… Еду… Народ на меня смотрит привычно и благосклонно... Мужик с бородой, в рванье полевом, в сапогах, с рюкзаком здоровенным… Видимо, к таким привыкли… Значить еду туда… Уже хорошо, уже радует… Приезжаю в Аландское…

Куда, что, где река??? Спрашиваю, а где тут вообще археологи? А это туда, за речкой, машут рукой… А пока ехали, я-то направление, указатель на Красный Огородник видел. Но там что-то было около 5 км, а мне говорил Рыбалко, что от самого Аландского ближе… Иду дальше – толпа девиц, - о, а Вы к археологам?? Я! Да! Дак, а они ж вроде как уж уехали… Мне становиться слегка нехорошо… Я у черта на рогах, в кармане 30 рублей с мелочью.

Ладно, чему быть, тому не миновать, достаю «план Рыбалко», иду дальше… Ага, вот и первый брод, перешел, вот вроде и второй, а на том берегу что белеет… Ну думаю палатки, поднимаюсь на пригорок и за рекой, думал домики стоят, с белой крышей, было до

них километра два или три, сразу и не поймешь. Как потом оказалось – сортиры! Но о них чуть позже…

Смотрю, в степи у речки, метрах в 300 машина и мужики какие-то… Думаю, дай подойду спрошу, они может знают…

Ближе подхожу, смотрю вроде два парня молодых и здоровых. А третий мужик, постарше так, лет 60, голый совсем… Ну в речку полез, купаться… Я рюкзак бросил, и к ним.. Улыбаюсь! Археологи, спрашиваю? Ну да, отвечают, и смотрят как-то не очень добро, неласково… Даже не улыбаются… А где, спрашиваю, Здановича Геннадий Борисовича видеть-то можно?? Да вот он, - и на мужика голого мне кивают…

Вот так я с Г.Б. и познакомился…

Вообщем, скажу сразу…Не особо мне были там и рады, и я так понял, особо и не и ждали, да и вообще кажется и забыл Г.Б., что кто-то приехать должен… Хорошо ещё и вправду застал его…

Что меня там потрясло… Ну раскоп да, это красиво… Но что наука, о ней чуть позже.. Сортиры!!!!!!!! Фундаментальные, сколоченные из хороших досок, каждый на два очка, выкрашенные белой краской… И даже с туалетной бумагой (2000 год, полное изобилие!!!). Яма сортирная – глубиной метра 3… Фундаментально, сделано, на века… А там грунт – глина, плотная как камень, солонцы, которые ломом не всегда возьмешь… Во какая любовь к лопате и гигиене!!!!! Профессионалы лопаты… Вообщем первое что увидел я на поселение Аландское – это были сортиры, вообщем-то по ним и ориентировался… И все как положено - вдалеке от лагеря, метрах в 50, ниже по течению от мест купания и забора воды для мыться посуды….

Ну, о научной работе говорить не буду, как всегда я отбирал образцы, впаривал Г.Б. свои идее о культурном слое, он даже записывал кое-что. Что-то я там в стене раскопа даже интересное увидел, и выдвинул идею о том, что местное население (древнее, конечно) изготавливало «солонцовые кирпичи», от чего Г.Б. аж затрясло… Меня, говорит и так везде бьют с моими идеями, а тут ещё и ты с кирпичами из солонца!

Скажу, что солонец – почва специфическая и там её много… Если снять верхний слой почвы, то видны своеобразные пупыри, а если вынуть это пупырь - то это эдакий фаллосоподобный столбик… Иногда высотой сантиметров 30-40 и диаметром сантиметров до 10… И твердость и прочность у это столбика - необыкновенная… Хоть пользуйся… И до Москвы довез!!!! Почвоведы были в восторге! Как В.В. Докучаев от русского чернозёма.

Да, немаловажная деталь… Все археологи меня упорно считали почвоведом, хотя я от сей науки весьма далек, почвоведение не

люблю и с почвоведами бываю часто в больших контрах, хотя и был грех, 7 лет проработал на факультете почвоведения МГУ, да и потом регулярно с ними, т.е. почвоведами работал, так сказать «науку двигал». Но я вообще-то больше образцы делал (шлифы) да в микроскоп их разглядывал. Было такое… Т.е. изучал микростроение, в том числе и почв, а в основном - культурного слоя, или как пишут археологи, КС. Но для всех археологов, и почти всегда, и почти везде - был «почвоведом». В экспедиции в Лисаковске, у Опы (об этом я ещё расскажу, это были славные дни!) я даже носил неформальное прозвище «Лёша-Почвовоед»… Но это скорее для удобства, так как Лёш там было то ли 3, то ли 4…

А на Барсовой горе Начальник Экспедиции меня вообще окрестил «геоморфологом»... Почему – и не знаю… Хотя моя работа в археологических экспедициях часто касалась всего – от почв до и правда, геоморфологии… Иногда приходилось перестраиваться и чуть ли не учиться на ходу, судорожно вспоминая, то чему недоучили на вечернем МГРИ, и делать вид, что я что знаю всё, чтобы не попасть впросак и выглядеть весьма умным… Вообщем, удавалось…

Итак, Аландское… Зданович периодически со мной долго беседовал, выяснил, что я несу такой же научный бред, как и многие другие «специалисты», и слегка успокоился…

Посидел я там с недельку, наотбирал образцов полный мешок (кстати, никто из его отряда со мной практически не разговаривал и не общался, и смотрели на меня как-то недобро). Уж чем я им не угодил, уж и не знаю…

А… Была там ещё тетя одна, тоже археолог, подручная Г.Б., слегка блаженного вида… Найдя в раскопе кости козла, а точнее, видимо ритуальное захоронение козы и козленка, она несколько дней носилась с черепом это несчастного козлёнка, гладила его (т.е. череп) и все приговаривала: «Ах, какой козленочек, ах какой хорошенький!». Вообщем тогда я и стал понимать, что среди археологов, чаще чем среди геологов и людей иных полевых специальностей, встречаются «весьма своеобразные» личности… И что их там гораздо больше…

В конечном итоге я вместе с Г.Б., на его «Волге», с его личным шофером попал на Аркаим и был поселён в домике, в комнате на научной базе, и прикомандирован к кухне… Т.е. с голоду умереть не дали… Но денег пока тоже…

Походил я по Аркаиму пару-тройку дней, посмотрел на весь этот народ, который там «поклонялся», «заряжался» и танцевал голый при Луне, познакомился с немногочисленным научным людом, в том числе и «хронической» почвоведкой Людой, ну и заскучал… И тут я услышал, что всего-то 7 километрах копает Илья… Ну какой, вы

поняли… С ним я познакомился Оренбурге на совещании… Ну сами доклады я помню плохо, особенно первые пару дней…

Гостиница, третьесортная… Длинный полутемный коридор… Мне навстречу движется из полутьмы длинная и худая фигура в … белом! Был бы пьяный - подумал бы всё, кранты, допился… Смерть моя пришла… Хорошо этого не было… По коридору просто шёл Илья… А так как сам он родом из секретного города Озерска, то на нём был надет этакий костюм для работы в чистой радиационной зоне – белые штаны и белая куртка… Вообщем-то как и у санитаров в психушке… Так что сильно испугаться я не успел… Мы с ним мило поговорили, покурили, потом ещё вечером где-то выпили, и он пригласил меня к себе на раскопки, где он в некой долине К. копал курган «с усами»… Ну пригласил и пригласил…

А тут к нему шла машина… Я опупел от безделья, т.к. как Г.Б. вечно где-то шлялся и был занят, и, кажется «папа Лёня» Гайдученко, меня посадил на эту самую машину и вообщем я туда, в эту долину К. и отправился…

Ну вылез… Лагерь, палатки, речка, всё что радует глаз полевика, и, самое главное, некий остов некогда бывшей вахтовки, автобуса на базе ЗИЛа, облезло-синего цвета… Это была так называемая «штаб-квартира» Ильи, он таскал этого железного монстра за собой повсюду. Его пригоняли (я имею ввиду вахтовку) на прицепе, и потом также и увозили… «Зимовала» эта железяка на Аркаиме… Там у Ильи был и склад, и лежали запасные палатки, и матрасы, и спальники, и продукты, там он пил, ел и спал… Там же ночевали приблудные гости, а часто и сам пьяный Илья…

Ну, и в сём агрегате на сдувшихся шинах, Илья «общался» с теми, кому вход в сей агрегат был разрешен, т.е. «старшим» и «стариками». Вообще, субординация в археологии, пожалуй похлеще чем в стройбате или деревне зулусов, даже палатки стоят отдельно у «начальства большого» - это руководитель экспедиции (Г.Б. Зданович жил в юрте, причем Илья уверял, что он её, эту юрту у него …украл), у «начальства» рангом пониже и «начальников раскопов», они же «сахемы», у «старших» копателей-добровольцев, у студентов, работающих не первый год и так далее, вплоть до мелкой шушеры, типа школьников и прочее. Причем палатки «старших» ставятся подальше и отдельно, дабы молодежь не слышала как «бухает начальство», а начальство, соответственно, как бухает молодежь. А если есть совсем «большой начальник», типа доктора наук или не дай ты Бог академика, то его палатка вообще стоит на отшибе, чтобы никто начальственный покой не потревожил. И не мешал у себя в палатке с кем-либо «отдыхать».

Илья меня встретил радостно, «как родного», обнял и тут же повёл в «синий троллейбус» пить самогон… Потом мы пошли на раскоп, потом обратно… Потом… Вообщем я так у него и заночевал, уверенный в том, что меня на Аркаиме и не хватятся… Да и кому я там был нужен??? Я-то сидел там и ждал транспорт до Челябинска, в Москву было уже пора, и кроме того, ждал и деньги на обратную дорогу и на изготовление образцов от Г.Б. Три месяца почти в поле, а дома ребенок малый… И вообще, чуть не потеряли… А Г.Б., он жадный вообщем-то, всё тянул, тянул… Или боялся, что пропью… Не знаю… На Павлиновом городище мне деньги на обратный билет и дорогу начальница экспедиции, Л.Н.К., выдала в последний день перед отъездом, вечером... Вообщем-то и правильно…. Я уже говорил, за что меня археологи весьма уважали…

Так вот, про долину К. и раскоп Ильи я расскажу в другой истории, я у него потом ещё два года подряд «работал». А утром я проснулся, похмелился и попрощавшись с Илюшей и его командой, пошел пешком через сопки на Аркаим.. Места надо сказать там удивительные, красивые… Но об это потом… Надо иметь терпение, дорогой читатель…

А через день был автобус, и я вместе с кучей студентов (в том числе и с Аландского, так что опоздай я на неделю и вправду застал бы одни сортиры!) наконец-то добрался до Челябинска, перекантовался там пару дней в общаге и уехал в Москву… Это был самый конец августа…

О П А

Именно Опá, а не «Опа!»! Так говорят во всех тюркских языках, в том числе и татарском, а Опа, она же Эмма Радиковна Усманова, была этнической татаркой из Казани, но жила и работала в Караганде… Само слово «опа» кажется переводится как «тётя», но и означает также и «старшая в семье, в доме», я так понял… Т.е. рука дающая и рука, одновременно карающая, какой Опа вообщем-то и была… Добрейшей души человек… Но если надо - настырный, строгий, умеющий и управлять, и заставлять…Наорать могла!!! Ой, как могла!!!!

Опять вопрос, как я туда попал… А именно в Лисаковскую экспедицию… Это вообще загадочная история… Иду я в МГУ по длинному коридору в «почвенный сапог» и встречаю своего старого кореша Сергея, почвоведа, который, меня, на свою беду, туда, на почвенный факультет и пристроил… Он шёл с дамой восточного вида, одетой слегка экзотично… Здрастье - здрастье! Это Эмма, эта Лёша… Вот, Лёша, ты не хочешь в Казахстан свой любимый съездить с археологами? А это был 1998 год… А куда, спрашиваю? Да в Лисаковск…Тут у меня начинается сердцебиение, ибо я в 1985 и 1986 годах как раз в тех краях и работал с бокситчиками, и в город Лисаковск заезжал…

Да, хочу, что и как… Вообщем мы как-то быстро договорись, а Сергей моментально испарился, по своему обыкновению…

Оказывается Опе срочно понадобился….. почвовед!!! Как я уже писал, было время, когда на почвоведов археологи вели настоящую охоту, их любыми способами заманивали в экспедиции, видя в них панацею от разрешения всех научных проблем археологии… Вообщем в каждой уважающей себя археологической экспедиции должен был быть почвовед… Желательно из Москвы… Потом звать перестали… По определённым причинам, о которых тоже я уже говорил…

Вообщем, мы с Опой сговорились… Мне был дан адрес и телефон, сообщить о приезде, обещание оплатить дорогу туда и обратно, кормежка, ну а остальное тогда меня мало интересовало… Меркантильность пришла потом… Со временем и защитой кандидатской в 2003 году…

Я! Еду! В Казахстан!!! Я там не был лет 5 и успел соскучиться… Почему… Ну об этом написано в мой книге «Записки научного

бродяги»… Люблю я степи, простор и сопки, солнце, ветер и звездное небо, запах полыни и запах степи…

Поезд Москва…- не помню… Через Челябинск, Троицк… Кстати об этих двух городах. Та сказать - антиподах… Вообще Челябинск, ранее башкирское урочище Шеляба или Челяба, был захудалым городишкой аж до строительства Транссиба, а Троицк, наоборот, довольно большим, торговым городом, крупно торговал пшеницей, через него шли пути в Казахстан и Среднюю Азию, да и вообще он был крепостью на границе «диких степей». Но Троицку не повезло… Транссиб прошел через «Шелябу», ставшей огромным Челябинском, а Троицк заглох, усох, и превратился в маленький провинциальный городишко… Сейчас это граница с «братским» Казахстаном, и там даже стоит пограничный столб… На центральной площади.

Итак Троицк, станция Золотая Сопка и… Казахстан… Погранцы прошли, «внимательно» не замечая никого, и далее - Кустанай, после чего приличный поезд превратился в пригородную электричку Москва-Серпухов в период дачного сезона… Сидели, стояли, висели… Хорошо мне оставалось ехать не так далеко, до станции Железорудный, он же город Рудный… А там встречали… Я ещё из Москвы позвонил и сообщил, когда я выезжаю…

Как оказалось, приехал я не один… Из поезда выпала ещё группа с рюкзаками… Немного полненький, крепенький мужичок хмуро-начальственного вида, худенькая дама, я так понял его жена, чернявый молодой парень, татарского вида здоровый мужик в очках и весьма своеобразный светло-бородатый и светловолосый парень, эдакого «типично русского вида»… Или западно-украинского. Нас встретили на двух машинах, упаковали, усадили и повезли в Лисаковск…

Общага… Ох уж эти общаги… Опа и её экспедиция базировалась в этой общаге какого-то ПТУ давно, каждое лето, была кухня, повариха, завтрак, ужин, обед и прочее…

Народу было не очень много, человек 15, но такой пестроты типажей и городов, мне, пожалуй, ни до, ни после, видеть у археологов не удавалось… Москва, Уфа, Караганда, Кустанай, и ещё кто-то откуда-то… Интернационал - русские, казахи, татары, украинцы… Кого там только не было! Там толклась куча людей и из самого Лисаковска, в котором Опа создала археологический музей!!!

Все эти люди появлялись у Опы и исчезали, и иногда так часто, что я не успевал запоминать, не то что имена, а даже лица… Но все были веселы, быстро знакомились, не конфликтовали, были сплочены, довольны и главное – работали! Ну а вечером – пьянствовали… Как обычно… Об этом чуть позже…

И ещё… Грустно это, но с Опой была её младшая сестра, инвалид детства… Смотреть было и печально и немного необычно, но с другой стороны она имела контакт с людьми и не сидела дома, как другие инвалиды с её болезнью... Опа очень её любила, всегда брала с собой летом в экспедицию, и никто не знает, сколько стоило ей сил и нервов и всё организовывать, и находить неведомо где людей, и руководить экспедицией, следить и ухаживать за практически беспомощной сестрой, возить ее из Казани и обратно… Вообщем Опа и есть Опа!!! Сколько лет её не видел, а до сих пор самые светлые воспоминания… Не было у неё не семьи, не детей, а только работа и работа, любимая археология и этнография, больная сестра, да старые родители в Казани, за которыми она ещё умудрялась как-то присматривать… Да ещё и разъезжала по разным конференциям, экспедициям и забиралась черт знает куда…

Вообще Лисаковск и Лисаковская экспедиция для Опы было всё - всю душу, всю свою неуёмную энергию она вкладывала последние лет 10, а может и больше, именно в эти раскопы, знала половину города, и хорошо, что у власти там стояли понимающие немцы, мэром города был Александр Рау, который ей чем мог, помогал.

А сама экспедиция… О, это было весьма пестрое сборище… Всех я и не упомню, вот ребят из Уфы - да, и жили мы в одной комнате (Кимыч, то самый хмуро-начальственный, с Яной отдельно), и бухали вместе, и с некоторыми из них я потом где-то когда-то и пересекался…

Кимыч был как бы их начальник, вечно гонявший чернявого студента Лёшу, который вечно норовил надраться «в хлам», его (Кимыча) жена Яна тщательно опекала Кимыча.

Радик, тот самый здоровенный татарин (к сожалению, как я потом узнал, трагически закончивший свои дни) - профессиональный фотограф… И конечно ещё Лёша, антрополог, сейчас один из немногих в России, да и в мире, умеющих по черепу восстанавливать лик человека. Тогда он был, кажется, ещё студентом… Потом ещё приехал какой-то мужик, чей-то друг, как я понял, инкассатор и нумизмат (редкое сочетание!), тоже из Уфы, покопать… Ну и выпить… Как же без этого…

Вообще есть такой короткий анекдот… Собрались как-то два археолога выпить… Пошли в магазин, стоят рассуждают: «Ну, сколько будем брать три или четыре (имеется в виду, бутылки)?». «Давай возьмем пять, вдруг останется!».

Следующий уникальный персонаж - это Лёша-Москвич, или Малыш, как его именовала Опа… Это вообще отдельный рассказ… Эта феноменальная во всех отношениях личность была известна, кажется всем археологам России... Учился на географическом и

историческом факультетах МГУ, отовсюду был выгнан за неуспеваемость, и я так понял, был близок к «осколкам» московских хиппи.

Кочевал месяцами по археологическим экспедициям, занимался вроде как бронзой и знаний в археологии у него было не меньше чем у профессионалов и корифеев сей смутной науки… У Опы он рисовал карты, и соответственно занимался нивелировкой и теодолитной съемкой… Как говориться - профессия иногда откладывает свой отпечаток на человека. Лёша-Москвич-Малыш внешне и напоминал сложенную треногу теодолита… Почти двухметрового роста, худой, длинный, с копной длинных спутанных светлых волос и такой же бородой. Бродяга из бродяг, какие тогда, да и сейчас, остались, наверное, лишь в археологии. Я потом с ним пересекался в Москве, он работал то в WWF, то года два не вылезал из Хакасии, составляя археологическую карту, потом работал у Векслера… Последний раз я его видел в 2004 году, когда «контора Векслера» копала сгоревший Манеж… Где он сейчас – увы, и, к сожалению, не знаю. Я вообще очень легко терял (да и теряю) людей… И потом очень жалел (и жалею), что не находил их снова…

Из Москвы прикатила ещё одна почвоведка, уже «профессиональная и хроническая», Марина, из Почвенного института… Я так понял, её также пристроил тот самый мой кореш Сергей… У него вообще была тенденция всех и везде пристраивать… Он очень любил создавать «команды»… При этом самого его разыскать было сложно… Ладно, разговор не о нём…

Через пару дней меня спросили, причём конкретно: «А какого… она выпендривается?». Какие слова там были, на самом деле, понятно. Она умудрилась за пару дней поссорится с половиной мирного населения экспедиции, обхамила Кимыча с Яной, строила глазки Малышу и даже пошла с ним гулять как-то вечером в степь… После чего стала ещё более злая… А я что мог сказать??? Московские снобы они и есть московские снобы, а уж почвоведы тем более… Вообщем - «не вписалась», и хотя хотела там провести там чуть ли не месяц, уехала через неделею, поругавшись ещё и со мной… Уникальный человек… Ну я тогда сказал ребятам-уфимцам, то что думал… Ей, впрочем тоже… Мне за неё было стыдно… Как и за Москву…

Теперь о главном… Пьянки у Опы не то что были запрещены, но она их не разрешала (без неё!!!), ну там приезд-отъезд, это ладно, но как говориться всё хорошо в меру и после 9 вечера Опа всех гнала спать, народ типа уходил, дожидался пока она уснёт, а потом приходил на кухню и там бухал, или занимался тем же самым по комнатам, обычно собираясь в нашей… Тем более в 9 или 10 вечера

общага закрывалась на ключ и выйти из неё можно было только через окно… Точнее, через форточку на кухне… Что и делали… Обычно «за бухлом» посылали кого-то из Лёш – либо антрополога, либо студента – они могли в эту форточку пролезть. Кимыч, на правах начальника и солидного, женатого человека, в пьянках принимал участие редко, в отличие от остальных, которые «бухали конкретно». Там была такая водка «Полтинник», местного лисаковского производства, как раз 50 градусов… Пойло отвратительное… Её, родимую и кушали, закусывая сухим «дошираком» или просто запивая водой... Помню, чернявый студент Лёша, как-то утром, держась за лопату и описывая около неё круги, и будучи, несмотря на загар, какого-то странного синюшного цвета, трагически прошептал: «Всё, пора бросать пить…». Впрочем вечером, он про это, судя, по всему забыл… Кимыч, чьим студеном этот Лёша и был, постоянно вправлял ему мозги за пьянку… Правда, безрезультатно…

Утром Опе жаловались на пьянки, он устраивала разнос, орала и гнала всех на работу. На раскоп приходила в широченной юбке и под здоровенным зонтиком – 20 лет работы на жаре, в степях и пустынях, дали о себе знать, и её организм палящее солнце Казахстана выдерживал уже плохо……

Помню еще один персонаж… Я его окрестил «Гномом»… Внешность у него была у правда гномоподобная - маленького роста, с огромной бородищей, и в очках… Он приехал из Москвы с молодой девицей, лет 20, студенткой (а ему-то так было - да за тридцать уже далеко), и жутко её ко всем ревновал, так как девица, я так понял, готова был «прошвырнуться» по степи или полутемным коридорам общаги с любым желающим… Стоило кому-либо с ней заговорить, тут же, как чертик из табакерки, появлялся этот самый «Гном» и моментально её уводил, злобно зыркая глазками из-под очков… На раскопе, (да и вообще) он не отпускал её от себя далее, чем на три метра. Вот не знаю насчет туалета, кажется, тоже сопровождал… Несколько раз я «проводил эксперимент», уводя эту девицу в сторону, типа «поговорить», но «Гном» моментально оказывался рядом… Мне даже, то ли Кимыч, то ли Радик сделал замечание, что я мол, «издеваюсь над человеком…».

Как-то это «Гном» склеил здоровенный горшок (да, копали там андроновскую культуру, славящуюся своими сосудами и керамикой, и поселение и курганы, и вся степь была конкретно перерыта) и как-то раз, весь вечер бегал в обнимку с этим горшком по длинному коридору общаги… Туда – сюда, туда – сюда… Почему – не знаю.. Вот запомнилось… Я же говорю – бредень и он есть бредень…

Ещё там были два молодых парня, лет по 17-18 (один кажется был двоюродный брат Опы), под общим названием «шахтеры»…

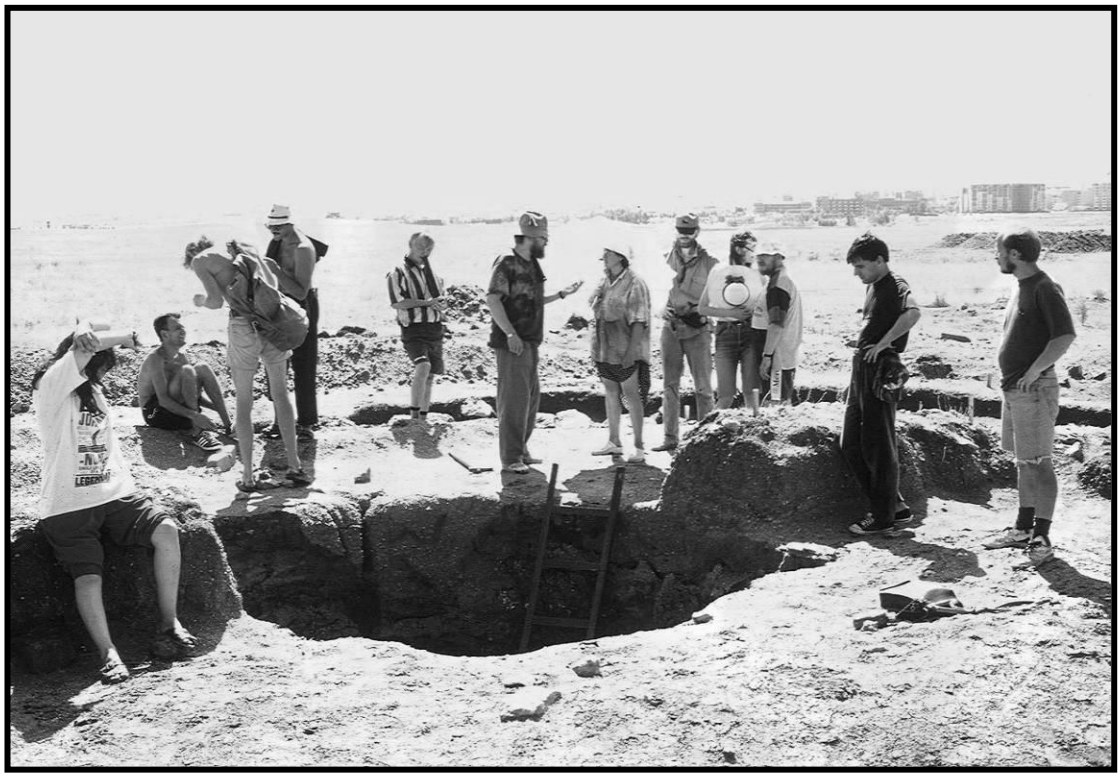
Прозвище их вполне оправдывало, копали они отменно… Ночью пили, днём копали… Как только объявлялся обязательный десятиминутный перерыв после 50 минут работы (а у археологов это строго), они замертво падали у раскопа и засыпали, но «по первому звонку», вскакивали и снова копали как черти, несмотря на «всенощную» и 45-градусную жару... И грунт… Это вам не песок и даже не суглинок, а мощные, твердые как камень и к тому же вязкие солонцы…

Еще смутно помню казашку Галею и Германа, кажется из Кустаная, который за ней ухаживал… Бредень есть бредень, как я уже говорил…

Потом судьба меня свела с Опой в Оренбурге, потом она приезжала в Москву, немного переписывались по электронке, а потом «потерялись», и я не видел её уже много лет… И я очень скучаю по ней… Таких удивительных людей как она, за многие годы моих скитаний и знакомств, я кажется и не встречал более…

Судьба её так и не сложилась… Ни семьи, ни детей, а человек, который должен был стать её мужем, трагически погиб… Я так слышал…

Археология и этнография – это всё что у неё осталось… И доброта, её удивительная доброта к людям…



КУРГАН С «УСАМИ»

Про встречу с Ильей и его экспедицию недалеко от Аркаима я уже упоминал… И именно Илья три года копал так называемей «курган с усами»... Своеобразное название для несведущего человека, правда? Ну что такое курган, знает пожалуй каждый… А вот «усы»… Не вдаваясь в подробности (которых и сам толком не знаю), «усы» - это грунтовые, каменно-грунтовые или каменные выкладки, которые тянутся от самого кургана – иногда почти идеальным полукругом, почти замыкая круг, т.е. получается этакое разорванное кольцо, а иногда и не совсем ровным полукругом. Иногда один «ус» бывает намного короче другого, иногда бывает в вообще один…

Этот курган представлял собой своеобразное и фундаментальное сооружение. В центре Кондуровской долины, т.е. месте, которое менее всего заливалось в половодье (там протекла р. Б. Караганка), Илья раскопал небольшой, выложенный обломками почти белого, или как говориться в петрографии, лейкократового гранита небольшой курганчик, диаметром метров шесть... А вот «усы» …

Один ус был длинной около 300 метров, второй кажется 280, и всё это было выложено, иногда очень аккуратно, каменными глыбами (в основном базальтоидами темно-зеленого цвета и светлоцветными гранитами) весом до 200 кг… Кому и зачем надо было строить сиё сооружение, я не знаю… Сведущие люди и сам Илья, конечно, говорили, что строили скорее всего гунны… Зачем и почему - вопрос не ко мне, а к ним… К гуннам, естественно… Но, увы, они вымерли…Так что спрашивайте археологов, они-то точно знают… Кстати в самом кургане, кроме раздавленного горшка, вообще ничего и не было…

Вся экспедиция Ильи и занималась тем, что расчищала эти самые камни… Самое сложное было даже не с расчисткой, а с документацией, так как полагалось сдавать полевой отчет в Москву со схемами раскопа. А масштаб, я уж и не помню, то ли 1:10, то ли 1:100… Ну и представьте себе 300 метров «усов»… Т.е. минимум метра три бумаги с одной стороны и примерно столько же с другой… Или же по 30 метров… у меня с математикой, сами понимаете… А Илье предложили рисовать чертеж на туалетной бумаге, да так и предоставить в экспертный совет…

Осмотреть всё это грандиозное сооружение можно было только в бинокль с ближайшей сопки, километрах в двух, самолета или «вертака» с бреющего полёта.

Надо сказать, курган с сопки ярко выделялся по растительности… Точнее не сам курган, а «усы» и так сказать «межусовое» пространство...

Это место явно пытались пахать, кругом поля, сейчас уже заброшенные большей частью… Больше скот гоняют… И как «артефакты» - обломки от тракторов, лемеха от плуга, прицепные серьги и прочее железо, выворотить такие «булыги» трактора явно не смогли, на этот участок плюнули и не трогали его несколько десятилетий.

Надо сказать, что в этой долине было ещё, наверное, с десяток, если не более, курганов, а может даже и поселения…

Один из курганов был также раскопан, и вообщем-то я горжусь, что принимал хоть небольшое участие в этой работе. Видимо над курганом стоял менгир, потом сваленный или упавший. Илья и решил покопать и почти тут уже, на небольшой глубине, почти сразу наткнулся на кости, захоронение явно было неглубокое. Но на нём лежала гранитная плита весом около тонны, поднять её можно было только вручную, причем не только поднять, но отвалить в сторону, хотя бы метра на два. Кто и как тащил эту плиту, а до ближайших выходов этих самых гранитов километров пять? Вообщем я и ещё пять человек, с помощью мата, ломов и «пердячего пара» эту плиту сдвинули и перекантовали в сторону… А далее…. Уникальное двойное захоронение, мужское и женское… Почти Квазимодо и Эсмеральда… Горшок в голове мужского скелета (лежал на правом боку, как и положено, ноги согнуты), а вот женский скелет… Кто-то, кажется Илья, и сказал - «мешок с костями». Но - череп – к черепу, «лицом к лицу». А под женским черепом – бронзовые серьги (точнее «наушные клипсы») в золотой фольге… Находка этих «клипс» была, я так понял всего вторая, находка уникальная, и первая принадлежала тоже Илье…

Вернусь к кургану с усами… Хотя, а что о нем рассказывать, я же не об археологии пишу, а о людях…

А вот люди у Ильи, подобрались удивительные, наверное, такие же как, и он сам… И лагерь!!!! О, этот лагерь Ильи! Как всё было по уму сделано! Ну, про «синий троллейбус» я уже рассказывал…

Лагерь был построен со вкусом и весьма грамотно… За «троллейбусом» - палатки начальства… Ну моя тоже… Рядом - большая хоз. палатка… Костёр под навесом… Огромный стол, скамейки и три ряда палаток…

Все это возле речки… Кубышки, кувшинки, рогоз… Мостки… Можно и купаться, и умываться… В полукилометре – родник с очень неплохой водой… Вообщем - полевой рай!

Да, но самое интересное, это - конечно сортиры… Это были уникальные сооружения… Как ещё никто не погиб смертью храбрых… Итак, небольшое «лирическое» отступление….

«Слово об археологических сортирах»… Про сортиры на Аландском возле Красного Огородника я уже упоминал…

Археологи – люди обстоятельные, трудолюбивые и фанатики лопаты, ибо более ничем ни древние поселения, ни курганы копать нельзя. И копают они часто лет несколько (иногда и лет по 20 – 30) на одном месте. Но обычно года по 3 (на большее время обычно грант не дают), копают месяца по 2-3 и по 4, народа у них много бывает, и видел я кое-где в лучшие времена – и человек 100 приезжало… Но археологическая экспедиция в 30-40 человека – это нормально… Ну и естественно они кушают… Причем 4 раза в день – это строго… Это не у геологов, где утром порубал макарон с тушенкой, или ещё чего, что Бог послал или начальник, чайку попил и выехал в маршрут или ушёл, что-то с собой взяли, или не взяли, в надежде, что может рыбку поймаешь, ягод поешь, да и вообще в маршруте мало кто ест, вредно это… А некоторые даже и не пьют (я имею ввиду воду), или уж совсем мало… Но это в основном сухопарые и тощие, а такие толстые, как я, попить ох, как любят… И чтобы там не говорили знатоки (в основном туристы), что чем больше пьёшь, тем больше хочется. Фигня всё это… Пот-то течет, и «испарения испаряются», и компенсировать потерю воды и соли в организме (т.е. «солевой баланс») надо. А иначе почки вмиг посадишь… Пить по чуть-чуть, по глоточку, но надо… Кто в маршруты ходил, по жаре + 45 (в тени), а если в тайге по влажной жаре, когда при + 30 водой истекаешь, а одежду не снимешь, накомарник не поднимешь – мошка зажрёт, а уж особенно по степи или пустыне ходил, знает – через – 3-4 часа (даже если пьешь) моча – аж темно-желтая, и густая как крепкий чай… А уж к концу дня, если по жаре часов 8-10 походил… Думаю комментарии излишни… Пока чайника 3-4 пятилитровых на 3-4 человека не выпьешь – и жрать не хочется…

Понятно, что у Ильи в лагере все было четко - два сортира типа М и Ж - «классика», разнесенные друг от друга метров на 30… Ну, что они из себя представляли… Ну понятно яма, глубиной этак пару метров, а, скорее всего метра 2.5… Слава аллаху, не мерил… Не пришлось… На яме возложены доски, чтобы ногами встать, причем доски прогибаются и потрескивают (особенно с моими габаритами-то, 120 кг – не шутка)… Вокруг вбиты колы деревянные (со стороны лагеря, от которого метров 30 и еще с двух сторон), т.е. в виде буквы «П». А на этих столбиках, высотой метра полтора, натянуты бренные остатки старой палатки, с дырочками, рваной и т.д… Такого же дизайна был и Ж… Правда с тем отличием, что был некий полог,

слегка закрывавший «вход»… Т.е. избушка-избушка повернись к лесу передом, а ко мне задом… И немножко наклонись… Вид на раскоп, в степь был полностью открыт… Но постановка сортира была такова, что сидящий в оном сооружении первым замечал народ, идущий с раскопа, и успевал закончить, хотя и не всегда полностью, свои дела… Жалко по скромности фото не сдал (я имею в виду сортиров, а не дел!!!!!). И вообще ну нет же фотографий полевых сортиров… Нет… Упущение…

Итак, продолжу… О людях… Попасть к Илье на раскопки было труднее, чем в отряд космонавтов.. Он очень не любил брать незнакомых людей и с ним постоянно ездили те, кого он более-менее знал… И те работали у него, и хорошо работали, месяца по три… Сам он начинал в начале июня, а заканчивал, собирал лагерь, чуть ли не в сентябре…

Один из тех, что с ним ездил почти постоянно, был Вадик… Историк по образованию, волею судеб ставший экспертом-криминалистом… Вадик собирал всё… От этикеток от водочных и винных бутылок, билетиков на проезд, билетов в театры, разнообразнейших талонов до монет и прочее и прочее…

Так как мы часто сидели в «синем троллейбусе» и трепались «за жизнь», травили анекдоты и истории и «баловались» самогонкой или реже водкой (она быстрее кончалось), Вадик периодически наезжал на «Москву и москвичей». Впрочем, не он один и не только в экспедиции Ильи. Так что наезды на «зажравшихся москвичей» мне хорошо знакомы… И я обычно не обижался… Что обижаться-то??? Ну, снобы мы, что поделаешь, такие уж уродились…

Однажды мы с Вадиком даже чуть не поругались… Выпили как-то ввечеру, и тут из Вадика и попёрло, что мол, «…москвичи зажрались, деньги лопатой гребут, обжирались, когда у нас тут жрать нечего было…», ну и прочее… Илья еле его утихомирил… И тут я спросил, Вадик, а зачем тебе вообще деньги, живешь один, вроде как, ни жены, ни детей… И тут последовал сакраментальный ответ: «…Колбасу я очень люблю… Копчёную!...». Вообщем на этом ссора и закончилась…

Ещё там был Иван, из Троицка… Сам-то он был, кажется из Челябинска, но переехал в Троицк (а может, был из Троицка, я и не помню), и стал там чуть не зав. кафедрой истфака филиала чего-то там… Ему там и квартиру дали! У Вани была молодая жена, очень привлекательная особа, его же студентка, за которой он ухаживал года два, чуть ли не с её первого курса, причем никого к ней не подпуская… Вообщем проявил инициативу… И удачно… Он привез кучу своих студентов, которых сам гонять особо не мог, опыта что ли

не хватало или характера, поэтому их строил Илья, да и Ване доставалось….

А может и в другом причина…Не до раскопок и студентов ему было-то. В те времена (это был 2003 год) он и женился, чему был несказанно рад. А вот супруге его было, как мне кажется, тяжеловато… Мало того что жена начальника (он и старше её лет чуть ли не на 8-10), так ещё и его студентка, ей бы с подружками поболтать, пошушукаться, ан нет… Вроде как субординация не позволяет… Так что несмотря на все прелести молодой супружеской жизни, она иногда бывала и грустна… Хотя, как мне кажется, особого повода для грусти у них не было - с вечера, почти сразу после ужина, они забирались в свою палатку, и до утра оттуда и не выходили… Но копала она со всеми и копала отлично… Вообщем-то на раскопе с подружками и отрывалась…

Скажу честно, при такой миловидной и такой молодой жене я бы тоже, наверное, «положил бы с прибором» и на работу, и на студентов, сами понимаете, не до этого… Но Илья - человек суровый, у него не забалуешь…

*Увы…Уже написав эти строки, я неожиданно узнал, что супруги Вани **больше нет**… И уже почти год… И я понял, почему так тяжело шли, не хотели ложиться на страницу строки о Ване и его супруге… Вечная ей память…*

К сожалению, безвременно ушла от нас и супруга Ильи…

*Очень тяжело писать о тех людях, которых **когда-то знал**… Это жизнь… Увы, друзья - это жизнь… **De mortuis nihil nisi bene.***

ГНЁЗДОВО, ПУШКИНА И ПОЧВОВЕДЫ

Гнёздово… Гнёздово… Что такое Гнёздово??? «Кто не знает Любочку, Любу знаю все!». Кто ещё не слышал про Гнёздово??? Только те, кто не археолог и не почвовед… И, пожалуй, не палеогеограф… Ну, а остальным, это наверно и неинтересно… Но всё ж послушайте…

С точки зрения известности Гнёздово находится где-то между Троей и Аркаимом, совсем рядом с Костёнками, Сунгирём и Стоунхенджем, недалеко от Долины пирамид и Сфинкса…

Копают это несчастное поселение, т.е. городище уж лет 150… Вообщем-то самого городища Гнездово уже нет. Всё что от него осталось - это отвалы старых раскопов, а по самому поселению, четко посередине, проходит железная дорога – Москва-Брест-Париж. Сейчас копают рядом – селище, немного курганы, а их там около 5000, и в большинстве своём они не раскопаны… Кое-что пограблено, кое-что заросло огромными соснами… Я, ещё будучи учёным, где-то написал, что курганы в Гнёздово «формируют своеобразный мелкохолмистый рельеф». Не верите? Так поезжайте и посмотрите! Там даже Археологический заповедник есть - «Гнёздовские курганы»!

Так почему такая слава??? Ну как говорят одни – это один из путей «из варяг в греки»… Днепр, вот он, рядом! Вторые - что Гнездово чуть ли праСмоленск (или праСмоленск – это Гнёздово). Ну а третье - это всего-навсего Гнёздовская археологическая экспедиция истфака МГУ, куда гуртом загоняют часть студентов-историков после первого курса постигать азы полевой археологии (другие части - в Каменную Балку, Великий Новгород и ещё куда-то, не помню). Четвертое, пятое и шестое – это наука, сиречь археология. Раннее Средневековье Руси… Варяги…

И последнее… Пожалуй, это первое место, где начали кучковаться и почковаться московские почвоведы, сначала из МГУ, а потом и из института Географии РАН… И не только почвоведы, но микробиологи, геологи и прочие любители отдохнуть на природе за казенный счет…

Т.е. Гнёздово являлось неким «полигоном» для отработки «почвенно-бредовых» идей и местом практики студентов-почвоведов, которых всё равно надо было куда-то везти «попрактиковаться». А это, благо, совсем недалеко от факультета почвоведения – пять часов на поезде до Смоленска и полчаса на автобусе…

И перебывало там… О, я думаю не менее половины «научно-преподавательского состава почвенного факультета МГУ» и иже с ними, и масса студентов, «призванных постигать» почвы простые,

погребенные, и даже некое техногенное образование под названием «культурный слой».

Я не буду писать про археологию, ибо мало в ней разбираюсь, не буду говорить о почвоведении - по тем же причинам…

Мой рассказ о быте, людях и происшествиях… Скажу сразу, кого мне больше всего жалко, так это археологов… Спросите почему? Ну-ка, представьте себе, что вы, археологи, тихо, мирно и культурно копаете себе культурный слой, рисуете, расчищаете и вдруг появляется, чуть ли не передовой махновский отряд, возглавляемый Сергеем С., ростом под два метра, с бородой как у атамана Ивана Кольцо, с ним примерно таких же габаритов бородатый мужик, только потолще (это я!!!), а уж с ними - толпа с лопатами и иным «шанцевым струментом», вплоть до ломов и киркомотыг, с мешочками и мешками для отбора проб, собаками и прочее…

И «всё это» начинает стоять, спрашивать, лезть в раскоп, фотографировать, задавать вопросы и говорить такие слова (научные!), что у благонравных археологов волосы медленно встают дыбом, а лопаты выпадают из натруженных рук… А потом, доведя мирных археологов до состояния нервного шока, вся это «банда» с гиканьем, уханьем, улюлюканьем и свистом лезет в раскоп и начинает на глазах, прямо на глазах у археологов, копать и колупать величайшую ценность полевой археологии - культурный слой. Это называлось – «отбирать образцы». Мешочки с образцами потом долго мокли и разлагались, сначала в месте обитания почвоведов, а потом уже и в Москве.

Кто всё затеял и пригласил почвоведов и иже с ними в Гнёздово, я даже и не знаю… Но то, что паслись они там, причём иногда в прямом смысле паслись - собирая щавель на лужку для «супчика», травку душицу и калган для настойки спирта и чая, и паслись почти 15 лет – вот это факт…

Надо отдать должное терпению начальнице Гнёздовской экспедиции Т.А. Пушкиной. Как она со всем этим примерялась! Да и не только это с этим… Вот уж воистину ангельское терпение! Бедная интеллигентная Пушкина….

Мало ей бестолковых студентов, агрессивного местного населения, проблем с местным начальством, с «черными» археологами, Смоленским музеем и Смоленским педагогическим институтом, так и норовившем там же покопать, так ещё и почвоведы в массе своей!

Жили археологи (начальство) на так называемой «Белой станции», занимая небольшой домик… «Белая станция» – бывшая станция ямского тракта…

А вот студенты и студентки… Они жили в старой школе, или двух школах, не помню… И почти без надзора по ночам, не считая вечно пьяных сторожей… И бедная Пушкина постоянно разбирала проблемы создаваемые «пришло-местным» населением, драки, мордобития, воровство у студентов и студентами (которые норовили стырить то-то на огородах или просто нажраться до блевотины местного самогона), контролировать поварих, таскающих продукты, и т.д.

Какая тут к чёрту наука! Днем - на раскопе, ночью - «в окопе», проверять сторожей (из местных, понятно), чтобы те сами не перепились и студентов не напоили творениями местных «самогонных дел мастеров»… Чтобы студентки не пошли «погулять на Днепр», «что чуден при любой погоде», чтобы… и прочее и прочее…

Кстати, дело кончилось весьма трагически - несколько лет назад два местных придурка-олигофрена (именно так, оба состояли на учёте в психушке) так избили бедную Пушкину, что она долго лежала в больнице… А что с этими ублюдками стало, спросите вы? А ничего… Насколько мне известно, никто из тех, кто работал с ней много лет, ни один мужик, не попытался даже найти (а что их искать, их весь посёлок знает!) этих мутантов и объяснить «что так делать нельзя»… Причём желательно объяснить таким образом, чтобы эти мутанты потом не смогли бы ходить… Совсем… Но это я отвлёкся…

И почему-то Гнёздово с его раскопами, студентами и археологами, как я понял, торчало у местного населения (да и местного начальства, видимо) костью в горле. Хотя и сам посёлок большой, и никого археологи не трогали, копали себе и копали, и вообще не на территории поселка, а за железной дорогой… И вроде бы и Смоленщина, а не Тува… Но всё равно… ***Caveant consules!*** *(«Будьте бдительны!», лат.*).

Кстати о Туве….

Когда копали Пор-Бажын, это некое «уникальное поселение», чуть ли не «град-столицу» древних тувинцев под эгидой МЧС и лично генерала-орденоносца Шойгу, лагерь археологов охранялся, как резиденция президента, покидать его категорически воспрещалась, так как на горизонте постоянно «барражировали» местные «команчи», одержимые одной задачей - что-нибудь украсть и кому-нибудь набить морду. А буде женщина - и трахнуть… Поэтому в маршруты почвоведы ходили под охраной бравых воинов МЧС, вооруженных карабинами… Вот такая у нас страна… «***In natura»! («В действительности!», а не «в натуре!»).***

А где же обитали почвоведы? Всё очень просто – «у тёти на огороде». В прямом смысле этого слова… «Тётю» звали Таня… И вовсе она была не «тётя», а нашего с Сергеем С. возраста, даже и

помладше, жила одна с дочкой в большом доме, был у неё и большой огород, практически не засеянный…

Вот на обширном пустопорожнем пространстве огорода почвоведы и ставили палатки, а малая часть, преимущественно женская, жили вообще в доме, где им была предоставлена большая комната. Один раз приехало аж 25 человек! Или 30! Представляете себе – одновременно 30 почвоведов! Бедные археологи… А уж как «тётя Таня» это нашествие выдерживала… Впрочем, она была флегматик по натуре, школьницей сама копала это самое Гнёздово, и кажется, даже если и брала деньги за «ночлег», то самые малые. С ней ещё проживал сожитель, тихий белорус, без документов и прописки, непьющий и работящий… Мы правда привозили Тане и какие-то вещи, а когда была возможность и продукты, я даже привёз ей однажды старый здоровенный цветной телевизор.

Мы-то, кто по старой полевой привычке, кто так, «из форсу», жили в палатках. И хоть и на огороде, и сортир пованивает, а всё же удобней - вещи под присмотром, машина тоже (я тогда на машине ездил, палатки, спальники и прочий полевой скарб и привозил, а также и часть студентов тоже)…

Жили мы хорошо… Мужики ничего не делали, так как была масса «женского пола», которые всё и готовили… В смысле завтрак и ужин… Обеда обычно не было, в обед спали...

А был раз год, когда денег было мало, и жратвы тоже, вот тогда и выручала зелень и картошка с Таниного огорода, а также щавель для супа, собранный на лугах близ Гнёздова («подножный корм») да ещё компот и повидло из яблок, собранных с «одичавших» деревьев близлежайшего и заброшенного туберкулезного диспансера (так называемые «туберкулёзные яблочки»).

Вставали мы поздно, не спеша и лениво завтракали (почему ещё обеда-то не было!), не торопясь шли на раскоп или бродили по пойме и берегу грязного Дона, иногда студенты лениво рыли шурфы, а почвоведы также лениво их «изучали».

Но большей частью «маршруты» закачивались под тенистым деревом, где почвоведы и возлежали, «а la древние греки», рассуждая о науке и иных высоких материях. Сие лежание, и лежание вообще, в том числе и на огороде, что происходило с завидным постоянством, было окрещено мной «лежбищем скотиков».

Ближе к вечеру мы уже обычно никуда не ходили, а пили водку, иногда и вместе с археологами, которые ходили к нам в гости. Мы их учили делать из местной смоленской водки или спирта, калгановую настойку. Они, гнёздовские археологи, очень долго не могли понять, взять в толк, уразуметь - как же так, открыть бутылку водку, положить

туда что-то, закрыть и убрать… И ещё ждать неделю… Странные они, почвоведы… Раз уж открыл – значить открыл! И ждать тут незачем!

О себе… Это чтобы было понятно, чем я там занимался, не будучи «коренным почвоведом»… Я возил, если надо было куда-то кого-то на машине, т.е. был ещё и шофером, ходил с Сергеем или студентами в маршруты (иногда и редко, но далеко и на весь день), а также выполнял «полицейские» функции – т.е. всех строил и гонял… А также отбирал образцы на этот самый пресловутый литолого-микроморфологический (тогда ещё только микроморфологический) анализ... Кстати, Гнёздово было и моей Первой Археологической Экспедицией, первый раз я поехал туда в 1997 году, а последний – в 2001. Пять лет жизни…

И именно тогда, и именно там, под неспешные вечерние разговоры под «калгановку» зародилась и стала выкристаллизовываться идея моей диссертации… Идея соединения минералогии и археологии… Что вообщем-то и удалось… И даже на уровне докторской, написанной, но так и не защищённой… Но это, как писали бр. Стругацкие, «…совсем другая история…».

Там же, недалеко от Гнездово, километрах в пяти, в отводной канаве от карьера кирпично-керамического завода, мною было открыто и описано месторождение «болотной железной руды», которую, судя по всему, и использовало древнее гнёздовское население в бытовых целях, для изготовления ножей и прочих бытовых предметов. Мечи и топоры, я так понял, поступали из Скандинавии.

Образцы этой железной руды до сих пор в коллекции кафедры литологии МГРИ (увы, теперь уже не МГРИ, а МГРИ-МГГА-МГГУ, тьфу, чёрт, язык сломаешь!).

Да, давно это было... «Как молоды мы были, как искренне любили, как верили в себя!!!». Вера… Надежда… Любовь…

Да была и любовь - молоденькие студентки... Ну как тут не влюбиться! Грех это, большой грех, не влюбиться в студенточку! Хотя бы на пару-тройку дней…

Описывать всех почвоведов смысла нет, да и не буду я этим заниматься. Я, так сказать не «людовед», и вообще - мизантроп, и если о людях что-то и говорю, то преимущественно плохое. Особенно последние лет десять… Да и что их описывать, почвоведов-то, почвоведы как почвоведы... И почвоведы тоже люди… Люди как люди… Только квартирный вопрос их испортил… Шутка!

А вообще я больше запомнил именно студенток… Но об этом… Тссс!!! Никому! Это – тайна!

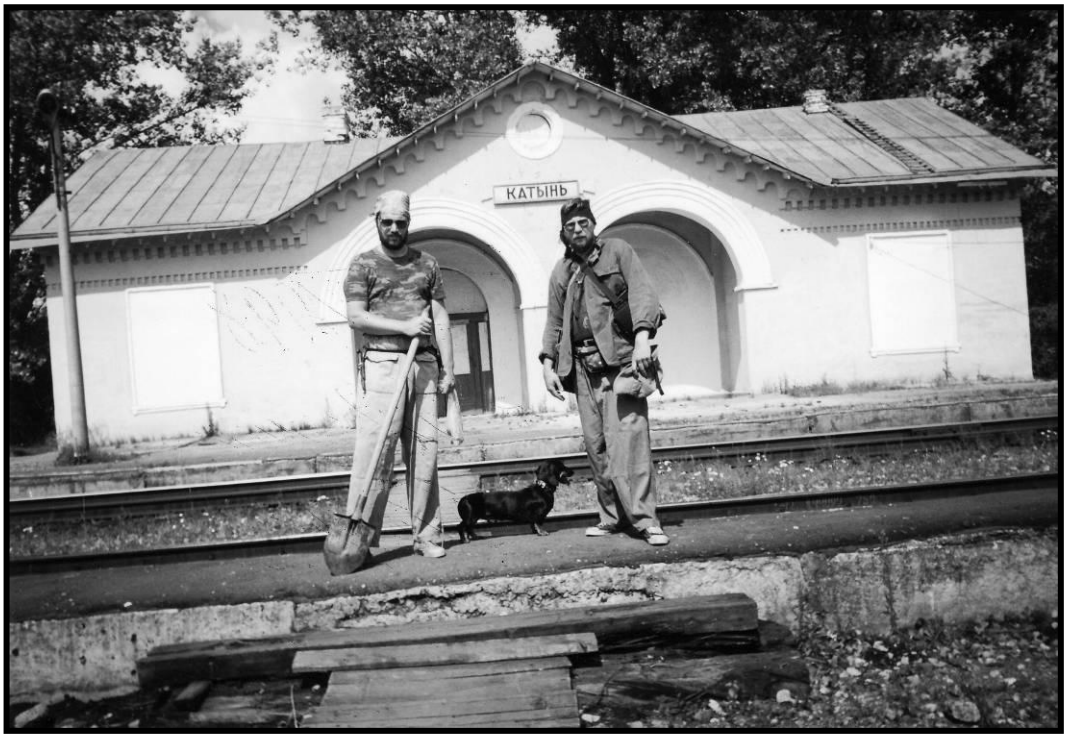
Расскажу я лучше про археолога Кураева и «пряжку». Копал Валера Кураев курганы. Точнее три сразу… Ну курганы там – это не то, что курганы бронзы… Так себе, «прыщик» на теле истории.

Ничего в них обычно нет, кроме битых горшков и сожженных костей, редко что попадается путное, а часто вообще «пустышки», кенотафы.

И вот снимает Валера дерн, снимает слой, уже собирается углубляться и вдруг… Вдруг… Вот он, благородный звон металла о металл!!! Находка, артефакт!!! Кураев бледнеет и хватается за сердце, а потом за нож. Расчистить надо, вы не подумайте! Слоем «почвы» облеплен некий плоский предмет, напоминающий пряжку. Народ в благоговейном молчании окружает курган, Кураев, сопя и пуская слюни вожделения, аккуратно расчищает, вынимает, очищает кисточкой, смотрит и… разражается потоком нехорошей нецензурщины, сиречь отборного русского мата. У него в руках фрагмент … современной женской заколки! Ну, может и не совсем современной, но, ни к раннему Средневековью, ни даже началу XX века отношения не имевшей. Обронил кто-то лет 10, а может 20 назад, прогуливаясь среди болотца…

Курган, конечно, был раскопан, и ничего там конечно не было… За исключением странной выкладки камешками по одной из сторон…

Вот такая история…



ПАВЛИНОВО ГОРОДИЩЕ И СОПИНИНИНСКИЕ МОГИЛЬНИКИ

Хочу сразу сказать - к павлинам это место не имеет никакого отношения… И почему называется «Павлиновым», никто толком и не знает. Вроде бы название происходит от отчества «Павлинович» или «Павлиныч» некого местного краеведа, который его и открыл… Или канонического имени «Павлин».

Само городище частично свалилось в обрыв поймы реки Исеть, частично изуродовано карьером, но, и то, что осталось, копалось много лет и многими экспедициями…

Я работал с **Зауральской археологической экспедицией Уральского Государственного университета** (сокращённо ЗАЭ УГУ) из Екатеринбурга (или сокращённо Ё-бурга), возглавляемой д.и.н. Л.Н.К. и Андреем Анатольевичем К., или попросту Андреем.

Но там были археологи, точнее, только археолог Наташа из Омска, в которую я влюбился сразу, Соня-«Мышка» из Екатеринбурга, все время сидевшая (работавшая!!!) в камеральной палатке, или возле неё, за что и получила прозвище «Мышка из Мышкиной норки», Ольга, также из Екатеринбурга, студентка Л.Н.К, «добровольцы-копальщицы» из того же Омска, школьные учительницы из Екатеринбурга, школьники из Серова, кто-то был, кажется и из Челябинска… Вообщем обычная уральская экспедиция… Но мужиков было немного… Преобладал, вообщем-то, «женский контингент».

Л.Н.К. была, так сказать, научным руководителем, а всеми работами заправлял начальник экспедиции, а именно Андрей К. Гонял он народ «не по-детски», выпить был не дурак, как и все мы тогда, а для работы, т.е. зарисовок и составления планов ему требовались: а) темные очки, б) сигареты. Без этого он работать просто не мог… Вообще его там опекали многочисленные девушки, но именно опекали, ухаживали, как за малым дитём… И все! Про остальное и не знаю... И вообще не моё это дело… Мне там своих дел хватало…. «Подбивать клинья» было под кого….

Народ был веселый, надо мной как над единственным москвичом вечно хохмили и старались подкалывать, а я делал вид, что не обижался… Хотя нет, я и правда не обижался, так как и сам хохмил вовсю и рассказывал массу историй…

Кстати, одну хочу привести, так она долго вспоминалась членами экспедиции. И связана так сказать тоже с «членами», только иными… К археологии это история отношения вообщем-то не имеет, а это

ближе к этнографии… Но археологи и этнографы, не то чтобы близки по духу, но рядом… Недаром в «Археологическом гимне» поётся:

…А этнографы бросятся
Собирать все подряд.
Их ботинки износятся,
А носы обгорят.
Они будут рисовать узоры,
Они будут собирать фольклоры,
Они будут портить аппараты,
Заснимая города и хаты…

Итак… Есть такой остров Новая Гвинея, где в свое время побывал Миклухо-Маклай, и даже собирался основать там русскую колонию. Остров большой, второй по величине в мире, и многие его места настолько труднодоступны, особенно Гвинейское нагорье, что там кажется, нога белого человека ещё и не ступала. Некоторые племена папуасов до сих пор живут также, как и их предки 1000, и 5000 лет назад… Быт их мало изменился, разве что каннибализма стало поменьше… Но кто про то знает??? Те, кого съели, точно не расскажут, ну а кто туда и добрался, так и ему не расскажут…

Итак, мужчины некоторых племен папуасов имеют только одно одеяние (женщины обходятся безо всего), а именно **холим** – бамбуковый футляр, одеваемый на член, пенис, он же детородный орган, причем длина холима может достигать одного метра! Подчеркиваю - холима, а не его содержимого! Для удобства ношения верхняя часть холима даже привешивается к шее на шнурке, чтобы не падал и не волочился по земле. А вот чтобы сей холим не натирал мягкие ткани органа, папуасы укладывают туда травинки, птичий пух и прочее…

Сам остров сейчас разделен на две половины, почти равные - правая - Папуа Новая Гвинея, под протекторатом Австралии, а левая территория Индонезии, именуется - Ириан Джай.

В конце 40 - начале 50-х годов XX века Индонезия «наконец-то освободилась от проклятого колониального гнёта», после чего там пошли «выяснения отношений», захваты территорий и прочий бардак, который, кстати, продолжается и до сих пор. Обрадовавшиеся свободе индонезийские власти, дабы привлечь всё население Индонезии к этому важному событию (а большая часть населения, скорее всего процентов 80, об этом и знать не знало, и вообще им это было по фигу), стали с самолетов разбрасывать, где только можно, небольшие национальные флажки. А теперь представьте себе изумленных папуасов – с неба падают столь необходимые «в

хозяйстве» тряпочки… Ну и понятно, для чего мужское население стало использовать национальный флаг, т.е. один из символов Индонезии. Не догадались? Для выкладки холима! Правда, когда власти узнали о столь своеобразном использовании сего символа Свободной Индонезии, флажки сбрасывать перестали…

Как я туда попал… Я имею ввиду в Павлиново… Как всегда – доклад на конференции, приглашение приехать… Позвала лично Л.Н.К., и, приехав в экспедицию, я знал лишь её… Добирался я поездом из Москвы до старинного купеческого города Шадринска, а потом автобусом через Мехонское, к деревне Сопинина.

Остальных членов экспедиции я хорошо узнал и подружился с ними почти сразу к следующему утру. Правда утром многие жаловались на то, что голова мол, болит и мутит от «твоего» спирта. Можно подумать, я насильно вливал… И почему у меня не болела?

Андрей мне потом сказал (а я вот не помню!), что первыми моими словами, после знакомства с ним, как с начальником экспедиции были: «А как тут у вас насчет «сухого закона»»? Оказалось – нормально, лишь бы Л.Н.К. особо не видела.

В этой экспедиции я впервые познал четкую субординацию у археологов, как уже и писал ранее.

Лагерь был расположен в живописном берёзовом колке, недалеко от дороги, причем с дороги, с трассы Курган – Екатеринбург, его видно не было. А сам раскоп, Павлиново городище, находился через дорогу, идти минут 10. От раскопа в километре деревня Спицыно и в другую сторону – тоже с километр, кажется Сопинина… Где были и магазины…

А вот воды рядом нет… Река Исеть-то была, да к ней особо не подъедешь и не везде подойдешь, от городища, после обрыва – пойма с озерками, болотами и старицами километра 3, не пройдешь, да и грязная, она, Исеть, берега топкие, илистые, особо не покупаешься… А комаров в колках, особенно к вечеру - масса, если только был ветер, и их не сдувал.

Пейзаж – березовые колки, да поля… Лесостепь… А между дорогой и колком, где стоял лагерь, были ещё и курганы, так называемая Сопининская группа… Я тоже застал их раскопки, уже на следующий год, приехав с Барсовой Горы, и даже кое-что нашел… Но об этом попозже…

Воду привозили в цистерне, для мытья и умывания, а для готовки - из колодца, из деревни… Была еще вода «Шадринская», полуторлитрашки, стоила, помню, по тем временам, 6 рублей… Но вот пить её… Сода - содой! Для изжоги хорошо, но для утоления жажды – ну никак… Аж на зубах скрипело…

Была машина, УАЗ-«буханка», но она работала часа два в день, после чего ломалась… Ремонтировали сей агрегат все кто мог, и не мог, но это «чудо техники» имело тенденцию глохнуть в самый неподходящий момент и в самом неподходящем месте…

Обычный полевой быт… И четкое разделение - «старшие» и «начальство» - справа, остальные – слева (если лицом к трассе). Огромная шатровая палатка – столовая, что хорошо - в ней не было душно, столы, лавки… На столах обязательные приправы – соль, горчица, перец. Меня всё спрашивали (кстати, Л.Н.К.): «Ну как наша свердловская горчица, хороша?». «Да», отвечал я, «отличная, пробирает до костей!!!». Горчица как горчица… Они московской не пробовали…

Костер и стол для готовки… Дежурства… Дрова… Всё как полагается в поле, в нормальной экспедиции…

В «зоне старших» был свой костер, около которого обычно и сидели, пели песни, пили пиво… А чуть позже - и водку. Основной закуской почему-то была, как помню консервированная кукуруза, «Боннуэлька»… Впрочем, так называли любую закуску… (см. О. Микрюкова (Шлюшинская), А. Каздым «Краткий толковый словарь некоторых археологических терминов Павлинова городища»).

Моя палатка («гостевая») была от костра ну совсем рядом, почти напротив… Хорошая… Новая… С двумя входами… С сеткой, так что и продувало и комары не жрали… Да и идти недалеко… От костра… Тропа соединяла «зону младших» и шла мимо кухни и «столовой» и мимо костра «старших», в сторону туалета Ж.

Стояла моя палатка последней, и в некоторой «близости» (правда в весьма «отдаленной близости», метров 15-20, кажется) от Ж-сортира... Надо сказать, что «сооружения» М и Ж, отделяли густейшие заросли кустарника, а к М вела тропинка более длинная, чем к женскому, и не через лагерь, а по окраине, от кухни… Но по малой нужде мужики далеко обычно не ходили, обычно останавливаясь на тропинке… Ни запахов, ни звуков от Ж до моей палатки вроде не доходило, но снующие регулярно по тропке мимо палатки девочки-археологини (часто с полуторалитровыми бутылками с водой для гигиены)… Ох… Так как у дамочек есть привычка ходить стайкой, обычно по двое-трое, а то и больше, то все это щебетание и хихиканье… А ночью кое-кто до сортира по «малой нужде» и не доходил, а справлял её, «нужду», около тропинки, метрах в 2 от моей палатки… Я конечно не видел, но ведь слышно… Правда ночью я обычно спал, но иногда и просыпался, если особенно сильно шушукали и хихикали, да ещё светили фонариками… Видимо, чтобы не промахнуться…

А сами сортиры представляли собой некие хлипкие сооружения, в виде драных брезентовых стен палатки бывшей палатки с хлопающими на ветру обрывками, открытые всем дуновения Эола и непогоде, на березовых стволах без крыши, с видом живописным на заросли кустарника и в клочья рваной брезентовой «дверью».

«Иду» я однажды поздно ночью к себе «домой», а мне, чтобы влезть, всё же надо встать на колени, и у меня и коврик лежал, все по уму… И вдруг… Что-то громко фыркает и больно колется в ногу… Темень, не видно, а я еще и пьяный… Но присмотрелся – ёжик! Паразит, свернулся клубком, видимо я его обеспокоил, типа наступил, он-то хотел ко мне в палатку влезть, а она закрыта… Ну пришлось его пинком в кусты забросить… Больше не приходил… Обиделся наверно… А когда стал утром рассказывать - дружный хохот, типа кому белочки, кому ёжики… У всех по разному бывает…

Иногда, чтобы не привлекать особое внимание, и «отшить холявщиков» (такие тоже были), собирались в большой палатке Андрея. Так сказать - не все… Избранные… Ну и вне глаз К.Л.Н.

Так как Андрей курил беспрерывно, да многие другие тоже, продыхнуть у него было тяжело… Зато весело - истории сыпались градом, смех, веселье, хохот, песни под гитару… Ольга, там была, студентка, но из «старших» – играла на гитаре и пела великолепно. И Андрей тоже… Когда я пытался что-то изображать, у меня гитару обычно быстро и тактично отбирали… Что делать, многие, кто любит петь под гитару, обычно не имеют «ни слуха, ни голоса»… Как я, например…

Вообщем отличная была экспедиция… Хотя между собой они, т.е. археологи, иногда конкретно собачились, особенно на следующий год, когда копали курганы.

Я уже писал, что уезжать не хотел (я должен был на Аландское поехать)… Но ещё причина была - «лав стори». И это была любовь… С первого взгляда… Точнее - со второго… Ночью не разглядел… Темно… Утром понял, что не ошибся… Но об этом я не пишу… Никогда… И не рассказываю… Никому…

О раскопе… Он был большой, не очень глубокий, но красивый, и после того как убрали бровки, четко «вылезли» контуры жилищ, кострища, зольники и прочее… Даже мне, неискушенному в археологии, очень понравилось… И костей там было!!!! Правда, больше лошадиных… Человеческие были в могильниках…

Теперь о могильниках и курганах… Я приехал и на следующий год, с Барсовой горы, и что немаловажно - успел, через несколько дней археологи уже собирались сворачиваться… Правда была проблема – недокопанный курган… Сам он был когда-то разграблен, какие-то предметы там нашли, кости коровьи и лошадиные, а вот

самого захоронения нет… Остальные курганы были раскопаны, что там было - я уж и не помню, но и женские и мужские погребения и прочее… Вообщем в монографии коллективной и прочитаете…

Копала курган Света Ш. Ей очень хотелось уехать, дома муж любимый и ребенок малый, вообщем она рыдала, так как Л.Н.К., вообщем-то женщина суровая, хотя и мягкая на вид, много чего ей «имела сказать».

Решили за оставшиеся три дня немного курган докопать… А там уже и грунтовка пошла, и всё выше и выше… Вообщем лезть в глинисто-водяную жижу никому неохота… И тут я вызвался… Спустился, по колено в ледяной воде, шарю лопатой, вынимаю тяжеленную мокрую глину... Вся толпа стоит сверху смотрит, наслаждается… И тут стук! Опа!!!! Что-то есть! Ну, руку в грязь сую, и чувствую, явно кость, причем большая, и как-то рефлекторно руку-то отдергиваю. Л.Н.К. спрашивает: «Лёша, что там?». Что, говорю, не знаю, но кусается, сволочь! Народ ржет! Вообщем поковырялся ещё чуток и вынимаю ...череп! Целехонький, даже с зубами! Тут не выдерживает антрополог Димка, тоже ныряет в грязь, и мы начинаем ведрами черпать воду и передавать наверх, а там по цепочке, выливали её в соседнюю яму, послали ещё людей за ведрами, кто-то ещё третий в яму залез, а глубина ямы метра три, только-только ведро с водой вверх подать…

Вообщем часа через два-три собрали почти полный скелет, нашли фрагмент железного меча (судя по остаткам лака, и тому анализу лака, что я провел, меч был из Китая)… Скелет выложили рядом с ямой… «Дядя» оказался очень большой, даже очень - под два метра… И меч ему под стать - около метра длиной… Вот такой саргат… Правда черепушка маленькая… Судя по зубам - лет тридцать ему было, и видимо умер не в бою, все кости целы…

Ну там псалии, что-то ещё… Дело в том, что сам курган, как я уже сказал был грабленый, а потом в яму накидали чёрти что, видимо устроив скотомогильник… Поэтому сначала и шли кости коровы, отчего Света и ревела… Не докопали с полметра… У нас вообще в России – если яма, надо туда что-то обязательно бросить... Или самому упасть…

Вот так… Теперь горжусь, что лично в раскопке кургана принимал участие и этого самого саргата и нашел! Не каждому археологу так везет.

Правда, курган так и не докопали, воду надо было черпать непрерывно, дети–школьники стали ныть, что обед, они устали, Л.Н.К их поддержала, и хотя я уверял, что через час-два здесь будет озеро, увы, всех отправили на обед, а потом «сиеста», вообщем через три часа яма была полна воды, хоть ныряй, и без насоса делать было

нечего. Ну и был дана «начальственная отмашка» раскопки прекратить и собираться домой, на радость Свете. Так что золотой котёл, который, скорее всего там должен был быть, там и остался. Ну и пусть лежит…

На следующий день пригнали бульдозер, он курганы и засыпал… Грустное это зрелище, когда ты видишь, как результаты тяжелейшей работы идут под нож скрепера…

Перед отъездом был прощальный ужин, пирог со сгущенкой, и массовое сжигание ненужных вещей и скромная пьянка. Из старой полевой одежды было сооружено некое чучело, привязанное к столбу, типа еретика… Дело в том, что везти обратно полевые шмотки, в которых отработал сезон, т.е. те, в которых копали, мало кто отваживался - всё это либо выбрасывалось, либо сжигалось… У многих (даже большинства) археологов, я имею ввиду, тех кто копает, «тружеников лопат, расчистных ножей и кисточек», тех кто постоянно «в раскопе», есть тенденция весь полевой сезон (2-3 месяца) работать в одной и той же майке (или рубашке) и штанах, не стирая, а иногда и не снимая, лишь по большим праздникам… Либо когда уж совсем окружающим невмоготу становиться… Про исподнее не знаю, сказать не могу… Кстати этим грешили и даже барышни, работая в одной и той же майке… Правда вечером и на ночь они её все-таки меняли… Как мне удалось узнать…

Понятно, во что превращалась одежда после 2-3 месяцев поля - она даже гореть не хотела! Кроме того, в костре сжигались и вещи, которые не пригодились в поле (ну если не жалко было). Кто-то бросил расческу, кто-то зубную щетку, а Ольга, я помню шикарные кружевные панталончики… Не пригодились, видать… Мне особо бросать было нечего, «кирзачи» я утопил в раскопе кургана, «дабы умилостивить богов», а старые вещи выбросил ещё на Барсовой горе… Кроме того, мне ещё предстояло ехать на Аркаим, к Илье, на курган…

Всё что у меня было – это презервативы… Не пригодились… В этой экспедиции… Ну я с шиком и комментариями в костер их и кинул… И вдруг в костре что-то громко хлопнуло, не знаю уж и что, может и тюбик с зубной пастой, неиспользованный… Ну, а у меня непроизвольно и вырвалось: «Гондоны взорвались!». Андрей, стоявший со мной рядом, взвыл, завертелся волчком, грохнулся на землю и стал биться в конвульсиях… Я никогда не видел, чтобы человек так смеялся! Ему даже водки принесли, чтобы очухался…

После сжигания чучела, народ стал собираться, уже в впотьмах, кучковаться и «прощаться», мы ещё у костра посидели, каждый «со своей», да и спать пошли…

Утром пришла машина, и надо был её грузить, собирать лагерь и прочее… Школьники уехали днём раньше, утром уехали те, кто из Омска, в Курган, а там уж и на поезде, остальные на УАЗе, в Ё-бург. Там разгрузились, я у Андрея заночевал, а через день уехал в Челябинск, а оттуда, через денёк, машиной на Аркаим, и к Илье.

Вот так моя «Павлиновско-Сопининская эпопея» и закончилась, и признаю, (ты уж, Илья не обижайся!!!), это была одна из лучших экспедиций, в которых я работал…

Да, что самое главное и Наташа, и Света и Соня – все защитились, и именно благодаря Павлинову городищу! Да и в моей диссертации оно занимало не последнее место.

И ещё… Немного о людях… Андрея я слегка обрисовал… Наташа, Ольга, Соня, Света… Нет, о женщинах – ничего, кроме хорошего! Девочки из Омска… Школьные учительницы из Ё-бурга… Всё отлично! Замечательные девчонки…

А, вот! Приехал я в Павлиново, мне указали, где палатка, иду, и навстречу мне выходит этакий небольшого роста паренёк, интеллигентного вида, в очках, с очень измученным выражением лица, робко протягивает руку и также робко представляется - «Олег». Вот о нем пара слов… Парень он был хороший, можно сказать, замечательный, добрый. Но какой-то… Вообщем все над ним потешались, хохмили и его шпыняли, хотя он и был из «старших». Олег был очень старательный и было видно, что человек старается, но вот не получается у него - и всё тут! И видимо осознавая всё это, он жутко комплектовал, и у него был дурацкая привычка постоянно оправдываться, он всё, любую шутку, самую безобидную, любую хохму, понимал буквально, с чувством юмора у него было, скажем так, тяжеловато… И как бы хотел быть со всеми, наравне, и как бы его не то чтобы держали за шута, но… Что-то типа этого… Посмеивались, скажем так… Иногда и зло… Даже Л.Н.К часто вздыхала: «Ох, уж этот Олег…».

Я потом с ним работал (на следующий год) на Барсовой горе, история та же самая, начальник на него всегда наезжал, Олег оправдывался, аж до крика и истерики, и мало того он умудрился заболеть каким-то гриппом, лечиться категорически не хотел, недели две чихал и кашлял, и конечно заразил часть народу, в том числе и меня… Жили-то в одной комнате… Кроме того выпить он был не дурак, но вот «вместить»… На Барсовой горе я его пару раз тащил на себе с первого этажа (из кухни) на второй, так он был «совсэм мертвы». И здесь, в Павлиново, зная его «слабость», старались по поводу выпивки с ним особо не связываться, и если «сбор» был у Андрея в палатке, то его не приглашали… На что он сильно обижался,

чувствуя себя неким изгоем… Но скажу - парень был очень хороший, добрый… Да и есть…

Приезжал крупный специалист по костям, антрополог и териолог, Павел Андреевич К., переловил в округе всех мышей, ласок и прочее зверье для коллекции. Дима Р., его ученик, копал Сопининские могильники (см. выше), и сейчас один из крупнейших антропологов Урала, да и России тоже. Кстати, Л.Н.К. принимала участие в изучении останков царской семьи. Вот не помню, Павел Андреевич и Дима... Кажется тоже…

Вот, пожалуй, и всё… Буде что вспомнить – обязательно напишу!

Вот такая история…

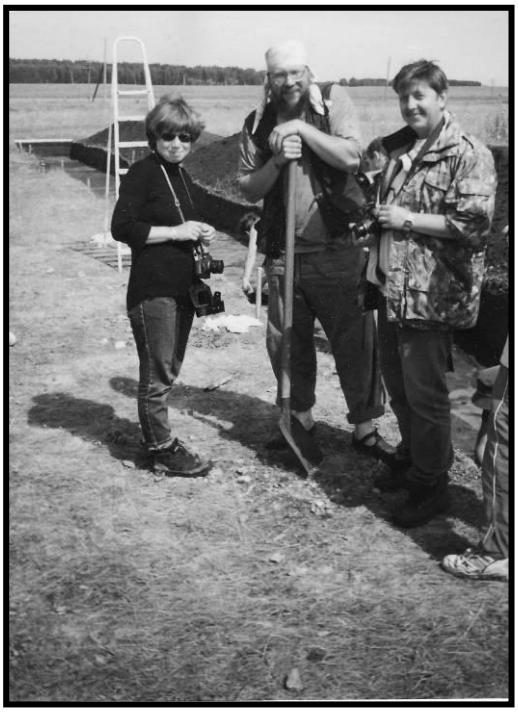
О. Микрюкова (Шлюшинская), А. Каздым

Краткий толковый словарь некоторых археологических терминов Павлинова городища

1. **«Кирдык»** - выражение негодования, конец чего-то, облом и т.д.
2. **«Полный кирдык»** - конец всему.
3. **«Сволочь»** - ласковое обращение начальника экспедиции Андрея к подчиненным женщинам.
4. **«Убью, сволочь»** - выражение любви того же начальника к ним же.
5. **«Почвовед»** - слово неприемлемое в «культурном, цивилизованном» обществе (нецензурное ругательство).
6. **«Самара»** - выпивка.
7. **«Ехать в Самару»** - выпить
8. **«Уехать в Самару»** - много выпить.
9. **«Самара-городок»** - выпить очень много (запой)
10. **«Самаритянин»** - алкаш
11. **«Самара-блюз»** - тяжелое алкогольное отравление с определенными последствиями.
12. **«Сидеть (лежать) на Пятачке (Винни-Пухе, Ослике, Тигре и т.д.)»** - работать на очень ограниченном пространстве раскопа.
13. **Стартер** – то, чего нет у автомобиля, конструктивная особенность.
14. **Бендикс** – то, чего нет у стартера (см. Стартер)
15. **Ремонт полевого автотранспорта** - любимое времяпровождение членов Зауральской археологической экспедиции
16. **«Пиво»** - национальный и традиционный павлиновский напиток (типа воды).
17. **«Москвич»** - плохо одетый и многопьющий человек.
18. **«Я завтра брошу пить»** - заведомо невыполнимое обещание (слова из песни).
19. **Чукотка** - раскоп № 9.
20. **Аляска** - раскоп № 8.
21. **Начальник Чукотки** - Н. Берсенева.
22. **Начальник Аляски** - О. Микрюкова.
23. **«Мышиная норка»** - камеральная палатка.

24. **«Мышка»** - Соня Пантелеева.
25. **«Мышка в норке»** - Соня Пантелеева в камеральной палатке
26. **«Саргатская женщина»** – сахем Зауральской лесостепной археологической экспедиции; женщина, которая и дров принесет, и костер разожжет, и нальет, и т.д. в том же духе.
27. **«Захоронение саргатской женщины»** - тяжелое похмелье сахема
28. **«Коммуняка»** - большая совковая лопата.
29. **«Боннуэлька»** - закуска (любая).
30. **«А мы завтра ещё купим!»** - предложение продолжить банкет.
31. **«Когда пить-то будем?»** - приветствие, типа «Здравствуйте!».
32. **Колбаса (и мясо вообще)** - мечта.
33. **«Метаболизм»** - способность много есть (и наоборот).
34. **«Клизьма»** - наказание.
35. **«Оклизмить»** - подвергнуть наказанию
36. **«Самооклизмиться»** - вырыть яму 1х1х1 м
37. **«Техногенный литогенез, тальковый сланец, эрозионная форма рельефа, поляризационный микроскоп»** - непереводимая игра слов.
38. **«Уйти в ландшафт»** - выпить пива за отвалом (и наоборот).
39. **«Кости Брайена»** – то, что нельзя трогать без спросу.
40. **«Чупа-чупс**» - лакомство.
41. **«Кислота», «кислотная»** - почвоведы.
42. **«Запах»** - отличительная черта некоторых членов экспедиции.
43. **«Попенгуд»** – или **«полный кирдык»** (см. п. 2), т.е. совсем неудачный исход дела.
44. «**Курадактель»** - блюдо из курицы.
45. **«Каздымчики»** – почвенные образцы и многое другое, что имеет отношение к Каздыму А.А. (московский геолог, он же «москвич»).

Примечание. В составление «Словаря» также принимали участие: **А. Ковригин, С. Пантелеева, Н. Берсенева, Д. Кадцин** и др.



ЛЮДИ И ТЕНИ

Многолетняя работа в экспедициях сводила меня со многими людьми… Одни остались в памяти, прочно врезались в неё, про других я быстро забыл, третьи остались как некий туманный контур, как «тень облака плывущего над тундрой».

О многих я уже немного рассказал… Расскажу и дальше… Уже о других… Я не буду выписывать «психологические портреты», я просто расскажу про тех, кого помню или не очень помню, постаравшись двумя-тремя штрихами обрисовать их характер.

Расскажу про то, что вспомню… Бредни и есть бредни, как я уже неоднократно писал.

Про кого-то я уже писал, а про кого и нет… И я подумал, а вдруг обидятся? Мол, с нами общался, водку пил, спал в одной палатке (это я про женщин, хотя именно об этом и не напишу!). Хотя могут обидеться и те, про кого написал… Но ещё больше те, про кого не писал… Вообщем, я запутался… Что будет, то и будет…

Кстати о пьянках… Из моих рассказов можно подумать, что археологи сродни алкашам – их основная задача пить и похмеляться… Именно так неискушённый читатель может подумать… Как ни странно - это не совсем верно… И даже совсем неверно, в ряде случаев… Большую часть времени в поле археологи всё же работают и работают великолепно… Ибо если они не работают – это не археологи… А что пьют… Ну бывает… Но скажу сразу - чаще вечером, а не с утра, и что бы то ни было – утром на раскоп… Иного быть просто не может…

А есть экспедиции, где и вообще не «злоупотребляли» и даже и пили вовсе… У Г.Б. Здановича, например я особо и не видел… Да и вообще, где большие начальники, известные люди, там пьянок почти и нет..

У Синицына в Костёнках… Там молодежь «шифровалась», пряталась, я там был с неделю, но особо не заметил, чтоб уж «совсем в лежку». Синицын, фигура в археологии палеолита необычайно известная, этого просто не допускал…

Кстати о Костёнках… Что очень интересно, Костёнки традиционно копают питерцы (и сюда они пролезли!) из Института материальной культуры, «Москва здесь не ходит». Но… Раскопов там много, они

большие, если не огромные, и на каждом раскопе свой археолог-питерец, причём в гости друг к другу не ходят, и часто между собой даже и не разговаривают. Если копает один, другой на пушечный выстрел к нему не подойдет… А раскопы там!!!!! Ого-го!!! Ямы глубиной метров 10-15, и чтобы копать, покупают участки у местных, или арендуют… Но это – палеолит! Это вам не «Песчаный овраг» с его «осколочками кремня»…

Я уже упоминал, что работал больше с уральскими археологами из Екатеринбурга и Челябинска… Московские, из МГУ, это лишь Гнёздово, но это не только я, а большая «почвенная зондеркоманда», да и пресловутый очень нелюбимый мной «Песчаный овраг». Про «Песчаный овраг» я уж написал… И как написал… Как бы не побили… А хотя - за что??? Ведь это всё - правда, и что на правду-то обижаться??? Глаза колет??? Вот так-то!

И про Гнёздово писал… Я мало кого там помню, мы как-то больше с Пушкиной общались… Бедная Пушкина… Была там ещё одна дама, Вероника, из ГИМа… На раскопе всегда – в строгом черном купальнике полубикини… А вообще гнёздовские археологи почвоведов и вообще чужих, очень не любили… Валера Кураев, про него писал… Он потом копал на другом берег Днепра и бухал конкретно… Скорее с горя… Что ничего так и не нашёл… Вася Нефёдов, он копал недалеко от Гнёздово небольшие поселения… Одно помню, было прямо у картофельного поля… Хозяева постоянно проверяли, не воруют ли у них археологи картошку…

Вообще жизнь начальника археологической экспедиции, я вам скажу, не сахар, даже если она и небольшая, человек в десять. А уж когда народа много, и в основном студенты и студентки глупые да несерьезные… Студентки норовят погулять, студенты побухать и погулять… А если места обжитые, народу местного тьма шляется, договориться надо, чтобы не мешали, не воровали... С начальством местным контакты завести… Да и все конфликты расхлебывает тоже начальник… Да продукты, да кормежка, да работа, да планы рисовать, отчеты потом… Жуть! Не позавидуешь… Поэтому мало кто в археологию пойдет и ещё меньше «в ней» задержится…

И не в полях дело, и не в трудности… **А в выборе жизненной позиции… Археология – это не профессия, это смысл всей жизни…** Наташка, любовь моя павлиновская, из Омска в Челябинск переехала, и всей семьёй, чтобы именно в археологии работать! В Омске работы не смогла найти…

Ладно, продолжу про Костёнки… Кстати само название и происходит от слова «кость», ибо костей мамонта и не только, там найдено было немеренно… И захоронения человека возрастом 40-45 тысяч лет тоже… И реконструкции сделаны по черепам… Всё-таки

негроидность просвечивает, как мне показалась… Впрочем, я не специалист…

Местность – красивейшая, а само село, огромное, разбросано хуторами вдоль реки на приличной площади. И Музей знаменитый, построенный прямо над знаменитым жилищем из костей мамонта…

И протекает там река Дон… Красивейшие места!!! Встанешь на бугорок, на горочку (а там вся местность такая - горы да овраги), а на другом, низком берегу, лес кругом и чуть ниже по течению – г. Нововоронеж и Нововоронежская АЭС. Всё по уму, возле речки, если что случись, всё - в Дон-батюшку… А там и далее, аж до Ростова и самого моря Азовского… Да и качать воду удобно, для охлаждения аварийной зоны реактора…

Район это, где и село Костенки, и село Борщёво (и там палеолит копают) именуется Белогорьем, чуть правее от Дона. И впрямь, холмы белые, овраги, известняк да мергель.

Так вот об археологии… Синицын, что главный в Костёнках-14 (по номерам раскопы назывались) был весьма лоялен к «естественнонаучникам», и к нему валом валили специалисты самые разные, но обычно «крупные», известные, а не всякая там «мелочь пузатая», типа меня… Сам Величко из Института Географии приезжал! Со своей командой… Иностранцы! Одно слово - Костёнки! Меня-то туда Натали «сосватала», да ещё раньше там Сергей С. был… Я ему тогда студентку подсунул, Катю (когда ещё на экологическом факультете РУДН преподавал). Салму Хайек видели в кино??? Очень похожа! До сих пор, старый чёрт, с ней общается… Когда конечно в Москву из своего Мехико приезжает…

А вот на меня Синицын обиделся… Заочно… И не только он, но и питерские почвоведы, что я в каком-то сборничке, на Урале опубликовал весьма небольшую статью про «микростроение чего-то там Костёнок». Совместно с Катей и Сергеем… Они образцы привезли, я шлифы сделал, изучили мы вместе Катей, ну я и написал… Кстати, больше всего обиделся даже не Синицын, а питерские почвоведы… Ну что с них взять, с почвоведов, почвоведы, они есть почвоведы, тем более питерские.

Мне про Костёнки особо рассказывать нечего, я и был там всего один раз, и всего неделю… Ну раскоп впечатлил!!!!!

Итак, раскоп... Яма глубиной метров 15… Спуститься, подняться по двух шатким лесенкам… А площадь раскопок общая - ну метров 20 на 20 наверное… Если не больше… И сверху смотришь, люди как букашки… Кстати и людей-то у Синицына было немного - человек 15-20 всего…

Жили они на базе своей, «Старая школа» называлась, домик, вагончики, камералка, стол, навес. И душ – с горячей водой! Т.е. воду можно было как-то там нагревать, типа печку топить… Цивилизация!

Нет, всё-таки археологи жить умеют… Правильные люди, обстоятельные,… Хотя и пьющие… Шутка!!!!!

О Г.Б. Здановича… Не так уж я его и хорошо знал,… Встречался, и неоднократно, был у него на Аландском, и на Аркаиме и в Археологической лаборатории пересекались,… Но там он был «и царь, и бог, и герой»… К нему так близко порой и не подойдешь. Вечно занят, с кем-то ходит, то с начальством каким, то гости какие «забугорные»… Но! Надо отдать должное этому человеку, сумевшему в почти голой степи, без особой поддержки со стороны, создать Музей-заповедник Аркаим.

Но как же на него «наезжали» московские археологи, и особенно старался ныне член-корр. РАН Черных А.Н.! И «что это такое», и «что такое Аркаим, и это ерунда, и говорить о нем за чем, и ведьмы там у него собираются» и прочее… Думаю - всё это из зависти… Черных - это вообще этакий барин в археологии… Типа Михалкова в кино… Вальяжный такой, эдакий московский сноб, короче… Известен, да, Каргалы копал лет десять… Но если ты там заповедник не смог сделать, больше «по заграницам» мотался, себя любимого рекламировал, что на других-то обижаться, у кого получилось? А Г.Б. смог пробить… И заповедник создать, и базу построить, и дорогу проложить, и люди туда ездят со всего мира. Экскурсии, туристический городок, учёные, архитекторы, астрономы… Пиар есть пиар… А кто в эти Каргалы ездил к Черныху, кто про них знал-то? Да никто, кроме двух-трех десятков специалистов и избранных людей…

А Аркаим – это Аркаим… И не только… И Синташты, и Берсуат, и то же Аландское, и ещё 20 с лишним поселений «Страны Городов». Самое название, вдумайтесь - **«Страна Городов»!**

Мало того - Г.Б. людям, в этих Богом и властями забытых краях, работу дал! Село Александровка рядом, раньше мужики там бухали, не просыхая и на Г.Б. с вилами ходили, когда он там всё огородил… А потом как туристы попёрли, стали ездить, «поклоняться», «заряжаться», тут местные и комнаты стали сдавать, и молоко, и сметана, и яйца, и самогон… И пошло-поехало…

Но сняли Г.Б., сейчас не и знаю, что там… Да и он и сам сначала многих людей, с кем начинал, повыгонял… Слава, она людей портит… Как с Путиным встретился, так всё и пошло наперекосяк…

Гайдученко, Леонид Леонидович, «папа Лёня», был зам. Г.Б. по науке. Вот кому всё по фигу… Палеонтолог, я с ним еще в первый приезд на Аркаим познакомился… А потом, через год, когда студенток своих к Илье привез, на практику, это 2003 год, мы с ним перед моим

отъездом и «посидели»… Ой, «посидели»!!!!! С двух дня до утра… То ли 8 бутылок, то ли 10. Начали-то «культурно» - с пива… А закончили коньяком, естественно… Еле я до комнаты в общаге добрался, почти на карачках, скребся, стучал, открыли… Там и водилы жили, и мои студентки вповалку на полу спят… А утром… Ой… Лучше и не вспоминать… «Привет с Большого Бодуна!».

А я студенток я гонял… Конкретно… И маршруты им по жаре устраивал, порой на целый день. А что - сами напросились, а я предупреждал – если поехали со мной, это вам не турпоход и не пикник на опушке! Да, помню, гонял не по-детски… Они там ночами «гуляли» с мальчиками у костра, втихаря от Ильи, уходили подальше, за обрыв, чтоб видно не было… Не они одни, понятно… Но мне-то по фигу, у меня ночью свои «заботы», а вот утром, в восемь – что б «как штык» на работу - и пошли! И ходили… Куда денешься-то…

И у Ильи сидели на раскопе, камни расчищали… Так что постигли у меня и почвоведение (которое я, между прочим, волею судеб в РУДН, на экологическом факультет читал, точнее семинары вел, во как жизнь бросала!), и экологию, и геологию, и археологическую работу немного… И отчёт я их по практике писать заставил, две из них у меня диплом защищали… Всё, кстати, в фонды Аркаима потом ушло.

Ну вообщем, москвички… Для них это экзотика была, поле. Настоящее!!! Довольные остались, я так понял, хотя и ревели втихаря... Нет, не от обиды на меня, от усталости и от быта… Это вам не турпоход – это поле!!! Ну и «в коллектив» влились, проблем с ними не было особых, а чем занимались в свободное время и по ночам - вот это уж меня не касалось… Порядок не нарушали, по кухне дежурили, никто беременной вроде не вернулся… Девочки умные оказались…

Вот мы, кстати, в домино с Юлей в паре против Троицка и Челябинска и рубались! Почти всегда выигрывали!!!! И где они сейчас, мои девочки-студентки… Женя, дипломница моя, татарочка каширская, за француза замуж вышла, во Франции живет где-то… Оля, тоже диплом у меня писала, экологом в какой-то фирме работала… А где Юля и Ира… Не знаю… Потерялись… Как я с факультета ушел в 2004 году, так никого и не видел… С Олей немного переписывался, а потом и она пропала, замуж вышла, ребенок… Вообщем, жизнь продолжается…

Интересно вспоминать о ком-то… Плохо то, что многое забылось, лица и имена… И остались лишь контуры… Абрис… Тени…

Совершенно не помню студентов-почвоведов в Гнездово, хотя и водил в маршруты, даже учил шлиховому анализу… Кстати, студенток на Аркаиме тоже учил… Были, были в миске, что использовали

вместо лотка, золотинки… Поблёскивали… Как же они были рады - сами золото намыли!!!

Да, и ещё про Гнёздово… Дело в том, что кроме Дня Археолога, на кафедре археологии МГУ празднуется ещё и День бересты. 26 тюля 1951 года в Великом Новгороде впервые были найдены «берестяные грамоты» и с легкой руки «новгородцев» этот день, 26 июля, в Гнёздово обязательно праздновали… Ну в Новгороде – само собой… А вот на «Песчаном овраге» - нет… А ведь с одной кафедры… Вот поди ж ты, разбери их, археологов…

Вообщем День Бересты, то же самое, что и День археолога… Сначала типа спектакля, а потом пьянка… На следующий день на работу – но после обеда… Я только раз принял участие в этом действии, кажется это было в 2001 году. К утру с Васей Нефёдовым, ибо только мы с ним ещё и держались на ногах, уложили мы проблевавшихся студентов и студенток на матрасы на полу, так как мало кто из них мог бы сам доползти, а потом я, поспав чуток, зашёл на раскоп, где с трудом копали и еле стояли, и чуть не свалили в яму нивелир, посмотрел на краснолицых, опухших, и жадно пьющих воду, да и ушёл в маршрут…Тоже неплохой способ излечения «от вчерашнего»…

Павлиново… Вот помню многих, помню в лицо, да имена забыл… Димка К. Он сам не археолог, но, я так понял, ещё со школы копал с ними, и был там что-то типа завхоза, и хотя был «младше» «старших», но всегда с ними. Работал в какой-то фирме по изготовлению туристического и прочего снаряжения и обеспечивал экспедицию палатками, шмотками и прочее… Кстати и мне куртку-«камуфляжку» тоже подарил… Не новую, но прочную, с кучей карманов, потом она еще несколько лет полей выдержала, и сейчас ещё на гвоздике висит… Может ждёт своего часа? А Андрей, начальник, тот мне старую палатку презентовал, «купол»… Вообщем я на Павлиново ещё и «прибарахлился». Палатка отличная оказалась… На Аркаиме, точнее «в долине у Илье», иногда ветра страшные дуют, сносит обычные палатки-«домики» только так… Или рвет «коньки» и «борта» к чёртовой матери. А эта стояла, на ветру лишь шатает... И ставить три минуты… Правда, мыши пол слегка прогрызли, ещё в 2003 году, «на кургане у Ильи»… Что ж, до поры, до времени лежит на антресолях… Может и сгодится ещё? Кто знает…

Девочки из Омска… Одна, я помню точно, фотомоделью «подрабатывала», в конкурсах красоты принимала участие. Да, там было, было, «чем взять»... И вот надо ж тебе время свободное – в поле поехать, копать!!! И пойми ты этих женщин…

Про Аландское писать не буду, никого не запомнил… Все там меня сторонились, и практически не разговаривали… Странный

народ… Помню только одно лохматого тощего парня по прозвищу «Штирлиц»… Почему «Штирлиц»? Ничего общего… Он постоянно орал (до одурения), а точнее вся это компания, хором какую-то песню с припевом «Всё идет по плану!!!!». Очень они её любили, и старались петь так, чтобы их все слышали… Абсолютно все!

Про «Песчаный карьер»… Не буду… Не понравилось… Ни люди, ни работа, ни отношение… Вот вспомнил, приехал я туда, это был уже 2006 год… Последний мой год в поле… Не успел вещи сбросить, как ко мне какая-то девица подскакивает и спрашивает: «А ты когда дежурить будешь?»… «Ты…»… Мне… Я аж ошалел… Объяснил, так, популярно, что приехал не дежурить вообще-то, «забота у нас иная», я вообще-то здесь как-то «типа специалист», образцы я отбираю… На следующий день - то же самое… Тут я уже прямо объяснил… И конкретно… Куда идти… Тут и «Рита» наехала, мол все дежурят, и она, и «даже Натали»… Пришлось и ей объяснять, тебе мол тебе надо, ты и дежурь, а у меня иные цели и задачи в этой жизни... Натали стала наезжать, ну вообщем и ей пришлось сказать, что уж коли позвали меня образцы отбирать, так давайте я сначала своим прямым делом займусь, а там и видно будет. Вообщем я образцы отобрал, и то не все, они там всё никак не могли стенку одну дочистить, всё им что-то мешало, то дождь, то ветер, «то звёзд ночной полёт», то трехдневная пьянка на День Археолога, да и свинтил по-быстрому…

А, вот - «луч света» во тьме «Оврага»! Биба… Биба - это имя, а не прозвище, сокращено от Бибиана, Вивиана (Вивьен), она словачка была (как в испанском буква «v», если стоит в начале слова, произносится как среднее между «б» и «в»). Я так понял, и в словацком. Красивая, умная, скромная девушка… Все её очень любили фотографировать… И я тоже… Училась, бедолага, кажется в аспирантуре у Натали… Археолог потомственный, как так понял, отец её - очень известный в Словакии палеолитчик. Чуть ли не один на всю Словакию… А что вы хотите, страна-то маленькая…

Так что от «Песчаного Оврага» у меня в памяти одни тени в основном и остались.

О дежурствах… Я, в принципе, никогда от дежурств не отказывался, если это было необходимо, и дрова рубил, и воду носил, хотя это вообще обычно забота студентов, «младших». Но если надо было – значит надо.. . И «кашеварил»… Но не так же сразу…

Вообще дежурить и готовить, когда отряд 30-40-50 человек… А если больше? Попробуйте на костре все приготовить: завтрак, обед – первое, второе, третье, да ещё ужин.. . И полдник – чай с печеньем… Мало не покажется… Обычно две девчонки готовили и два парня… Дрова рубить, костер, воду таскать… Работа тяжёлая… Котел с супом вдвоём еле поднимали… А посуду ещё мыть после всех? И

приготовить надо так, рассчитать, чтобы всем досталось, и добавка если что была, и лишнего особо не оставалось, а то влетит от начальника, за перерасход продуктов… Так что дежурство – это не отдых от раскопа, не побездельничаешь, не подрыхнешь в теньке. Да ещё чтоб и вкусно было!

Завтракали-то не все, по разным причинам, одна из них – похмелье тяжелое, только чай и пили. Да и обычно на завтрак каша почти всегда, типа овсянки или перловки, не каждый ест… Утром и варили мало… Вообще у археологов питание - это твое личное дело… Не хочешь – не жри… Главное - на работу вовремя выйти… Вот если ты опоздал… Или ещё как провинился, пьяным застукали или ещё что… Тут, как говориться «клизму вставят» и не одну… Да и не клизму даже, а «кружку Эсмарха»! А могут и выгнать… Без проблем… И такое бывало…

Забавно смотреть, как народ выстраивается в очередь за обедом, или там ужином… 50-60 человек… Каждый с миской, ложкой и кружкой… Как голодные за бесплатным супом во времена Великой депрессии в США… Или как пенсионеры в России… Или бомжи у Казанского вокзала… Что почти одно и тоже…

Илья, я помню, на День Археолога лично плов готовил… Обалденный плов!!!! А, ещё про «синий троллейбус»! В чем было его огромное преимущество - он давал какую-никакую тень… Во время «сиесты», днём, солнце жарит, кругом степь, в палатке не поспишь – сваришься, вот народ в тени или под самим «троллейбусом» и возлежал, в теньке да ветерке… Два часа «законного сна»… Для многих - весьма существенно, хоть пару часов поспать, особенно для тех, кто всю ночь у костра под обрывом колобродил, обнимался или по-другому как «общался», по палаткам или просто спальники брали - и в степь… Под звёздным небом!!!! О!!! Это так прекрасно!!!

Ну вот, наверное я на этой «оптимистической ноте» пока и закончу… А что ещё вспомню - потом напишу… Ждите! Бредни и есть бредни… К тому же и дырявые…

К ВОПРОСУ О ПОЛЕВЫХ, ИЛИ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ, СОРТИРАХ

Прочитал я как-то книжку А. Липкова «Толчок к размышлению или все о сортирах», и понял, что о сортирах полевых, сиречь экспедиционных, написано мало, ну крайне мало! Поэтому я и решил немного возместить этот пробел.

Работая в геологии, а потом и с археологами и поездив по СССР, а затем и по Российской федерации в экспедиции, в поле (т.е. на полевые работы) я испытал (лично на себе) различные типы отхожих мест.

Но по порядку… Далёкий 1982 год, поле в Хакасию… Сначала небольшой лагерь (6 человека) на берегу ручья в Сорской долине, км в 10 (кажется) от г. Сорска. Все было просто – ходили в кусты… Стояли пару недель… Шесть человек, в среднем по 1 кг дерьма в сутки – это 6 кг, умножим на 14, получаем около 100 отборного дерьма… Ну может чуть меньше… А я периодически кашеварил…

Потом переезд на север Хакасии, в район Белого Июса, неподалеку (км в 5) от деревни с впечатляющим названием – Сарала. Все аналогично – за ручей и в кусты… Ну загадили слегка …за пару недель…

Поле в Казахстане… Северный Казахстан, берег реки Тобол, км в 2 от д. Новоильиновка (Кустанайская обл.)… Там месяц стояли.. Начальница экспедиции вырыла себе персональный нужник в зарослях тальника. А мы с водилой бегали по тем же зарослям…. Собака там к нам приблудилась, так, дворняга… Шлялся постоянно по этим кустам, а потом пытался в палатку влезть… Приходилось в него сапогами бросать… Кирзовыми… Попытки прекратил, но вонял отвратно…

Центральный Казахстан… Там работа была разъездная - неделя там, две здесь… Переезды дальние, бездорожье полное, иногда ехали по две суток от точки до точки, степь да степь кругом, с ночевкой прямо в степи… Звёзды, небо и кусты, где были, а где не были - ложбинка какая-нибудь. А потом ночью темно, не видно – что, где и как, главное в чужое не вляпаться…

Там где я работал (мы работали), в горах Кызыл-Тау, гранитные массивы, голые гранитные сопки, но по долинам много вади (сухих русел)… Все в них… Очень удобно, в теньке, мух почти нет, комаров (днем, на жарком солнце) нет, ветерок обдувает. Дамы налево, джентльмены направо… Я при необходимости и возможности старался уходить подальше метров за 500-600… Люблю уединение….

С водителем был хороший случай… Пойдя но нужде и удобно устроившись на корточках на дне сухого русла (глубиной метра 2.5 – 3), он вдруг почувствовал чей-то взгляд, и повернув голову, как раз на уровне своей головы (хорошо не задницы), увидел в полутора метрах от себя (так он говорил, хотя у страха и глаза велики, но все-таки рядышком) …здоровенного щитомордника, довольно ядовитую (но вообщем-то не агрессивную и видимо сытую змею), греющуюся на камне под ярким солнышком (кстати, вырастает эта бяка до 2 метров, а толщиной с мою руку). С диким криком, бедный московский городской шоферюга, впервые поехавший в поле, и смертельно боявшийся всех земноводных и пресмыкающихся, с места, т.е. с корточек, в прыжке выскочил наверх (2.5 метра!!!) и на ходу застегивая штаны, побежал к находящемуся метрах в 100 лагерю с криком «Змея!!!». Как ещё ноги поломал в своих тапочках с «массажем стопы». Спросите - а чем пользовались для подтирки? Странный вопрос, если тогда, в середине 80-х годов туалетной бумаги не было в Москве, то в уж Джезказганской области Казахстана… Газеты, и хорошо, ну очень хорошо промятая крафт-бумага (очень плотная бумага, применяемая для заворачивания геологических образцов)… Их неё же делали и мешки для цемента…

Далее горы Кент, Карагандинская область… Заброшенный геологический поселок… Из-за выпавшего утром снега (в начале сентября, точнее 4 сентября) решили не стоять лагерем, а поселиться в более или менее пригодном доме… В поселке только сторож-казах с семьей, домов, вполне пригодных - море, живи где хочешь… Ну а деревянные нужники сохранились, и так как ими года три, а то и больше никто не пользовался – ни вони, ни грязи, - выбирай любой на свой вкус (прошу прощения) и цвет… Чисто, не воняет, мух почти нет, ветерок в щели задувает... Идиллия….

Озеро Балхаш, берег, обрыв метров пять, но спуститься легко, арбузы, дыни размером с помидор и помидоры размером с хорошую дыню, темное бархатное пиво (чудо это продавалось в г. Балхаш в разлив из бочки в свою тару, ну и взяли мы на 7 человек молочную флягу (40 литров), сколько смогли, выпили, остальное потом скисло, естественно). Как писал Ю. Визбор - «…и ошский базар взял нас в плен…..салол с белладонной, пурген…». Вместо пургена водила с бодуна испил водички из оз. Балхаш (хорошо ещё из его якобы пресной половины)… Не пей Иванушка - козленочком станешь… Нежный московский желудок, хотя и закаленный 5-месячным полем, все-таки не выдержал… Бегал он под обрыв раз по 20-30 на дню и ночью не меньше… Думали, что уж всё, кранты – дизентерия… Но слава богу – обошлось... Просто обожрался фруктов и овощей со спиртом и темным пивом после макарон с тушенкой и сайгачьего мяса

и с непривычки дристал… Я тоже, но гораздо меньше… Но прикольно, сидишь под обрывом (лейкократовые трахилипариты, светлые, светло-серые, в заходящих лучах солнца – розовые), смотришь на озеро, волны, ветер… Хорошо… Мухи только…. Но мало, ветер сильный – отгоняет мух… И запах тоже…

Колесили мы Центральному Казахстану много… И где-то на одном из переездов забрался я на сопку, осмотреть степные дали… И тут приспичило, капитально, внизу лагерь, машина да 2 палатки, вокруг степь и ветер, а ветер такой на вершине, что сдувает. Куда бежать, ну некуда, но вроде от лагеря далеко, авось не разберутся, чем я тут занимаюсь, а и разберутся – что ж, дело-то житейское. Ну, посидел, а дальше - по карманам роюсь, шарю - ан бумаги ни клочка… Из полевого дневника не вырвешь, это грех большой. Пришлось разуваться, резать кусок портянки… Не кайф конечно, но ведь задницу на вершине подтереть было совсем нечем, только колючки какие-то, даже полынь не росла… А грязную задницу потом и помыть негде, ни реки, ни озера, ни лужи, вода питьевая в 40-литровых флягах, и той мало уже… Да и пока с сопки спустишься, пока дойдешь, всю задницу обдерешь и все замараешь. А стирать где? А негде… А там дамы…

Полыни не было, вся высохла, а ей, кстати, хорошо и задницу вытирать (когда пучки большие и не сухие ещё), и потом руки вытирать… И гигиенично и запах хороший… Я всегда пучки полыни в палатке вешал... От мух, да и от запаха… Молодой был, портянки менял редко, а ходил по геологическому снобизму в кирзачах…

А на геологической базе в поселке Боровое – там общага, туалеты, унитазы почти белые и почти чистые (!!!!!), за 5 месяцев поля отвыкаешь от благ цивилизации…

Опять Казахстан, западный, полуостров Мангышлак… Как до него добирались, - это отдельный рассказ – из Москвы на ГАЗ-66, трасса Москва – Ростов, далее везде… Через Кавказ (Крестовый перевал), Тифлис, через весь Азербайджан до Баку, там паром до Красноводска (это где утопили 26 бакинских комиссаров)… А дальше вверх (т.е. на север)… Пустыня… Кара-Богаз-Гол… Сухая-сухая степь…. Ровная как стол… Вышел в поле, начал срать – далеко тебя видать… Нас было четверо мужиков…. Работали - не более суток на одном месте… Какие уж тут стационарные сортиры… Где приспичит, там и сядешь… Главное не против ветра, ветер там такой бывает, что зазеваешься - с ног свалит… Ну и не только с ног, а главное чтобы «продукты жизнедеятельности» на сапоги или в штаны не улетели… А вода на Мангышлаке плохая, солоноватая, сульфата магния десятиводного (иначе глауберовой соли, да и других солей тоже) хватает… Ох, и слабило! У кого запоры хронические, советую туда ехать, лечить. Там

в советское-то время половина поселков на привозной из Шевченко (ныне Ак-тау) опресненной воде сидела (как сейчас не знаю, не думаю, что лучше стало), колодцы на всякий случай держали, мало ли, пожар, постирать, или воду не завезли…. А вода в колодцах – мало что грязная, ещё и соленая. Да и жили там казахи, а они люди привычные… Кумысом лечатся…. Так что есть шанс ещё запоры вылечить, раз и навсегда..

Магадан…. Район реки Армань. Километров 30 от Колымской трассы на запад через горы, сопки и тайгу… Заброшенный геологический поселок, но уже совсем ничего от него не осталось, только мусор. На берегу ручья Утесный - банька не банька, избушка - не избушка, для бродячего люда оставлена. Но жить можно… Начальник с женой в палатке, а мы три мужика на нарах в данном строении…. (И что у начальников за манера своих жен в поле брать – неужели дома не надоели, понимаю еще любовниц, да опаска была в те времена - кто-нибудь из отряда стуканёт, и все прощай карьера, могли за аморалку и из КПСС выгнать. А это всё… Докторскую диссертацию не защитишь, за границу не пустят, да и с работы могут погнать… Хотя у каждого уважающего себя (т.е. плюющего на вышестоящее начальство и все остальное) начальника отряда или партии старше 50 лет была любовница лет 35, обычно оформленная поварихой, или лаборанткой… Не считая аспиранток, студенток и прочих случайных связей …).

А на другом берегу ручья (по камушкам прыгаешь аккуратно и переберешься), метрах в 200 от избушки, о радость! забытый, перекошенный, но еще сохранившийся чудом деревянный сортир, уцелевший и от пожаров лесных, и бурь зимних и дождей осенних, и людей лихих (почему-то народ русский обожает ломать именно старые деревянные сортиры, а ведь это памятник человеческой нужде!). Судя по всему (т.е. следам), только я его посещал из всего отряда, остальные по лени, или почему ещё не знаю, ходили по нужде под сопку в заросли кедрового стланика… Но в тех краях долго не посидишь, и никакие дымокуры тут не помогут… Как у Ильфа и Петрова – «…Сделал свое дело – уходи…». Здесь не то что уйдешь - убежишь… И потом еще долго будет задница зудеть и чесаться… Можно конечно и помыть оную, в ручье Утесный - народа никого, тайга да сопки… Но вода плюс 4-5 градусов, с ледников идет…. Все желание к помывкам отбивает… Тем более пока будешь заниматься гигиеной - опять всю жопу накусают…

И рассказывал мне один бывалый геолог про уникальный сортир… Рельсы, упирающиеся в обрыв, дверь, открываешь, закрываешь, садишься. И перед тобой – обрыв метров 100 и - дали

дальние, тайга на сопках, уходить не хочется! Главное ночью, в впотьмах, лишнего шага не сделать.

Работал я и в Западной Сибири, и в Коми АССР, вот там тоже шибко не покайфуешь, не поразмышляешь о бренном и вечном… Как самосвал - присел, вывалил, быстро подтерся чем бог послал, лучше всего мхом, натянул штаны (преимущество давали штаны от противоэнцефалитного костюма, плотный такой х/б, пока новые - почти не прокусывались и без ширинки, застегивать не надо, они широкие, на резинке) и убежал… А в Коми еще были пауты – это типа наших слепней, но раза в 2-3 больше… И если он куда укусит! Хорошо если не в детородный орган или иные внешние половые признаки… Разнесет так, что мало не покажется... Сам не пробовал, не знаю, но знающие люди говорили… Про мошку таежную (махонький укус, и не заметишь), глаз заплывает напрочь дня на два, хоть спички вставляй в веки, не разожмешь, так опухало, а уж про гнуса тундрового и клещей вообще умолчу… Куда эта пакость ползучая только умудрялась не залезать (сужу лишь по словам очевидцев и пострадавших!!!).

Вообщем, когда я работал, с постоянными разъездами на машинах, сортиры мы не строили… Все так, в естестве, на природе так сказать, под елкой, кедром, в кустах и стланике, на ветерке в степи и пустыне…

А вот с археологами более интересно… Олег Куваев, написавший гимн геологии производственной и поисковой - роман «Территория», отработавший около 10 лет в Колымской тундре, про сортиры не упомянул вовсе… То ли из-за мелочности предмета, отвлекавших его от более высоких мыслей о его месте в этом мире, то ли еще почему… То ли просто из-за того, что все равно цензура не пропустит... Почитайте-ка сами… Но одна фраза в его произведениях есть - что **археологи тоже люди** (читай - бродячий люд, полевики – свои блин, кореша!!!), но они как бы ни от мира сего… В общем и в частностях с ним в этом вопросе согласен. 10 лет с ними проработал…

Так вот, слово об археологических сортирах… Археологи – люди обстоятельные, трудолюбивые и фанатики лопаты, ибо более ничем ни древние поселения, ни курганы копать нельзя. И копают они часто лет несколько (иногда и лет по 20 – 30) на одном месте. Но обычно года по 3 (на большее время обычно грант не дают), копают месяца по 2-3 и по 4, народа у них много бывает, и видел я кое-где в лучшие времена - человек 100 приезжало… Но археологическая экспедиция в 30-40 человека – это нормально… Ну и естественно они кушают… Причем 4 раза в день – это строго… Это не у геологов, где утром порубал макарон с тушенкой, или еще чего, что Бог послал или

начальник, чайку попил и выехал в маршрут или ушел, что-то с собой взяли, или не взяли, в надежде, что может рыбку поймаешь, ягод поешь, да и вообще в маршруте мало кто ест, вредно это… А некоторые даже и не пьют (я имею ввиду воду), или уж совсем мало… Но это в основном сухопарые и тощие, а такие толстые, как я, попить ох, как любят… И чтобы там не говорили знатоки (в основном туристы), что чем больше пьёшь, тем больше хочется. Фигня всё это… Пот-то течет, и «испарения испаряются», и компенсировать потерю воды и соли в организме (т.е. солевой баланс) надо. А иначе почки посадишь… Пить по чуть-чуть, по глоточку, но надо….. Кто в маршруты ходил, по жаре + 45 (в тени), (а если в тайге по влажной жаре, когда при + 30 водой истекаешь, а одежду не снимешь, накомарник не поднимешь – мошка зажрёт), а особенно по степи или пустыне ходил, знает – через – 3-4 часа (даже если пьешь) моча – аж темно-желтая, и густая как крепкий чай… А уж к концу дня, если по жаре часов 8-10 походил, и ссать-то уже и нечем… А воняет!!!! Пока чайника 3-4 пятилитровых на 3-4 человека не выпьешь – и жрать не хочется…

Небольшое отступление…. Водилы (т.е. шоферня) полевые, особенно с бывшей автобазы Академии наук, большие изобретатели и патологические лентяи… Спят они часто и много, и на стоянках делать им особенно нечего, и по своему шоферскому снобизму спят чаще всего в кузове грузовой машины, будка там сделана фанерная на каркасе, внутри барахло грузится, а впереди некий отсек, там все по уму, мягко, тепло, комаров почти нет, спальное место… Которое потом преобразуется в сидячее для 3-5 человек (начальник, он всегда в кабине ездит)... Один из таких водил, по лени своей, чтобы ночью не бегать, приспособил шланг резиновый, с вороночкой, и на улицу его вывел… Приспичило по малой нужде (только по малой, по иной вылезать надо было) – все в шланг… Удобно... Но шланг он этот свой зассаный как-то особо не убирал, валялся у людей под ногами, попахивал… Говорили ему, говорили…. Кого-то он обидел, обматерил что-ли, а там девочки малые, студенточки, ушки розовые, еще к мату шоферскому не привыкшие... Ну и молодежь в отряде была… Они ему втихаря шлаг (резиновый, естественно) и заткнули… Тот конец, что на улицу выходил… Длина шланга метра 3 всего… Ну и однажды ночью… Казённый ватный спальник стирать и сушить – это вам ребята, не сахар, да и штаны он облил, и телогрейку... И подушку, которую из дома привез… Пижон… Мало того, что всю ночь спал ссаный на улице, да еще потом стирал три дня, да и машину мыл с порошком и проветривал… Получил от начальника отряда дрездюлей по самое не балуй... С тех пор шланг промывал и прятал.

Ну это я отвлёкся… Археологи - они на месте большей частью сидят… Едят, т.е. кушают, весьма питательно, разнообразно и много, иначе лопатой шибко не помашешь… Хотя часто на жаре работают… На самом пекле…Что такое 45 в тени объяснить трудно…Это почти 60 на солнце…. Правда у тех из них кто работает там, где уж очень жарко - всегда сиеста с 12 до 4-5 дня… Но все равно жарко…

Разные сортиры у археологов… Эффект один – М и Ж… Самые крутые сортиры довелось мне наблюдать в месте многолетних раскопок поселения в Оренбургской области, недалеко от поселка Аландское, близ с. Красный Огородник… Как я туда добирался – это отдельная история… Богом и Людьми забытые места… Да властью, кажется тоже… Есть там такая станция Айдырля, почти на границе с братским Казахстаном… Посмотрел я на неё и вокруг, и понял - ну полная Айдырля….

Но вернемся к нашим сортирам… Еще в Челябинске, местный археолог (точнее этнограф) объяснил мне на пальцах и нарисовал план, как мне от поселка Аландское добраться до становища археологов… Тогда там правил бал великий Г.Б. Зданович… Сейчас не знаю… Объяснили мне – иди по-над рекой Бол. Суундук (во названия!!!! Как р. Вобля в Рязанской области)… Один брод, потом второй, а там с бережка на той стороне реки увидишь сам-де увидишь… Увидел… Думал домики стоят, с белой крышей (далеко еще было - км 3 - 4). Оказалось – сортиры! Каждый на два очка, выкрашенный белой краской… И даже с туалетной бумагой (2000 год, полное изобилие!!!). Яма сортирная – глубиной метра 3… Фундаментально, сделано, на века… А там грунт – глина, плотная как камень, солонцы, которые ломом не всегда возьмешь… Во какая любовь к лопате и гигиене!!!!! Профессионалы лопаты… Вообщем первое что увидел я – это сортиры, по ним и ориентировался… Все как положено - вдалеке от лагеря, метрах в 50, ниже по течению от мест купания и забора воды для мыться посуды….

Второй тип сортиров… Аркаим, Кондуровская долина (км в 7 , если напрямик, от базы Заповедника Аркаим)… Раскопки от лагеря примерно в километре…

Сортиры – классика М и Ж… Но, что они из себя представляли… Ну понятно яма, глубиной этак пару метров, а, скорее всего метра 2.5… Слава аллаху, не мерил… Не пришлось… На яме возложены доски, чтобы ногами встать, причем доски прогибаются и потрескивают (особенной с моими габаритами-то, 120 кг – не шутка)… Вокруг вбиты колы деревянные (со стороны лагеря, от которого метров 30 и еще с двух сторон), т.е. в виде буквы «П». А на этих столбиках, высотой метра полтора, натянуты бренные остатки старой палатки, с дырочками, рваной и т.д… И это всё… Такого же дизайна

был и Ж… Правда с тем отличием, что был некий полог, слегка закрывавший «вход»… Т.е. избушка-избушка повернись к лесу передом, а ко мне задом… И немножко наклонись… Вид на раскоп, в степь был полностью открыт… Но постановка сортира была такова, что сидящий в оном сооружении первым замечал народ, идущий с раскопа, и успевал закончить, хотя и не всегда полностью, свои дела… Жалко по скромности фото не сдал (я имею в виду сортиров, а не дел!!!!!). И вообще ну нет же фотографий полевых сортиров… Нет… Упущение…

Нечто аналогичное было и в Курганской области, там лагерь археологов стоял в березовом колочке… И также некие хлипкие, с хлопающими обрывками брезентовой палатки, открытые всем ветрам и непогодам, сооружения в виде брезентовых стен на березовых стволах без крыши, в клочья рваной брезентовой «двери» и видом на заросли кустарника….

Там моя палатка стояла как бы последней, и в некоторой близости (правда весьма отдаленной, метров 15, кажется) от Ж-сортира... Надо сказать, что М и Ж отделяли заросли кустарника, а к мужскому вела тропинка более длинная, чем к женскому, и не через лагерь, а по окраине… По малой нужде мужики далеко обычно не ходили… Ни запахов и звуков от Ж до моей палатки вроде не доходило, но снующие регулярно по тропке мимо палатки девочки-археологини (часто с полуторолитровыми бутылками с водой для гигиены)… Так как у дамочек привычка ходить стайкой, обычно по двое-трое, а то и больше, то все это щебетание и хихиканье… А ночью кое-кто до сортира по малой нужде и не доходил, а справлял ее около тропинки, метрах в 2 от моей палатки… Я конечно не видел, но ведь слышно….

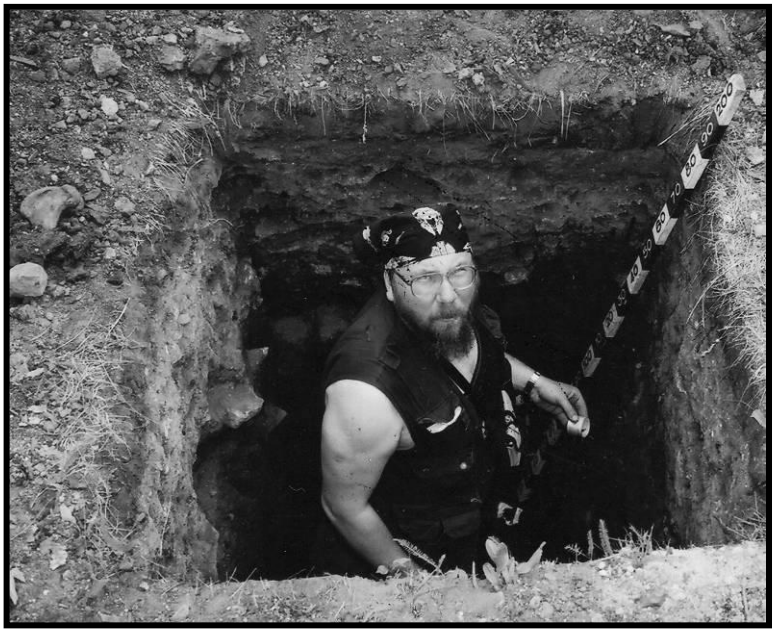
Лазал я по молодости по старым каменоломням (да и сейчас таких дуриков – полно, смотрите в интернете сайт «Caves», раздел спелестология…). В общих словах - гадили мы там же, уходя в старые штреки и как они там называются… Помню, чуть одна девица не потерялась... Пошла одна по нужде, от стеснения решила подальше отойти, как водится, присела, и тут фонарик у нее потух… Включила она его, а откуда пришла и не помнит. Всё… Два часа её искали, хорошо нашли… Итак о сортирах в пещерах… Поскольку влажно там (влажность почти 100 %), и микрофлора весьма специфическая, то всё дерьмо обрастает пышными кусами плесени… Так что иногда идешь, или чаще типа ползешь по штреку, и вдруг кучка плесени… Кто знает что это? Кусок старой крепи, старый бумажный маркер (указатель), брошенная год назад батарейка или кто насрал пару недель (или дней?) назад… Были такие шутники – умудрялись в самом узком месте насрать… И как только изголялись… И бумажки

уносили, чтобы сразу не заметили.. Обползти бы… Более детально о дерьме в пещерах отсылаю к профессионалам - книге спелеолога А. Мальцева «Пещера мечты – пещера судьбы».

Что ещё можно о полевых сортирах можно добавить… Вот читал у кого-то из полярников, что новоприбывшая в Антарктиду на годичную зимовку новая партия ученых, начинала свою тяжелую научную деятельность с вычистки старого туалета типа сортир… Полярная, типа, традиция… Убирай говно за предыдущими, а за тобой уберут послеприбывшие… Не знаю как иных иноземных полярных станциях, тем более японских, где дерьмо якобы сжигали мощной струёй газа или прессовали в кубики и увозили с собой, а на советских все было просто… Как в 19 веке, и даже ранее… Убирать антарктический советский сортир было просто – изо льда бочку с замерзшим дерьмом выколотил кайлом и скатил к шельфу или в сугроб, куда подалее. Или ветром ее в океан укатит, либо занесет снегом, солнце летнее полярное, антарктическое, холодное его не растопит, ветер уплотнит... Так и останется это дерьмо в назидание потомкам… А там глядишь, глобальное потепление, льды Антарктиды растают и всплывет эта бочка, полная настоящего мужского (женщин там не было), полярного советского дерьма… Если конечно не съест его ранее криль, а криля - рыба... А рыбу мы… Круговорот дерьма в природе...

Хорошо, что в Антарктиде холодно и все промерзает насквозь… И назывался сортир, вырубленный в голубоватом льду, «Незабудка»… Весьма символично…

Продолжение следует…



Оглавление

Часть 1
Рассказы научного бродяги

- ***Предисловие***
- ***Вспоминая об Уральских горах***
- ***Колея***
- ***Дождь***
- ***Река***
- ***Зима***
- ***Ветер***
- ***Горы***
- ***Степь***
- ***Тиман***
- ***Мангышлак***
- ***Буровая***
- ***На плоту***
- ***Аэропорт***
- ***Месторождение***
- ***Последняя точка. Рассказ геолога***

Часть 2
Археологические бредни

- ✓ **«Песчаный овраг». Заметки о последней экспедиции**
- ✓ **Барсова гора («Горный маршрут»)**
- ✓ **Красный Огородник (Путь на Аркаим)**
- ✓ **Опа**
- ✓ **Курган «с усами»**
- ✓ **Гнездово, Пушкина и почвоведы**
- ✓ **Павлиново городище и Сопининские могильники**
- ✓ ***Краткий толковый словарь «археологических терминов» Павлинова городища***
- ✓ **Люди и тени**
- ✓ **К вопросу о полевых (экспедиционных) сортирах**